

ISSN 2410-0722

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Средневековые тюрко-татарские государства

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ

ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–64143
от 25 декабря 2015 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 1 раз в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 19 15
E-mail: istkazan@mail.ru

ACADEMIC JOURNAL

Medieval Turkic-Tatar States

FOUNDER and PUBLISHER

State Budgetary Institution «Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences»
(420111, Kazan, Baturin str., 7A)

Certificate of registration in the mass media ПИ № ФС77–64143
given by Roskomnadzor on 25 December 2015

Published once a year

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

420111, Kazan, Baturin str., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 19 15
E-mail: istkazan@mail.ru

2019. № 11

Казань

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Загидуллин Ильдус Котдусович – д-р ист. наук, заведующий отделом новой истории
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, г.Казань, Российская Федерация

Научный редактор

Мустакимов Ильяс Альфредович – канд. ист. наук, доцент Института международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета, г.Казань, Российская Федерация

Ответственный секретарь, редактор английских текстов

Рахимзянов Булат Раимович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник
отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ,
г.Казань, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Вашари Иштван* – Dr. Sci. (история), профессор Emeritus Turkic and Central Asian Studies, г.Будапешт, Венгрия
- Бочаров Сергей Геннадиевич* – канд. ист. наук, ученый секретарь Института археологии им. А.Х.Халикова Академии наук Республики Татарстан, г.Казань, Российская Федерация
- Грибовский Владислав Владимирович* – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения им. М.С.Грушевского Национальной академии наук Украины, г.Киев, Украина
- Зайцев Илья Владимирович* – д-р ист. наук, заместитель директора Государственного музея искусства народов Востока, г.Москва, Российская Федерация
- Загидуллин Ильдус Котдусович* – д-р ист. наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, г.Казань, Российская Федерация
- Кемалоглу Ильяс* – д-р ист. наук, доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана, г.Стамбул, Турция
- Маслюженко Денис Николаевич* – канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета Курганского государственного университета, г.Курган, Российская Федерация
- Мустакимов Ильяс Альфредович* – кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г.Казань, Российская Федерация
- Мустафина Дина Абдулбаровна* – канд. ист. наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г.Казань, Российская Федерация
- Рахимзянов Булат Раимович* – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, г.Казань, Российская Федерация
- Ситдииков Айрат Габитович* – д-р ист. наук, директор Института археологии им. А.Х.Халикова Академии наук Республики Татарстан, член-корреспондент АН РТ, г.Казань, Российская Федерация
- Трепавлов Вадим Винцерович* – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, г.Москва, Российская Федерация
- Хакимов Рафаиль Сибгатович* – д-р ист. наук, директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, г.Казань, Российская Федерация
- Шамильоглу Юлай* – Ph.D. (история), профессор, Назарбаев Университет, г.Астана, Казахстан; департамент немецкого, скандинавских и славянских языков, Висконсинский университет в Мадисоне, г.Мадисон, США

EDITORS

Chief Editor

Zagidullin Ildus Kotdusovich – Dr. Sci. (History), Head of the Department of New History of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Scientific Editor

Mustakimov Ilyas Alfredovich – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Executive Secretary, editor of English texts

Rakhimzyanov Bulat Raimovich – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of New History of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

EDITORIAL BOARD:

- Vásáry István* – Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of Turkic and Central Asian Studies, Budapest, Hungary
- Bocharov Sergey Gennadievich* – Cand. Sci. (History), Scientific Secretary of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation
- Hrybovskiyi Vladyslav Volodymyrovych* – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the M. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine
- Zaytsev Ilya Vladimirovich* – Dr. Sci. (History), Deputy Director of the State Museum of Oriental art, Moscow, Russian Federation
- Zagidullin Ildus Kotdusovich* – Dr. Sci. (History), Head of the Department of New History of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation
- Kemaloglu Ilyas* – Doctor, Associate Professor of the Department of History of the Mimar Sinan University of Fine Arts, Istanbul, Turkey
- Maslyuzhenko Denis Nikolaevich* – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of History of the Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation
- Mustakimov Ilyas Alfredovich* – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- Mustafina Dina Abdulbarovna* – Cand. Sci. (History), Associate Professor of regional studies and Eurasian studies of the Higher school of historical Sciences and world cultural heritage, Institute of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- Rakhimzyanov Bulat Raimovich* – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of New History of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation
- Sitdikov Airat Gabitovich* – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation
- Trepavlov Vadim Vintserovich* – Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Head of the Center of the History of Peoples of Russia and Interethnic Relations of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Khakimov Rafail Sibgatovich* – Dr. Sci. (History), Director of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Vice-President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation
- Schamiloglu Uli* – Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan; Department of German, Nordic, and Slavic, University of Wisconsin-Madison, Madison, USA

Средневековые тюрко-татарские государства. 2019. №. 11. 192 с.

Medieval Turkic-Tatar States. 2019. №. 11. 192 p.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
The Research Annual is included to the Russian Science Citation Index Database.
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52838

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2019
© «Средневековые тюрко-татарские государства», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Арсланова А.А. Интеграция и взаимодействие монголов с «тюркским миром» по данным некоторых персоязычных историков дотимуридского периода	5
Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в период второго правления хана Гази-Гирея II 1597–1607 гг.	16
Грибовский В.В. Буза, водка и кофе в мужском пространстве крымскотатарского города (конец XVIII–XIX вв.)	43
Моисеев М.В. Азов (Азак) в 1570 г. в донесении русского посланника Ивана Новосильцева.....	60
Парунин А.В. Территории Тюменского ханства в описании западноевропейских авторов XVI в.	67
Черновская В.В. Татарские поселения в Подмосковье в XV веке	74
Черновская В.В. Татарское поселение на Романове (последняя треть XVI–XVII вв.).....	80

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

Мустакимов И.А. Документы о разграничении податных территорий и податного населения между Высокой Портой и Крымским ханством в середине XVI в.	88
Беляков А.В. Документы о приезде в Россию плененных в августе 1598 г. детей и женах сибирского хана Кучума	93
Файзрахманов И.З. Мурзинские роды Казанской губернии: свидетельства их именитого происхождения согласно сведениям Казанской губернской и провинциальных канцелярий за 1780 год	119

ПАМЯТЬ

Арсланова А.А. Памяти Миркасима Абдулахатовича Усманова (31 мая 1934 – 11 октября 2010)	163
Халиков Н.А. Альфред Хасанович Халиков: основоположник современной археологии Татарстана.....	170

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

Тихонов С.С. Монография о Тюменском и Сибирском ханствах	174
Чернышов С.А. Краткий курс сибирской государственности: рецензия на книгу «Тюменское и Сибирское ханства»	179
Маслюженко Д.Н. Как создавалась книга «Тюменское и Сибирское ханства»: заметки редактора.....	187
Рахимзянов Б.Р. Первая книга о казанской царице Сююн-бике	191

СТАТЬИ

УДК 930.2

ИНТЕГРАЦИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОНГОЛОВ С «ТЮРКСКИМ МИРОМ» ПО ДАННЫМ НЕКОТОРЫХ ПЕРСОЯЗЫЧНЫХ ИСТОРИКОВ ДОТИМУРИДСКОГО ПЕРИОДА

© 2019 г. А.А. Арсланова

В статье на основе данных средневековых персидских историков рассматриваются особенности процессов ассимиляции и масштабной интеграции монголов в кочевой, полукочевой и оседлый тюркский мир, происходивших в результате грандиозных монгольских завоеваний XIII в., что в дальнейшем создало новую уникальную и своеобразную тюрко-монгольскую социально-политическую систему, которая не могла не отразиться на социально-политической, культурно-религиозной, языковой и т.д. сферах. В результате монголы были поглощены в цивилизационную орбиту и со временем ассимилированы субстратным кочевым населением евразийских степей и Среднего Востока.

Ключевые слова: Монголы, тюрки, интеграция монголов в «тюркский мир», средневековая персидская историография.

XIII в. имел особое значение для мировой истории. Монгольские войска Чингиз-хана за довольно короткое время покорили огромные многоэтнические территории Центральной Азии и Восточной Европы, во многих случаях кардинально переkreив политическую карту и создав новые этнические объединения и государственные структуры, внося радикальные изменения в социально-экономическую и культурную жизнь многих народов, попавших в орбиту до этого не имевшей себе равных огромной «мировой державы» – Монгольской империи, которая объединила под своим владычеством бескрайние пространства от реки Амур на востоке до реки Дунай на западе. Великая Монгольская империя (Еке Монгол улус) (1206–1368) включила в себя огромные территории и была разделена на улусы между четырьмя сыновьями Чингиз-хана – Джучи, Чагатаем, Угедеем и Тулуем. Монгольская империя вызвала небывалые преобразования как в составе, так и функционировании элит по всей Евразии. Монголы, оказавшись в новой для себя среде и фактически возглавив ее, неизбежно вовлекали в свою орбиту кочевые и оседлые этносы, создав, таким образом, уникальную новую полиэтничную имперскую элиту с новыми характеристиками. Как верно отметила М. Биран: «Из-за монгольского предпочтения править через чужеземцев, многие из этих новых членов элиты были изгнаны из своего дома, чтобы служить по всему континенту... Высокий уровень мобильности – как пространственной, так и социальной – то, что сопровождало монгольские завоевания, консолидация их империи, а затем ее крах, стали первым шагом на пути к прочным кросс-культурным обменам в таких различных областях, как наука, искусство, торговля, военная техника, и религия, если упомянуть только некоторые из них. Это, в свою очередь, вызвало массовые этнические, религиозные и геополитические преобразования, а также привело к значительным изменениям в составе и идентичности евразийских элит в Китае, в степи и мусульманском мире» (Biran, 2017, p. 1–2. *Здесь и далее перевод автора. – А.А.*).

Отмеченные процессы нашли свое отражение во многих аутентичных источниках на разных языках народов, вошедших в контакт с монгольским вторжением. Одними из наиболее информативных в этом отношении являются персидские. Поэтому в данном случае мы будем в основном опираться на их сведения, а именно – на сочинения Джузджани, Джувеини и Рашид ад-Дина.

Кочевой, полукочевой и оседлый тюркский мир стал частью Великой Монгольской империи. В водовороте политических и военных акций монголов было задействовано огромное число тюрк-

ских племен, среди которых преобладали кыпчакские¹, составлявшие основное население Дашт-и Кыпчака. Этот процесс завоевания порой наталкивался на отчаянное сопротивление кыпчаков, о чем мы находим информацию у средневековых персидских историков. Так, например, Ала ад-Дин Джувейни подробно описал подавление вспыхнувшего после завоевания мятежа кыпчакского предводителя Бачмана, который вместе со своим отрядом вел продолжительную партизанскую войну с монгольскими силами в Поволжье. Интересный фактический материал о Бачмане и кыпчаках, в частности, имеется также в знаменитом труде «Джами ат-таварих» Фазл Аллаха Рашид ад-Дина, который повествует о походе Джэбе-нойона и Субэдэй-багатура через Иран и Кавказ в южно-русские степи, описывает встречу монголов и кыпчаков в союзе с аланами, прямо указывает на военную хитрость монголов, обманувших кыпчаков лживым заверением о ненападении, указывает на битву русских и половцев против монголов на р. Калка и т.д. (Кузембаев, 2008, с. 56).

По словам Питера Голдена, «монгольская империя... переместила различные тюркские группы, раздробила некоторые конфедерации и выдвинула других на выдающееся положение. Хотя можно возразить, что основные тюркские группировки огузов, кыпчаков и тюрков к 1200 г. уже были вполне упроченными в землях, на которых их можно в настоящее время обнаружить, тем не менее, именно чингизидская эпоха и ее бурные события в большой степени ответственны за их современное появление» (Golden, 1992, p. 283).

Кроме того, многие монгольские войска, приведенные в эти регионы, фактически были тюрками Внутренней Азии, которым было легко ассимилироваться с местным тюркским населением. Монголы систематически мобилизовывали завоеванное население в военную и экономическую машину (Allsen, 1987, pp. 189–216)². Это усилило межэтническое смешение. В рассказе Ала ад-

¹ Кыпчакские племена занимали огромную территорию – от Иртыша и Алтая до Причерноморских степей. Они находились в тесных связях с другими народами тюркского мира, арабского Востока и Восточной Европы. Как отметил Б.Е. Кумеков, «Под эгидой кыпчакских ханов возникло этнополитическое образование евразийского масштаба, в рамках которого были продолжены государственно-административные, военные и социально-культурные древнетюркские традиции. Вследствие активных интеграционных процессов на всем пространстве Дешт-и Кыпчака установилось историко-этнографическое единство под властью кыпчаков. С кыпчакским фактором связывалось представление о кыпчаках как о самом многочисленном из всех тюркских народов Центральной Азии и Восточной Европы и самой обширной области расселения» (Кумеков, 2013, с. 17). Процесс формирования кыпчакской народности был прерван монгольским нашествием, в результате которого кыпчакские племена вошли в состав Монгольской империи и были разделены между Джучидами, Чагатаидами и Угедеидами. Вместе с тем, оказалось, что эти радикальные перемены не обрушили все области общественной жизни кыпчаков, а наоборот победители-монголы со временем были поглощены и ассимилированы кыпчаками. Как указывает Б.Е. Кумеков: «...Кыпчакские культурные и духовные традиции в языке, религии, письменности, нравах и обычаях возобладали над монгольскими» (Кумеков, 2013, с. 18).

² По мнению Джона Массона Смита, «империя быстро расширилась и к 1240-м гг. включала в себя всю внутриазиатскую степь и всех кочевых и конных лучников. «Монголы», благодаря гибкости, пониманию и лингвистической практике незаинтересованности в трайбализме, были не только монголами, но тюрками и тунгусами, и тибетцами. До некоторой степени они были даже грузинами, русскими и китайцами – упомянем только некоторые не кочевые народы, которые участвовали в монгольских завоеваниях, хотя различие между кочевниками и не кочевыми народами много значило для монголов. Монгольские силы, поэтому, были более обширными и гетерогенными, чем по первым впечатлениям...» (Smith, 1975, p. 272). Недавно молодой исследователь Ван дер Керкхоф обратил внимание на тот поразительный факт, что мир до того не видел империи, завоеванной таким небольшим и внешне тривиальным народом, как монголы. Критикуя позиции Д. Моргана в статье 1982 г. по вопросу о том действительно ли Монгольская империя управлялась и контролировалась монголами, он пришел к выводу, что источники указывают на то, что это было не так. Он попытался доказать, что Монгольская империя в действительности является монгольской лишь в очень ограниченной степени. «Из-за отсутствия культурного господства монголам было бы трудно контролировать тех, кем они правили, что противоречило бы утверждению Моргана о монгольском господстве в завоеванных регионах... в Монгольской империи монголы не были доминирующей или «правлящей силой», вопреки тому, что утверждал Морган (1982). Три аргумента указывают на это: монгольской идентичности или культуры не существует из-за присущих степному народу различий, что делает невозможным для монголов проецировать какую-либо власть на завоеванные ими регионы, и это приводит к культурной пустоте; нельзя сказать, что армия, источник власти, по Моргану, действительно находится в руках монголов: много войск, много тактик; много видов технологического оружия, которые они использовали, изначально были иностранными. Даже командиры монгольской армии были иностранцами; наконец, система управления Монгольской империей не имела монгольского происхождения и не управлялась монголами. Даже самый высокопоставленный монгол

Дина Джувайни о Монгольской империи указывает, что «так как все страны и народы находятся под их господством, то они повсюду ввели перепись по установленному образцу и все население поделили на десятки, сотни и тысячи и установили порядок набора войска, ямскую повинность и расходы на проезжающих, и поставку фуража, не считая денежных сборов; а сверх всех этих тягот наложили еще копчур» (Чингисхан, 2004, с. 25). Таким образом, очевидно, что значительная часть монгольской армии не имела собственно монгольского происхождения, и монголам, естественно, приходилось в значительной степени полагаться на иностранные силы и достижения их технологий. А они, надо сказать, умели эффективно использовать в свою пользу блага экономики и культуры завоеванных ими народов. Это делало влияние воинов немонгольского происхождения на монгольскую армию весьма существенным.

Нарастающая ассимиляция Чингизидов и монголов с тюркскими силами создали новую уникальную и своеобразную социально-политическую систему, которая в дальнейшем не могла не отразиться на социально-политической, культурно-религиозной, языковой и т.д. сферах огромной империи.

После Западной кампании 1236–1243 гг. значительная часть монгольских войск вернулась обратно в Центральную Азию, и количество кочевых монголов, которые переселились на завоеванные земли, не было столь уж большим. В основном они были вовлечены в цивилизационную орбиту и со временем ассимилированы кочевым населением евразийских степей и Среднего Востока. Чингизидская эра упрочила тюркизацию этих территорий, добавив несколько новых элементов (монголы, тангуты и тюрки Внутренней Азии) в Центральной Азии, Западной Евразии и на Среднем Востоке.

В процессе создания Монгольской империи происходил неизбежный процесс разрушения прежних этнических взаимосвязей и перемещения групп тюркских племен и других этносов, перекройки и перестройки их внутренней структуры, создания новой тюрко-монгольской политической системы (Golden, 1992, p. 283). Известно также, что по мере завоевания Евразии собственно монгольские армии не включали представителей исключительно монгольского этноса, но значительно пополнялись покоренным тюркским контингентом, поскольку еще до их прихода Дашт-и Кыпчак³ был заселен преимущественно тюркоязычными племенами, говорившими на кыпчакском, огузском и других языках, а также некоторыми оседлыми элементами. Таким образом, в результате своеобразного «процесса глобализации», объединившего в огромном государственном объединении народы с разными культурами, языками и религиями (Трепавлов, 2011, с. 34), образовался уникальный симбиоз, где в количественном плане преобладали тюрки при руководящем положении монгольской элиты. По сведениям Рашид ад-Дина, войско Джучи-хана составляло 4 тысячи человек, «а что прибавилось [к ним] за последнее время, то – из войск русских, черкесских, кыпчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 275). Вместе с тем, присутствие монголов в новой тюркоязычной среде не привело к каким-либо глобальным изменениям в этническом составе местного населения. Таким образом, как отметил М.А. Усманов, «в первой половине XIV в... победители оказались побежденными. Такова была своеобразная метаморфоза» (Усманов, 2002, с. 103).

Монголы постепенно в основной своей массе утрачивали родной язык, принимали мусульманскую религию, а их знать сливалась со знатью тюркских племен (Кляшторный, Султанов, 2000, с. 9). Однако монгольский язык сохранился в имперских канцеляриях (Усманов, 2002, с. 107)⁴, на-

испытывал трудности в передаче своей власти тем, кого он завоевывал. Все это указывает на то, что монголы не были господствующей силой в своей империи и что предположение Моргана можно опровергнуть» (Kerckhof, 2014, p. 15).

³ Дашт-и Кыпчак – одно из этногеографических наименований территории, занимаемой Улусом Джучи. Дашт-и Кыпчак стал центром возникшего здесь монгольского (по династии) государства, включавшего в себя степи Восточной Европы до Дуная, большую часть Западной Сибири и Казахстана. Во многих персидских источниках («Насировых разрядах» Джузджани, «Истории завоевателя мира» Джувайни, «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, «Истории Вассафа», «Книге побед» Шараф ад-Дина Йезди) неоднократно фигурирует топоним Дашт-и-Кыпчак (Кузембаев, 2008, с. 55).

⁴ Исследователями отмечено, например, что на страницах «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина встречаются монгольские имена, названия, отдельные выражения. «Местами Рашид ад-дин предпринимает попытки этимологических исследований» (Михайлов, 1964, с. 117). По сведениям Вассафа, например, Узбек-хан знал монгольский язык и говорил на нем. «Некоторые золотоордынские ханы, – писал С. Закиров, – с чувством

пример, в Улусе Джучи, хотя и здесь монголы были тюркизированы. Но этот процесс в известной мере имел место и раньше. Хорошо известно, что еще до монгольских завоеваний большое влияние на работу государственно-административного аппарата монголов оказали оседлые уйгуры, древний тюркский народ, с развитыми торговлей и земледелием, обладавший высокой городской культурой, о чем свидетельствуют археологические открытия в Турфане и других местах⁵. Безусловно, уйгуры стояли на гораздо более высокой ступени культурного развития, чем монголы. Как заметил М.Тезджан, «основанные после XIII столетия государства, будь то Монгольская империя Чингисхана и его потомков, государства Кара-коюнлу, Ак-коюнлу, государство Тимура и, частично, Сафавидское государство или Османская Империя, неизбежно попали под влияние уйгурской культуры»⁶. И именно монголы сыграли немаловажную посредническую роль в том, что эта культура появилась и получила распространение в тюркских государствах. Даже во времена первого столкновения с тюрками и в период приобретения опыта государственного уклада, монголам, в большинстве случаев, приходилось иметь дело с уйгурами, у которых они и научились этицизму. Более того, они всегда использовали уйгуров для решения юридических и финансовых вопросов во времена перехода к государственной власти. Вообще, смело можно заявить, что именно уйгуры были теми, кто заложил правовой фундамент государства Чингисхана» (Тезджан, 2010, с. 70–71)⁷.

В предисловии к «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дин начинает рассказ о разветвлении и разделении тюркских племен именно с уйгуров и дает исторический обзор их древнейшей истории в разделе под заглавием «уйгур». В.В. Радлов считал, что «мы вправе предположить, что уйгуры не только принадлежали к числу древнейших тюркских племен, но и что это был весьма распространенный тюркский народ, занявший с давнего времени выдающееся место среди тюркских племен» (Радлов, 1833, с. 20).

Ала ад-Дин Джувейни писал следующее: «Так как у татар не было письменности, то Чингисхан повелел, чтобы дети татарские выучились грамоте у уйгуров и те его законы и повеления (Яса ве эхкам) запечатлели бы на свитках. И это – все записанное уйгурскими письменами – называют «Великою книгою Яса» (Яса-намэ-йе бозорг). Она находится в особо почитаемой сокровищнице царских детей, и всякий раз, как сажают на престол того или другого хана, или собирают большое войско, или устраивают съезд царевичей и начинают совещаться об интересах государства и о порядке в нем, – тогда требуют эти свитки и решают по ним дела, предпринимая в соответствии с изложенным в них приведение в боевой порядок войска, опустошения и разрушения [неприятельских] стран и городов» (Чингисхан, 2004, с. 33). В государстве Чингисхана уйгурская письменность была прочно введена в обиход еще до начала монгольских западных походов, и последующие их коммуникации с мусульманскими народами производились посредством писем, написанных уйгурским письмом⁸. В течение завоевательных походов уйгурская письменность пришла в страны, где до того была неизвестна – к кыпчакам, в Иран и Мавераннахр. «Сохранилось довольно значительное число документов (грамоты, письма и пр.) уйгурского письма на монгольском и тюркском языках, составленных в Золотой Орде, Чагатайском улусе и в государстве Хулагуидов (Григорьев,

собственного достоинства писали к египетским султанам на своем родном монгольском языке» (Закиров, 1966, с. 102).

⁵ Когда на историческую сцену вышли монголы, уйгуры жили к северу и к югу от восточных отрогов Тянь-Шаня. Их главным городом был Бешбалык. Цари уйгуров носили титул идикут. На основе согдийского алфавита уйгуры создали свой собственный алфавит (Семенов, 1978, с. 29).

⁶ Уйгуры внесли огромный вклад в развитие культуры таких тюркских племен, как кидане, найманы. В 1205 г. Чингисхан покорил найманов и от них узнал о «тамга» (печати) и сделал уйгура Тататонга, который был учителем правителя найманов Даян-хана, своим «тамгачи» (хранителем печати). Он также приказал обучить монгольских принцев уйгурской письменности.

⁷ После вторжения монголов в Иран в 1231 г. и образования государства ильханов уйгуры также были здесь весьма многочисленны и влиятельны в окружении монгольских правителей, канцелярия которых в первое время находилась почти полностью в руках уйгуров. Здесь они, в частности, стали практиками циклического животного календаря, официально использовавшегося монголами, и зависимой от него астрологии. Таким образом, соответствующая терминология, связанная с этим календарем, проникла в персидское использование в формах, очень близких к классическому уйгурскому языку XIII в. (Vazin, 1963, p. 28–29).

⁸ О том, что в Золотой Орде в начале XIV в. были знатоки монголо-уйгурской грамоты, свидетельствует монголо-уйгурская рукопись на бересте, обнаруженная в 1930 г. в рядовом погребении, около с. Терновки (Поппе, 1941, с. 81–134).

1978, с. 8–12). Известна также версия «Мухаббат-наме», тюркоязычной поэмы золотоордынского поэта середины XIV в. Хорезми, записанная уйгурским письмом и ныне хранящаяся в Британском музее (Султанов, 2016, с. 244). Более того, знание уйгурской письменности у монголов со временем стало очень важным и престижным делом. Знающие его поощрялись и выдвигались на более высокие государственные должности. В «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина упоминается целый ряд писцов и знаменитых знатоков уйгуро-монгольской грамоты (Кара, 1972, с. 21).

«...Хроники монголов, – отмечает М. Тезджан, – при Чингис-хане велись, как правило, уйгурскими писарями. Эти писари, получившие название «Бахши», писали грамоты и указы, именуемые тюркскими терминами «битик» и «ярлык», на тюркском языке уйгурскими буквами. В более поздних источниках этих писарей стали называть «битикчи» или «великий битикчи». Для того, чтобы показать, насколько важной была роль тюрков и, непосредственно, уйгуров в империи Чингис-хана, достаточно было бы обратить внимание на количество задействованных советников известной национальной принадлежности. Исходя из собранного Бахаеддином Огелем списка этих советников, следует, что из 131 советника 19 были иностранцами, или же мусульманами, а 112 были тюрками, из которых 62 были уйгурами по происхождению, представляющими многочисленное, на то время, общество» (Тезджан, 2010, с. 72). Таким образом, при правлении монголов произошли два крупных внутренних и внешних социальных изменения – их тюркизация и исламизация.

Другой гранью ассимиляции Чингизидов с местным окружением была религия⁹. По мнению Р.Амитаи, этот процесс получил некоторое рассмотрение в современных исследованиях, хотя все еще не хватает всестороннего его изучения. «Короче говоря, мы можем отметить, что около 1300 г., судя по всему, большинство монголов на Ближнем Востоке официально приняли ислам и практиковали его в той или иной форме. Здесь не место обсуждать истоки этого важного и интересного процесса, природу Ислама, принятого монголами, их понимание новой религии и продолжающейся практики старых форм ритуала и веры вместе с новой верой. Отмечу, однако, что примерно в это же время подобные процессы происходили как в Трансоксании, у Чагатайских монголов (Biran, 2002), так и в Золотой Орде в степях к северу от Черного и Каспийского морей» (Amitai-Preiss, 2004, p. 3–4).

Именно в Улусе Джучи впервые в истории Восточной Европы и Средней Азии ислам стал государственной «религией евразийской тюркской империи» (Измайлов, Усманов, 2009, с. 599), несомненно, это стало важнейшим политическим и идеологическим фактором. В то время в сознании людей политика и религия находились в тесной связи. Внедрение ислама и становление его в качестве государственной религии в Улусе Джучи имело свой непростой путь и историю. Вместе с тем, оно, безусловно, значительно ускорило процесс отхода монголов-шаманистов от своих основных традиций и интеграцию в местные.

В отличие от последовавших за ним собратьев по перу в жанре историографии персидский историк Джузджани был весьма честно мыслящим и правдивым историком, в силу своей географической удаленности от места событий официально не ангажированным. Можно сказать, что он старался писать, с его точки зрения, объективно. Монгольское нашествие в труде Джузджани представлено как колоссальная атака на ислам в целом, как божье наказание, а те, кто противостоял монголам, рассматриваются как газии – борцы за веру, если же они убиты – как мученики. С другой стороны, он не считает зазорным для себя сказать о монголах хорошее в том случае, если они благоволили к мусульманам¹⁰. Примечательны в этом отношении его чрезвычайно комплементарные характери-

⁹ «На самом деле, – отмечает Дж. Лэйн, – Чингиз-Хан и Чингизиды всегда проявляли удивительную степень терпимости по отношению к религиозным убеждениям своих подданных, союзников и врагов, хотя некоторые интерпретировали их отношение не столько большой терпимостью, сколько более полным безразличием. Чингизиды с раннего периода проявили большой интерес к религиозным верованиям народов, с которыми они столкнулись в ходе своих завоеваний и инсценированные религиозные дебаты стали регулярной чертой придворной жизни» (Lane, 2013, p. 170).

¹⁰ Д.О. Морган писал, что «великий хан Угедей, сын и последователь Чингиз-хана, получает особенно предпочтительное обращение именно потому, что он благоволил мусульманам. Но даже и сам Чингиз-хан описан не только как убийца..., кровожадный и проклятый; но также и как обладатель огромной энергии, пронизательный, гениальный и понимающий... именно решительный. Джузджани рассказывает, что ложь и воровство были совершенно неизвестны в монгольской армии и что монгольские нормы сексуальной морали, хотя и немного идиосинкратические, были высокими... Хотя Джузджани видит в монголах дьяволов – Чингиз-хан общался с чертями во время транса – Бог твердо поверил в их хорошие качества. «Такова, – пи-

стики и почти панегирики ханам Бату и Берке. Так, Джузджани обратил внимание на то, что «он, [Бату] был человек весьма справедливый и друг мусульман; под покровительством его мусульмане проводили жизнь привольно. В лагере и у племени его были устроены мечети с общиной молящихся, имамом и муэдзином. В продолжение его царствования и в течение его жизни странам ислама не приключалось ни одной беды ни по его [собственной] воле, ни от подчиненных его, ни от войска его. Мусульмане туркестанские под сенью защиты его пользовались большим спокойствием и чрезвычайной безопасностью. В каждой области иранской, подпавшей власти монголов, ему [Бату] принадлежала определенная часть ее, и над тем округом, который составлял удел его, были поставлены управители его» и якобы «Бату втайне сделался мусульманином, но не обнаруживал этого и оказывал последователям ислама полное доверие» (Тизенгаузен, 1941, с. 15, 35).

Однако Джузджани, выше в своем сочинении указывал на то, что «до самого времени, которое является датой этих «Насириных разрядов», а именно – до 1259 (1260) года, из сыновей Джучи один только этот государь (Берке) мусульманин (Тизенгаузен, 1941, с. 15, 35). Берке-хану, по словам автора, сам отец его Джучи-хан предрек стать мусульманином. «Люди, заслуживающие доверия, – пишет Джузджани, – рассказывали, что этот Берка родился во время завоевания (монголами) земель мусульманских. Когда мать родила Берка, то Туши, отец его, сказал: «Сына этого отдайте (кормить) мусульманской кормилице; пусть мусульманин обрежет пуповину его, пусть он (Берка) сосет молоко мусульманское, чтобы сделаться (настоящим) мусульманином, ибо я (этого) сына своего сделал мусульманином... Нет сомнения, что по благодати этого (отцовского) намерения Берка, выросши, утвердился в мусульманской вере» (Тизенгаузен, 1941, с. 16). Согласно Джузджани, несколько мусульманских имамов обучали его Корану, а «некоторые заслуживающие доверия люди рассказывали, что обучение его Корану происходило в Ходженде, у одного из ученых благочестивцев этого города. По наступлении срока обрезания над ним (Берка) совершили этот обряд, а по достижении им возмужалости в войско его были назначены все мусульмане, находившиеся в стане Туши-хана» (Тизенгаузен, 1941, с. 15). Отдельный рассказ со слов прибывшего по торговым делам в Индию самаркандского сейида Ашраф ад-Дина в сочинении Джузджани специально посвящен мусульманскому благочестию Берке. Интересна вторая часть этого рассказа, где противопоставлены друг другу в борьбе за власть мусульманин Берке и сын Бату – христианин Сартак, который «чрезвычайно жестоко и несправедливо обращался с мусульманами». Безусловно, симпатии Джузджани целиком на стороне Берке.

Другой современный, но про-монгольский персидский историк – знаменитый Ала ад-Дин Джувайни в своем труде «Тарих-и джахангуша» («История завоевателя мира») отмечал, что «...Исчислить дары и щедроты его да измерить великодушие и щедрость его невозможно. Государи соседние, властители (разных) стран света и другие (лица) приходили к нему на поклон. Подносившиеся подарки, являвшиеся запасом долгого времени, еще прежде чем они могли поступать в казну, он целиком раздавал монголам, мусульманам и (всем) присутствующим в собрании и не обращал внимания, малы они или велики. Торговцы с (разных) сторон привозили ему различные товары; все это, что бы оно ни было, он брал и за каждую вещь давал цену, в несколько раз превышавшую ее стоимость. Султанам Рума, Сирии и других стран он жаловал льготные грамоты и ярлыки, и всякий, кто являлся к нему, не возвращался без достижения своей цели» (История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 56–57; Чингисхан, 2004, с. 184; Золотая Орда в источниках, 2003, с. 258).

По словам упомянутого Джузджани, царевича Берке (пр. 1257–1266 гг.), который был известен своим неприятием шаманизма, еще в юности в Ходженде один из ученых этого города обучал Корану. В Бухаре он посещал мусульманских ученых-богословов и много раз беседовал с ними. Как писал С. Закиров, «вернувшись из Бухары, Берке отправил своих доверенных людей к аббасидскому халифу в Багдад, с которым с тех пор и вступил в дружеские отношения, поддерживая переписку и обмен посольствами. Берке всячески стремился подчеркнуть свою приверженность к исламу, для чего, например, не раз облачался в почетные одежды, присланные ему в дар от халифа. В близких и далеких странах распространялись вести, ползли слухи, рисовавшие, вероятно, не без преувеличений, успехи ислама в войске Берке. Сообщалось, что войско его состояло из 30 тыс. мусульман, которые строго соблюдали все предписания шариата. В

шет он, – была энергия, постоянство и неустрашимость в природе Чингиз-хана и монгольской армии» (Morgan, 1982, p. 112).

войске была обязательной пятничная молитва, каждый имел при себе специальный молитвенный коврик, и никто не должен был пить вина» (Закиров, 1966, с. 102).

Сам факт ориентации Берке-хана, первым принявшим эту религию, на ислам являлся следствием стремления к созданию независимого государства. Джузджани полагал, что «Берке-хан принял ислам из рук Сейф ад-Дина Бахарзи» (Тизенгаузен, 1941, с. 19). Персидский автор также утверждал, что у Берке богатая библиотека, при дворце его постоянно находятся богословы и законоведы, при участии которых происходят частые диспуты по вопросам шариата. Принятие ислама имело очень большое значение для внешней политики, укрепило авторитет хана среди местного мусульманского населения Поволжья и Приуралья, Хорезма и Крыма. Оно вело и к политической переориентации с целью «отделения Улуса Джучи от власти великого каана: прекратилась чеканка монет с именем Мунке, на них появляется «высокая тамга» дома Джучи (с 1257 г.) и имя Берке (с 1259 г.), а после начала междоусобной войны в улусе великого хана между Хубилаем и Ариг-Бугой прекращается выплата налогов в Каракорум (примерно с 1260 г.) (Измайлов, Усманов, 2009, с. 604). Кроме того, в 1262–63 гг. началась война между Джучидами и Хулагуидами, которая «сблизила Берке хана с мамлюкскими султанами в Египте, что, в свою очередь, означало безусловную поддержку Берке со стороны таких мусульманских центров, как Волжская Булгария и Хорезм» (Галиахметова, 2007, с. 55). По сообщению Джузджани, в странах Аджамы, Мавераннахра и Хорасана хутбу читают Барка-хану» (Tabakat-i Nasiri, 1964, p. 218). Таким образом, при Берке ислам начал распространяться по империи, особенно среди кыпчаков, некоторые из которых еще раньше прошли начальный этап исламизации. Этот процесс стал в целом необратимым, однако фактически массовой исламизации населения степной зоны все же не произошло. После Берке до правления Узбек-хана ханы Улуса Джучи были язычниками. Но в начале XIV в. про-исламская партия возвела на престол внука Менгу-Тимура – хана Узбека (1313–1341 гг.)¹¹, решительно порвавшего с прежними религиозными традициями. В этом его активно поддержала тюрко-монгольская кочевая аристократия¹². Приняв ислам, Узбек стал называться Султаном Мухаммадом Узбек-ханом. Исламизация быстрее и прочнее всего укреплялась среди элиты и в городах Джучиева улуса. Вместе с тем, противоисламская оппозиция во время Узбека была все же довольно значительной. Как отметил Томас Танасе, «мамлюкские источники пишут о сильном противостоянии, с которым столкнулся Узбек, и упоминают решительные действия Амира Кутлука-Темура и мачехи Узбека Баялун Хатун. Они также упоминают кровавые репрессии восстания, возглавляемого монголами-традиционалистами, которые выступали против мусульманского правления» (Tanase, 2018).

Вероятно, как считает Р. Хаутала, Узбек-хану было необходимо подавление оппозиции с целью «представить египетскому султану свой домен как полноценное исламское государство с превалирующим мусульманским населением.... По всей видимости, хан Узбек действительно пытался ввести в действие программу насильственной исламизации своего домена, но под впечатлением от ожесточенного сопротивления, вызванного этой программой в среде кочевников, он был вынужден вернуться к политике традиционной религиозной толерантности уже на второй год своего правления, как это сделал ильхан Газан почти два десятилетия до этого» (Хаутала, 2018, с. 688).

Принятие Узбеком ислама имело политический аспект, который был связан с его политикой в отношении Египта. После кончины Узбека в 1341 году его ненадолго сменил немусульманский сын Тинибек. Но и он был ликвидирован в ходе восстания, которое привело к власти его брата-мусульманина Джанибека, при котором исламизация Золотой Орды была уже гораздо более всеобъемлющей. «Оглядываясь назад, можно оценить важность обращения Узбека в ислам. Даже если

¹¹ По Рашид ад-Дину, родословная Узбек-хана была такой: Узбек-хан – сын Тогрылча, девятого сына Мунка-Тимура, второго сына Тукана, второго сына Бату, второго сына Джучи, первого сына Чингиз-хана (Рашид ад-Дин, 1960, с. 72–73).

¹² В связи с этим исследователь ислама в Золотой Орде Г.Г. Галиахметова отметила, что «укрепление позиций ислама в Золотой Орде сопровождалось усилением процесса размежевания высшей тюрко-монгольской знати на два лагеря – сторонников и противников «новой веры», между которыми, по крайней мере, в течение первого столетия существования государства шла непрерывная борьба. Усиление ислама представляло реальную угрозу влиянию монгольско-тюркской кочевой аристократии, сторонники которой, как и мусульманской группировки, оказывались в числе претендующих на политическую власть в этом государстве» (Галиахметова, 2007, с. 51).

он сначала оставался верен монгольским политическим практикам и позволял процветать другим религиозным конфессиям, его обращение в конечном счете привело к победе мусульманской фракции, которая имела свою базу в важном и значительном мусульманском населении. Как и в случае с другими монгольскими державами в Персии и Центральной Азии, принятие и установление мусульманской власти ввело Узбека в сеть мусульманских торговцев и проповедников и связало его с большим пространством от Египта до Центральной Азии. Хотя на первый взгляд исламизация, возможно, казалась обратимой при другом хане, эти глубокие монголо-мусульманские сплетения, в конечном счете, оказались решающими» (Tanase, 2018, p. 502–507).

В анонимной «Шаджарат ал-атрак» («Родословие тюрок») XV в. говорится: «Утвердившись на престоле, (Узбек) восемь лет проводил жизнь со своим илем и улусом в странах северного (арка) Дашт-и Кыпчака... Когда с начала его султанства истекло восемь лет, то под руководством святого шейха шейхов и мусульман, полюса мира, святого Зенги-Ата и главнейшего сейида, имеющего высокие титулы, указывающего заблудившимся путь к преданности господу миров, руководителя странствующих и проводника ищущих, святого Сейид-Ата, преемника Зенги-Ата, он (Узбек) в месяцах 7120 г.х. (12.11.1320–30.01.1321), соответствующего году курицы, удостоился чести принять ислам» (Тизенгаузен, 1941, с. 207). С этого момента ислам стал определяющей политической силой в жизни и имперской идеологии Улуса Джучи. Позже младший сын Узбека – Джанибек (1342–1357) проводил еще более жесткую политику. Как писал Му'ин ад-Дин Натанзи, «весь улус Узбека он обратил в ислам, разрушил все капища идолов, воздвиг и устроил много мечетей и медресе. Все свое внимание он обратил на благополучие людей ислама. Много людей превосходных и ученых из разных краев и сторон государств ислама направились к его двору. Сыновья эмиров Дешта в его время почувствовали склонность к приобретению совершенств и изучению наук, каждый из них стал единственным своего времени, так что результаты мыслей и плоды их умов до сих пор передаются на собраниях и сборищах. Все обычаи стран ислама ввел в том государстве он» (Тизенгаузен, 1941, с. 128). В конце XIII – первой половине XIV в. происходило активное строительство культовых сооружений (Измайлов, Усманов, 2009, с. 609). «При правлении Узбек-хана происходит усиление ханской власти, рост политической централизации, возникновение новых городов, одним из которых был Сарай ал-Джадид (остатки его находятся у с. Царев Волгоградской обл.), ставшей второй столицей Золотоордынского государства. Узбек-хан, мусульманин-суннит, был захоронен как раз в Сарае ал-Джадиде, разрушенном в 1395 г. войсками эмира Тимура (правил в Средней Азии в 1370–1405 г.)» (Кляшторный, Султанов, 2000, с. 216). После Узбек-хана все ханы Улуса Джучи придерживались исламской религии.

Очень важно отметить то, что в Улусе Джучи была веротерпимость¹³. Так, Ибн Баттута, посетивший Сарай в 1333–34 гг., писал, что там было «13 мечетей для соборной службы; одна из них шафийская. Кроме того, чрезвычайно много других мечетей. В нем [Сарае] живут разные народы, как-то: монголы – это настоящие жители страны и владыки ее; некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кипчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно» (Тизенгаузен, 1884, с. 306).

В целом особенностью цивилизации Улуса Джучи являлось то, что при ведущей роли ислама она была синкретической, впитавшей в себя традиции многих народов, по самой своей сути была надэтнической культурой, существенно повлиявшей на политическую, социально-экономическую и культурную жизнь постзолотоордынских государственных объединений. «В период Золотой Орды тюркский язык и культура, наряду с арабской и персидской, стали носителями мирового уровня «высокой» культуры. Основным языком общения в золотоордынских городах и степных районах Улуса Джучи были различные диалекты кыпчакского языка. Именно на основе этого языка в городах Золотой Орды начало формироваться общегородское койне, и о том, что кыпчакский язык при-

¹³ Чингиз-Хан и Чингизиды всегда проявляли удивительную терпимость по отношению к религиозным убеждениям своим подданных, союзников и врагов, хотя некоторые интерпретировали их отношение не столько терпимостью, сколько безразличием. «Чингизиды с раннего периода проявляли большой интерес к религиозным верованиям тех народов, с которыми они столкнулись в ходе своих завоеваний, и устройство религиозных дебатов стало регулярной чертой придворной жизни; интеллектуальные рыцарские поединки регулярно развлекали и поглощали ханов, как было записано в различных хрониках Востока и Запада» (Lane, 2013, p. 142). Есть и такая точка зрения, что ранние Чингизиды периода единства империи, не пытавшиеся навязывать завоеванным народам свою веру, старались, вместе с тем, уравнивать другие различные конфессии, «тем самым держа их как бы на одинаковом от себя расстоянии» (Усманов, 1985, с. 177).

обретает в городах Золотой Орды статус *lingua franca*, свидетельствует словарь *Codex Cumanicus*¹⁴, составленный в XIII–XIV вв. в одном из городов Улуса Джучи» (Ислам в Среднем Поволжье, 2001, с. 49).

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиахметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007.
2. Гальперин Ч.Дж. Кыпчакский фактор: ильханы, мамлюки и Айн-Джалут // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. Труды по археологии. Сб-к научных трудов. Донецк. 2008. Т. 6.
3. Евстигнеев Ю.А. Кыпчаки: этнос и его имя // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). СПб., 2012.
4. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М.: Наука, 1966.
5. Золотая Орда в источниках. Т. 1: Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена / Составление, вводная статья и комментарии Р.П. Храпачевского. М.: «Центр по изучению военной и общей истории», 2003.
6. Измайлов И.Л., Усманов М.А. Ислам в Улусе Джучи // История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009.
7. Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань: Мастер-лайн, 2001.
8. История Казахстана в персидских источниках; [введение, пер., коммент., сост. указ.: М.Х. Абусеитова, Ж.М. Тулибаева; отв. ред. М.Х. Абусеитова]; Ин-т востоковедения им. Р.Б. Сулейменова – Перераб. и доп. изд. – Т. 4. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды: извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.
9. Кара Д. Книги монгольских кочевников: семь веков славы. М.: Наука, 1972.
10. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
11. Куземабаев Н.Е. История изучения кипчакских племен в России (XVIII–XX вв.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Павлодар, 2008.
12. Кумекоев Б.Е. Кипчаковедение – концептуальное направление евразийского масштаба // Сборник материалов Международной научной конференции «Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники», посвященный 1100-летию Кимекского государства в рамках Дней тюркской письменности и культуры. Астана, 2013.
13. Михайлов Г.И. Монгольский язык в летописях Рашид-ад-дина // Краткие сообщения Института народов Азии. Сборник памяти Е.Э. Бертельса. Т. 65. М.: Наука, 1964.
14. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004.
15. Поппе Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. Т. 2. М.; Л., 1941.
16. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. Читано в заседании Историко-филологического отделения 24 октября 1890 г. Приложение к LXXII-му тому Записок Императорской АН. СПб., 1893.
17. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, прил. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. проф. И.П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
18. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. с персидского О.И. Смирновой, редакция проф. А.А. Семенова. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952.
19. Семенов А.А. Очерк культурной роли уйгуров в монгольских государствах // Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1978.
20. Султанов Т.И. Новый этап имперского политогенеза в Центральной Азии и его кризис (XIII–XVIII вв.) // Народы и религии Евразии. 2016. Т. 9, вып. 9.
21. Тезджан М. «Тамга» – государственный символ и пошлина в Золотой Орде и наследных ханствах // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. ст. Вып. 2. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010.

¹⁴ Создание этого словаря, содержащего переводы на кипчакский язык текстов Евангелия и католические гимны, очевидно, было связано с проводившейся среди кипчаков, в основном бывших шаманистами, пропагандой христианизации из Южной Руси и Западной Европы. Как отмечает Б.Е.Кумекоев, «в силу политической мощи Кипчакского государства и осуществления кипчакскими ханами контроля над Дешт-и Кипчаком, знание кипчакского языка было необходимым, и он стал международным койнэ. Вследствие распространения и установления кипчакского фактора в Восточной Европе с необходимостью возник в конце XIII в. ценный кипчакский словарь «Codex Cumanicus», предназначенный для познания кипчакского языка широкими кругами народов и стран этого региона» (Кумекоев, 2013, с. 17; Нуриева, 2004, с. 287).

22. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1884.

23. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений, собранные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

24. Трепавлов В.В. Арало-Каспийский регион на перекрестке культур и цивилизаций // В.В. Трепавлов. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011.

25. Тюрки в монгольской империи Чингисхана и его преемников XIII–XIV вв.: Научно-аналитический обзор / Отв. ред. Б.Е. Кумеков. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз. ССР, 1989.

26. Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманского духовенства в татарских ханствах XIII–XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985.

27. Усманов М.А. Об особенностях раннего этапа этнической истории Улуса Джучи // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Вост. лит., 2002.

28. Хаутала Р. Исламизация Джучидского и Хулагуидского улусов в сравнении: точки зрения мусульманских и христианских источников // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, №4. С. 676–695.

29. Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Перевод с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на английский язык Дж.Э. Бойла, с предисловием и библиографией Дэвида О. Моргана, перевод текста с английского на русский язык Е.Е.Харитоновой. М.: Издательский Дом «Магистр-пресс», 2004.

30. Allsen, Th.T. Mongol imperialism the policies of the grand qan Mongke in China, Russia and the Islamic lands. 1251–1259. Berkeley: University of California Press, 1987.

31. Amitai-Preiss, R. Did the Mongols in the Middle East remain Pastoral Nomads? (The paper was delivered at a seminar held at the Max Planck Institute for Social Anthropology in Halle, Germany in June 2004). – Режим доступа: https://www.academia.edu/21768134/Did_the_Mongols_in_the_Middle_East_Remain_Pastoral_Nomads

32. Bazin, L. Remarques sur les noms Turcs des “Douze Animaux” du calendrier dans l’usage Persan // Mélanges d’orientalisme offerts a Henri Massé a l’occasion de son 75ème Anniversaire. Téhéran: Imprimerie de l’Universite, 1963.

33. Biran, M. Introduction: In the Service of the Khans: Elites in Transition in Mongol Eurasia // Asiatische Studien – Études Asiatiques. Zeitschrift der Schweizerischen Asiengesellschaft – Revue de la Société Suisse-Asie. 2017. Vol. 71. Issue 4. Режим доступа: <https://www.degruyter.com/view/j/asia.2017.71.issue-4/issue-files/asia.2017.71.issue-4.xml>

34. Biran, M. The Chaghadaids and Islam: The Conversion of Tarmashirin // Journal of the American Oriental Society. 122/4. 2002.

35. Golden, P.B. An introduction to the history of the Turkic peoples: ethnogenesis and state formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Harrassowitz, 1992.

36. Joo-Yup Lee. Some remarks on the turkicisation of the Mongols in post-mongol Central Asia and the Qipchaq Steppe // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae. 2018. Vol. 71 (2).

37. Jūzjānī, Minhāj ad-Dīn. Ṭabaqāt-I Nāsirī / Ed. by A. Habibi. 2 vols. Kabul, 1963–1964. Vol. 1; Vol. 2.

38. Kerkhof Jacobus J.W. van de. The Mongol Empire: Was it truly Mongol? “One can conquer the empire on horseback, but one cannot govern it on horseback”. Chicago – UK English, 2014. Режим доступа: https://www.academia.edu/10157341/The_Mongol_Empire_Was_it_truly_Mongol

39. Lane, G. Chingiz Khan: Maker of the Islamic World // Journal of Qur’anic Studies. 2014. Vol. 16. № 1.

40. Morgan, D.O. Persian Historians and the Mongols // Morgan, D.O. (ed.) Medieval historical writing in the Christian and Islamic worlds. London: School of Oriental and African Studies, 1982.

41. Smith J.M., Jr. Mongol Manpower and Persian Population // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 18. № 3 (Oct., 1975).

42. Tanase, Th. A Christian Khan of the Golden Horde? ‘Coktoganus’ and the geopolitics of the Golden Horde at the time of its Islamisation // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée. 2018. № 143. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/remmm/10685>

**INTEGRATION AND INTERACTION OF THE MONGOLS WITH THE «TURKIC WORLD»
ACCORDING TO SOME PRE-TIMURID PERSIAN-SPEAKING HISTORIAN**

The article on the basis of the data of medieval Persian historians discusses the features of the processes of assimilation and large-scale integration of the Mongols as a result of the Grand conquests in the nomadic, semi-nomadic and settled Turkic world, which later created a new unique and peculiar Turkic-Mongolian socio-political system, which could not but affect the socio-political, cultural-religious, linguistic, etc. areas. Basically, the Mongols were absorbed into the civilizational orbit and eventually assimilated by the substrate nomadic population of the Eurasian steppes and the Middle East.

Keywords: The Mongols, the Turks, integration of the Mongols into the “Turkic world”, Medieval Persian Historiography.

Сведения об авторе:

Арсланова Алсу Айратовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; старший библиограф Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета; заведующая Центром иранистики при Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ (г.Казань); alsuarslanova044@mail.ru

Arslanova Alsu A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of New History of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Senior Bibliographer of the Department of rare books and manuscripts of N.I. Lobachevsky Scientific Library, Kazan (Volga) Federal University; Head of the Center of Iranian Studies of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

УДК 94:327(477.7)"1597/1607"

РУССКО-КРЫМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ВТОРОГО ПРАВЛЕНИЯ ХАНА ГАЗИ-ГИРЕЯ II 1597–1607 гг.

© 2019 г. *А.В. Виноградов*

Статья посвящена периоду русско-крымских отношений накануне и в начальный период Смуты в Русском государстве. Показаны роль крымского фактора в развитии Смуты в Русском государстве и предпосылки складывающегося на завершающем этапе Смуты направленного против Речи Посполитой русско-крымского военно-политического союза.

Ключевые слова: Крымское ханство, Русское государство, Порты, Речь Посполитая, хан Гази-Гирей II, Борис Годунов, Самозванец.

1. Русское государство и Крымское ханство в конце первого правления хана Гази-Гирей II (1596 год)

К осени 1596 года отношения между Москвой и Бахчисараем приближались к очередному витку конфронтации. Осуществлявшаяся в течении двух лет (с осени 1594 года) дипломатическая игра с Крымским ханством фактического правителя Русского государства Бориса Федоровича Годунова, выражавшаяся в отказе выполнять обязательства по выплате в Крым «поминок» и «запросных денег», принятых на себя им лично во время переговоров с Ямгурчеем аталыком, как главное условие заключения русско-крымского «докончания», в конечном итоге, привела к тому, что хан Гази-Гирей II вынужден был вернуться к политике «силового давления» на Москву. Это был вынужденный шаг, так как основные цели хана в течении этих двух лет заключались в максимальном использовании ситуации, сложившейся в результате привлечения Портой сил Крыма для участия в войне с антиосманской коалицией. В результате двух военных кампаний 1594 и 1595 гг. Гази-Гирей II удалось не только захватить огромный полон и значительные «материальные средства», но и создать условия для подчинения Молдовы. Вместе с тем, хан рассчитывал закрепить свое положение на бахчисарайском престоле с перспективой обеспечить престолонаследие своему старшему сыну Тохтамыш-Гирейю. Выполнение Москвой своих материальных обязательств, принятых в 1593–1594 гг., рассматривалась ханом в контексте решения этих задач.

Однако Борис Годунов не только свел «ссылки» с Крымом исключительно к обмену гонцами, затягивая посольский размен, но и предпринял действия, которые небезосновательно рассматривались ханом как нарушение достигнутых договоренностей. В мае 1595 года Б.Ф.Годунов фактически выпроводил из Москвы посольство бека Ишмамеля Ширинского без посольского размена (Виноградов, 2018, с. 49–51).

Москва, пользуясь отвлечением крымских сил в Центральную Европу усиливая свое влияние на Кавказе и в Ногайской орде. Организация нового посольского размена постоянно окладывалась Б.Ф.Годуновым под предлогом отсутствия хана в Крыму. Это неоднократно «озвучивалось» при приемах крымских гонцов Москве Посольским дьяком В.Я.Щелкаловым.

Весной 1596 года Гази-Гирей II, предполагая выступить в поход для участия в очередной кампании османов в Центральной Европе, предпринял ряд дипломатических демаршей для организации набегов на «московские украинны» ногайских мурз. Однако эти акции не принесли ожидаемого результата. В ожидании исхода своих дипломатических демаршей хан оставался в Крыму, отказавшись лично присоединиться к османской армии. В составе османской армии с начала лета 1596 г. вместо него находился калга Фетх-Гирей. После того, как выяснилось невозможность организовать какие-либо действия, направленные против Москвы, хан, формально удовлетворившись объяснениями очередного московского гонца (А.Зиновьева), выступил в поход на Молдову и Валахию (Виноградов, 2018, с. 60). Эти действия Гази-Гирей II спровоцировали его смещение с престола Портой и привели к очередному династическому кризису в Крымском ханстве.

2. Династический кризис в Крымском ханстве 1596–1597 гг.

События 1596–1597 гг. были своеобразной вершиной в долгой и наполненной взлетами и падениями жизни хана Гази-Гирея II. Мало кому из Гиреев удалось сохранить престол после смещения султаном. Между тем, Гази-Гирей II сам пошел на провоцирование ставшего уже неизбежным кризиса, отказавшись прибыть на театр военных действий.

Правда, хан в начале лета двинулся в поход на Молдову и Валахию, но это было совсем не то, чего ожидала от него Порты. В итоге, осенью 1596 года произошло давно уже предполагавшееся всеми «заинтересованными сторонами» его смещение с престола. Этому предшествовали изменения в расстановке сил в османских «высших эшелонах власти».

В апреле 1596 года умер великий везирь Коджа Синан-паша опытный и энергичный политик в значительной степени способствовавший хотя бы частичной консолидации Османской империи, находящейся, по мнению некоторых представителей англо-саксонской историографии, «в полном расстройстве» (Финкель, 2014, с. 242). Коджа Синан-паша конфликтовал с Гази-Гиреем II во время его пребывания на театре военных действий в 1594 году и явно был недоволен амбициями хана в Молдове. Тем не менее, Коджа Синан-паша за время всего своего длительного, хотя и прерываемого многочисленными интригами и опалами пребывания в должности (апрель 1589 г. – июль 1591 г., январь 1593 г. – февраль 1595 г., июль – ноябрь 1595 г. и с декабря 1595 г.), так и не поднял перед султаном Мурадом III вопрос о смещении Гази-Гирея с престола, хотя, возможно, и склонялся к этому решению.

Великий везирь, несомненно, осознавал, какие негативные для Стамбула последствия имело пребывание на территории Русского государства претендентов на бахчисарайский престол в лице сыновей Мухаммед-Гирея II. Коджа-Синан-паша во время переговоров с посланником Москвы Г.Нащокиным в 1593 году имел возможность убедиться в том, что там всегда будут рады видеть крымских Гиреев. Опытный османский государственный деятель, при всей его личной неприязни к хану, опасался, что смещение Гази-Гирея будет иметь опасные для Порты последствия. Его сменил Дамат Ибрагим-паша, «выдвиженец» знаменитого последнего великого везира султана Сулеймана I Мехмеда-паши «Соколу», продержавшийся в этой должности до октября месяца. Под его руководством османами была подготовлена и проведена осенняя кампания 1596 года, апофеозом которой было взятие Эгера 13 октября. При этом впервые с 1566 г. в кампании участвовал лично султан Мехмед III, который номинально возглавлял османские силы. Падение Эгера побудило габсбургское командование «наконец сокрушить османское войско в открытом бою» (Шушарин, 1998, с. 35). Последовало сражение у Мезекереста 23–26 октября 1596 года (известно также как Керестецкая битва). Заключительный день сражения ознаменовался решающим вкладом крымских сил во главе с калгой Фетх-Гиреем в спасение османской армии от почти неминуемого разгрома (Ivanics, 1994, s. 90–91). Источники, находящиеся в распоряжении автора не позволяют выявить детали дальнейшего развития событий. О.Гайваронский опираясь на сведения, почерпанные из известного сочинения «Розовый куст ханов», полагает, что смещение Ибрагима-паши с должности великого везира 27 октября 1596 года имело решающее значение и для смещения с престола Гази-Гирея II (Гайваронский, 2007, с. 333). Новый великий везирь Юсуф-Синан паша (Чигала-заде) был врагом Гази-Гирея уже долгое время, начиная с войны с Сефевидами начала 80-х гг.

Все источники указывают на решающую роль Юсуфа Синан-паши (Чигила-заде) в решении султана назначить ханом Фетх-Гирея. Позиция последнего относительно решения Порты не совсем ясна.

О.Гайваронский, опираясь на «Розовый куст ханов», рисует яркую картину отказа Фетх-Гирея от предлагаемого престола (Там же).

Аналогично описывает события и В.Д.Смирнов (Смирнов, 2005, т. I, с. 336). Действительно крымская историографическая традиция при описании событий 1596–1597 гг. отмечала нежелание калги Фетх-Гирея занять престол. Так, Абдулгаффар Кырыми отмечает, что «этот несчастный долго сопротивлялся» (Кырыми, 2018, с. 104).

Русская посольская документация по связям с Крымом дает прямо противоположную картину «политической линии» Фетх-Гирея относительно возможности занятия им престола на протяжении достаточно длительного периода. По донесениям русских дипломатов из Крыма амбиции Фетх-Гирея начинают проявляться с начала 90-х гг. В Москве с середины 90-х гг. рассматривали возможность замены Портой Гази-Гирея на престоле именно Фетх-Гиреем, что нашло выражение в многочисленных «наказах» русским гонцам в Крым (Виноградов, 2018, с. 44, 53, 59).

На решение султана явно повлияло и результаты похода Гази-Гирея II в Молдову и Валахию. Порты были информированы о его начале, судя по всему, «задним числом»: Гази-Гирей к тому же имел неудачное сражение с господарем Михаем Храбрым в октябре месяце и не двинулся на соединение с основными силами османов, а вернулся в Крым. Прибыв в Крым, Гази-Гирей узнал о своем смещении. В историографии приводятся различные версии его первоначальных планов: выход из Крыма к Днепру и испрашивание помощи у запорожцев, установление контактов с императором Рудольфом II и др. Польский историк Дариуш Скорупа отмечает, что планы вмешательства в конфликт в Крыму со стороны Речи Посполитой руками запорожских казаков серьезно рассматривались там осенью 1596 года, причем Гази-Гирей II планировал обратиться за помощью к королю Сигизмунду III и к «спольному» (объединенному) сенату (Skorupa, 2004, s. 69–71). Ясно, что обращение за помощью в Москву не было. В противном случае это в какой-либо форме отразилось в последующей русской посольской документации периода второго царствования Гази-Гирея II. Наоборот, в дальнейшем крымская сторона косвенно обвиняла Москву в поддержке Фетх-Гирея. Несомненно, что от открытого сопротивления Порте хан отказался.

Прибыв в Крым, Фетх-Гирей назначил калгой бывшего при Гази-Гирее II нураддином Бахт-Гирея, а на его место – нураддином Селамет-Гирея (возможно, сын Адыл-Гирея). Смещенный хан из Балаклавы отправился было в Стамбул, но из-за шторма оказался в Синопе. Там он якобы узнал о грядущих переменах в Стамбуле: всеобщим недовольством новым великим везирем и его скором смещении. Неизвестно как бы развивались события, если бы действительно не последовало падение Юсуфа Синан-паши (Чигила-заде) и повторное назначение великим везирем Ибрагима-паши 5 декабря 1596 года. Ибрагим-паша опасался длительной «ссоры великой» в Крыму, вполне обоснованно предполагал, что Гази-Гирей начнет борьбу за престол. Решающая роль Ибрагима-паши в возвращении Гази-Гирея II отмечена в крымской исторической традиции. Так Абдулгафар Кырыми прямо пишет: «Ибрагим Паша стал везирем, и снова сделал ханом Гази Герая» (Кырыми, 2018, с. 104).

Гази-Гирей вернулся в Крым и водворился в Кафе. Последовала «захватывающая дух интрига» об отправлении в Крым с эмиссаром Порты Ханданом-агой двух взаимоисключающих фирманов султана о подтверждении смещения Гази-Гирея и его призвании на престол. Затем последовали встреча двух претендентов в Кафе и знаменитый суд муфтия Азаки-эфенди «присудившего престол» Гази-Гирею (Ivanics, 1994, s. 94–97; Skorupa, 2004, s. 75–76; Смирнов, 2005, т. I, с.335–336). В конечном итоге Гази-Гирей II вернул себе престол, а Фетх-Гирей со своими сторонниками и семьей спешно отправился на Северный Кавказ. В.Д.Смирнов полагает, что причиной отправления Фетх-Гирея «в черкасы» явились его родственные связи – женитьба на вдове его брата Мубарак-Гирея. Есть все основания считать, что в этом главную роль сыграли связи Фетх-Гирея с крымским кланом «черкасских мурз», присутствие которых среди его «ближних людей» отмечалось в донесениях русских дипломатов из Крыма.

Сложившаяся затем ситуация напоминала события 1584 года. Летом 1597 года Фетх-Гирей, узнав в выступлении хана из Крыма в очередной поход «на Можары», вторгся в Крым и двинулся на Бахчисарай. К нему примкнул Бахт-Гирей с частью знати. Однако Гази-Гирей II, едва выдвинувшийся к Днепру, вернулся в Крым. Силы Фетх-Гирея были разгромлены, а сам он бежал в Кафу. Далее Фетх-Гирей по необъяснимым причинам не отбыл в Стамбул, а отправился со всей семьей, Бахт-Гиреем и частью сторонников в полевую ставку Гази-Гирея под Кафой, где все они были уничтожены. О.Гайваронский считает, что главной причиной этого решения было опасения Фетх-Гирея в том, что в Стамбуле раскроются его связи с Москвой, которые он установил во время своего пребывания в Черкесии (Гайваронский, 2007, с. 337). Эта точка зрения не лишена оснований, хотя и не подтверждается известными источниками, за исключением невнятных обвинений Ахмед-паши Яшлавского в поддержке Москвой Фетх-Гирея при переговорах с русскими «разменными послами» во время посольского съезда и размена под Царевым Борисовым в мае 1602 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1601 г. Д. 2. Л.122).

Второе царствование Гази-Гирея II привело к очередным изменениям в расстановке сил среди «царевичей» Гиреев. Калгой стал прибывшей из Стамбула давний недорожелатель хана, его брат Селамет-Гирей, бежавший из Крыма в 1588 году, нураддином – сын Ертуган и Сеадет-Гирея II – Девлет-Гирей. Большинство «ближних царевых» людей» Гази-Гирея II Ахмед-паша «Сулешев», Ахмед-ага и Абдель Ази Челеби сохранили ему верность и по-прежнему заняли ключевые позиции в его диване (Skorupa, 2004, s. 104; Виноградов, 2016, с. 40).

Хан достаточно быстро овладел ситуацией, активизировав начавшиеся в 1595 году переговоры с Речью Посполитой о заключении договора, в значительной степени «разграничившие интересы» обеих сторон в Дунайских княжествах. В Речь Посполитую было отправлено посольство Джан Ахмета Челеби, сумевшее к весне 1598 года добиться заключения договора (Kolodziejczyk, 2011, р. 112–113).

Итак, Гази-Гирей II повторно занял престол. Соображения престижа и реальные опасения усиления позиций Москвы заставили его предпринять военно-дипломатическую комбинацию, известную как «крымский поход 1598 года».

3. «Крымский поход 1598 г.». Предотвращенная военная конфронтация или дипломатическая комбинация?

Источники событий 1598 года – разряды и частично материалы актов, собранных в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (ААЭ). Вся посольская документация по связям с Крымом с начала 1596 г. по лето 1601 г. полностью утрачена.

Сведения разрядов дают следующую хронологию событий:

1 апреля 1598 из Оскола, от неких «языков», взятых за Донцом Северским донскими казачьими атаманами, были получены сведения о якобы готовящемся походе Гази-Гирея на Русское государство с 7 000 османских янычар (РК, 1475–1605, т. IV, ч. I, с. 21).

20 апреля 1598 г. вновь получены сведения от языков, взятыми донскими казачьими атаманами, о походе хана «по повелению турецкого царя» (Там же, с. 24).

7 мая 1598 г. «царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси» двинулся из Москвы в крымский поход (Там же, с. 25).

11 мая царь Борис Федорович прибывает в Серпухов.

В мае (перед 13 числом) Годунов получает от белгородских воевод, полученные ими сведения от бежавших пленников, что «царь» уже вышел из Крыма «с великим собранием, а идет на государевы украины» (Там же, с. 41).

В июне (около 18 числа) получены сведения от елецких и ливенских воевод о скором прибытии отпущенного из Крыма посланника Л. Лодыженского вместе с гонцом Иваном Бунаковым и отправлении с ними крымского посла Алея-мурзы (Там же, с. 42).

Поход сворачивается. Из полков в Серпухов отзываются первые воеводы с большей частью войск. Общий сбор – 27 июня. Начинается интенсивная подготовка к приему крымского посольства (Там же, с. 44–45).

27 июня в Серпухов прибывает Леонтий Лодыженский, отправленный в ставку царя Бориса Федоровича.

28 июня крымское посольство прибывает в распоряжение русских войск.

29 июня следует помпезный прием в Серпухове крымского посла Алея-мурзы (Там же, с. 46–47).

30 июня царь Борис Годунов возвращается из Серпухова к Москве (Там же, с. 47).

В отечественной историографии эти события традиционно рассматриваются как важнейший временной отрезок от избрания (21 февраля) до венчания на царство (3 сентября) Бориса Федоровича, не особенно вдаваясь в явное несоответствие сообщений разрядов (Зимин, 1986, с. 224–227, Козляков, 2011, с. 185–189).

Если османы увязли в войне с «Священной лигой» и Порте в трудной кампании 1598 года требовалась крымские силы во главе с ханом на театре военных действий, то «повелении турецкого царя» хану идти «на государевы украины» выглядит абсурдным. Правда, А.А.Зимин предположил, что хан самостоятельно принял решение о начале похода сразу же после получения известий о смерти царя Федора Ивановича (Зимин, 1986 с. 224). Эта точка зрения имеет под собой некоторые основания, но проблема в том, что «практика» русско-крымских «ссылок» в любом случае предусматривала первоначальное отправление гонца с уведомлением о смене правителя. Можно предположить, что таким гонцом был упомянутый в разрядах Иван Бунаков. Для такого многоопытного политика как Борис Федорович Годунов какие-либо жесткие требования хану сразу же после избрания московским царем были невозможны. Скорее всего, Бунаков информировал хана о отправлении в Крым дипломата в ранге посланника, коим и стал Л. Лодыженский.

Если готовился поход именно на Русское государство, то разворот Гази-Гирея II «на Можары», о котором сообщает Лодыженский, объясняется либо изначальной комбинацией хана по дезинформации русской стороны с целью «запугивания», либо распоряжением Порты изменить на-

правление похода, либо изменением направления похода в результате переговоров с русским посланником, как это имело место в 1593 году в ходе миссии в Крым С.В.Безобразова. Между тем, Мария Иванович отмечает, что летом 1598 г. Гази-Гирей II уже вел совместно с османами военные действия в Трансильвании (Ivanics, 1994, s. 113). В июне 1598 года на театре военных действий хан принимал польского гонца «литовского татарина» Мехмеда Юзефовича с известиями о скором возвращении своего посла Джан Ахмеда Челеби с королевским посланником Николаем Коссаковским, который должен был доставить подписанный королем Сигизмундом III в Варшаве 21 апреля текст договора (перемирного листа) Речью Посполитой с Крымом (Skogura, 2004, s. 77).

Одновременное стремление «обезопасить себя» договорными актами с двумя соседними государствами, причем договор с Речью Посполитой должен был гарантировать скорое поступление польско-литовских «упоминик» («подарков»), что вполне «укладывалось» в военно-дипломатическую стратегию хана в условиях продолжающейся войны Порты с австрийскими Габсбургами (Kolodziejczyk, 2011, p.113)¹.

Прибытие отпущенных русских дипломатов в Серпухов ранее крымского посольства свидетельствует, как показывает практика русско-крымских «ссылок», о стремлении к урегулированию отношений по инициативе крымской стороны. Само отправление посольства Аля-мурзы странным образом происходит одновременно с выступлением крымских сил в поход на Русское государство. Весьма показательной выглядит «связка» похода крымцев с одновременным отправлением ханом посольства в Пискаревском летописце: «придиша крымские послы с великою грозой и со многими похвалами на Русскую землю» (Материалы по истории СССР, т. II, 1955, с. 102).

Изложение «речи» в разрядах крымского посла на приеме в Серпухове явно является композицией, смешивавшей информацию об успешном исходе переговоров с Лодыженским и стремление к заключению нового договора.

Это дало А.А.Новосельскому сделать вывод о том, что «Мир с Казы Гиреем, заключенный в 1594 г., московским посланником князем М.Щербатовым был подтвержден посольством Л.Лодыженского в 1598 г.» (Новосельский, 1948, с. 47). Однако при этом А.А.Новосельский фактически признал, что этот его вывод не может быть в полной мере подтвержден, «потому что дипломатическая переписка с Крымом за первые годы правления царя Бориса не сохранилась» (Там же). Правда, в источниках, в частности в Новом летописце, говорится о том, что Лодыженский сообщил Борису Федоровичу: «царь крымский с ним замирился» (Хроники Смутного времени, 1998 с. 286). Возможно, это означает, что в июне 1598 года было достигнуто предварительное соглашение о новом посольском съезде и размене, который состоялся в 1601–1602 г.

При этом материалы разрядов содержат важные детали русско-крымских «ссылок». Л.Лодыженский в 1598 году, как и князь М.А.Щербатов и дьяк А.Демьянов в 1594 году, посылает одновременно в Елец и Ливны известия о своем благополучном возвращении. При этом в Ливны, как в «основную базу» по приему и отправлению дипломатических представителей обеих сторон, посылается толмач Сенчюра, которого, несомненно, должен был прибыть туда во главе нескольких служилых татар, приписанных к посольству. Из сообщений толмача явно следует, что отпущенные русские дипломаты и крымское посольство следуют вместе либо от Перекопа, либо от Молочных вод.

Леонтий Лодыженский, как лицо активно участвовавшее в проведении ноябрьского 1593 года посольского съезда под Ливнами, вне всякого сомнения, хорошо известен Годунову, который лично его «расспрашивает».

С Лодыженским из Крыма отпускается гонец Иван Бунаков. Из контекста материалов разрядов можно предположить, что он был направлен в Крым ранее Лодыженского. В таком случае возможен вариант, при котором именно миссия Лодыженского явилась «поворотной» в урегулировании отношений с Крымом. Суть проблемы заключается в том, что мы не знаем времени отправления ни И.Будакова, ни Л.Лодыженского.

Таким образом, даже поверхностный анализ материалов разрядов оставляет без ответа главный вопрос: была ли в 1598 году реальная угроза крымского нападения, или мы имеем место с искусственной военно-дипломатической игрой обеих сторон. Вероятнее всего, на наш взгляд, последнее.

¹ Текст договора: Kolodziejczyk, 2011, p. 788–793 (Doc 35).

4. Подготовка и ход посольского съезда и размена в 1601–1602 гг.

Достиженные в 1598 г. договоренности с большей долей вероятности предусматривали проведение посольского размена, который по уже принятому при осуществлении русско-крымских «ссылок» порядку должен был сопровождаться посольским съездом, на котором должно было быть заключено предварительное соглашение. Ввиду пребывания хана на театре военных действий, отправление новых посольств обеими сторонами откладывалось до его возвращения в Крым. При этом нет никаких сведений о дальнейшем пребывании на территории Русского государства посольства Адея-мурзы.

Переговоры о проведении посольского съезда и размена начались после возвращения хана в Крым осенью 1599 года. Материалы статейного списка «разменных послов», проводивших весной 1602 г., посольский съезд и размен под Царевым Борисовым, показывают, что Б.Ф.Годунов отправил, вероятно, весной 1600 г. гонца Ивана Лодыженского, который был отпущен Гази-Гиреем II с гонцом Магметом (Мухаммед-мурзой), являвшегося зятем Ахмед-паши Яшлавского – «князя Сулешева» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1601 г. Д. 2. Л. 107). Таким образом, изначально Яшлавские контролировали ход подготовки к посольскому съезду и размену. Мухаммед-мурза, с которым «царь словом приказывал, что хочет быти с великим государем царем и великим князем Борисом Федоровичем Всея Руси в братстве и любви» был оставлен «на Москве», а в Крым с извещением отправления нового посольства был послан служилый татарин толмач Сенчюра Байкешев.

Сохранившиеся материалы столбцов 123 фонда РГАДА за 1601 г. свидетельствуют, что соглашение о проведении посольского съезда и размена было достигнуто только к лету 1601 г., когда гонец Сеит-Казы аталык, вернувшийся вместе с отпущенным Сенчурой Байкешевым, привез послания хана царю Борису Федоровичу Годунову об отправлении посольства Мустафы-мурзы Яшлавского и назначении разменным послом «Ахмед-паши князя Сулешева» (Там же, л. 108). Мустафа-мурза являлся племянником Ахмед-паши, сыном хорошо известного в Москве Кошум-мурзы Яшлавского, находившегося в свое время в Астрахани при Мурад-Гирее. Местом проведения съезда и размена по-прежнему должны стать берега реки Сосны у крепости Ливны². Сеит-Казы аталык при переговорах в Посольском приказе «говорил что Ахмед-паша князь Сулешев и крымские послы Мустафа-мурза с товарищи у Ливен будут вскоре» (Там же, л. 62). Показательно, что первым «разменным послом» с русской стороны был назначен окольный Иван Михайлович Бутурлин, являвшейся в начале 90-х гг. ливенским воеводой и имевшей непосредственное отношение к проведению посольского съезда и размена в ноябре 1593 г. Во всяком случае, Ахмед-паше Яшлавскому, назначенному весной 1601 г. «разменным послом» с крымской стороны, как показал ход переговоров 1602 г., он был хорошо известен. Вторым «разменным послом» был назначен князь Василий Михайлович Лобанов-Ростовский, которого осенью заменил Иван Михайлович Пушкин, третьим – дьяк Григорий Клобуков. Посольство в Крым возглавил князь Григорий Константинович Волконский, что явилось его первой дипломатической миссией. Вторым послом назначался дьяк Михаил Огарков.

К этому времени в Москве находилось значительное количество крымских гонцов, точное время прибытия которых определить затруднительно из-за утраты посольской документации периода 1596–1601 гг. Ключевыми фигурами были ханские гонцы Магмет (Мухаммед-) мурза, Сеит-Казы аталык и Казан-ага, который уже направлялся в Москву Гази-Гиреем II при отпуске летом 1594 года посольства князя М.А.Щербатова. Первым, вероятно, в начале года прибыл Мухаммед-мурза, затем к лету – Сеит-Казы аталык, последним – Каза-ага. Именно эти три крымских дипломата вели переговоры с русскими «разменными послами» у Ливен осенью 1601 года. Первоначально из Москвы был отпущен Мухаммед-мурза с группой гонцов, которые были размещены в Ливнах. После прибытия к Ливнам в июле, посольство расположилось на берегах реки Сосны и несколько недель ожидало известий о приближении крымского посольства. К августу, когда стало ясно, что сведений нет, положение в посольском стане стало усложняться. Посольский приказ предписал потребовать объяснений у первой группы гонцов во главе с Мухаммед-мурзой. «Разменные послы» и князь Г.К.Волконский на встрече с вызванными из Ливен крымскими гонцами жестко потребовали объяснений. Было высказано предположение, что хан готовит поход на Русское государство, и заявлено, что «украинные города устроены» и «воинские люди пожалованы и изволены

² Автор так именует реку Сосна как это принято в русской посольской документации (современное название Быстрая Сосна).

всем» (Там же, л. 3–8). Мухаммед-мурза отговаривался, что он выехал из Крыма давно, и про «царево умышление» не знает, хотя, когда гонец Сеит-Казы аталык выехал из Крыма, посольство Мустафы-мурзы уже готовилось к отправлению. Однако, далее Мухаммед-мурза высказал предположение, что, возможно, «какая в Крыму рознь учинилосся», допустив даже возможность смены хана на престоле. Впрочем, гонец оговорился, что он «про то не ведает». Возможно, Мухаммед-мурза лукавил: гонец Сеит-Казы аталык мог сообщить ранее прибывшим крымцам об обострении конфликта между Гази-Гиреем II и калгой Селамет-Гиреем. Мухаммед-мурза заверил, что о нападении на Русское государство не может быть и речи (Там же, л. 9–10).

В конце августа из Москвы пришло распоряжение послам зачитать отправленную им в виде грамоты «речь» крымским гонцам с изложением последствий срыва посольского съезда и размена. 29 августа послы вызвали гонцов во главе с Мухаммед-мурзой, и толмач Посольского приказа Семейка Судаков зачитал им «речь». Этот весьма объемный документ констатировал, прежде всего, неустойчивость положения Гази-Гирея II на престоле. На основании ранее полученных посланий Гази-Гирея II к Б.Ф.Годунову указывалось, что хан должен находиться в Крыму ввиду его нежелания принимать участие в военных действиях против «Священной лиги»: «самому царю в Можары не ходити», потому что он «турскому опасен». Отмечалось, что для организации кампании «в Можарах», даже в случае, если сам «царь останется в Крыме», он не сможет собрать значительных сил, так как «многие» перешли из Дивеева улуса в Казыев улус. Напоминалось, что сам Гази-Гирей писал Б.Ф.Годунову, что он «не чае идти на государевы украины». В этих условиях Москва настоятельно требует определиться со временем проведения посольского съезда и размена до сентября месяца, о чем крымцам следует известить хана наряду с отправляемыми вместе с ними служилыми татарами (Там же, л. 11–12). Однако крымцы не дали определенного ответа. В начале сентября к Ливнам прибыли гонцы во главе с Сеит-Казы аталыком. Все крымские гонцы «старые» и «новые» были поставлены в Ливнах (Там же, л. 15). Сентябрь не принес изменений. Начались проблемы с продовольствием и конфликты с крымцами относительно выдачи им «жалования». Тогда, в начале октября, в Москве было принято решение отпустить всех крымских гонцов «старою посольскую дорогою» с «проводжатыми» непосредственно в Крым, минуя «новые города» Оскол Волуйки и Царев Борисов. Протест крымцев следовало отклонить. С крымцами посылались служилый татарин Исенча Русакешев. «Разменным послам» и послам князю Г.К.Волконскому и М.Огаркову предписывалось двигаться отдельно от крымцев в Царев Борисов (Там же, л. 24–28). 14 октября из Москвы прибыли последние отпускаемые крымские гонцы во главе с Казан-агой (Там же, л. 28). В тот же день «лучшие» крымские гонцы были вызваны в посольский стан, где были извещены «разменными послами» об отпуске. Им была вручена грамота Бориса Федоровича Годунова к хану, «писанная татарским письмом». Гонцы пытались отказаться ее принять, но безуспешно. (Там же, л. 34). 15 октября все крымские гонцы в сопровождении «проводжатых» перешли реку Сосны (Там же, л. 35). Их должны были провожать до Донца, где их поджидали контингенты, присланные из Царева Борисова.

Итак, базой проведения посольского размена становился недавно возведенный «новый город» Царев Борисов. В Посольском приказе этот вариант рассматривался с конца лета, и вскоре на него было получено согласие крымской стороны. Еще в начале августа из Москвы в Крым для прояснения причин задержки крымского посольства был послан гонец Иван Брехов. 25 октября он прибыл в Ливны и сообщил, что везет послания от хана Гази-Гирея II и от Ахмед-паши царю Борису Годунову. Отдельное послание Ахмед-паши адресовалось «разменным послам». Послание было написано «татарским письмом» и тут же переведено послам (Там же, л. 36–37). Содержание послания и сообщенные «словом» сведения И.Брехова объясняли причину задержки прибытия крымского посольства. В сентябре 1601 г. в Крыму разразился очередной династический кризис: «от царя к турскому побегал брат его калга» (Там же, л. 37), и по этой причине Ахмед-паша, якобы уже выступивший из Перекопа вместе с посольством Мустафы-мурзы, вынужден был вернуться. В послании Ахмед-паша сообщал послам о том, что «царь учинил калгою сына своего Тохтамыш-Гирея» (Там же, л. 39). Крымская сторона соглашалась на размен под Царевым Борисовым, куда Ахмед-паша обещал выступить в ближайшее время.

В послании послам Ахмед-паша, естественно, не указывал главную причину своего возвращения в Крым (если оно вообще имело место): его давние личные связи с Селамет-Гиреем. К тому же Ахмед-паша умалчивал о том, почему с июля послы не получали никаких известий из Крыма. Событиям сентября 1601 г. предшествовала в июне расправа над его сторонниками, как из числа зна-

ти так и представителей династии Гиреев. В числе прочих погиб сын Сеадет-Гирея II и Ертуган Девлет-Гирей, наиболее вероятный наследник бездетного Селамет-Гирея в случае занятия им бахчисарайского престола. Погиб также племянник хана влиятельный бек Кутлу-Гирей Ширинский, активно участвовавший в «ссылках» с Москвой еще с конца 80-х гг. (Гайваронский, 2007, с. 341). Подробности этих событий послам Ахмед-пашой сообщены не были. Между тем, именно расправа над Девлет-Гиреем привела к противостоянию хана с Селамет-Гиреем, продолжавшегося до сентября месяца, когда он бежал в Стамбул (Там же, с. 342). После бегства Селамет-Гирея положение Гази-Гирея II на престоле оставалось крайне неустойчивым. Об этом свидетельствуют как приводимые Д.Скорупой донесения польского посла в Бахчисарае Л.Пясецкого (Skorupa, 2004, s. 110), так крымские и османские источники, приводимые В.Д.Смирновым (Смирнов, 2005, т. 1, с. 336). Это объясняет дальнейшее затягивание выступления Ахмед-паши к Цареву Борису. Кроме того, необходимо учитывать, что в любом случае посольство князя Г.К. Волконского и дьяка М.Огаркова должно было прибыть в Крым после отпуска польского посольства Л.Пясецкого, так как одновременное пребывание посольств Русского государства и Речи Посполитой в Бахчисарае или в другом местопребывании хана исключалось, исходя из сложившейся практики дипломатических «ссылок» Крымского ханства с двумя сопредельными государствами. Переговоры с Л.Пясяцким по ряду причин затянулись до весны 1602 г.

В любом случае пребывание послов у Ливен завершалось. И.Брехов был незамедлительно отправлен в Москву, а послы стали готовиться к отъезду. 26 октября посольство князя Г.К. Волконского и «разменные послы» перешли реку Сосну и двинулись к Цареву Борису, куда они прибыли 18 ноября (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 2; Д. 2. Л. 40–41).

Пребывание послов в Цареве Борисове продолжалось до весны 1602 г. Сведений о положении дел в Крыму не было. В марте в Крым из Царева Борисова был послан Федор Челюскин. Его отправление было следствием получения из Москвы указной грамоты о немедленном прояснении ситуации, связанной с задержкой посольского размена (Там же, д. 2, л. 49–50). Федор Челюскин прислал сведения о выступлении крымского посольства 6 апреля со служивыми татарами (Там же, л. 52). С ними прибыли гонцы от Ахмед-паши, направлявшиеся в Москву с посланиями от него к царю Борису Годунову. Гонцы были «расспрошены» послами. Ахмед-паша информировал Москву о своем выступлении из Перекопа и скором подходе к Донцу. Крымцы также сообщили, что вторым «разменным послом» хан назначил брата Ахмед-паши Ибрагима-мурзу (Там же, л. 57).

К апрелю послы расположились на берегах Донца (точное местопребывание лагеря неизвестно). «Государева казна» оставалась в Цареве Борисове. Для получения сведений о приближении крымского посольства из Царева Борисова к реке Камиус были направлены служилые татары и казаки. 20 апреля они вернулись в Царев Борисов с известием о приближении крымского посольства. Это же подтвердил прибывший 22 апреля в Царев Борисов служилый татарин от Федора Челюскина. Ахмед-паша не отпустил самого Челюскина. Прибытие крымского посольства в район Царева Борисова ожидалось к 24 апреля (Там же, л. 81). В течении двух дней велись поиски удобного места для проведения посольского съезда и размена. Проблема заключалась в вопросе о постройке моста через реку Донец. 24 апреля послы завязали «ссылки» с прибывающим посольством, в очередной раз послав за Донец служилых татар (Там же, л. 84). Возвратившись, те сообщили, что посольство уже на подходе.

26 апреля крымское посольство подошло к одному из известных крымцам «перевозов» («своему перевозу») Донца (Там же, л. 87). В тот же день в крымский лагерь был послан толмач Разгилдей Бученков с предложением о порядке переговоров. Согласно «наказу», они были состояться в шатрах на «московском берегу». Однако Ахмед-паша заявил, что за Донец ему «ехать не приказано». В ответ на напоминание о том, что под Ливнами он вел переговоры в шатрах, Ахмед-паша заявил, что это он делал тогда «без царева ведома», и теперь переговоры будут проходить на мосту. Далее он заявил, что в случае, если не будет возможности возвести мост, переговоры должны будут проходить в крымском лагере (Там же, л. 88–91). Таким образом, обозначилась конфликтная ситуация.

Вечером к послам явился Ислам-оглан, «а русское имя ему князь Федор», с ранее отпущенным из Москвы «младшим» крымским гонцом Епроком, отправленным в начале года к царевичу Федору Борисовичу, и доверенным лицом Ахмед-паши Аллой атальком для ведения переговоров (Там же, л. 92). Появление «князя Федора» было знаковым: как и в 1593 году, во время посольско-

го съезда под Ливнами хан Гази-Гирей II придал Ахмед-паше в качестве своего эмиссара многоопытного сына Ак-Мухаммед-оглана (Ахмед-улана)³.

Начались напряженные переговоры. Ислам-оглан жестко заявил, что Ахмед-паша действительно имеет приказ хана не пересекать Донец и вести переговоры только на мосту через реку. Послы предъявили претензии относительно затягивания прибытия крымского посольства, из-за чего были понесены «великие убытки». Было заявлено, что место размена под Царевом Борисовым было согласовано с крымской стороной, о чем Ахмед-паша сообщил при отпуске гонца Ивана Брехова. Однако послы вынуждены были провести в Цареве Борисове всю зиму. Были высказаны претензии и относительно задержания Федор Челюскина. Ислам-оглан напомнил, что когда ранее размен происходил под Ливнами, тогда переговоры также начались на мосту через реку Сосна. При этом Ислам-оглан отмечал, что «ныне» расположение крымского лагеря «от берега далеко» и «моста на реке нет». И.И.Бутурлин жестко заявил, что сам был под Ливнами и прекрасно помнит, что и тогда крымский лагерь был «не близко» от реки Сосны. Ислам-оглан заявил, что река Донец не река Сосны, она быстрая и к тому же «разлилася» из-за весеннего паводка и возвести мост «не мочно». И.М.Бутурлин категорически заявил, что на «московском» берегу будут поставлены шатры для переговоров. Сами послы за реку не поедут. Ислам-оглан заявил, что сообщит это решение послов Ахмед-паше (Там же, л. 92–97).

29 апреля в крымский лагерь несколько раз ездил Разгилдей Бученков. В конечном итоге, после безуспешных переговоров с Ахмед-пашой послами было принято решение делать мост (Там же, л. 97–99). 30 апреля ценой огромных усилий мост был поставлен (Там же, л. 99). 1 мая на «московском» берегу были возведены шатры. К Ахмед-паше были посланы толмачи Разгилдей Бученков и Семейка Судаков. Было предложено начать переговоры на мосту, «сошедши с лошадей», а затем проследовать в шатер. Ахмед-паша заявил, что переговоры будут проходить только на мосту. В конечном итоге, после повторного визита толмачей было решено проводить переговоры на мосту в сопровождении «немногих люднй», количество которых не должно было превышать десяти человек (Там же, л. 100–102). Послы направились к мосту через реку Донец, где вскоре появился Ахмед-паша в сопровождении крымских мурз (Там же, л. 103).

Переговоры послов с Ахмед-пашой изначально ознаменовались конфликтом. Встретившись на середине моста послы предложили Ахмед-паше проследовать в шатер, указав, что «на мосту говорить невместно». И.М. Бутурлин напомнил, что «преж того» под Ливнами переговоры проходили в шатре. Однако Ахмед-паша занял жесткую позицию, заявив, что «царь того не приказывал, чтоб мне сидеть у вас в шатре» (Там же, л. 103–104). После препирательств послы вынуждены были вести переговоры на мосту. Они продолжались несколько часов, причем все участники все это время стояли. Сопровождавшие Ахмед-пашу мурзы в обмене «речами» не участвовали и стояли в отдалении. Переговоры Ахмед-паша вел лично. С русской стороны их фактически единолично вел И.М.Бутурлин. Дьяк Г.Клобуков играл второстепенную роль, лишь изредка вступая в ход обмена «речами». Между И.М.Бутурлиным и Ахмед-пашой явно чувствовалась взаимная неприязнь, выражавшаяся в обмене жесткими репликами, что серьезно осложняло ход переговоров. И.М.Бутурлин зачитал краткую приветственную «речь». После традиционного обмена приветствиями и вопросами о здоровье государей между Ахмед-пашой и И.М.Бутурлиным начался обмен взаимными претензиями, доходившей подчас до откровенной перебранки. Вначале И.М.Бутурлин изложил претензии относительно долгого ожидания размена у Ливен и затем у Царева Борисова, в котором они стояли «всю зиму». И.М.Бутурлин сообщил, что везет в Крым «великие поминки» и «жалование деньгами и платьем» князьям и мурзам, не уточнив при этом суммы «запрсных денег» предназначавшихся хану и представителям династии Гиреев. Далее И.П.Бутурлин выразил недвусмысленное требование принесение Ахмед-пашой шерти «за весь Крым» «по прежнему обычаю», исходя из порядка проведения съездов и разменов, сложившимся в 1593 году (Там же, л. 108–113). Ахмед-паша потребовал уточнение суммы «запросных денег». И.П.Бутурлин оценил общее количество «поминок» и «запросных денег» всем Гиреем в четырнадцать тысяч рублей, уточнив, что помимо этого лично хану посылаются четыре тысячи «запросных денег» (Там же, л. 113–114). Это приворечило сумме, оговоренной при переговорах Б.Ф.Годунова с Ямгурчеем аталыком летом 1593 года – десять тысяч «запрсных денег» хану при каждом посольском размене. Ахмед-паша выразил неудовольствие, и тогда И.П.Бутурлин разразился огромной «речью» с изложением хода

³ Подробнее о его судьбе: Зайцев, 2013, с. 146–156.

«ссылкам» между Москвой и Бахчисараем за весь период правления хана Гази-Гирея II. «Разменный посол», напомнив, что Борис Федорович учинился «на Российском царстве», таким образом взял под сомнение прежние договоренности между ним, как «везирем» и ханом Гази-Гиреем. Далее он напомнил, что сам хан вторично «учинился на своем царстве». И.П.Бутурлин подчеркнул, что целью отправляемого посольства является заключение нового договора, причем особо напирал на то, что шертовать хан должен с калгой Тохтамыш-Гиреем и всеми «царевичами» и «ближними людьми» «по тому списку» договора, который составлен в Москве. И.П.Бутурлин подчеркивал, что положение Русского государства на южных рубежах значительно укрепилось: поставлены «новые города» (Там же, л. 114–118). Далее посол напомнил, что при государе Федоре Ивановиче в то время как «Казы-Гирей царь ходил на Можары, а калга Фети-Гирей царевич ходил на Волохи и в Крыме в те поры никого не было» можно было «государю нашему недружбу царю учинити» (Там же, л. 118). Фактически И.М.Бутурлин возвращался к хорошо известным Ахмед-паше угрозам посольского дьяка В.Я.Щелкалова при переговорах с крымскими гонцами в 1595 г. (Виноградов, 2018 с. 50). Впрочем, затем, после многочисленных заверений в «любви» и в «дружбе» царя Бориса Федоровича к хану Гази-Гирею, И.П.Бутурлин напомнил о временах «братства и любви» при их «правродителях», ненавязчиво подчеркнув тем самым права Бориса Годунова на российский престол. Далее И.М.Бутурлин напомнил, что «дружба и любовь государей» принесли «государством своим расширение», несомненно, имея в виду падение Большой Орды. После этого И.П.Бутурлин вновь обратился к закамуфлированным угрозам, красочно описав как сейчас «у государя нашего многая воинская рать устроена», поведал, что в настоящее время «недруга великому государю нашему никого нет» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1601 г. Д. 2. Л. 118–121). Затем дьяк Г.Клобуков напомнил об обязательствах, принятых Ахмед-пашой при принесении им шерти под Ливнами, причем особо отметил, что «по прошению» Ахмед-паши ему был передан тогда его брат Ибрагим-мурза. Напомнил Г.Клобуков и об отпуске «царицы» Ертуган (Там же, л. 121). Это упоминание было наверняка воспринято Ахмед-пашой весьма болезненно: менее чем полгода назад сын Ертуган Девлет-Гирей был убит по приказу хана при расправе со сторонниками Селамет-Гирея. Впрочем, и без этого у Ахмед-паши было достаточно оснований для резкого ответа русским послам. Ахмед-паша жестко напомнил, что после того «как по турецкого указу на Крыме царем» был «учинен» Гази-Гирей, уточнив, что он «в нове учился царем» «неправд» от него Московскому государству не было. Хан также желает «дружбы и любви» с Москвой, но не потерпит угроз со стороны московского государя. В этой связи Ахмед-паша заявил, что в последние годы, когда «царь ходил на Можары в Крыму люди были». Ахмед-паша признал, что «по цареву прошению» в Крым была отпущена «царица» Ертуган и был освобожден его брат Ибрагим-мурза, но не без оснований заявил, что именно это явилось причиной принесения им шерти на посольском съезде и размене под Ливнами. Кроме того, Ахмед-паша напомнил, что тогда русское посольство везло в Крым десять тысяч «запросных денег». Так как «нынешняя посылка не та». Ахмед-паша отказывается приносить шерть. После этого Ахмед-паша «пошел с моста» (Там же, л. 121–124).

Ситуация во многом напоминала события ноября 1593 года под Ливнами, но с явными признаками срыва переговоров. Вечером на «крымскую сторону» один за другим были посланы несколько толмачей с призывами «съехаться в том же месте и о добром деле договор учинить». Ахмед-паша дал согласие только ночью (Там же, л. 124–127).

2 мая переговоры вновь возобновились на мосту. Этому предшествовали длительные препирательства явившегося к мосту Ахмед-паши с посланным к нему послами толмачами Разгилдеем Бученковом и Семейкой Судаковым. Ахмед-паша заявил им, что ему «не для чего на мост ходити», отказавшись, таким образом, от дальнейших переговоров (Там же л. 127–129). Ахмед-паша соглашался только на посольский размен: «я де царевых послов отпущу» (л. 130–131). Послы проявили неуступчивость, вновь потребовав через толмачей принесения шерти «за весь Крым» на мосту. Только после этого должен был состояться посольский размен. «Разменное жалование» Ахмед-паша и мурзам должно быть отдано в шатре «на московском берегу» реки после перехода посольств (Там же, л. 131–132). Наконец, Ахмед-паша «сошелся» с послами посреди моста, и начались переговоры, как и накануне зачастую переходящими в откровенную склоку. И.П.Бутурлин в очередной раз обратился к предшествующему посольскому съезду, напомнив, что после принесения на нем Ахмед-пашой шерти посольство князя М.А.Щербатова и дьяка А.Демьянова привезло в Крым «великие поминки», и еще более «великие поминки» везет сейчас в Крым посольство князя Г.К.Волконского и дьяка М.Огаркова вместе с «запросными деньгами». И.П.Бутурлин настаивал

что такую «великую посылку нельзя дать без шерти» Ахмед-паши (Там же, л. 132–133). Однако глава клана Яшлавских был непреклонен, заявив, что не принесет шерть ни при каких обстоятельствах. Если московский государь действительно хочет «дружбы и любви с Казы-Гиреем царем», то ему достаточно будет принесения шерти самим ханом в Крыму. Далее Ахмед-паша обвинил русскую сторону в том, что нарушены обязательства царя Бориса Годунова по присылке «запросных денег», так как он «с крымскими гонцы с Магмет-мурзою писал, что по запросу все сполна послано», а послы привезли недостаточное количество «запросных денег». Ахмед-паша готов был даже отказаться от «жалования» и вообще угрожал «разъехаться» (Там же, л. 133–135). В соответствии «с наказом» И.П.Бутурлин, И.М.Пушеин и дьяк Г.Клобуков вынуждены были согласиться на «размен послов без шерти» (Там же, л. 135). Но и здесь Ахмед-паша проявил неуступчивость, заявив, что не поедет «на московский берег» для получения «жалования». И.П. Бутурлин в очередной раз напомнил, что под Ливнами Ахмед-паша отправился «в шатер к князю Федору Ивановичу Хворостину с товарищи». Ахмед-паша незатейливо ответил, что тогда там его ждал освобожденный брат Ибрагим-мурза. Тогда И.П.Бутурлин в очередной раз пригрозил вообще «не выдавать жалование» (Там же, л. 136–137). Разъяренный Ахмед-паша напомнил, что он, как и его отец и брат, «исконне служит» московским государям, «пошел прочь с моста» (Там же, л. 138–139).

Впрочем, вечером переговоры на мосту возобновились. На этот раз Ахмед-паша потребовал, чтобы «разменное жалование» ему и мурзам было отдано «за рекою», т.е. отправлено в крымский лагерь до совершения посольского размена. Послы вновь жестко заявили, что, согласно «наказу», жалование может быть отдано только в шатре на «московской стороне реки» (Там же, л. 139–141).

3 мая с утра послы отправили толмача Семейку Судакова к Мустофе-мурзе Яшлавскому «с товарищи» с посланием, где излагались последствия непреклонной позиции Ахмеда-паши. В случае срыва посольского размена и Ахмед-паша и Мустафа-мурза будут «у царя в опале». Если Ахмед-паша организует несогласованный с послами переход крымского посольства по мосту «на московскую сторону», то Мустафу-мурзу «с товарищи» ожидает «утеснение»: невыплата «встречного жалования» и корма и вообще незавидное будущее из-за гнева царя Бориса Федоровича. (Там же, л. 141–144). После встречи Мустафы-мурзы и Ахмед-паши Семейка Судаков привез новое предложение крымской стороны: шатер должен был быть установлен посреди моста в «том месте где они сходились». Ахмед-паша с мурзами в шатре получит «жалование», затем состоится посольский размен. Послы не соглашались и только к ночи решили дать согласие, «памятуя службу Сулешеву к великим государям» (Там же, л. 144–145). Переговоры послов с Ахмед-пашой в шатре ознаменовались очередной конфликтной ситуацией. Ахмед-паша потребовал выдачи жалования командному составу («есаулам») «царевых янычар» – контингенту сейменов, выделенным крымскому посольству в качестве «проводящих»⁴. Послы согласились, уточнив, что «жалование» будет выдано только на следующий день. Непосредственно в шатре на мосту «жалование» было роздано только пятнадцати мурзам (Там же, л. 145).

На следующий день, 4 мая, переговоры, вновь шедшие в шатре на середине моста, касались уже условий получения «жалования» направляющимся в Москву послами, а также уточнения количества «разменного жалования» остальным мурзам и «есаулам царевых янычар», которое после очередных препирательств было передано Ахмед-паше и отправлено в крымский лагерь (Там же, л. 142–153). После этого переговоры продолжились. Последовали традиционные претензии относительно нападений донских казаков на «казыевские улусы». Послы парировали обвинениями в нападении «казыевцев» на «московские украины». Затем началось длительное выяснение «частных вопросов» относительно деятельности крымских гонцов по «выкупу полоняников» и взаимной выдачи перебежчиков. В «лучших традициях» не обошлось и без претензий относительно получения недостаточного «жалования» в Москве ханским гонцам. При этом выяснилось, что ханский гонец Сеит Казы аталык имеет тесные связи с кланом Яшлавских (Там же, л. 153–165).

5 мая посольский размен был совершен. Подробности перехода посольств через реку Донец в «статейном списке» не приводились. Послы настояли, чтобы крымские послы получили «встречное жалование» на «московском берегу в съезде шатре», что и было исполнено (Там же, л. 168). Утром 5 мая Ахмед-паша предъявил претензии относительно недостаточного количества «жалования». Семейке Судакову удалось договориться с Ахмед-пашой о том, что встреча с послами состоится уже после размена (Там же, л. 166). Последние переговоры послов с Ахмед-пашой уже по-

⁴ В ряде случаев именуется «янычарскими головами» (Там же, л. 149).

сле перехода посольств через мост озаменовались очередными препирательствами. Глава клана Яшлавских был недоволен количеством «жалования» и напоследок заявил, что будь его воля, он «на розмену не ехал» и «государю вашему послов не отпустил» (Там же, л. 167). 7 мая послы сообщили государю о завершении «размены». В Москву «посольскую крымскую дорогою» отправлялось посольство Мустафы-мурзы (Там же, л. 170). Всего для совершения размена и сопровождения посольства к Москве было задействовано 83 сына боярских, 230 стрельцов «украинных городов», более 750 казаков – Ахмед-пашу сопровождали более тысячи человек. Хан предоставил 70 своих «янычар»-сейменов (Там же, л. 171).

Московские послы до последнего стремились обеспечить предварительное принесение шерти Ахмед-пашой, однако это им не удалось достигнуть. В целом первый и последний посольский съезд, и размен под Царевым Борисовым явился своеобразным эпилогом посольских разменов в эпоху Бориса Годунова и хана Гази-Гирея II.

5. Посольство князя Г.К.Волконского. Заключение русско-крымского договора 1602 г.

Ход посольского размена под Царевым Борисовым показал, что установление «дружбы и любви» с царем Борисом Федоровичем Годуновым хан Гази-Гирей II обуславливал рядом условий, что проявилось во время переговоров Ахмед-паши Яшлавского с «разменными послами». На первый взгляд, конфликт касался выплаты «запросных денег», которые рассматривались крымской стороной как главное условие заключения нового «докончания». Однако при переговорах Ахмед-паши отчетливо проявилось стремление хана не дать Москве воспользоваться напряженностью его отношений с Портой и обострившейся династической ситуацией. С 1598 года Гази-Гирей II вел сложную дипломатическую игру с тем, чтобы избежать дальнейшего участия в войне со «Священной Лигой», при этом сохранить лояльность султану (Ivanics, 1994, s. 149–160)⁵. Его переговоры с Речью Посполитой и контакты с трансильванским князем Жигимонтом Батори формально не противоречили политике Порты, но, несомненно, свидетельствовали о стремлении использовать сложившуюся ситуацию для укрепления внешнеполитических позиций Крыма. Оставление ханом театра военных действий в 1599 г. само по себе было достаточно рискованным шагом в условиях его конфликта с великим везирем Ибрагимом-пашой (Грайворонский, 2007, с. 339–340). Ситуация усугублялась событиями лета и осени 1601 года. Хан явно опасался возможности своего низложения. Тяжелая династическая ситуация повлияла на фактический провал польского посольства Л.Пясечинского осенью 1601 г., Гази-Гирей II заподозрил польского посла в том, что он считает неизбежным его смещение с престола и замену Селамет-Гиреем. Это, наряду с нежеланием части политической элиты Речи Посполитой во главе с Я.Замойским отказываться от вмешательства в ситуацию в Молдове и Валахии, привело к неудаче переговоров. Свою роль сыграло и недостаточное количество привезенных «подарков». Между тем, переговоры с Пясечинском были одной из причин затягивания Гази-Гиреем посольского размена с Москвой (Skorupa, 2004, s.110). Весной 1602 г., вернувшийся в Крым из Речи Посполитой посол Джан Ахмед Челеби известил хана о том, что в Москве состоялись переговоры с польско-литовским посольством о продлении перемирия и, возможно, даже о заключении «вечного мира». Это, по мнению Д.Скорупы, повлияло на решение Гази-Гирея II «принять московского посла» (Там же, s. 111).

Материалы русской посольской документации по пребыванию посольства князя Г.К.Волконского и дьяка М.Огаркова в Крыму в 1602 году полностью утрачены. В июне 1602 года Гази-Гирей II принес шерть на тексте, разработанном в Москве тексте «докончания». В реестре шертных грамот крымских ханов А.Малиновского документ обозначен (№32 реестра) как «Шертная грамота Крымского Царя Казы-Гирея, данная Царю Борису Федоровичу Годунову пред Российскими в Крыму посланниками князем Волконским и дьяком Огарковым, на основании прежде бывших постановлений между Российскими Государями и Крымскими Царями, относительно взаимной дружбы, общего спокойствия и свободного послам и купцам проезда» (Малиновский, 1890, с. 17–18). Документ опубликован Ф.Ф.Лашковым по копии, доставленной в 1604 г. в Москву посланником Джан Ахмедом Челеби (Лашков, 1890, с 9–11). Шертная грамота в целом дословно соответствует той, на которой Гази-Гирей II шертовал в апреле 1594 года перед послами князем

⁵ Этой проблеме также был посвящен доклад Марии Иванич «Дипломатическая активность Крымского ханства в Восточной Европе (1598–1682) на VI Международном Золотоордынском Форуме 28 июня 2019 г. (в печати, предполагается в «Золотоордынском обозрении»).

М.А.Щербатовым и дьяком А.Демьяновым. Хан шертовал за Дивеев улус и Казыев улус исходя из того, что они находятся под его политическим контролем, хотя, возможно, степень его контроля Казыева улуса была относительна. Отмечено, что к шерти был приведен калга Тохтамыш-Гирей «да сын наш Сефер-Гирей царевич и иные царевичи, и братья наши, и каречи, и уланы, и князи, и мурзы». Факт приведения к шерти сыновей хана и «ближних царевых людей» в дальнейшем многократно подтверждался в русской посольской документации, в частности при принесении шерти ханом Джанибек-Гиреем перед тем же послом князем Г.К.Волконским в сентябре 1614 года. Факт принесения ханом шерти «перед Борисовы с послом перед князем Григорием Волконским» являлся главным аргументом в пользу сохранения мирных отношений между Москвой и Бахчисараем при царе Василии Шуйском, что отражено в составленном в апреле 1607 г. посланнику С.М.Ушакову тексте (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1607 г. Д. 2. Л. 10–11). Заключение очередного «докончания» было успехом русской дипломатии, однако оно должно было сопровождаться достижением взаимных обязательств сторон, о которых мы, к сожалению, не можем узнать.

Восстановить ход переговоров князя Г.К. Волконского и М.Огаркова в Крыму не представляется возможным. Утрачены и инструкции посольству. Отсутствие достоверной источниковой базы (за исключением относящейся к посольскому съезду и размену под Ливнами) сделало неизбежным значительный разброс мнений в историографии относительно результатов посольства. Прежде всего, это касается возможных договоренностей между ханом Гази-Гиреем II и Борисом Федоровичем Годуновым о поддержке хану со стороны Москвы в случае его смещения с престола Портой. А.А.Новосельский, как известно констатировал, что успех посольства князя Г.К.Волконского и М.Огаркова был обеспечен династическими распрями в Крыму, угрозой смещения хана с престола Портой и вообще общим ослаблением внешнеполитического положения Крыма «неприятными отношениями с горскими черкасами и Малыми Ногаями» (Новосельский, 1948, с 47–48). Возможность сближения Русского государства и Крыма на антиосманской основе А.А.Новосельский не рассматривал в принципе.

Московская дипломатия, как и польско-литовская, учитывала, что в случае неподчинения Гази-Гирею II султану начнется открытый конфликт с Портой, следствием чего может быть его соглашение с союзниками Габсбургов, а, возможно, и с императором, а также союз с Москвой. В этом случае влиятельные силы в Речи Посполитой предполагали активизировать политику в отношении Валахии и Молдовы хотя о том, насколько эти планы могли быть предотвращены в жизнь, в польской историографии нет единства мнений⁶.

Ввиду отсутствия русской посольской документации по связям с Крымом нет ясности и в отношении планов относительно дальнейших «ссылок» с Бахчисараем Бориса Федоровича Годунова. Д.В.Лисейцев исходит из того, что в ходе посольства А.И.Власьева в империю в 1604 г. рассматривалась возможность выхода Крыма из под контроля Порты. Д.В.Лисейцев полагает, что этот вопрос был ранее затронут во время переписки Гази-Гирея с Борисом Годуновым, касающейся организации посольского размена, что повлекло за собой активизацию контактов Гази-Гирея II с императором Рудольфом II (Лисейцев, 2006 с. 248). Действительно в ходе переговоров разменных послов с отпускаемыми крымскими гонцами под Ливными видно, что в посланиях от хана к Годунову содержались недвусмысленные свидетельства его конфликта с Портой. Это дало возможность Д.В.Лисейцеву предположить, что посольство князя Г.К. Волконского, по всей видимости, должно было передать хану предложение совместных действий против Османской империи (Там же, с 249). Возможно, что такие инструкции были действительно даны Волконскому. Однако ход переговоров Ахмед-паши с разменными послами демонстрировал лояльность хана Порте. Как и в 1594 году при переговорах посольства князя М.А.Щербатова опасная тема возможности выхода Крыма из-под власти султана не рассматривалась. Гази-Гирей, как и в 1594 году, прежде всего, стремился к сохранению мирных отношений, которые позволяли ему нейтрализовать действия донского казачества, вообще избегать возможных неожиданностей в отношении с Москвой. Это же касалось и дипломатических контактов Крыма с Речью Посполитой, куда в 1603 году, после возвращения хана с театра военных действий, было отправлено посольство Джан Антона, которому к началу

⁶ Д.Колодзейчик не исключает, что «османско-крымская напряженность» открывало перед политикой Замойского определенные возможности (Kolodziejczyk, 2011, р. 118) Однако при этом Д.Колодзейчик, как и Д.Скорупа, констатирует фактический провал посольства Джан Ахмеда Челеби в Речи Посполитой весной 1602 г. и неудачу второй миссии Л.Пясечинского 1602–1603 гг.

1604 г. отчасти удалось смягчить напряженность в польско-крымских отношениях (Kolodziejczyk, 2011, p. 118; Skogura, 2004, s. 121–123). При этом приводимые Д.Скорупой подробности переговоров посла с Замойским показывали, что стороны были согласны в том, что напряженность в их отношениях «выгодна Московскому, так же как и Турку (султану)» (Skogura, 2004, s. 122)⁷. Антиосманские настроения хана Гази-Гирея II, проявившиеся в отношениях с Речью Посполитой, не означали его готовность к разрыву с Портой.

Между тем, сам факт принесения шерти Гази-Гиреем II перед посольством князя Г.К.Волконского в дипломатических «ссылках» с империей, как показал Д.В.Лисейцев анализируя материалы по прибытию в Москву имперского гонца летом 1604 г., трактовался как решение «главной задачи»: чтобы хан «турскому не вспомогал и на цесареву землю войной сам не ходил» (Лисейцев, 2006, с. 249). Однако, есть все основания утверждать, что эти объяснения делались «задним числом», исходя из факта уже известного в Москве очередного самовольного оставления ханом театра военных действий в Венгрии. Тем не менее, Д.В.Лисейцев полагает, что, прежде всего, именно в результате переговоров посольства князя Г.К.Волконского и М.Огаркова «Имеются основания высказать предположение о том, что связи Московского государства с Крымским ханством в начале XVII столетия не только имели мирный характер, но и шли к заключению военного союза» (Там же, с. 246). На наш взгляд, не отрицая «вполне мирного характера» русско-крымских отношений в 1600–1604 гг. относительно возможности заключения военного союза имел место только осторожный и весьма ограниченный зондаж при обмене посланиями между Гази-Гиреем II и Б.Ф.Годуновым еще до отправления посольства князя Г.К.Волконского и М.Огаркова. Об этом косвенно свидетельствуют заявления «разменных послов» и Г.К.Волконского с М.Огарковым на основании инструкций Посольского приказа во время переговоров с отпускаемыми крымскими гонцами под Ливнами осенью 1601 года.

Время и обстоятельства отпуска из Крыма посольства князя Г.К.Волконского и М.Огаркова неизвестны. Есть все основания утверждать, что его отпуск не сопровождался отправлением в Москву нового крымского посольства. Посольство Мустафы-мурзы Яшлавского пребывало на территории Русского государства до осени 1603 г. и было отпущено по сведениям разрядов 26 ноября (РК, 1475–1605, т.4, ч.2, с.76). Отказ Гази-Гирея от отправления в Москву нового посольства, вероятно, был связан с его очередным пребыванием на театре военных действий с осени 1602 года по весну 1603 г.

Участие в кампании 1602/1603 гг. хана оказалось малорезультативным, и весной он уже второй раз самовольно покинул театр военных действий. В польской историографии укоренилось мнение, что это решение было связано с развитием событий в Османской империи, в которые оказались втянуты изгнанные из Крыма в разное время и при разных обстоятельствах Гирей – Селамет-Гирей, Мухаммед-Гирей и Шагин-Гирей (Skogura, 2004, s. 119–120). Мятежи в османских провинциях поэтому грозили непредсказуемыми последствиями не только для Порты, но и для крымского хана. Восшествие на престол султана Ахмеда I декабре 1603 г. только усложнило ситуацию. Мухаммед-Гирей был им помилован за участие в мятеже и, наряду с Селамет-Гиреем, превратился в одного из возможных претендентов на бахчисарайский престол (Там же, с. 121).

Однако «больших неприятностей» от нового султана, занятого «вхождением во власть» Гази-Гиреем II, пока не ожидалось. Хан обратился к дипломатическим контактам с Русским государством и Речью Посполитой.

6. Дипломатический кризис 1603 г. Провал посольства князя Ф.П.Барятинского и дьяка Д.Бохина

Осенью 1603 года русско-крымские дипломатические «ссылки» активизировались. В Бахчисарай вместе с отпускаемым посольством Мустафы-мурзы Яшлавского было отправлено посольство князя Ф.П.Барятинского и дьяка Д.Бохина⁸. Пребывание посольства в Крыму ознаменовалось серьезным конфликтом, завершившимся выдворением посольства «без дела»: без сопровождения не только новых послов, но и гонцов.

Суть конфликта была изложена в «речи» гонца Джан Ахмеда Челеби от имени хана на аудиенции у царя Бориса Федоровича Годунова 12 сентября 1604 г. По версии крымской стороны, ау-

⁷ Из послания Яна Замойского королю Сигизмунду III.

⁸ По сведениям разрядов было отправлено 26 ноября 1603 г. (РК, 1475–1605, т. IV, ч.2, с. 76).

диенция послов у хана по приезде прошла без конфликтов: «послы у нас на посольстве были, и что с ним о добрых делах который приказ был, то нам от вас, брата нашего объявили» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 23; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с 159). Однако спустя пять дней после аудиенции в Бахчисарае стало известно о нападении донских казаков на «наши улусы на Карасан». Гази-Гирей II потребовал отправления служилых татар из состава посольства к казакам с целью возвращения полона. При этом в «речи» гонца указывается, что первоначальным требованием хана было, чтобы «посол бы твой для того полону х казакам ехал или товарища (второго посла Д.Болхина – А.В.) послал» (Там же, л. 23–24; там же, с. 159). Последовал отказ послов от участия в конфликте в любой форме так как подобные требования нарушали «посольские обычаи»: князь Ф.П.Барятинский заявил, что «он прислан не для казаков, чтоб их унимать и полон сыскивать» (Там же, л. 2; там же, с. 160). Послы исходили из традиционных положений «наказов» о том, что «казаки – воры беглые», и Москва не несет за их действия никакой ответственности, о чем они и заявили крымской стороне. Тогда послам было предложено отправить младшего по рангу Д.Болхина в Москву вместе с крымскими гонцами с изложением претензий крымской стороны. Послы ответили отказом, причем в речи Джан Ахмеда Челеби особо подчеркивалось, что они отказались даже отправить с крымскими гонцами служилых татар. В результате хану «учинилось досадно» и «потому есмя вашего посла из Крыму и выслали, и с ним к вам, брату нашему, послов своих и гонцов не послали» (Там же).

Таким образом, по версии крымской стороны, причина конфликта заключалась в действиях донских казаков. Однако в историографии небезосновательно отмечается, что это был только повод. Такая мера как «выбивание» из Крыма русского посольства без сопутствующего отправления крымских дипломатов крайне редко встречалась в практике русско-крымских «ссылок». Последний раз это имело место осенью 1573 года, когда из Крыма было выдворено посольство А.Ф.Нагого и Ф.А.Писемского. Однако тогда имел место тяжелейший кризис в русско-крымских отношениях, связанный с фактическим разрывом царем Иваном Грозным дипломатических «ссылок» с Крымом после провала летнего похода 1572 года хана Девлет-Гирея I на Русское государство. Присутствовал ли такой кризис зимой 1603/1604 гг.? Д.В.Лисейцев полагает, что «одной из причин осложнения в отношениях с Бахчисараем стало появление в Польше претендента на российский престол» (Лисейцев, 2006, с. 249–250). Действительно, в 1604 году русско-крымские отношения протекали под знаком обозначившейся угрозы со стороны Самозванца, активно стремившегося к установлению союзных отношений с ханом. Однако осенью 1603 года проблема Самозванца в «ссылках» с Крымом вряд ли приобрела первостепенное значение.

Чтобы выяснить причину конфликта, надо обратиться к последовательности событий. В «речи» гонца Джан Ахмеда Челеби она представляется следующей: посольский размен и съезд, причем подчеркивается, что «на розмену» ханом был послан «верный человек» Ахмед-паша. В Москву отправляется посольство Мустафы-мурзы. «И после послов послали к вам, брату нашему в гонцах меня Ян Ахмеда Челеби» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 22; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с 159).

Именно результатом миссии Джан Ахмеда Челеби к осени 1603 г. стало отправление в Крым посольства князя Ф.П.Барятинского и дьяка Д.Болхина, и отпуск посольства Мустафы-мурзы, вместе с которым он и был отпущен (Там же, л. 23, с. 59). Таким образом, отпуск посольства Мустафы-мурзы прошел без осуществления посольского съезда и размена, который должен был сопровождаться не только новыми переговорами, но и выплатой «жалования» «разменным послам» во главе с Ахмед-пашой Яшлавским. Возможно, что эпопея предшествующего посольского съезда и размена сопровождавшегося отказом Ахмед-паши принести новую шерсть и последовавшими многочисленными конфликтами явно не вызвала у Бориса Федоровича Годунова желания повторения. Отсюда стремление выпроводить крымское посольство без посольского размена и без отправления нового посольства с «запросными деньгами», что, по версии крымской стороны, было главным условием «докончания», заключенного посольством князя Г.К.Волконского. Такой ход Борис Федорович уже предпринял в мае 1595 года, выпроводив из Москвы без посольского размена посольство князя Ишмамента Ширинского. Тогда этот ход удался ввиду отсутствия хана в Крыму. Вероятно, в 1603 году Годунов рассчитывал на то, что хан также надолго «застрянет» на театре военных действий. Задачу Годунову облегчало возвращение посольства князя Г.К.Волконского без нового крымского посольства. Однако, как известно, Гази-Гирей II, вернувшись без позволения Порты в Крым, не желал больше появляться на театре военных действий. Раздраженный хан посылал в

Москву гонца Джан Ахмеда Челеби, который возвратился с посольством князя Ф.П.Барятинского и дьяка Д.Болхина опять без проведения посольского съезда и размена. Вероятно, миссия Джан Ахмеда Челеби в 1603 г., помимо всего прочего, имело целью и выяснение вопроса о выплате в Крым «запросных денег». Судя по всему, их количество, доставленное посольством князя Ф.П.Барятинского и дьяка Д.Болхина, хана не устроило. Показательно, что в отличие от посольств князя М.А.Щербатова 1594 года Л.Ложыженского 1598 г. и князя Г.К.Волконского 1602 г., это посольство в дальнейшем вообще не упоминается в русской посольской документации по связям с Крымом. Возможно, что имел и другой повод для конфликта: затягивание царем Борисом Федоровичем церемонии крестоцелования «на русском противне» «докончания» 1602 года. Это также было его старой уловкой: договор 1594 г. так и не был утвержден крестоцелованием царя Федора Ивановича. Однако в сохранившейся русской посольской документации по связям с Крымом в последние годы правления царя Бориса этот сюжет вообще не затрагивается.

7. Крымская дипломатия и начало Смуты в Русском государстве. Миссия в Москву Джан Ахмеда Челеби

Вопрос о влиянии угрозы со стороны Лжедмитрия I царю Борису Годунову на русско-крымские отношения давно поднимался в отечественной историографии. Д.В.Лисейцев достаточно убедительно доказал, что весной 1604 г. в Крыму было известно о появлении Самозванца на территории Речи Посполитой и его планах вторжения в Россию (Лисейцев, 2006, с. 250).

В начале 1604 года в Крым был отправлен гонец Александр Хрущов. О его миссии, как справедливо отмечает Д.В.Лисейцев, «в крымских делах сохранились лишь самые общие сведения» (Там же). Хрущов вернулся уже в конце июля – начале августа 1604 г. Он отбыл из Крыма вместе с большой группой гонцов во главе с посланником хана Джан Ахмедом Челеби. Это был один из наиболее опытных ханских дипломатов, исполнивший ряд ответственных дипломатических миссий как в Речь Посполитую, так и в Русское государство.

Содержание доставленных хану Гази-Гирею II грамот приводится Джан Ахмедом Челеби в «речи» от имени хана на аудиенции у царя Б.Ф.Годунова 12 сентября 1604 г.: «а в грамоте своей к нам писали, что мы Кази-Гирей царь, с тобой, братом нашим, кабы не хотя бытии в дружбе и в любви, послов наших к вам отпустили без дела и с ними к нам послов своих и гонцов не послали правду свою и шерть порушили» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 25–26; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с. 160). Далее следовало требование прислать «послов своих или гонцов». Таким образом, в изложении крымской стороны тон послания Годунова к хану отправленного с А.Хрущовым был достаточно жестким. Д.В.Лисейцев указывает, что «основной задачей русского гонца была попытка добиться отказа крымского хана от поддержки Лжедмитрия» (Лисейцев, 2006 с 251). В реальности для достижения этой цели А.Хрущова, несомненно, должен был подтвердить намерение Москвы следовать условиям договора 1602 г. с принятыми при его заключении «материальными обязательствами». В противном случае его отпуск не состоялся бы так быстро.

Возможно, быстрый отпуск А.Хрущова был связан и со стремлением хана получить достоверную информацию о военно-политической ситуации в Русском государстве. Собственно эту цель и преследовала миссия Джан Ахмеда Челеби, которой суждено было стать последней крымской дипломатической миссией, принятой царем Борисом Федоровичем.

Дело по приему Джан Ахмеда Челеби в составе столбцов крымских дел за 1604 г. сохранилось практически в полном объеме, и было опубликовано в 1918 году (Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с. 150–247). В тех условиях это было фактическое посольство, историю которого можно разделить на три этапа: сентябрь–ноябрь 1604 г., март 1605, июль 1605 г.

Первый этап представляет собой переговоры в Посольском приказе и прием у государя по приезде с последующими попытками Джан Ахмеда Челеби решить вопросы с возобновлением переговоров и с его отпуском. Второй этап – кратковременное возобновление переговоров в марте 1605 г.; третий этап – прием и отпуск гонцов Лжедмитрием I в июле 1605 г.

Крымские гонцы – 145 человек – прибыли в Ливны 18 августа 1604 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 1; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с. 152). На следующий день, 19 августа, они были отправлены в Москву по традиционному маршруту через Новосиль и Калугу (Там же, л. 34; Там же, с. 153). Столь быстрый отпуск гонцов из Ливен, казалось бы, свидетельствовал о скорейшем намерении царя Бориса Годунова осуществить их прием. Однако наиболее вероятной

представляется другая причина: гонцов необходимо было убрать из Ливен ввиду сосредоточения там крупных военных сил на случай предполагаемого вторжения хана Гази-Гирея II, возможно, в союзе с Самозванцем. Д.В.Лисейцев обратил внимание на то, что в июне имперскому гонцу вообще сообщили о готовности царского войска идти на Крым (Лисейцев, 2006, с. 251). Сопровождавшие крымских гонцов приставы доложили 8 сентября Посольскому дьяку о впечатлении, которое произвело сосредоточение войск около Ливен; «говорили деи с ними Ян-Ахмед чилибей в разговоре, пришед на Ливне увидя рать великую государеву, полки большие: людей де государевых на Ливнах добре много, не бывало столько» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 7; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с. 155). Д.В.Лисейцев усматривает в показе крымцам войск «впечатляющую демонстрацию российской военной мощи» (Лисейцев, 2006, с.251). Действительно, Джан Ахмед Челеби расценил это как подготовку похода на Крым и заявил приставам, что «у нашего деи царя Казы-Гирея также люди стоят в зборе для бережения» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 7; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с. 155). Однако причину предполагаемого похода крымский дипломат связал с действиями Лжедмитрия I по привлечению Крыма к союзу против царя Бориса Годунова: «а такую деи смуту учинил промежи великих государей наших один человек» (Там же, л. 7; там же, с. 155). Затем Джан Ахмед Челеби и остальные гонцы начали уверять пристава в отсутствии у хана договоренностей с Самозванцем, ссылаясь на полученные от него устные инструкции, приводя при этом слова Гази-Гирея: «только де надобны государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии люди на помощь на своего государева недруга, – и яз деи великому государю за люди не стою, да не токмо деи людей послать, и сам деи яз со всеми людьми своими, где мне велит быть государь царь и великий князь Бория Федорович всеа Русии готов на его государева недруга» (Там же, л. 8; Там же, с. 156). Таким образом, в случае, если «военная демонстрация» предполагалась, то заранее «ожидаемого эффекта воеводам добиться удалось» (Лисейцев, 2006, с. 251). Однако декларируемая готовность к совместным действиям против самозванца сочеталась у крымских гонцов на пути в Москву с ненавязчивыми вопросами об общем внутривосточном состоянии Русского государства. В частности, памятуя о голоде, обрушившемся в предшествующие годы на Россию, был задан весьма примечательный вопрос «хлеб ли родился ли великого государя на царстве?» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 7; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с. 155). Ответ, естественно, был дан, что «хлеб родился добре». В целом, уже на пути в Москву проявилась двойственность целей миссии Джан Ахмеда Челеби. Как отметил Д.В.Лисейцев, анализируя донесения приставленных к Джан Ахмеду Челеби пристава, «нельзя не заметить противоречие: с одной стороны, он говорил о «смуте» между Крымским ханством и Московским государством, а с другой – сообщал о готовности хана двинуть орду против врагов Бориса Годунова» (Лисейцев, 2006, с. 251). Это противоречие позиции хана Гази-Гирея II, который «еще не определил свою позицию относительно назревавшего в России конфликта» (Там же) проявилось и на первом этапе миссии Джан Ахмеда Челеби в Москве.

3 сентября 1604 г. крымские гонцы прибыли в Москву и были размещены на Крымском дворе (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 5; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с. 155). 8 сентября приставы доложили в Посольском приказе об обстоятельствах их следования, 12 сентября была назначена аудиенция гонцов у царя Бориса Годунова.

По традиции ей предшествовали т.н. «распросы» – предварительные переговоры в Посольском приказе с Посольским дьяком А.Власьевым. К переговорам и аудиенции были как всегда допущены только «лучшие» гонцы: помимо Джан Ахмеда Челеби от «царевичей»-султанов, и от наиболее влиятельных «ближних царевых людей» (38 человек). Цель своей миссии Джан Ахмед Челеби определил как необходимость для сохранения «добраго дела» решить вопрос с «неправдами» во время пребывания в Крыму посольства князя Ф.П.Барятинского и дьяка Д.Болхина (Там же, л. 15–17; там же, с. 157–158). После этого все гонцы были отпущены «а иные речи царев гонец Ян Ахмед Чилибей с Офонастем говорил втай». Содержание переговоров в столбцы дела по приему гонцов внесено не было («и то писано особом»). Переговоры о «тайном деле» накануне аудиенции у государя, как правило, с вручением посольскому дьяку «тайных посланий» от хана с начала 90-х годов было устоявшейся традицией «ссылки» хана Гази-Гирея II с Борисом Федоровичем Годуновым, сначала как фактического правителя, а затем как царя. В отечественной историографии наибольшее распространение получила точка зрения Д.В.Лисейцева о том, что в данном случае речь шла о определении ханом своей позиции относительно угрозы со стороны Самозванца (Лисейцев, 2006, с. 252).

Аудиенция гонцов у царя в изложении материалов дела по приему Джан Ахмеда Челеби прошла в русле переговоров с А.Власьевым. «Речь» гонца от имени хана содержала претензии посланнику князю Ф.П.Барятинскому и дьяку Д.Болхину. Выражалось удовлетворение содержанием послания царя хану с гонцом Александром Хрущовым. Наконец, Джан Ахмед Челеби изложил от имени хана главное: «мы Кази-Гирей царь с вами братом нашим с великим государем хотим быти в дружбе и в любви, по тому, как есмь перед послы вашими, перед князем Григорием Волконским и перед Михаилом Огарковым, правду дали, на куране шертъ учинили, и как к вам с гонцом нашим с Ян Ахмед Челеби наперед сего приказывали» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 27; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с 160–161). Таким образом, Гази-Гирей II декларировал сохранение в силе договора 1602 года, как и было изложено им в посланиях, доставленных ранее тем же гонцом Джан Ахмедом Челеби в предшествующем году⁹.

Ответа гонцы не получили, что в принципе не противоречило традициям двусторонних «ссылочек». После произнесения «речей» они были посажены «в лавке от окольного места в сажень» и затем пожалованы (строго по иерархии) «шубами и ковши с чарками серебряными». Затем им были поданы «меды красные в ковших серебрянных» (Там же, л. 29; там же, с. 161). Приглашения к столу не было. Государево «жалование, в столе места корм» было доставлено гонцам на «подворье». Главную роль на аудиенции играл окольный Петр Федорович Басманов, являвший гонцов и «поминки» от хана, калги и нурадина. Посольский дьяк А.Власьев принимал у «лучших» гонцов (от хана, калги и других «царевичей» и «цариц») послания. На аудиенции присутствовал царевич Федор Борисович и большое количество думных чинов. Сам Борис Федорович Годунов ограничился традиционным вопросом о здоровье хана и калги Тохтамыш-Гирея.

Далее последовало более чем двухмесячное пребывание гонцов на Крымском дворе, без деловых контактов с Посольским приказом. Эта «пауза» в переговорах в условиях уже состоявшегося вторжения Лжедмитрия II на территорию Русского государства интерпретируется в историографии как сомнения Бориса Федоровича Годунова в действительности дружеских намерений хана (Новосельский, 1948, с. 48). Однако это далеко не бесспорно. Судя по поведению Джан Ахмеда Челеби, полученные им инструкции от Гази-Гирея II предусматривали скорейшее проведение переговоров. После ряда обращений гонцов к ним 28 ноября на Крымский двор был послан толмач Петр Муратов с целью «проведовати о каких делах учнут они говорити». Переговоры толмача с гонцом Джан Ахмед Челеби показали его серьезную обеспокоенность затягиванием пребывания в Москве при отсутствии реальных переговоров. При этом гонец передал толмачу содержание уже изложенной им в сентябре «втайне» информации. Было указано, что «Дмитрием называют царя Ивана сына, а мы деи того не ведаем, прямой ли он царя Ивана сын или не прямой, только деи меж дву государей смуту учинил велику» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 128; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с 175). Джан Ахмед Челеби изложил известные в Крыму подробности пребывания Самозванца в Речи Посполитой. Они показывали большую осведомленность в Бахчисарае развитием ситуации. Первоначально Самозванец «был у Вишневецкого», который потом «его отвез к канцлеру (Л. Сапеге), а канцлер с ним съездил к королю». Была обозначена основная проблема уклонения Сигизмунда Вазы от открытой поддержки Самозванца: наличие перемирия с Москвой – король «учинил целование на 20 лет и на два года». Подчеркивалось, что главная роль в организации вторжения принадлежит Вишневецкому. Наконец, посланник сообщил, что Гази-Гирей II готов «покамест лед крепок» совершить нападение на Речь Посполитую, главной целью которого будет Киев. Посланник просил Посольского дьяка не затягивать с ответом, так как летом будущего года поход будет уже невозможен. Причина заключается в наличии сильной пропольской группировки в Бахчисарае, которые склоняют хана к поддержке Самозванца. В этих условиях затягивание пребывания крымских гонцов в Москве опасно прежде всего для царя Бориса Годунова. Джан Ахмед Челеби потребовал «о государевых делах самому с Офонасием переговорить» (Там же, л. 129; Там же, с. 175).

⁹ С.М.Соловьев приводит отрывок, возможно из утраченной части дела по приему Джан Ахмеда Челеби о его «тайной» аудиенции у царя Бориса в присутствии боярина С.Н.Годунова и Посольского дьяка А.Власьева на котором было передано требование Гази-Гирея II о крестоцеловании Годунова на противне договора 1602 г. Требование было отвергнуто Годуновым (Соловьев, 1989, с.362). Возможно, это имело место, так как посланник привез шертную грамоту хана от 1602 г.

На следующий день, 29 ноября, Джан Ахмед Челеби с семьей «лучшими гонцами» был принят А.Власьевым в Посольском приказе.

Джан Ахмед Челеби, вновь напомнив о ходе предшествующих «ссылок», настойчиво поставил вопрос об отпуске. В случае отказа он просил разрешения отпустить в Крым хотя бы нескольких гонцов. В этом ему было отказано. А.Власьев объявил, что «отпуск» гонцам будет «вскоре» и что их задержание не означает «недружбы между двумя государями» (Там же, л.138; Там же, с. 178).

Переговоры свелись к вручению Посольскому дьяку посланий от «ближних царевых людей», не врученных на аудиенции у государя и к просьбам о разрешении крымским гонцам предпринять действия по выкупу пленников, содержащихся приславших их представителей крымской знати (Там же, л. 139–141; Там же, с. 178). Попытки Джан Ахмеда Челеби поднять вопрос о количестве «запросных денег», истребованных ханом, Власьевым были жестко пресечены. Затем последовала очередная «пауза» до марта 1605 г.

Задержание крымских гонцов и отказ от каких-либо контактов с ними было связано с началом в ноябре 1604 года военных действий против Самозванца, вторгнувшегося на территорию Русского государства. В свете дальнейшего развития событий это представляется крупнейшим просчетом правительства Бориса Годунова. Так, Д.В.Лисейцев отмечает, что «В случае оказания Казы-Гиреем помощи Борису Годунову поход Самозванца мог завершиться крахом в самом начале, так как его силы были бы зажаты между годуновской армией, надвигавшейся с севера, и татарскими ордами, пришедшими с юга» (Лисейцев, 2006, с. 252). Однако у царя Бориса Федоровича, очевидно, были свои соображения взять «паузу» в «ссылках» с Крымом. Возможно, это было связано с его амбициозными кавказскими планами, реализация которых вызвала бы вполне объяснимую негативную реакцию в Крыму. Вероятно, Годунов многого ожидал от миссии в Речь Посполитую Постника Огаркова. Впрочем, главная ошибка Бориса Годунова, ставшая во многом роковой, заключалась в том, что, ввиду отсутствия каких-либо русских дипломатических представителей в Крыму после отпуска гонца А.Хрущева, Москва была лишена возможности получения отсюда любой информации. Показательно, что руководство Посольского приказа во главе с А.Власьевым не проявило инициативы в этом вопросе. Время для интенсификации контактов с Бахчисараем было упущено. Как бы то ни было, в марте 1605 г. переговоры с крымскими дипломатами во главе с Джан Ахмед Челеби возобновились по инициативе русской стороны.

17 марта состоялись переговоры Джан Ахмеда Челеби и четырех «лучших» гонцов в Посольском приказе (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 153–155; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с. 182–183). На этот раз в них помимо посольского дьяка А.Власьева участвовали два доверенных лица царя – бояре Степан Васильевич Годунов и Семен Никитич Годунов. Оба они имели значительный опыт ведения дипломатических переговоров. Ход переговоров записывал еще одно доверенное лицо царя Бориса Годунова – переводчик Посольского приказа Вельямин Степанов, участвовавший в многочисленных переговорах с крымцами, в том числе и в посольском съезде, и размене под Ливнами в ноябре 1593 года. Запись текста переговоров в полном виде утрачена. Известно только, что поводом к переговорам были сведения об интенсивных «ссылках» Лжедмитрия I с Гази-Гиреем II.

На следующий день 18 марта переговоры возобновились. А.Власьев объявил, что «государь наш слову цареву Казы-Гирея верит», и что «служба» Джан Ахмеда Челеби государю «ведома». Он объявил гонцам об отпуске. Однако при этом в немедленном выезде из Москвы крымцам было фактически отказано ввиду «шаткости» в северских городах. Власьев спросил гонцов отпустить ли их «вскоре» или после того, как «государевы люди над вором промыслят». Гонцы согласились с невозможностью ехать через уже находившиеся в руках Лжедмитрия I Ливны, предложили двигаться другими путями. Власьев заявил, что «дороги к Крыму нигде нет». При этом Власьев уверял гонцов в скором разгроме сил Самозванца. Поставил Власьев и вопрос о совместных действиях против «литовского короля», фактически констатируя разрыв перемирия с Речью Посполитой 1601 года, что не соответствовало действительности. Московский государь долго терпел «неправды литовского короля», но теперь вам самим ведомо, что у государя нашего рати многие и стоят наготове». Джан Ахмед Челеби поведал, что московскому государю необходимо «сослаться» с ханом, и по получении известий, «царь тому поверит и тотчас пойдет на Литву». После этого последовали долгие взаимные заверения в «добром деле» с обращением к временам совместной войны против

«литовского короля» при хане Менгли-Гирее I. Наконец, «покошевавшись» с гонцами, Посольский дьяк отпустил их на Крымский двор (Там же, лл. 154–164, с. 183–186).

Итак, буквально накануне катастрофы династии Годуновых в Посольском приказе обсуждали планы совместных военных действий притов «литовского короля». Неясно, насколько Джан Ахмед Челеби и А.Власьев вели взаимную игру.

Несмотря на серьезные меры, обычно применяемые к содержащимся непосредственно в Москве крымским дипломатам, Джан Ахмед Челеби, вероятно, мог получать информацию о развитии событий. Тем не менее, инициатива в возобновлении ссылок принадлежала Посольскому приказу во главе с А.Власьевым. Март 1605 года был вообще отмечен активизацией его деятельности: 18 марта последовала аудиенция английскому послу Т. Смиту, позже на пограничный съезд со шведами было отправлено представительное посольство П.Н.Шереметева (Лисейцев, 2003, с. 328).

Это был последний всплеск внешнеполитической активности при царе Борисе Годунове. Дальнейшая «пауза» в переговорах, несомненно, объясняется общей сумятицей в Москве после кончины царя Бориса Федоровича и лавиной событий, приведшей в Москву Самозванца. Трудно сказать, как пережили эти события, находившиеся на Крымском дворе крымские дипломаты. Во всяком случае скоро им пришлось иметь дело с тем самым «одним человеком», который мог посетить «смуту» между Москвой и Бахчисараем.

8. Отношения с Крымом во внешнеполитическом курсе Лжедмитрия I

«Ссылки» между Лжедмитрием I и Гази-Гиреем II в период борьбы за престол рассмотрены Д.В.Лисейцевым (Лисейцев, 2006, с. 252–253). Достоверные известия в русской посольской документации известны только миссии Константина Ширкова, отправленного Самозванцем в Крым весной 1605 года из Путивля и вернувшегося в начале 1606 года уже после его воцарения. Судя по всему, миссия Ширкова в 1605 г. не добилась успеха.

В определении позиции Гази-Гирея II относительно событий в Москве, повлекших за собой воцарение Лжедмитрия I, следует учитывать «личный фактор». Гази-Гирей II имел дело с Борисом Федоровичем Годуновым, как с внешнеполитическим партнером с весны 1588 г., значительную часть этого периода, находясь с ним в личной переписке вне рамок официального «протокола». Судя по косвенным признакам, обеим правителям импонировало взаимное желание обеспечить наследование престолов их сыновьями. Отметим в этой связи постоянные упоминания царевича Федора Борисовича, как адресата посланий и от хана, и от калги Тохтамыш-Гирея, и от ведущих «ближних царевых людей». Только при прибытии посольства Джан Ахмеда Челеби в сентябре 1604 г. на аудиенцию к царю Борису, на которой присутствовал и его старший сын, было допущено более десяти гонцов к царевичу Федору Борисовичу из общего количества тридцати восьми. В свою очередь, калга Тохтамыш-Гирей постоянно упоминается в русской посольской документации как наследник отца исключительно в уважительном ключе, в отличии от его предшественника Селамет-Гирея.

В июне 1605 г. крымские гонцы во главе с Джан Ахмедом Челеби оказались в Москве после водворения «царя Дмитрия Ивановича» на отца своего и прародителей своих престоле» без получения определенных полномочий на действия в стремительно изменившейся ситуации.

Тем не менее, Джан Ахмед Челеби, один из опытных ханских дипломатов, предпринял необходимые меры: сразу же после свержения и убийства царя Федора Борисовича через приставов обратился к присланному Самозванцем в Москву думным чином с просьбой обеспечить безопасность пребывания гонцов в столице и желание получить аудиенцию у «царя Дмитрия Ивановича». Ему было передано, что крымцы могут «увидеть государевы очи» после его «прихода» в Москву. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 166; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.), с. 186).

Другие подробности дело о приеме Джан Ахмеда Челеби, к сожалению, не содержит. Сразу же после «царева прихода» Джан Ахмед Челеби известил Посольского дьяка Афанасия Власьева о необходимости получить аудиенцию у «царя Дмитрия Ивановича».

8 июля 1605 г. по приказу «царя Дмитрия Ивановича», который, «похотел быть в дружбе и в любви с Казы-Киреем царем» как и его отец Иван Васильевич (при правлении которого Гази-Гирей II еще не был ханом. – А.В.) и брат Федор Иванович». Джан Ахмед Челеби был вызван с крымскими гонцами в посольский приказ. Были вызваны 30 «лучших гонцов» (Там же). Задача одновременно и облегчалась, и отягощалась тем, что на своем посту оставался А.Власьев, ведущий с крымцами переговоры при «царе Борисе». Тем не менее, во время переговоров, которые вел Джан Ахмед Челеби

фактически единолично (прочие крымские гонцы играли роль «статистов») ему быстро удалось найти взаимопонимание с Посольским дьяком. А.Власьев встретил крымцев в полном соответствии с принятыми традициями «посольского обычая» и, «покорошевавшись», выслушал Джан Ахмеда Челеби, который поведал ему о «радости», которые испытали гонцы по получении известия о водворении «царя Дмитрия Ивановича» «на своих великих государствах». После цветистого описания возвращения «царя Дмитрия Ивановича на престол прародителей» в ответ А.Власьев объявил, что после его венчания на царство все крымские гонцы будут приняты на аудиенции и отпущены. Политических вопросов на переговорах не затрагивали. Джан Ахмеда Челеби волновал вопрос о «челобитиях» на получения «жалования» на обратную дорогу и вопросы, связанные с делами о выкупе полоняников. Многоопытный А.Власьев посоветовал эти вопросы на время не затрагивать, так как новому царю они «не ведомы» (Там же, л. 169, л. 172; Там же, с. 187).

После венчания на царство «царя Дмитрия Ивановича», 21 июля последовала аудиенция у него 30 «лучших» крымских гонцов во главе с Джан Ахмедом Челеби. Сразу же определился отчасти унижительный для крымцев характер аудиенции, которые были приняты после касимовского царя Ураз-Мухаммеда и шведского королевича Густава (Там же, л. 172–173; Там же, с. 188). Многозначительным было появление на аудиенции возвращенного Самозванцем в Москву и недавно пожалованного в околичны бывшего Посольского дьяка Василия Яковлевича Щелкалова, который являл гонцов государю (Там же, л. 175; Там же, с. 188). Однако главной, вполне предсказуемо, была роль Посольского дьяка Афанасия Ивановича Власьева, впервые упомянутого как казначей. В целом, прием прошел без осложнений. Джан Ахмед Челеби произнес «речь» с поздравлениями. Ответную «речь» от имени царя произнес А.Власьев, особо подчеркивая, что он учинился на престоле по благословию «матери нашей великой государыни царицы и великие княгини иноки Марии Федоровны всея Руси». «Царь Дмитрий Иванович» устами Власьева выразил твердое желание «быть с царем Казы-Гиреем в дружбе и в любви» как его отец и брат «смотря по его правде и свыше прежнего». В заключении Власьев объявил гонцам об отпуске и об отправлении «к Казы-Гирею царю» посланника. После этого гонцы были отпущены. Аудиенция показала большой опыт В.Я.Щелкалова и А.И.Власьева, организовавших ее церемониальную часть. В «речи» Власьева было лишь мельком упомянуто, что гонцы были присланы «к Борису Годунову». К «руке» царя были позваны 15 гонцов из 30 – от представителей династии Гиреев. Все гонцы во время аудиенции были пожалованы шубами. Им были также поданы «меды в серебрянных ковшах» (Там же, л. 175–183; Там же, с. 188–189). Словом, внешне все прошло в соответствии с нормами «посольского обычая», принятых в «ссылках» московских государей с крымскими ханами.

Однако Джан Ахмеда Челеби не могло не настрожить важные детали. Новый посланник на аудиенции не был назван по имени и показан крымцам, как это обычно практиковалось. Это свидетельствовало о том, что новый государь еще не определился с тем, когда и каким образом возобновлять «ссылки» с Крымом. Кроме того, сам отпуск крымцев из Москвы не означал их немедленного следования в Крым.

13 сентября пристава В.Т.Коробьину был дан «наказ» о сопровождении крымцев. Отпускались все без исключения гонцы в количестве 144 человек. Их было предписано вести по традиционному маршруту «до Боровска ми до Колуги и до Болхова и до Мценска и до Новосили и до Ливен» (Там же, л. 210; Там же, с. 195). Однако доехать крымцы должны были только до Мценска, где им было предписано «постояти до указа, покаместа придет во Мценск государев посланник, которому идти в Крым» (Там же, л. 212; Там же, с. 195).

Такая задержка также было обычной практикой при отпуске крымцев, однако на этот раз речь шла о весьма продолжительном задержании гонцов. Началось длительное пребывание крымских гонцов в Мценске. Столбцы дела по приему Джан Ахинда Челеби изобилуют непрерывными челобитиями крымских гонцов о недостатке корму. Джан Ахмед Челеби через пристава В.Т.Коробьина настаивал на возвращение в Москву. Но все было тщетно. Только в феврале 1606 г., после попытки самовольного выезда из Мценска в Москву, в Посольском приказе сочли обратить внимание государя на сложившееся положение. 4 февраля боярину князю Б.П.Татеву было предписано отправить через посольский приказ крымцам жалование. Гонцов было предписано перевести из Мценска в Новосиль. Контролировать это поручение было предписано думным дьякам И.Ф.Стрешневу и Т.Витовтову. При этом пристава В.Т.Кобылину предписывалось пресекать все попытки гонцов самовольно двигаться в Крым, отставая в пути из Мценска. Как бы то ни было, в

конце февраля все отпускаемые крымцы находились в Новосили (Там же, л. 230–235; Там же, с. 238–239).

Таким образом, до начала 1606 г. в Посольском приказе не было распоряжений о «ссылках» с Крымом. Перевод крымских гонцов в Новосиль, конечно, не был связан с их челобитиями. В конце января 1606 года в Москву прибыла группа гонцов во главе с Аллаш Богатыром вместе с отпущенным К.Ширковым. 9 февраля гонец был принят Лжедмитрием I (Там же, 1606 г. Д. 1. Л. 5; Там же, с. 247). Сведения о пребывании гонцов во главе с Аллаш Богатыром недостаточно полные из-за фрагментации сохранившегося в составе столбцов 123 фонда РГАДА дела о его приеме. 5 марта его отпустили из Москвы вместе с другими многочисленными гонцами (Там же, 1606 г., д. 1, л. 8; Там же, с. 248). Маршрут следования был традиционен: «на Боровск, на Калугу, на Болхов, на Мценск, в Новосиль». В Новосиле, куда гонцы прибыли 13 марта, им велено было ждать распоряжений (Там же, л. 8–9; Там же, с. 248).

Вместе с Аллаш Богатыром в марте в Крым был отправлен Афанасий Мелентьев-Ерлаков. Д.В.Лисейцев, анализируя столбцы крымских дел за 1605 год, убедительно доказал, что первоначально Мелентьева собирались отправить в Крым в сентябре 1605 г. (Лисейцев, 2006, с. 256). Отправление Мелентьева, возможно, было отложено до возвращения К.Ширкова и прибытия гонцов из Крыма. В столбцах крымских дел за 1606 год, дело по отпуску Мелентьева совмещено с делом по отпуску крымских гонцов. «Наказная память» гонцу не сохранилась. 21 марта 1606 г. А. Мелентьев прибыл в Новосиль (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1606 г. Д. 2. Л. 1). После встречи с «лучшими» крымскими гонцами 22 марта он двинулся на Ливны (Там же, л. 4). На следующий день за ним двинулась большая часть крымских гонцов во главе с Джан Ахмед Челеби и Аллаш Богатыром. Остальные были «рассредоточены» по нескольким городам. 26 марта А.Мелентьев и крымские гонцы в количестве 56 человек выступили в Крым (Там же, л. 8). 10 апреля в Ливнах было получено сообщение, что они благополучно перешли Донец. Таким образом, обмен гонцами между Газигиреем II и «царем Дмитрием Ивановичем» завершился только к весне 1606 года. Рассматривая ход русско-крымских «ссылок» в 1605–1606 гг., Д.В. Лисейцев отмечает, что «оперативный обмен дипломатическими миссиями между Москвой и Бахчисараем не дает оснований заподозрить зревающий конфликт» (Лисейцев, 2016, с. 42). На наш взгляд, о «оперативности» Посольского приказа как раз говорить не приходится. Сам Джан Ахмед Челеби в марте 1606 года высказывал приставом «недоумение» задержкой своего отпуска и отправлением гонца в Крым. Приставы в ответ объяснили это задержкой Константина Ширкова (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1606 г. Д. 2. Л. 3). Однако это объяснение скрывает, на наш взгляд, более глубокие причины.

«Царь Дмитрий Иванович» не определился окончательно с планами в отношении Крымского ханства. Источники не позволяют показать побудительные мотивы принятия его решений относительно «крымского дела», следствием чего явилась значительные различия в оценке этих планов в отечественной историографии. А.А.Новосельский рассматривал «воинственные планы Самозванцев в отношении Крыма и Турции» в контексте его стремления войти в антиосманскую коалицию (Новосельский, 1948, с. 48–49). Б.Н.Флоря с некоторыми оговорками полагает, что предполагался поход Лжедмитрия I на Азов (Флоря, 1998, с. 55–56). Д.В.Лисейцев исходит из того, «что Лжедмитрий планировал начать войну с Османской империей и надеялся привлечь на свою сторону крымского хана тяготившегося зависимостью от Стамбула» (Лисейцев, 2006, с. 257). Таким образом, планы похода на Азов в отечественной историографии представляются наиболее предпочтительными. В русской посольской документации по связям с Крымом при царе Василии Шуйском также говорится о планах идти «войною на Азов», как, например, в инструкциях посольству С.М.Ушакову в 1607 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1607 г. Д. 2. Л. 29).

Не менее неоднозначной представляется позиция хана Газигирея II относительно возобновления «ссылок» с Москвой. Между отправлением миссии Джан Ахмеда Челеби летом 1604 г. и отправлением Аллаш Богатыра в конце 1605 г. прошло почти полтора года. Между прочим, приставы, сопровождавшие крымских гонцов в Ливны в марте 1606 года, высказали мнение явно для передачи в ханский диван о том, что в Москве ждали, что «царь услыша про государево здоровье тотчас пошлет больших своих послов блтжных людей», договариваться о «добром деле» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1606 г. Д. 2. Л. 4). Таким образом, руководство Посольского приказа их устами высказывало мнение, что одновременно с К.Ширковым, в Москву должно было прибыть представительное крымское посольство. Проблема заключается в том, что ввиду утраты донесений К. Шир-

кова по материалам русской посольской документации практически невозможно определить реакцию хана на смену власти в Москве в 1604 г. и на «воинственные планы» Самозванца.

9. Дипломатические «ссылки» с Крымом и дальнейшее развитие Смуты в Русском государстве

К моменту гибели Самозванца отношения с Крымом находились в состоянии неопределенности. Для правительства царя Василия Шуйского отношения с Крымом не являлись первоочередной внешнеполитической задачей. Все внимание уделялось тяжелейшему конфликту с Речью Посполитой, связанным с московскими событиями мая 1606 г.

Между тем Гази-Гирей II ожидал, что согласно «посольским обычаям» к нему будет направлен гонец с извещением о воцарении Василия Шуйского. Так как этого не произошло, хан отпустил А.Мелентьева вместе с гонцами во главе с Хедир-уланом, которые прибыли, вероятно, летом 1606 г. (Лисейцев, 2003, с. 330). Материалы по приему Хадир-улана в 1606 г. не сохранились. Однако содержание посланий Гази-Гирея II к царю Василию Шуйскому известно по материалам приема Хадир-улана у государя 22 апреля 1607 г. Тогда в «речи» Посольского дьяка В.Г.Телепнева к крымским гонцам было сказано, что «в грамоте своей к нашему царскому величеству Казы-Гирей царь писал, что порадовался тому, что на московском государстве учинились мы великий государь» В.Г.Телепнев также напомнил о том, что в «речи» при своем первом приеме Хадир-улан сообщил о желании «царя» быть «с нами великим государем в крепкой дружбе и в братстве навеки неподвижно и другу нашему другом и недругу нашему недругом быть» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1607 г. Д. 1. Л. 5).

В Крым тем же летом было отправлено посольство ясельничего Андрея Матвеевича Войекова и подъячего Захария Языкова (Лисейцев, 2003, с. 220; Лисейцев, 2006, с. 260). С ним были отпущена часть гонцов. Сам ханский гонец Хадир-улан был оставлен «на Москве». Материалы, связанные с миссией А.М.Войекова, утрачены. Д.В.Лисейцев полагает, что оно было принято ханом и отпущено в конце 1606 г. (Лисейцев, 2006, с. 260). В «речи» Посольского дьяка В.Г.Телепнева на приеме крымских гонцов 22 апреля 1607 г. отмечалось, что Гази-Гирей II принял А.М.Войекова и З.Языкова «любительно» и отпустил, «не задержав». (Там же, л. 6). Однако о реальных результатах переговоров послов в Бахчисарае ничего не известно. На обратном пути посольство вместе с крымскими гонцами во главе с Сеит-Казы и Ахмедом-Халифа (Халифой) было захвачено «ворами» «царевича» Петра около Валук. В дальнейшем они были освобождены царскими войсками и прибыли в Москву, вероятно, в конце 1607 г. или в начале 1608 г. (Лисейцев, 2006, с. 263).

Сложившаяся ситуация побудила царя Василия Шуйского активизировать «ссылки» с Крымом. Было решено отправить к хану Гази-Гирею II посольство во главе со Степаном Михайловичем Ушаковым. Об этом ханскому гонцу Хадир-улану было сообщено на аудиенции, которая состоялась 24 апреля 1607 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1607 г. Д. 1. Л. 1). На аудиенцию было приглашено 15 «лучших гонцов» во главе с Хадир-уланом. В церемониальной части приема главную роль играл казначей князь Григорий Петрович Ромодановский, являвший гонцов и произносивший приветственную «речь» (Там же, л. 2–3), в деловой части приема – Посольский дьяк Василий Григорьевич Телепнев, который произносил обширную «речь гонцам» и давал ответ на их «челобитие» (Там же, л. 4–13). Посольский дьяк констатировал, вероятно, уже известный крымцам захват «ворами-казаками» миссии В.М.Войекова и следовавших вместе с ним крымских гонцов, и объявил об отправлении в Крым С.М.Ушакова. С ним отпускалось несколько «лучших» гонцов. Челобитие Хадир-улана об отпуске было отклонено ввиду угрозы захвата «ворами». Правительство В.Шуйского уже не считало целесообразным скрывать от задержанных крымцев тяжелое положение в стране. Совершенно другое впечатление оставляют инструкции С.М.Ушакову. Они сохранились полностью в составе дела по его отпуску (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1607 г. Д. 2. Л. 1–62). А.А.Новосельский, детально рассматривающий задачи стоящие перед посольством С.Ушакова, считал, что основная его цель заключалась в заключении союза против Речи Посполитой. Однако при этом предписывалось не допускать вступления крымцев в южные области Русского государства под предлогом помощи против «воров» (Новосельский, 1948, с. 52–53). Рассматривавший инструкции С.М.Ушакову, Д.В.Лисейцев отметил, что если при приеме у хана и при контактах посла с «ближними царевыми людьми» (в первую очередь с Ахмед-пашой Яшлавским) ему предписывалось сообщать, что Смута в Русском государстве прекратилась, то в реальности ему предписывалось препятствовать возможным контактам Крымского ханства с мятежниками. Особенно опасна

лись в Москве выступления отдельных крымских мурз на помощь мятежникам (Лисейцев, 2006, с. 261–262). 24 апреля С.М.Ушаков выехал из Москвы с тремя отпущенными гонцами от «ближних царевых людей», в т.ч. и от Ахмед-паши Яшлавского (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1607 г. Д. 2. Л. 1). С.М.Ушаков был последним московским дипломатом, принятым ханом Гази-Гиреем II, однако при том, что сам факт исполнения им миссии в Крыму в современной историографии уже не подтверждается сомнению, все сведения о его миссии утрачены. Неизвестна также дата его возвращения¹⁰.

Последний посланник хана – Сеферь – прибыл в Москву в сентябре 1607 г. (Лисейцев, 2006, с. 263). Материалы по его приему также утрачены. Дата его прибытия определена Д.В.Лисейцевым по материалам 79 фонда РГАДА (Сношения России с Польшей). Других сведений о его миссии пока не обнаружено.

Таким образом, «ссылки» между Москвой и Бахчисараем последние годы правления Гази-Гирея II развивались с неослабевающей интенсивностью, что показывает заинтересованность сторон в поддержании контактов. Налицо стремление правительства царя Василия Шуйского не только к поддержанию добрососедства с Крымским ханством, но и установлению союзных или, по крайней мере, близких к союзным отношений. В 1608–1610 гг. этот курс правительства царя Василия Шуйского был продолжен вплоть до планов создания «антипольского альянса Московского государства, Швеции, Крымского ханства и Ногайской Орды» (Там же, с. 268).

Позицию хана Гази-Гирея II в отношении развития Смуты в русском государстве определить сложнее. Сохранившиеся материалы русской посольской документации показывают, что Гази-Гирей II в целом благожелательно отнесся к падению Самозванца и признал царя Василия. Однако на русско-крымские отношения в этот период все большее влияние оказывала меняющаяся ситуация в Восточной и Центральной Европе и на Кавказе.

Есть все основания рассматривать «паузу», взятую Гази-Гиреем II в отношении с Москвой после гибели Самозванца, в контексте сложной дипломатической игры, которая шла между Портой и Речью Посполитой по достижению взаимоприемлимого компромисса в дунайских княжествах одновременно с мирными переговорами Порты с австрийскими Габсбургами. Фактор военного потенциала Крымского ханства в этих сложных дипломатических комбинациях 1605–1606 гг. был весьма существенным. Позиция Порты заключалась в продолжении участия Крыма в войне против «Священной лиги», учитывая неясные перспективы начавшихся в июне 1606 г. мирных переговоров. Заключение в ноябре 1606 года мира означало не только о том, что «вопрос о вступлении Московского государства в антитурецкую коалицию был снят» (Там же, с. 259), но и меняло взаимоотношения Крыма и Речи Посполитой. Дипломатия Речи Посполитой еще в правление Лжедмитрия I «активно стремилась столкнуть Московское государство и Крымское ханство». Это проявилось и в ходе злополучного посольства к Самозванцу Николая Олесницкого и Александра Госевского 1606 г., и при переговорах посольства О.Флориана в Крыму 1605 г. (Там же, с. 258–259). Это признает (с оговорками) и польская историография. Так, Д.Скурупа отмечает, что главной задачей посольства О.Флориана было выяснение позиции Гази-Гирея II относительно планов Самозванца с перспективой склонить его к нападению на Русское государство, но хан не пошел на антимосковское соглашение с Речью Посполитой (Skorupa, 2004, s. 134–135).

Вопрос о том, насколько реально было сохранение Гази-Гиреем II благожелательного по отношению к Москве нейтралитета в ходе дальнейшего развития Смуты и вмешательства в нее Речи Посполитой остается открытым. После свержения и гибели Самозванца антимосковский вектор во внешней политике Речи Посполитой «на крымском направлении» заметно усиливается (Новосельский, 1948, с. 49–50). Успешно действовала польская дипломатия в Стамбуле. 16 июля 1607 г. между Речью Посполитой и Османской империей был заключен договор, предусматривающей безопасность Польско-Литовской конфедерации от крымских нападений, при условии выплат хану «подарков». Ввод в действие статей договора, относящихся к Крыму, обеспечивала Порта, которая принимала на себя посредничество в осуществлении дипломатических связей между Крымом и Речью Посполитой (Новосельский, 1948, с. 49). Тем не менее, в польской историографии признается, что ввод в действие этих статей договора при хане Гази-Гирее II был трудновыполним (Kolodziejczyk, 2011, p. 121, Skorupa, 2004, s.145–146).

¹⁰ А.А.Новосельский считал, что «нет никаких указаний на то, что С.Ушакову удалось пробраться в Крым» (Новосельский, 1948, с. 52).

Мир с Речью Посполитой был связан с общей «периориентацией» военной активности Порты. В 1603 г. возобновился военный конфликт с Ираном. Эта война «оказала опустошительное воздействие» на Османское государство, углубив его структурный кризис (Финкель, 2014, с. 259). К 1605 году центр военной активности Порты бесповоротно «переключился» на персидский театр военных действий. Гази-Гирей II использовал сложившуюся ситуацию для укрепления позиций Крыма на Кавказе, однако отказался принять активное участие в военных действиях против Ирана. Это, естественно, не могло устраивать Стамбул. Назревавший кризис оборвала внезапная смерть хана.

Гази-Гирей II скончался в ноябре 1607 года. Иногда дата его кончины ставится под сомнение: фигурирует дата март 1608 г. (Skorupa, 2004, s. 147). Тем не менее, общепринятой в историографии считается датировка ноября 1607 (Le Chanat de Crimee, s. 333). Кончина Гази-Гирея II вызвала для Крымского ханства очередные потрясения. Наследовавшей отцу хан Тохтамыш Гирей оказался перед лицом мощной коалиции противников своего отца и, не имея возможности ей противостоять, лишился и престола, и жизни.

10. Заключение

Последние годы правления Гази-Гирея II прошли под знаком успешного закрепления военно-политических позиций Крыма на Кавказе. Эти успехи были возможны во многом благодаря ослаблению там позиций Москвы, неизбежного в условиях структурного кризиса Российской государственности. В отношении вмешательства в ход Смуты в Русском государстве Гази-Гирей II, судя по всему не принял окончательного решения. Есть все основания предполагать, что он опасался усиления роли Речи Посполитой в Восточной Европе. Внезапная кончина хана в момент, казалось бы, укрепившегося положения Крыма, оставила открытым вопрос о его дальнейших внешнеполитических планах. Между тем внешнеполитические амбиции хана вступали в противоречия с местом, которое занимало Крымское ханство во внешнеполитической стратегии Порты. Эти противоречия, обозначившиеся уже к середине 90-х гг. и приведшие к династическому кризису 1596–1597 гг., сохранялись и при втором правлении Гази-Гирея II. Внешнеполитические акции хана в годы «долгой войны» 1593–1605 гг. небезосновательно рассматривались в Стамбуле как нелояльные. Ситуацию усугубила сохраняющаяся напряженность в отношениях с Речью Посполитой, в условиях, когда был достигнут ее компромисс с Портой. Действия Гази-Гирея II на Кавказе, формально осуществлявшиеся в рамках внешнеполитического курса Порты только «приглушили» ситуацию.

Наличие многочисленных недругов из числа «царевичей»-султанов, принадлежавших к дому Гиреев и находящихся вне контроля Гази-Гирея II, в том числе и на территории Оманской империи, делали проблематичной наследование престола его сыном Тохтамыш-Гиреем. События, последовавшие за кончиной хана, привели к очередному династическому кризису Крымского ханства. Для пришедшего к власти хана Селамет-Гирея в течение длительного времени ключевой проблемой было укрепление позиций на престоле, и все та же проблема престолонаследия. Это отчасти сковывало его внешнеполитическую активность, особенно «на московском направлении» в самые страшные годы Смуты.

Наследием хана Гази-Гирея II в отношениях с Москвой, сочетавшим военно-дипломатическое давление с достижением взаимопреимлимого соглашения, направленного против Речи Посполитой, было суждено воспользоваться только хану Джанибек-Гирею на завершающем этапе Смуты в Русском государстве, когда упоминание о «дружбе и братстве между «Казы Киреем царем» и «блаженной памяти великим государем царем и великим князем Федором Ивановичем» и глухо упоминаемыми царями «Борисом» и «Василием Шуйским» стала постоянно присутствовать в русской посольской документации по связям с Крымом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулгаффар Кырьми Умдет ал-ахбар. Кн. 2. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 199 с.
2. Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.) // Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.). Материалы, изданные императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете. М., 1918. С.150–247.
3. Виноградов А.В. Дипломатическое противостояние Москвы и Бахчисарая после договора 1594 года; от мирного соглашения до династического кризиса в Крыму 1596–1597 годов // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. №10. С. 33–62.

4. Виноградов А.В. Состав политической элиты Крымского ханства по материалам русской и польско-литовской посольской документации Восток (ORIENS). 2016. №5. С. 25–41.
5. Зайцев И.В. Судьба аристократа. Ак-Мухаммед-оглан и сын его Федор // Золотоордынское обозрение. 2013. Т.2. С. 146–156.
6. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М.: Наука, 1986. 333 с.
7. Гайваронский О. Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай: Оранта, Майстерня книга, 2007. Т. 1. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды. 368 с.
8. Козляков А.Н. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М.: «Молодая гвардия», 2011. 311 с.
9. Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел // ИТУАК. Т.Х. №10. Симферополь, 1890. С. 9–60.
10. Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М.: Институт российской истории РАН, 2003. 485 с.
11. Лисейцев Д.В. Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 238–282.
12. Лисейцев Д.В. Северное Причерноморье в геостратегических планах Московского государства начала XVII в. Собирался ли Дмитрий Самозванец завоевывать Крым? // Проблемы истории Новороссии / отв. ред. В.Н.Захаров. М., 2016. С. 36–44.
13. Малиновский А. Реестр шерстных грамот Крымских ханов, записях послов их и другие постановления с крымскими татарами бывшими // ИТУАК. 1890. Т. 10. №IX. С. 10–31.
14. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 452 с.
15. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Т. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 5–210.
16. Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси. Новый летописец. Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 263–410.
17. Разрядная книга 1475–1605. Т. IV. Ч. I / сост. Л.Ф.Кузьмина. М.: Институт российской истории РАН, 1998.
18. Разрядная книга 1475–1605. Т. IV. Ч. II / сост. Л.Ф.Кузьмина. М.: Институт российской истории РАН, 2003.
19. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. 1601 г. Д. 1.
20. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. 1601 г. Д. 2.
21. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. 1604 г. Д. 1.
22. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. 1604 г. Д. 2.
23. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. 1606 г. Д. 1.
24. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. 1606 г. Д. 2.
25. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. 1607 г. Д. 1.
26. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. 1607 г. Д. 2.
27. Семенова Л.Е. Дунайские княжества в контексте международных отношений в Юго-Восточной Европе в конце XVI – начале XVII в. // Османская империя и страны Центральной, восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М., 1998. С.65–75.
28. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. М., 2005: Рубежи XXI. Т.1. 314 с.
29. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн.IV. История России с древнейших времен. Т.8. М., 1989. 752 с.
30. Финкель К. История Османской империи: Видение османа / Алексеев К. Яблоков (пер.). М.: АСТ, 2010. 850 с.
31. Флоря Б.Н. Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI – начале XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 49–65.
32. Шушарин В.П. Королевство Венгрия и Трансильвания во время войны османов с Габсбургами // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 29–49.
33. Ivaninics Maria Krimi Kansag a tizenot eves haboruban. Budapest, 1994.
34. Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais Topkapı. Paris, 1978.
35. Kolodziejczyk Dariusz. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Place Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden., Boston, 2011.

36. Skorupa Dariusz Stosunki polsko-tatarskie 1595–1623. Warszawa, 2004.

Список сокращений

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

РК – Разрядная книга

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

A.V. Vinogradov

RUSSIAN-CRIMEAN RELATIONS DURING THE SECOND RULE OF THE KHAN GAZI-GIREI II (1597–1607)

The article is devoted to the period of Russian-Crimean relations on the eve and in the initial period of the Time of Troubles in the Russian state. The role of the Crimean factor in the development of the Time of Troubles in the Russian state and its prerequisites taking shape at the final stage of the Time of Troubles is shown in this article. The Russian-Crimean military and political union directed against the Commonwealth of Poland is also the topic of this issue.

Keywords: Crimean Khanate, Russian State, the Ottoman Empire, Commonwealth of Poland, Gazi-Girey II khan, Boris Godunov, the Impostor.

Сведения об авторе:

Виноградов Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук (г.Москва); avinogradov1957@yandex.ru

Vinogradov Aleksandr V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

УДК 94(47).07

БУЗА, ВОДКА И КОФЕ В МУЖСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ГОРОДА (КОНЕЦ XVIII–XIX вв.)

© 2019 г. В.В. Грибовский

В исследовании представлена аргументация о том, что древнейшие практики употребления алкоголя напрямую связаны с архаическими моделями группирования в мужских союзах, формирования в них иерархий и нормирующих установок. На основе анализа нарративных источников XVIII–XIX вв. прослежены поздние дериваты мужских союзов, возрастных классов и инициаций в тех городах Крыма, где численно преобладали крымские татары. Показано значение алкоголя для инициаций. На сравнительно-историческом материале прослежено общее и особенное в распитии бузы и водки в мужских сообществах Крыма, Кавказа и Центральной Азии. Представлено, что культура питья кофе и чая наслаивалась на прежние практики употребления алкоголя и трансформировала их. Предложена модель эволюции мужских союзов в связи с практиками употребления алкоголя: периодически возникающие сообщества с выборной иерархией и коллективными пирами → патрон-клиентская группа с употреблением алкоголя в актах коммендации → досуговая практика со статусными реминисценциями.

Ключевые слова: мужские союзы, алкоголь, инициации, патрон-клиентские отношения, крымские татары.

Важнейшую черту традиционного уклада жизни крымских татар, как и многих мусульманских народов, составляло строгое разграничение мужского и женского пространств с жесткой регламентацией социальных ролей и бытового поведения представителей обеих полов. Данная публикация не претендует на решение вопроса о том, была ли исламская религиозность сама по себе причиной или фактором консервации этого разграничения, но исходит из утверждения, что подобные практики существовали задолго до ислама (Андреев, 2004, с. 47–48, 108–127) и в своих поздних проявлениях вступали в противоречие с этой монотеистической религией (Толстов, 1948, с. 316–317; Снесарев, 1963, с. 157, 159, 163–164, 173; Рахимов, 1990, с. 10, 43). Наиболее заметно это противоречие дало о себе знать в бытовавшем в Крыму обычае употребления алкоголя в среде неженатой мужской молодежи, резко противопоставлявшей себя семейному пространству как «женской» сфере и создававшей собственные группы и иерархии на периферии городских и сельских сообществ. Не меньшим курьезом с точки зрения исламской нормы выглядело и ситуативное обращение мужчин среднего и старших возрастов к хмельным трапезам, стилизованным под некое «молодечество», как своеобразная реминисценция того, что происходило в группах мужской молодежи.

Г.П. Снесарев, исследовавший подобные практики в Средней Азии, определил их типологию понятием «мужской союз», при этом подчеркнул: «отстранение женщин от деятельности мужских объединений существовало и в той этнической среде, и в тех слоях населения, для которых бытовая изоляция женщин никогда не была характерной; во всяком случае, ислам не играл здесь никакой роли. Традиция эта восходит к системе разнообразных табу, связанных с первобытными мужскими союзами, в которых табуация мужских объединений для женщин стояла на первом месте» (Снесарев, 1963, с. 163). Употребление алкоголя и других опьяняющих средств этот исследователь считал важнейшим моментом в деятельности мужских сообществ, производивших инициации, т.е. обряды вступления в союз и перехода из одного признанного в нем ранга в другой, что коррелирует с градацией возрастных классов. В частности, об «ордене» хорезмских каляндаров (мужское объединение, культивирующее безбрачие и мистицизм) Г.П. Снесарев писал: их «коллективные трапезы [...] аналогичны тем, которые были приняты в мужских объединениях. [...] Хорезмская «каляндар-хона» [...] – общежитие каляндаров и, одновременно, общественный дом данного селения, куда по определенным дням приходили мужчины для коллективной трапезы и, главное, для употребления наркотиков (анаша, опий). Последнее являлось органической и, пожалуй, наиважнейшей частью каляндарского культа, возбуждавшей мистический экстаз. Церемониал курения или распития наркотиков в каляндар-хона весьма напоминает церемониал распития вина, бузы или кумыса в мужских объединениях» (Снесарев, 1963, с. 198). Со-

гласно выводу Р.Р. Рахимова, исследователя мужских союзов у таджиков, «употребление вина в “мужских домах” хотя и считалось мало совместимым с морально-этическими принципами, однако полностью в *молодежных кругах не исключалось**. При этом предполагались умеренность употребления и даже полное воздержание в присутствии на собраниях людей преклонного возраста». Кроме вина «бытовала также *буза – хмельной напиток из кукурузы или проса*. [...] В компаниях вино пили из одной чашки, передавая ее по кругу в правую сторону. Распитие вина обставлялось особым церемониалом» (Рахимов, 1990, с. 43).

Приведем конкретные примеры обычаев употребления опьяняющих средств в мужских возрастных объединениях, сужая географический диапазон привлекаемого сравнительно-исторического материала в направлении Крыма.

М.Ф. Гаврилов, излагая результаты этнографической экспедиции к «полукочевым узбекам» в 1928 г., описал их «этикет питья бузы» и обратил внимание на аналогичную церемонию распития кумыса во дворцах узбекских ханов в XVII в. Руководствуясь простой эволюционистской схемой перехода от кочевничества к земледелию, этот автор считал практику употребления кумыса более ранней в сравнении с обычаем распития бузы; первую связал с кочевым бытом, второй – с оседлостью (Гаврилов, 1929, с. 3–4). Конечно, эти стадийные привязки являются не более чем умозрением, упускающим из виду земледельческие занятия кочевников и их способность перерабатывать собственный урожай зерновых культур (Грибовский, 2012). В специальном исследовании К.К. Казанского отмечено: «Буза не заготавливается [...] впрок, а производится постепенно [...], по мере потребления. От этого и самое производство ее носит как бы кустарный характер: *по всей киргизской степи и по всему оседлому Туркестану по аулам и кишлакам можно встретить по 2–3 кибитки, занимающиеся бузоварением*» (Казанский, 1890, с. 47).

Согласно описанию М.Ф. Гаврилова, распитие бузы у «полукочевых узбеков» предстает в таком виде: после жатвы проса «группа односельчан человек 30–40 собирается и сговаривается приступить к устройству “шерда”». Этим словом (*şerdə*) обозначена группа, возникшая с момента «сговора»; аналогичные зимние собрания у «ташкентских узбеков» называются *тукма*. *Шерда* действует в течение осенне-зимнего периода и прекращается с началом весеннего цикла хозяйственных работ. Члены шерда, *чура* (*çura*), избирают из своей среды председателя, именуемого *бий*, двух *аталыков* – правого (*оп*) и левого (*сэр*), замещающих бия в момент его отсутствия, *ишик-агу* – «начальника помещения»; также выбираются *ясаул*, исполнитель распоряжений, и *kasegyl* – «кравчий». Бий назначает помещения для собраний – *михман-хана* (комната для гостей) в кишлаке, устанавливает дни собраний, определяет размер и очередность натуральных взносов – до 8 пудов проса с каждого члена *шерда*. Затем *чура* собирают деньги на покупку бараньего мяса (1–2 барана), «как непременно блюда при питье бузы». В дальнейшем взносы не взимают; просо и мясо поступают за счет гостей или штрафов членов группы за нарушения «этикета питья». Собрания начинаются вечером; на почетном месте садится бий, справа от него – правый аталык, рядом с ним – ишик-ага, у дверей – ясаул. Напротив бия в 4–5 шагах находится корчага или большой кувшин с выбрживаемой бузой и большая чаша; здесь располагается «кравчий»; *чура* садятся вдоль стен. Трапезу предваряет разведение в центре помещения огня, на котором готовят шашлык из баранины. Ишик-ага подает знак о готовности бузы и шашлыка «кравчому», который разливает пенящийся напиток в чашу, подносит ее бию, но по его повелению пьет сам, вторую чашу выпивает бий, затем – правый аталык, далее – по кругу, заканчивая левым аталыком. Движение чаши по кругу происходит под непринужденную беседу и шутки. Однако все зорко следят за распоряжениями ишик-аги, приводимыми в исполнение ясаулом. Первое правило в этом собрании состоит в том, чтобы полная чаша была выпита до дна, на одном дыхании и без пролития содержимого. Возбращается проявлять признаки опьянения – шуметь, кричать, браниться. Большое внимание уделяется позе сидящих: поджав ноги под себя; сменить позу можно только с разрешения ишик-аги, как и покинуть помещение. Нарушителей правил подвергали наказанию, назначаемому ишик-агой и приводимому в исполнение ясаулом. Ишик-аге полагалось проявлять изобретательность в наказаниях, которые вызывали смех и могли быть весьма болезненными и унижительными для провинившегося (обливание водой в холодное время года, привязывание к дереву или столбу, удары плетью и т.д.). Однако наказанный мог избежать экзекуции, предложив выплату штрафа продукта-

* Здесь и далее курсив мой. – В.Г.

ми или деньгами. Гостей в шерда принимали по усмотрению ишик-аги, определявшего размер вступительного взноса (Гаврилов, 1929, с. 4–7).

Подробное описание шерда М.Ф. Гавриловым дает достаточное представление о том, что здесь речь идет не столько об увеселении, сколько о группе, имеющей четкую иерархию, жесткие правила, дисциплину и чувство единения. Таким образом, хмельной пир в мужской группе представляет собой, прежде всего, средство ее формирования и сплочения, но никак не самоцель. Возникшие на исключительно добровольной основе, подобные группы были отнюдь не эгалитарными образованиями, а сообществами, имеющими ранги с конкретными функциями. Эти ранги и функции закрепились на устойчивом обычае, воспроизводимом как бы автоматически. Ко времени этнографического документирования данный обычай сохранился в виде досуговой практики, распития «прогоняющего печаль напитка» (Гаврилов, 1929, с. 3). Но сложное иерархическое устройство подобных групп, конечно, не могло не предполагать и более «трезвого» предназначения этих собраний в более отдаленном прошлом. Примечательно также, что по окончании осенне-зимнего сезона участники шерда расходились, действие существовавших в нем иерархий и обязанностей прекращалось, но с приходом очередной осени возникал новый шерда (Гаврилов, 1929, с. 5).

Принципы группирования мужских сообществ хорошо видны на примере *жоро бозо* у киргизов – собраний юношей и молодых мужчин для распития бузы в осенне-зимний период. Избранный лидер группы, *бий*, определял очередность подготовки пиров ее членами. Тот, кому выпадала такая честь, выносил из своей юрты утварь, в центре ее ставил корыто для бузы (жатаган), длиной до 2 м, с двумя большими казанами по краям, пополняемыми из него, заготавливал одну большую (около 1,5 л) и много малых деревянных чаш. Во время пира располагались согласно рангам: *бий* – на почетном месте напротив входа, *сол аталык* и *он аталык* – слева и справа от него, у дверей – два *ишик аги*, тут же лежа – *эрке бала*; *кёл бөгү* и *кесе гүл* садились в центре, у котлов с бузой. Порядок распития тоже соответствовал рангам и предусматривал выкрики боевого клича; большая чаша шла по кругу под шутки, песни и сказки. Нарушителя порядка наказывали штрафными поручениями (например, поймать муллу, привести его в юрту и напоить бузой). Каждый прохожий мог заглянуть сюда и попросить выпивки, принимая роль *саламчы*; его принимали с разрешения *бия* после испытания, приправленного острыми шутками. Цикл пиров завершал *бийлык жоро бозо* – особо пышный пир, устроенный *бием*; к обилию яств и питья добавлялись скачки, борьба и др., в которых мог принять участие любой желающий, а не только члены *жоро бозо*. Собрание считалось удачным, если в него входило 40 чел. (Симаков, 1984, с. 162–166). «Выйдя из юрты, где проходила пирушка, – пишет Г.Н. Симаков, – ее участники имели возможность забыть о своей причастности к этому сборищу. Тем не менее, это были объединения, которые на довольно длительный период сплачивали мужчин того или иного айла и противопоставляли себя женской части населения, непосвященной молодежи и старикам» (Симаков, 1984, с. 167).

Аналогичные обычаи подробно описаны на Северном Кавказе. У осетин пьянящий *ронг* давали пить подросткам, дабы «заглушить запах [материнского] молока», т.е. привить им мужскую социальную роль (Бобровников и др., 2006, с. 18–19, 21). Распитие ронга, первоначально «хмельного медового напитка», отражено в источниках о средневековых аланах (Бедоева, 2014, с. 14). Конечно, употребления алкоголя не составляло отличительную черту мужских союзов, отдаляющихся от семейного пространства на определенный период. Ритуальное вкушение алкоголя у осетин было широко представлено и в семейном кругу, и в актах побратимства, и на общинных праздниках. Даже когда древние напитки (вино, ронг и алутон) вытеснялись более технологичными пивом и водкой (арака), обычные практики их употребления мало менялись (Бедоева, 2014, с. 51–82, 85–86). Но нас интересует не употребление алкоголя в традиционных обществах само по себе, а то структурирующее воздействие, которое данная практика имела в мужских союзах, т.е. половозрастных сообществах вне семейного пространства. Кавказский материал показывает, что эта практика оставалась неизменной даже тогда, когда мужской союз получал «спортивную» специализацию. Например, борцовские братства *зерокър бахIру* состояли из мужчин в возрасте от 18 до 40 лет, числом 10 и более, жителей одного или нескольких соседних селений. На зимний период они обосновывались в доме одного из сельчан, избирали главу – *тамада* или *лъарахан*, следившего за всем порядком. Борцы постоянно тренировались и отлучались лишь по пятницам для посещения мечети. Женатым или вовсе запрещали навещать в свои семьи, или разрешали раз в месяц, дабы «не расточить силу» до весны, когда происходили борцовские состязания. Накоплению

силы способствовало усиленное питание и обильное потребление пива-зеру (Бобровников и др., 2006, с. 20).

К.К. Казанский, исходя из сопоставления методов производства спиртных напитков, утверждал, что «происхождение бузы должно быть отнесено к отдаленнейшим временам человеческой культуры». Буза «занимает совершенно исключительное положение в ряду спиртных напитков»; она является прототипом европейского пива, первоначально и опьяняющего, и питательного средства. Отмечено также, что по своему вкусу и химическому составу буза близка к кумысу (Казанский, 1890, с. 49–52). Приготовленная из проса, риса или других злаков, буза получила широкое распространение в Центральной Азии, на Кавказе, в Северном Причерноморье, на Балканах и Ближнем Востоке. Ее аналоги были известны и в Африке (Бродель, 1995, с. 197).

Конечно, бессмысленно ставить вопрос о том, что появилось раньше: буза или кумыс, как это делал М.Ф. Гаврилов. Не вызывает сомнения, что буза и кумыс являются древнейшими напитками, употребление которых было включено в архаические ритуалы, связанные с первейшими формами социальности, характерными, в частности, для тюркоязычных кочевников. Вполне понятно и позднее распространение (XVIII–XIX вв.) в степных обществах крепких напитков, получаемых посредством дистилляции*, а также пива заводского производства. Повсеместное вытеснение бузы пивом и водкой во второй половине XIX в. констатировал К.К. Казанский (Казанский, 1890, с. 53). Однако это не привело к быстрой мутации традиционных социальных структур, приспособивших технологические новинки к своему укладу. На Алтае и в Западной Монголии изобретателями водки (арихи) считали легендарного Гэсера и даже Чингис-хана. «Арихи-чингис-ханай идэ» («водка – еда Чингис-хана»), – утверждали информаторы Г.Н. Потанина в 1879 г. (Потанин, 1883, с. 211–212). Подобные высказывания могут показаться бессмыслицей, если не принимать во внимание мужские группы, формируемые по типу *шерда* и *жоро бозо*.

Материал Г.Н. Потанина позволяет по фольклорным отголоскам уловить их военную направленность, исчерпанную к концу XIX в. Так, войско некоего Хара Хармукчина будто бы состояло из десяти тысяч «бешенных» богатырей и двадцати тысяч «пьяных» богатырей (Потанин, 1883, с. 442–443). Шестипалый богатырь Мекеле отпраздновал победу своего необычного двухлетнего племянника над обычными богатырями пышным пиром, для устройства которого «собрал с народа» арик (кислое молоко) и вино. Семьдесят мужчин не могли поднять чашу с вином, которой было предназначено «обойти» всех собравшихся, возрастом от 80 до 8 лет. Пир длился 80 дней, затем Мекеле призвал дать своему племяннику имя, для чего позвали некоего Алтичи-Мергена, вручили ему чашу с кумысом, которую не могли поднять 70 мужчин. Племянник получил вычурно длинное имя, заканчивавшееся словосочетанием *Хабхен-Кёкёль* (Потанин, 1883, с. 466–467). В тюркских и, в частности, ногайском эпосах воины-удальцы наделены эпитетом *дели* (безумец, буйный, шальной), который вполне сопоставим с указанием «бешенных» и «пьяных» богатырей у Г.Н. Потанина. В.М. Жирмунский обратил внимание на использование данного эпитета в огузском (дели Домруль, дели Будаг), азербайджанском (удальцы Кёр-оглы: Дели-Хасан, Дели-Мехтер и др.), ногайском (Дели-Урак и др.) эпосах, а также его заимствование балканскими славянами, представленное в гайдуцком эпосе (Дели Радивой, Дели Татомир). Несмотря на смысловой оттенок, обозначающий состояние вне осмысленности, этот эпитет предстает либо в нейтральном, либо в положительном значениях, превратившись, в последнем случае, в «почетное прозвище» (Жирмунский, 1974, с. 607–608).

Состояние опьянения – сродни состоянию воина-*делия*, даже если оно и не было вызвано употреблением алкоголя. В любом случае, это состояние связано с нахождением за пределами обычного течения жизни в семейном пространстве, правовой регламентации и заурядных хозяйственных занятий, пребыванием в ситуации смертельного риска, мистического переживания «запредельного» опыта. Это – ситуация аномии, но не общественного кризиса, распада и т.д., поскольку

* Монголоязычные кочевники, в частности астраханские калмыки, в условиях своего быта в XIX в. изготавливали спиртосодержащий напиток *арька* из перебродившего молока (арьян); для дистилляции использовали накрытый крышкой и закупоренный обмазкой из глины и кизяка котел, под которым разводили костер, а трубы (цорго) пускали через корыто с водой в другой котел. Крепость *арьки* не превышала 18°. Продукт тройной перегонки, *хорзо*, калмыки считали ядом и принимали только в небольших дозах в качестве лекарства (Житецкий, 1892, с. 201). *Цорго* как техническую принадлежность «винокурения» в Монголии упомянул и Г.Н. Потанин (Потанин, 1883, с. 230).

обычай предусматривал цикличность, «вечное возвращение», а не линейность (еще раз обратим внимание на сезонность собраний *шерда* и *жоро бозо*). В знаменитом «Пире во время чумы» А.С. Пушкина опьянение и война, любовь и смерть предстают в органической взаимосвязи; восторг и вдохновение обретаются вне сферы обыденного самосохранения.

Пушкинский «Пир...», будучи аллюзией на «Пир» Платона, имел своего председателя, так же как и *шерда* и *жоро бозо*, но отличался от них присутствием женщин. Гипертрофированное изображение пиров хана и его батыров характерно для тюркских и монгольских эпосов, имевших целью показать идеальный тип воина и правителя как образец, многократно воспроизводимый в поведении реальных людей (гипертрофия как средство фиксации идеального в реальном). Возвращаясь к тезису о *структурирующей функции пира в мужском союзе*, упорядочивания беспорядочного (иерархии, правила и опьянение), обратим внимание на соответствие порядка распития бузы в сезонных группах (*шерда*, *жоро бозо* и пр.) и церемонии ханских пиров. М.Ф. Гаврилов считал это удостоверением «факта перенесения дворцовых обычаев узбекских ханов в широкие народные массы» (Гаврилов, 1929, с. 4). Все же, принципиально важным представляется тот момент, что М.Ф. Гаврилов, следуя В.В. Бартольд, отметил связь терминов *яса* и *юсун*, «приблизительно одинакового значения» (порядок), с церемониалом хмельных застолий (Гаврилов, 1929, с. 3).

У Г.П. Снесарева, оперировавшего понятием «мужской союз», напротив, исходной моделью представлен мужской союз, складывавшийся из группы сверстников-*джура*. Типичным для Средней Азии мужским союзом Г.П. Снесарев считал сообщество ровесников из среды неженатой мужской молодежи; эта был «миниатюрный отряд», предназначенный для воспитания, выработки привычки к организации и подготовки «молодых людей для участия в войнах». Каждый из таких «отрядов» имел иерархическую структуру и представлял собой как бы зародыш политического образования, которое могло состояться при определенных условиях. Для подобных «отрядов», возникших самопроизвольно, была характерна устоявшаяся номенклатура рангов: во главе стоял *агабий* (варианты: бек, бобо и др.), имевший знак отличия – платок, кольцо и др. (в значении: «мухр» – печать); его помощник *ясовул* следил за порядком; в крупных сообществах были еще *казий* (судья) и *раис* (писарь). Глава группы должен был делать для ее членов больше, чем все они в отдельности для группы: устраивать пиры, платить за товарищей на базаре, организовать «набег» на сады, огороды и т.д. для сбора снеди на трапезу. Периодичность собраний группы привязывалась к определенному сезону или праздникам в кишлачной общине, прежде всего – свадьбам. Полномочия главы длились в течение этого периода, иногда дольше. Каждая группа имела свои места для сборов или дом, куда *не допускали женщин*; здесь принимали гостей из других кишлаков и прочих пришельцев (Снесарев, 1963, с. 158–160, 168, 174–177).

В основе аргументации Г.П. Снесарева лежит концепция мужских союзов, возрастных классов и инициаций, выработанная немецким историком культуры Г. Шурцом (1902). Возникновение государства Г. Шурц связал с мужскими союзами, а возрастные классы, членство и ранги в мужских союзах представил как первейшую форму социальной и политической организации, причем постоянно воспроизводимую на поздних этапах истории на разнообразных перифериях. Сверстники, сгруппированные одновременным прохождением инициации, не были эгалитарным коллективом, поскольку изначально имели четкие степени старшинства и правила восхождения по ним. Возвышение вождя, как и формирование вождества, происходило в ходе группирования и становления рангов в мужском союзе. Если среди иницируемых ровесников был сын вождя, то он, как правило, становился вождем, остальные составляли его свиту (Schurtz, 1902, с. 79). Смысл инициации можно свести к обряду перехода из одного возрастного класса (мальчики) в другой (мужчины), принятию в мужской союз или же продвижением от одного ранга к следующему. Нахождение в мужском союзе и проведение в нем инициаций было обозначено состоянием опьянения (Schurtz, 1902, с. 273). Употребление пьяняющих, отравляющих и дурманных средств, дополняло экстатическое воздействие ритуала на сознание посвященного, усиливало его уверенность в реальности своего перерождения в новое социальное качество, часто воображаемое как зооморфное оборотничество (Пропп, 2000, с. 59, 72–73, 78–79, 104, 106, 171). Механизм возвышения вождя и превращения его положения в наследственный ранг Г. Шурц видел в том, что для поддержания своей лидерской позиции вождь должен постоянно делать подарки, услуги и оказывать помощь своим сторонникам; для любого держателя богатств не было смысла в их простой аккумуляции, поскольку он находился в ситуации отсутствия гарантий собственности. Все вещи находились в движении, сложном обмене. Поддержанию престижа вождя служили пиры, устраиваемые либо на его собст-

венные средства, либо за счет ресурсов, добытых в организованных им предприятиях (Шурц, 2010, с. 196–197).

Таким образом, пиры вождя и его свиты (царя, князя и т.д. с «дружиной», в т.ч. хана и батыров) являются универсальным институтом, игравшим важнейшую роль в формировании ранних государств и уходившим на периферию по мере их развития. Дар и его обязывающая функция (растянутое во времени отдаривание, отсюда – долг, обязанность) составляли главное условие для складывания патрон-клиентских отношений, ядро формирования и поддержания статусов, действенное до времени отделения публичной власти от личного авторитета, разделения государства и общества (Maćzak, 2000, с. 12–14).

Прежде чем стать Чингис-ханом, Темуджин около 15 лет был предводителем «дружины», состоящей из товарищей-нукеров, которые происходили из разных кланов, «пренебрегли обязательствами родства и всецело посвятили себя военному лидеру по своему выбору» (Lattimore, 1962, с. 350). Но достигнув ханского достоинства, он, недавний глава мужского союза, *запретил баранту* (набеги) – основное занятие мужского союза, что стало причиной «скуки» и бунта его побратима Джамухи, утратившего надежду достигнуть власти тем же путем (Цыбикдоржиев, 2004, с. 349–350, 359). Борьбой создателя Монгольской империи с мужскими союзами можно объяснить утверждение информатора Г.Н. Потанина о том, что Чингис-хан *запретил водку*, объявив ее отравой, но затем разрешил умеренное потребление спиртного (Потанин, 1883, с. 211). С этого момента «Чингис-хан, выступая проводником имперской идеи, [...] последовательно боролся как с сепаратизмом племенной знати, так и с вольницей мужских союзов» (Цыбикдоржиев, 2004, с. 350). Тем не менее, его пиры оставили яркий след в исторических преданиях монгольских и тюркских народов. В этом свете записанная Г.Н. Потаниным фраза: «водка – еда Чингис-хана» предстает как свидетельство мужских союзов, воспроизводивших образец поведения, связываемый с образом этого великого правителя. Но для Монгольской империи пиры и соответствующий им этикет, сопряженный с ранговыми демонстрациями, имел такое же структурирующее значение, что и распитие бузы в *шерда* и *жоро* бозо. В «кумысной церемонии» при дворе Бату-хана участвовали правители подвластных монголам территорий, приехавшие по случаю празднования Нового года по китайскому календарю (конец января – начало февраля 1247 г.). Согласно выводу А.Г. Юрченко, «пиршественная церемония, где каждый участник занимал место согласно своему статусу, наглядно демонстрировала иерархический порядок». Галицко-волынский князь Даниил Романович принял и выпил чашу кумыса, на что Бату-хан ему объявил: «Ты уже наш, татарин». Это, по заключению А.Г. Юрченко, «говорит о включении князя Даниила в систему монгольской иерархии, где этническое происхождение не имело никакого значения, и монголом становился каждый, кто обретал место в новой социальной группе» (Юрченко, 2007, с. 63). В этой связи, вслед за Г. Шурцом, отметим принципиальную открытость мужских союзов к приему чужаков, в отличие от семейного пространства, охраняемого от проникновения чужого (Schurtz, 1902, с. 14–16). Т.е. на пиру Бату-хана князь Даниил предстал в том же качестве, что и *саламчы* в *жоро* бозо.

Теперь, очертив сравнительно-историческую перспективу и модель ее интерпретации, обратимся к крымскому материалу. Вопреки мусульманскому запрещению, алкоголь присутствовал во всех социальных практиках, которые апеллировали к «обычаям Чингисхана», свято почитаемых в Крыму. В склонности к хмельному застолию был замечен хан Мехмед Гирей (1515–1523), обвиненный ширинским беєм в недостойном поведении – нахождении «в компании персидских еретиков, их отношения переходят в разврат; они все время пьют; важные государственные дела заброшены, [...] тирания и поборы угнетают страну» (Лемерсье-Келькеже, 2009, с. 47). Но не следует излишне доверять данному упреку: Ширинов волновало не так состояние нравственности этого успешного хана, как то, что он благодаря пирам укреплял свой авторитет, обретал и спланивал сторонников. Присутствие «персидских еретиков» на застолье указывало не только на дипломатические связи хана, сомнительные для мусульман-суннитов, но и фундаментальный принцип мужского союза: участие в нем чужаков. Хан Мурад Гирей (1678–1683) также славился пирами, подчеркивал их связь с «чингизовскими обычаями», почему и был популярен в народе; в письмах, адресованных московскому царю Федору Алексеевичу, он просил о присылке водки (Смирнов, 1887, с. 605–607). Исламская религиозность и в XIX в. не мешала крымским татарам чтить языческих властителей степи, слушать эпические повествования о них и предаваться «играм, танцам и пьянству» (Кондараки, 1883, с. 36). Что особо примечательно, правители Крыма и их сыновья, имевшие пристрастие к пирам и отличавшиеся воинственностью, получали прозвище «Дели». Таким был

сын Девлет Гирей-хана (1699–1702, 1709–1713), ханский наместник Кубани Бахты Гирей, прозванный Дели-султаном. Прозвищем «дели хан» был наделен Крым Гирей, занявший крымский трон в 1758 г., опираясь на восставших ногайцев; он также был любителем шумных пиров и имел военные амбиции (Халим Гирай, 2008, с. 114, 157). Ночные пиршества крымских воинов были характерной чертой их участия в походах, иногда, как случилось в Канжальской битве в 1708 г., приводившей к поражению (Фындыклылы, 2008, с. 411).

Итак, мужские и женские пространства в Крыму были четко разграничены. Крымские татарки не посещали мечеть (Михалон Литвин, 1994, с. 70; Кондараки, 1875, ч. 12, с. 45), базар (Сумароков, 1803, с. 181) и лишь в исключительных случаях появлялись в общественных собраниях. Вся публичная сфера крымских татар составляла сугубо мужское пространство. Наиболее заметными местами нахождения мужчин были бузня и кофейня. Шум веселого застолья и музыки исходил из бузни, где собиралась крымскотатарская молодежь; иногда сюда навещались мужчины среднего возраста. Тишина и размеренный ритм характеризовали кофейню, где пребывали мужчины средних и преклонных лет. Таким образом, бузня и кофейня в мусульманском Крыму XVIII–XIX вв. представляли собой маркер возрастных классов у мужчин и были совершенно недоступны для женщин.

О величине значения бузни и кофейни, этих двух полюсов мужского пространства в крымских городах, можно судить по следующим данным. В Бахчисарае, бывшей столице Крымского ханства, в конце XVIII в. отмечены: 3 166 лиц мужского пола и 2 610 женского пола, абсолютное большинство – крымские татары; 31 мечеть, 2 бани, 16 гостевых домов (хана), 21 «питейное заведение», 17 кофеен, 13 лавок для продажи «крепких татарских напитков», производимых из проса, всего – 1561 дом (Паллас, 1999, с. 29–30). В Карасубазаре числилось 1500 мужского (около тысячи составляли крымские татары) и «не более тысячи» женского населения; было 23 мечети, 23 больших и малых гостевых дома, 310 лавок, 23 кофейни и 915 частных домов; данных о питейных заведениях нет (Паллас, 1999, с. 115), хотя в поздних источниках отмечено их изобилие. В Гезлеве насчитывали 13 «татарских мечетей», 2 бани, 11 частных и 6 казенных гостевых домов, 24 кофейни, 25 кабаков и бузень (Паллас, 1999, с. 209).

Возрастные отличия среди мужской части населения Крыма проявлялись в каждой бытовой детали, одежде и внешнем виде, по отношению к религии. У приазовских ногайцев «обязанность молиться Богу» появлялась лишь 40-50 годам, сорокадневный пост рамазан выдерживали «одни лишь старики и старухи» (Корнис, 1836, с. 17–18). Крымскотатарские юноши из мурзинских и других достаточных семей одевались с броской пестротой и носили «черкесскую папаху» как «черкесы, поляки и казаки»; рукава их верхней одежды имели разрезы. Одежда мурз преклонных лет была скромна и не отличалась от наряда простолюдинов: их рукава были закрытыми (Паллас, 1999, с. 149). Хронист XVI в. писал о «татарах» Крыма: «голову они бреют полностью, за исключением детей и значительных лиц, т.е. царьков или мурз. Эти *оставляют на макушке чубы*, которые закручивают вокруг уха» (Гваньїні, 2009, с. 698). Данный обычай сохранили приазовские ногайцы в начале XIX в. (Корнис, 1836, с. 19). В этой связи еще раз обратим внимание на приведенное выше Г.Н. Потаниным имя легендарного богатыря со словом *кѡкѡль* (чуб, хохолок). Усы полагались молодым и средних лет мужчинам, бороду отращивали по достижении 40-летнего возраста; «отращение сопровождается молитвою, после которой ни один правоверный не решится сбрить ее» (Кондараки, 1875, ч. 12, с. 25). Подобным образом и у народов Средней Азии обозначения возрастных классов в одежде и операциях с волосами головы выражались ярче статусных отличий (Задыхина, 1951, с. 169–170).

Итак, статусные отличия проявлялись главным образом во внешнем облике молодых людей. Сыновья достаточных родителей имели возможность вести тот расточительный образ жизни, которого требовала ранговая стратификация в мужском союзе. Когда набеги уходили в прошлое, единственным источником обеспечения собраний подобного типа становились семьи их членов. Накануне своего исчезновения мужские союзы превращались либо в аристократические клубы, либо в патрон-клиентские группировки.

С момента рождения крымскотатарский мальчик находился в женской половине дома или, если глава семьи был состоятельным, в гареме (Паллас, 1999, с. 153). Т.е. он первоначально принадлежал «женскому» миру; точку отсчета его «мужской» жизни обозначал обряд обрезания, отмечаемый не менее пышно, чем свадьбы. В 1786 г. описано празднество, устроенное каймаканом г. Гезлев по случаю обрезания двоих своих сыновей: «...Операции этой предшествует 8 дней пир-

шествия, так что нам довелось увидеть пляску и борьбу татар. [...] Иногда во время пляски они изобразят *пантомиму война*, выхватывающего из ножен саблю и рубящего все вокруг себя» (Ромм, 1941, с. 71–72). Черты «гомеопатической магии», по Дж. Фрезеру, здесь очевидны (инсценировка боя была призвана наделить мальчиков качествами воина), как и вполне заметны признаки инициации, описанные Г. Шурцом.

Вероятно, когда предки крымских татар еще вели кочевой образ жизни, переход мальчика из женской сферы в мужской мир символизировало его резкое отлучение от семьи, нахождение в более или менее длительном отдалении от родителей. Отражение этой практики в искаженном виде представлено Г.-Л. де Бопланом в середине XVII в.: семилетние «татары» «выходят из своих [...] домиков на двух колесах или хижин» (т.е. юрт родителей); с этого момента «они никогда не спят под иной крышей, нежели под открытым небом. Начиная с этого возраста им никогда не дают пищу, пока они не собьют ее сами стрелой. [...] По достижению двенадцатилетнего возраста их посылают воевать» (Боплан, 2004, с. 215). Распознать в этом черты инициации и нахождения в мужском союзе позволяет привлечение сравнительного материала. Так, у австралийцев подростки оставляли свои семьи и создавали группы, временно проживавшие в лагерях, совместно охотились и питались (Косвен, 1928, с. 18–20). Африканские мальчики-масаи после обрезания в 14 лет покидали родительский дом и селились в отдаленных лагерях-краях; здесь им брили головы и нарекали их воинами; основное время они проводили в набегах за добычей и боях с подобными им группами; по прошествии срока (до 20 лет) возвращались в родные селения, женились и становились мирными поселянами (Webster, 1908, с. 87). Крымскотатарский обычай *атальчества*, т.е. длительное поселение мальчика в доме названного отца – *аталыка* (Сумароков, 1803, с. 149–150), представлял то же, но в менее жестком варианте. На Северном Кавказе воспитание у аталыка считалось завершенным, когда воспитанник возглавлял удачный набег или отличался участием в нем. Достигнув совершеннолетия, он возвращался к родителям, не прерывая отношений с аталыком, ставшим как бы его близким родственником (Марзей, 2004, с. 217–224).

Таким образом, инициация, в том или ином виде, связана с нахождением мужской молодежи вне семейного пространства, в группе сверстников и в ситуации риска. Для подобных «групп риска» характерно употребление алкоголя, недопустимое, ввиду религиозного запрещения, но практикуемое в порядке попустительствующего исключения, даже в городе, а не где-нибудь на периферии. Это обстоятельство требует корректировки вывода Г.П. Снесарева о том, что сельская местность дольше сохраняла традиции мужских союзов, по той причине, что мусульманское духовенство имело больше влияния в городах (Снесарев, 1963, с. 164). Если привести как пример периферии исламского мира приазовских ногайцев, то, несмотря на фрагментарное отражение в источниках, можно и у них рассмотреть нечто похожее на *шерда* и *жоро бозо*. И. Корнис, хорошо знавший их быт, утверждал, что в ногайских аулах «очень редко хмельное бывало», а питью «горячего» предавалась только молодежь, однако в отдалении от родительского дома, «на выезде» (Корнис, 1836, с. 18). Но в крымских городах не нужно было далеко ходить за хмельным; алкогольные напитки здесь беспрепятственно продавали на базарах и всякого рода «лавках».

В Крыму базар был не только местом купли–продажи, но и важнейшим центром коммуникации. Сюда приходили и с досужей целью: побить баклуши, покурить, потанцевать, напиться бузы, покушать шешлыков, набраться новостей «развезти, разнести их в степи, в долины и горы» (В.П., 1840, с. 34–35). «Татарки базар не посещают», – утверждал П. Сумароков (Сумароков, 1803, с. 181). Крупнейший в Крыму базар был в Карасубазаре, втором по величине города Крыма, после Севастополя (Зеленецкий, 1844, с. 449). Вот его литературная зарисовка, запечатлевшая представителей всех возрастов и свойственное им поведение: «Большую бочку с бузой обступили правверные: один пьет, второй присел и делает кейф, [...] дети играют в черепки и на них целыми часами неподвижно и молча смотрит какой-то старик. Далее *телал* (глашатай. – В.Г.), обвешанный с головы до ног платьем, оружием, платками, часами, с сережками и перстнями, прицепленными к ушам, губам и носам, кричит на весь мир, что у него хорошие вещи, дешевые вещи. [...] А вокруг пьют, едят, жарят, поют, танцуют; гремят бубны и заливается флейта, пищит и стонет кобза, и свирели рассыпаются звуками, и все это смешивается с ревом верблюдов, буйволов, со скрипом арб, мажар и топотом конским» (В.П., 1840, с. 35–36). Во всем этом проступают черты карнавала, каждый участник которого позволял себе то, что в другом месте при обычных обстоятельствах вряд ли позволил. Неслучайно, что базары приурочивали к *пятницам* (джума), этому «плотскому» дню, по мусульманским понятиям (В.П., 1840, с. 35). Другой наблюдатель пятьюдесятью годами ранее изоб-

разил Бахчисарай: «темные терема, где ревность заключает любезнейших из существ, базар или ряды с пестреющими товарами, где музультаны сидя на прилавках курят свои трубки. [...] Нечто еще составляет мертвую пустоту в стенах сего города; недостает чего-то необходимого для жизни... Ах! В нем нет женщин, любезных женщин» (Путешествие Измайлова, 1802, с. 53–54).

В отличие от базара, бузня представляла собой постоянно действующее заведение, причем не только в городах, но и селах. «Для приготовления *бузы* существуют почти в каждой деревне особые *бузные* лавки; в домашнем же хозяйстве татары делают ее редко», – отметил В.А. Щепетов (Щепетов, 2004, с. 721). Около 1820 г. феодосийский учитель М.И. Дмитриевский писал: крымские татары, «особенно молодые (улан), любят порядочно подпивать что бы то ни было сидя в своих бузнях». «Кислая, невкусная, но все-таки пьяная буза, и куски баранины, жареной перед их глазами на одних углях без сковороды, также белый хлеб (экмек) и трубки с табаком составляют весь их обед и десерт, тем и оканчивается вся их пирушка». Татарки же, основную часть своей жизни проводившие дома, пили «сладкую бузу» – *татлы максима*. Крымскотатарские юноши в посещение бузни находили способ обрести авторитет: «Кто хочет угостить своих приятелей, тот зовет их в бузню: там пред ними *ставят свечи, в знак его старшинства*. Кто не выпьет всей чашки, с того снимают шапку и высылают вон, пока старшина компании его не простит». Этикет застолья предписывал пирующим принимать позу, в которой сидел старший, и следить за ее переменной, рискуя подвергнуться осмеянию и штрафу за невнимательность. И хоть компания «уланов» в бузне могла довольствоваться не только слабоалкогольной бузой, но и всем, «что бы то ни было», причем под веселящие звуки свирелей и бубнов (Дмитревский, Мих Q. 393., л. 15 об.), однако, как видим, приверженность неким правилам сохранялась. О похожих правилах в татарском Крыму, особенно о значении позы старшего за столом, сообщал источник XVI в. (Гваньіні, 2009, с. 699). Структурирующая и формирующая авторитет функция застолья в описании М.И. Дмитриевского хоть и не очень четко, но проявлена. Эта черта отличает собрания по типу мужских союзов от буйного веселья базара, где беспорядочно пьют бузу и прочие пьянящие напитки.

Впрочем, к концу XVIII в. не во всех крымских бузнях сохранилась даже слабая тень древних порядков. П. Сумароков выразил нелестные впечатления от посещения бузни: «Повислые на палках тряпицы знаменуют публичные бузни. Там, в темноватой, неопрятной хате сидящие татары, не отнимая губ от прельщающих их нектаров, опорожняют подносимые им чаши с *нардеком* (варёное из винограда кисловатое питьё, которое привозится из Анатолии), *максумою* (сливается после бузы) и *бузою* (приготавливается сутки из просяной муки, которая с налитой водой закисает)». Здесь «весь сей день посвящается забавам, исступлению, и не прежде, как на утрие ленивые волю развозят пировавших к ожидающим их семействам» (Сумароков, 1803, с. 183). Г.П. Данилевский, посетивший бузню в Карасубазаре, определил ее как «разновидность нашего столичного питейного дома». На стенах бузни развешена посуда; возле огромной печи, где, по крымскому обычаю, кипит вездесущий кофе, установлен большой чугунный казан с киснущей бузой – «пшениным вином». У одной стены расположены два ряда лавок, на них восседает десяток татар; *пред каждым* на столике стоит небольшая *сальная свечка* – «роскошь мусульманских денди», у их ног лежат уголья для разжигания курительных трубок, в руках каждого пирующего – кубок бузы. Напротив них сидя играют шесть татарских музыкантов, трое слепых и трое зрячих. Хозяин бузни стоит посредине комнаты, лукаво оглядывая экзотически смеющиеся лица пьяных гостей и притопывая в такт музыке, набивает трубку табаком (Данилевский, 1850, с. 260).

Описание М.И. Дмитриевского зафиксировало ситуацию, отдаленно напоминающую *шерда* и *жоро бозо*: председатель пира со знаком старшинства (свеча), пирующие придерживаются какого-то порядка, нарушителей которого подвергают унижительному наказанию; но в этой группе нет таких рангов, как в среднеазиатских мужских союзах. Г.П. Данилевский засвидетельствовал полное обесценивание прежнего порядка: свеча, поставленная перед каждым пирующим, указывала, что он сам себе председатель и обладатель престижного знака, предполагавшего некие заслуги; наказаний и штрафов нет; пир представляет собой банальное пьянство, недопустимое в мужских союзах; мужской группы как таковой уже не существует. Т.е. показан слабый отголосок древнего обычая, утратившего смысл. Бузня, изначально представлявшая собой мужской дом, превратилась в кабак. Буза, употребление которой ранее было включено в сложные социальные практики, стала простым товаром и средством для опьянения.

Примечательным было поведение крымских цыган в бузне. Когда в шатер цыгана приходило много гостей, он, прихватив все деньги семьи, во главе шумной компании, «отправляется в шинок

или в бузю, где в течение нескольких дней не перестает предаваться заманчивому для него влиянию спиртных напитков и предоставляет себе *право издеваться* над всеми. Это *оскорбляет* гостей и между ними начинается отчаянная *драка*, прекращаемая нередко серьезными ранами. После этого, гости очень *любезно прощаются* и отправляются дальше, *не питая ни малейшей вражды*» (Кондараки, 2004, с. 489). Все обозначенные курсивом мотивы повествования могут быть истолкованы как черты «упорядоченного хаоса» мужских союзов, явленные, конечно, в позднем, искаженном отголоске.

По утверждению К.К. Казанского, приготовление бузы занимает не менее трех дней (согласно П. Сумарокову – сутки), необходимых для брожения, сохраняется она не дольше недели. Содержание спирта в бузе на рисовой основе не превышает 3,15%, пшенная буза беднее спиртом, крымская буза содержит от 0,25 до 1,19% спирта, но приятнее прочих видов (Казанский, 1890, с. 51–56). Таким образом, опьянение бузой требует обильного возлияния. Однако наблюдатели отмечали ее достаточно быстрое хмельное действие (Щепетов, 2004, с. 721), что, вероятно, объясняется большим содержанием углекислоты. Употребление просяной бузы в Крыму засвидетельствовано в начале XVI в. (Меховский, 1936, с. 59). Источники позволяют проследить два способа ее приготовления: варение солода из пророщенного проса и сбраживание толченных просяных зерен, залитых водой. Первый способ отмечен Г.-Л. де Бопланом: «брага, которая готовится из вареного проса. Этот напиток густой, как молоко, и он все-таки опьяняет» (Боплан, 2004, с. 225) П.С. Паллас определил бузу как разновидность пива, плохого на вкус, приготовляемого из просяной муки; бузу, как и пиво, варят (Паллас, 1999, с. 154, 166). Г. Данилевский, как представлено выше, писал о втором способе производства бузы («пшенное вино»), без варки (брожение в казане, стоящем у печи; ее пили прямо из того казана). Этот способ К.К. Казанский считал основным для приготовления крымской бузы. В конце XVIII в. в Крыму выращивали несколько видов проса: хвостатый амарант, используемый для приготовления бузы, красный и желтый сорта, а также бухарское просо (Паллас, 1999, с. 166).

Употребление молокопродуктов всегда было широко представлено в Крыму и иногда сочеталось с распитием бузы. В XVI в. отмечен «комбинированный» рецепт ее приготовления: толченое пшено *заливали разбавленным водой молоком* и ставили на брожение (Броневский, 1867, с. 356). Производство кумыса в Крыму к началу XIX в. уже не было значительным, поскольку требовало большого количества кобылиц; подобное могли себе позволить только зажиточные ногайцы. Уже в середине XVII в. большинство крымских татар вместо кумыса и «браги» употребляло сброженное коровье, овечье или козье молоко (Боплан, 2004, с. 227). Примечательный случай адаптации новых алкогольных напитков к древним традициям пирования зафиксирован в XVI в.: крымцы «смешивали кобылье молоко с водкой и упивались этим напитком» (Гваньїні, 2009, с. 699). В середине XVII в. отмечен привоз водки в Крым из Стамбула (Боплан, 2004, с. 225), что указывало на отсутствие ее местного производства. Но в конце XVIII в. водочные изделия здесь изготавливали из разнообразного материала: сливы, терн, кизил, бузина, дикий виноград и вишня, из чего получался приятный на вкус крепкий напиток. П.С. Паллас упомянул 24 сорта крымского винограда и отметил хорошие вкусовые качества местного вина (Паллас, 1999, с. 154, 171–178, 185, 188).

Безусловно, исламское запрещение пить вино оказывало свое действие на древние традиции употребления алкоголя. Авторы XVI–XVII вв. (Михалон Литвин, 1994, с. 71, 117; Броневский, 1867, с. 356; Боплан, 2004, с. 225 и др.) отмечали крайнюю умеренность или полное воздержание «татар» в употреблении спиртного, а также свидетельствовали о строгих наказаниях за это преступление. Но в действительности, по меньшей мере, в XIX в., строгость религиозных законов нивелировалась гибкостью их исполнения и изворотливостью оправданий. Крымские кадии пытались препятствовать публичному распитию алкоголя, особенно в священный месяц рамазан, грозя ослушникам смертью или 80 ударами батогами. Некоторые упражнялись в казуистике, утверждая, что запрещение Кораном пить вино не распространяется на водку (араки), поскольку она, добытая посредством огня, очищена от греха. Наставление Магомета не пить вино истолковывали на тот лад, что молитва нетрезвого есть недействительна. Споры о критериях трезвости и нетрезвости, имевшие значение в суде, доходили до таких анекдотических суждений, как неспособность отличить мужчину от женщины (Хартахай, 1867, с. 145). Вино «тайным образом» подмешивали в мед, молоко и щербет; «что ж касается до водки, то [...] как она в Алкоране не запрещена и при том почитается очищаемую чрез огонь, пьют ее без зазрения» (Краткое описание, ф. 609, д. 10, л. 202 об.). Но

все же, питье ради одного только опьянения считалось девиацией. Другое дело – «обычай Чингис-хана», с которыми приходилось считаться кадиям и муллам.

Исламская религиозность, вытеснявшая алкоголь на маргиналы общественной жизни, создавала благоприятные условия для распространения его заменителей – чая и кофе. Распространившийся из Китая чай не имел конкуренции в Центральной Азии; впрочем, «народным напитком» он стал только в XIX в. (Абашин, 2001, с. 205). В Крыму безраздельно господствовал кофе, а потребление чая не было значительным. Со времени завоевания Йемена султаном Сулейманом I (1520–1566) культура питья кофе быстро распространилась по Османской империи (Sabri Koz, 2014, с. 33). Вместе с тем, разгорался спор о том, противоречит ли потребление кофе истинам ислама. Кофе запрещали в Мекке в 1511 и 1524 гг.; в Стамбуле первое запрещение последовало в 1555 г. и с того времени, по выражению Ф. Броделя, «его будут запрещать и разрешать с почти правильными промежутками» (Бродель, 1995, с. 213). Так же как и табак, распространившийся почти одновременно с кофе. В частности, турецкий султан Мурад III (1574–1595) преследовал и собственноручно убивал тех, кто нарушал его запрет пить кофе и курить табак (Смирнов, 1887, с. 518; Sabri Koz, 2014, с. 48). Тем не менее, питье кофе и курение табака соединилось в одну практику, нашедшую многих приверженцев среди подданных турецкого султана и крымского хана.

Главная причина запрещения кофе заключалась не в нем самом, а в кофейных домах, хорошо посещаемых и суливших богатые доходы. Их чрезмерное обложение налогами, взвинчивавшее цены на любимый напиток, вызывало общественные волнения (Sabri Koz, 2014, с. 48–49). Но проблема была не только в этом: кофейни становились центрами общественной жизни, где часто плелись антиправительственные заговоры. «Кофейные дома в Константинополе, так же как и инде, такие места, куда всякие собираются люди, не зная друг друга, и из которых большая часть не имеет другого упражнения, кроме того, чтоб рассказывать новые вести», – писал один французский информатор. Именно в кофейнях Стамбула в 1730 г. началось восстание, приведшее к свержению султана Ахмеда III (Известие, 1738, с. 15). Подобные случаи не были редкостью и в более ранние, и в более поздние времена. За настроениями в крымских кофейнях зорко следили и ханские власти, и администрация Российской империи, всегда находившая повод для беспокойства. Среди крымских ханов были тонкие любители кофе, как, например, Гази Гирей, автор поэтического произведения «Кофе и вино» (Смирнов, 1887, с. 458–459). Но кофейни жили своей жизнью, отдельной от порядков и настроений в ханском дворце и правительственных канцеляриях.

Новая культура потребления кофе и чая в общественных местах наслаивалась на старые традиции и обычаи вкушения алкоголя. С.П. Толстов, отмечая большую общественно-бытовую роль среднеазиатской *чайханы*, увидел в этом «на первый взгляд, весьма непервобытном учреждении, [...] упрямо прошедший через эпоху ислама осколок [...] доисламского общественного учреждения», а именно – «мужской дом». Чайхана представляла собой «не только гостиницу [...], где за деньги можно получить питье и пищу», но и «место, где мужское население городов и селений Узбекистана и Таджикистана проводит значительную часть свободного времени, место общественных собраний и деловых встреч». В каждом «махилля» (квартале) среднеазиатского города была своя чай-хана. «...Именно с чай-ханамы связан [...] институт складчинных угощений, широко распространенных главным образом среди мужской молодежи, совместно приготавливающей в своей квартальной чай-хане традиционное мужское блюдо – плов» (Толстов, 1948, с. 315).

В крымской кофейне (къавехане), как и бузне, можно заметить подобные наложения новых практик на старые традиции, связанные с алкоголем. Кофе (къаве) легко вошло в повседневность крымских татар и их систему питания, став едва ли не главным ее элементом. С кофе крымский татарин начинал свой день, выпивая утром один или два *филиджана* (чашечки) без хлеба, им его и заканчивал; в полдень обычно ел хлеб с солеными или свежими овощами; обедал вечером, после чего пил один филиджан кофе и, выкурив несколько трубок табаку, отправлялся ко сну (Кондаракки, 1873, с. 105). В течение дня ему неоднократно выпадал случай попить кофе в кофейне, бане, на общественном празднестве, в гостях. Неизменным спутником кофе был табак, что отразилось в поговорке: «Бир кахве, бир тутун, зеефет бютюн» – «кофе и табак – вот и весь пир» (Дмитревский, Мих Q. 393, л. 21 об.).

Кофейные дома открывались на рассвете, закрывались к полуночи и весь день были полны посетителей (В.П., 1840, с. 37). В отличие от бузень, разбросанных по периферии города, кофейни находились в центре. В Карасубазаре скопление многочисленных *къавехане* образовывало самую широкую и самую ровную улицу; в одной кофейне можно было встретить крымских татар, армян,

караимов, которые «просиживают здесь по целым часам и молча курят табак из своих длинных черешневых чубуков. Лишь изредка проносятся несколько слов этих групп, величаво-неподвижных. [...] Армяне обыкновенно соединяют со спокойствием лица некоторый лоск в его цвете; борода, мягкая как шелк, тихий взгляд, дородство, признак довольства, отличают их от татар, с их смелой и развязной поступью, с лицом выразительным и прежде времени покрытым морщинами. В караитах (караимах. – В.Г.) всего более поражает мелочная заботливость к одежде, [...] подбородок, тщательно выбритый, и небольшая рука, которую они любят украшать кольцами» (Зеленецкий, 1844, с. 449). Похожую картину изобразило другое свидетельство: в любой час дня кофейня наполнена людьми, но при этом не слышно малейшего шума; здесь общаются знаками плавных движений головы и рук, отрывистыми словами: «пеки», «йок» (хорошо, нет), изредка срывающимися с уст игроков в шахматы и следящих за игрой. Иногда проговаривают суру из Корана, кто-то в уголке тихо рассказывает сказку нескольким «сибаритам», еще реже звучат тихие звуки лютни» (Свиньин, 1838, с. 337). Еще один источник так же подчеркивает тихую обстановку в кофейне: «сколь бы велико собрание оных [татар] не было, они ничего не говорят, и где ожидать бы надобно шуму, вместо того дом кофейный может почестся домом молчания» (Краткое описание, ф. 609, д. 10, л. 202 об.).

Из описания карасубазарской кофейни видно, что она располагалась в одной комнате; ее пол был устлан коврами, у стен стояли отгороженные диваны, между которыми на открытом огне постоянно варилось кофе. Сидящие с поджатыми ногами на диванах крымские татары раскуривали из поставленных пред ними жаровен трубки и тихо разговаривали; некоторые играли в шахматы (Сумароков, 1803, с. 55). Более позднее описание отмечает менее изысканное убранство кофейни: Воль стен расположено небольшое возвышение, крытое черным войлоком с разбросанными пестрыми полотняными подушками. Рядом стоят *мангалы* – низенькие медные жаровни с углем для раскуривания трубок и кальянов, а зимой – для обогрева. Здесь среди дремлющих посетителей лежат котятка, разбросаны мокрые тряпки, стоят раскрытые сундуки с неубранной одеждой, кровать, готовая принять любого гостя, пустые чашки и стаканчики. У дверей, в нише небольшой печки, на негаснущих углях кипит кофе. *Мальчик*, варщик этого кофе, он же и управитель всего заведения, дремлет на лавке возле печки, положив голову на спину некоего Эрмамбета, местного дурочка с *седыми усами* и черной бараньей шапкой, надетой на его красно-сизую голову, оранжевой курткой и синими шальварами; он продает всем желающим писанные им на клочках грязной бумаги заговоры: как уличить вора, найти клад, покорить душу любимой женщины и т.д. (Данилевский, 1850, с. 209–210). Конечно, при сопоставлении разных свидетельств необходимо учитывать обстоятельства места, времени и действия, произвольность вкуса свидетеля, как и его произвольные статусные установки. Если нашей установкой есть исследование социального явления, выяснение его динамики, то, прежде всего, нас должна интересовать полнота структуры и степень связанности ее элементов, прослеживаемых по источникам.

Как и бузня, кофейня представляла собой заведение, где услуги предоставляли за плату. Сразу после присоединения Крыма к Российской империи чашка кофе стоила один *бешлык* – крымская монета, соответствовавшая одной российской деньге (Краткое описание, ф. 609, д. 10, л. 202 об.), в самом начале XIX в. – одну *пара*, равнявшейся 3 деньгам (Сумароков, 1803, с. 55), в 1830-е годы брали по 5 копеек за *филиджан* кофе без сахара и гривенник – с сахаром (Свиньин, 1838, с. 337). Но в отличие от бузни, в кофейне проявляли знаки почтения титулованным лицам: появление мусульманского судьи (кади) вызывало волнение посетителей, встававших и прижимавших руки к груди, тем свидетельствуя свое почтение (Сумароков, 1803, с. 183). П. Сумарокова встречали как важного русского чиновника: только он вошел в кофейню, как присутствующие встали и отдали ему поклон, прижав руки к груди, усадили подле себя, подали трубку с табаком и кофе (Сумароков, 1803, с. 55). В целом же, кофейню крымских татар этот автор определил как «публичное место их забав», «благородное сходбище мусульман», где муллы и мурзы проводят время за шашками, кофе и курением табака (Сумароков, 1803, с. 55, 183).

Однако, крымские кофейни не всегда были «убежищем покоя и лени» (Зеленецкий, 1844, с. 449), как их единообразно изображают все приведенные свидетельства конца XVIII – первой половины XIX в. Во времена Крымского ханства в Гезлеве можно было в каждой кофейне встретить «необыкновенных певцов и сказочников, доводивших слушателей до восторга» (Жиленков, 1883, с. 20). Тогда в кофейнях играла музыка, подавали щербет, *молодые люди* толпились, чтобы посмотреть кукольное представление, разыгрывающее любовные сцены или похождения богатырей,

пели песни непристойного содержания (Кондараки, 1875, ч. 12, с. 25). Т.е. кофейня ханского времени мало отличалась от бузны и имела заметный «молодежный» оттенок. В начале 1770 г., во время русско-турецкой войны, жизнь в крымских кофейнях бурлила – это были места максимальной концентрации общественной жизни. Здесь распространялись политические новости, ханское правительство объявляло свои решения и трактовки хода войны, русские агенты узнавали государственные секреты (Записки Прозоровского, 2004, с. 471, 551, 553). Вероятно, становление нового, степенно-сдержанного и безмолвного уклада в кофейне произошло в ходе российского завоевания Крыма в 1771–1783 гг., вызвавшего массовую эмиграцию крымских татар в Турцию, волнообразно длившуюся в течение всего XIX в. и начала XX в. Обратим внимание: крымскотатарские эмигранты, как и казанские татары, также в значительном количестве покидавшие родину, в Стамбуле открывали собственные кофейные дома, где собирались их соотечественники. В начале XX в. на основе этих кофеен возникали всевозможные благотворительные и культурные общества, библиотеки и пр. (Sabri Koz, 2014, с. 149).

Среди подробностей быта кофейни XIX в. примечается некоторое сходство с порядками в бузне. Если кто-то изъявлял желание угостить всех присутствующих за свой счет, тогда хозяин, разнося кофе, объявлял: «джаба», т.е. «без платы», однако не называл имени благодетеля. Примечательным был и способ оплаты: каждый посетитель клал в сундучок столько денег, сколько выпил чашек кофе. Здесь можно усмотреть не только проявление честности, вслед за автором данного свидетельства (Свиньин, 1838, с. 337), но и видоизмененную практику мужских союзов (складчина, плата за товарищей), впрочем, уже без претензий на статусное повышение, а как душевспасительное дело, соответствующее нормам мусульманского благочестия (Кондараки, 1875, ч. 12, с. 41). На происхождение кофейни из мужского союза указывала и находящаяся в ней кровать, готовая принять любого гостя, по приведенному выше выражению Г. Данилевского. Более четко это прослеживается в крымских «заезжих дворах», где общую комнату, самую большую и хорошо убранную, называли кофейней; здесь сам хозяин принимал наиболее уважаемых гостей (Кондараки Легенды, 1883, с. 5). Что примечательно, крымская бузня не проявила сколько-нибудь определенной связи с гостеприимством, характерным для архаики мужских союзов. В Крыму принятию гостей кофе подходило больше, чем алкоголь.

Всякое крымскотатарское селение имело кофейню, где мог остановиться любой путник, а односельчане приходили попить кофе и побеседовать. Женщины, не посещавшие кофеен, собирались в «своих роскошных банях и проводили время, угощая друг друга щербетом и конфетами» (Озенбашлы, 1997, с. 17). Обычай гостеприимства оставался для крымских татар действенным даже в тревожном 1919 г. Тогда группа торговцев скотом, состоявшая из случайных людей (крымские татары, поляки, украинцы), без проблем находила кров и пищу в аулах, расположенных в окрестностях Симферополя. Впрочем, ключевой фигурой этой группы был крымский татарин Бамбек, имевший в здешних аулах много знакомых и отдававший предпочтение тем, у кого «есть много комнат». Встреча гостей выглядела так: «покурили и зашли в сени и комнату, где был очаг с пылающим жаром кирпича из навоза. Дым шел под балдахин и по трубе с коленами наружу. Над жаром на треногах кипел большой медный кувшин с ручкою. Готовилось кофе. Совершив омовение рук, татары и мы принялись за свою еду. Мы не гости, а случайные встречные. После еды и кофе долго сидели вокруг балдахина, курили и дым папиросок шел тоже под балдахин. Женщина не зашла к нам ни одна. Напоили лошадей, добавили дерти [...]. Огонь прекратился. Дымоход закрыли. Все обратилось в сон». Ранним утром «напоили лошадей и уехали, поблагодарив хозяина». В другом ауле на приезд гостей пришли соседи. «Сварили кофе. Мужчин-татар собралось шесть. Всех интересовали военные новости. [...] Курили все. Колпак над очагом вытягивал дым в дымоход. [...] Как сидели на войлоке вокруг очага, так и уснули, подложив в изголовья маленькие подушечки. Было в землянке очень тепло» (Мемуарна спадщина, оп. 1, д. 16, л. 28–28 об., 38 об.). Из обоих случаев видно, что гостиной и кофейней могла быть как отдельная комната зажиточного хозяина, так и скромная землянка. Однако изоляция женщин от гостей всегда выдерживалась строго.

В XIX в. «заезжие дворы» в Крыму сохраняли названия *хана* и *ода*. *Хана* находились в общественной собственности, наряду с главными объектами городской инфраструктуры (фонтаны, водопровод и пр.); здесь останавливались купцы, привозившие для городского базара товар, хранившийся на складах, специально для этой цели устроенных (Паллас, 1999, с. 115). *Ода* представлял собой частный гостевой дом, предмет гордости собственника; содержать такой дом было под силу лишь крымским беям и немногим мурзам. Изначально ода, расположенный в большом отдельном доме

большого имения, предназначался для приема хозяином родственников и «равных себе лиц». Гарем находился в значительном отдалении от оды; так было в имении Муратша-мурзы (Кондараки Типичность, 1883, с. 101). Коллежский советник Меметша-бей, жительствовавший в селении Кокос (вблизи Алупки), имел «построенный в турецком вкусе *трактир* и гарем, а также хорошую мельницу» (Паллас, 1999, с. 79). Функции трактира, гостиницы и гостиницы в ода непротиворечиво сочетались. Владельцы ода спорили между собой за первенство в роскоши убранства и обилии угощения своих гостей. Владелец проводил в ода большую часть своего дня, важно восседая на мягкой софе с долгим чубуком, украшенным дорогим мундштуком (Кондараки, 1975, ч. 10, с. 68).

Основным занятием владельца ода было общение с гостями, которые, на поверку, оказывались не равными ему людьми. Точнее, становились таковыми, воспользовавшись его гостеприимством: «Гости обязаны были не только сообщить свои заметки (новости. – В.Г.) за даровый прием, но и все [...] способности и познания свои, чтобы позабавить и вообще доставить удовольствие гостеприимному хозяину для того, чтобы поддерживать в нем благое намерение к приему всех [...] нуждающихся в даровом приюте и корме» (Кондараки Типичность, 1883, с. 100). По сути, хозяин ода был главой патрон-клиентской группы, а ода составляла место и средство ее формирования, поддержания и постоянного пополнения. Патрон радушно принимал пришедшего, угощал и оказывал всяческую помощь, обращая его, таким образом, в своего клиента. Чем больше было клиентов у патрона, тем значительнее становился его общественный вес и влияние на местные дела.

Сердцевину любой формы патрон-клиентских отношений составляло то, что предоставляющий помощь (дар, услугу, защиту и т.д.) и принимающий ее, изначально распределяли между собой статусные позиции, отношения власти и подчинения, сохраняемые надолго, если не навсегда (Maćzak, 2000, с. 14). Даже кооптированный в систему российского дворянства коллежский советник Меметша-бей, по всей вероятности, содержал ода не по прихоти, а из необходимости поддержания своего статуса в среде крымских татар. Статусные игры в мужских союзах, возникающих на один сезон (шерд и жоро бозо), воспроизводили одну и ту же модель группирования в бесконечной цикличности; иерархии в них были действительны, но временны. Превращение мужского союза в патрон-клиентскую группу происходит с остановкой этой цикличности, возникновением линейной длительности иерархии, замыкаемой главным распорядителем благ в группе. Те же стратифицирующие тенденции и в то же время происходили в таджикских *мехмонхонах*: если сборы мужской группы проводились в общественных домах и пиршества обеспечивались вскладчину, то председателя избирали все члены группы; если же в частном доме и за счет его владельца – председателем по умолчанию становился владделец (Рахимов, 1990, с. 14, 18, 38, 43).

Итак, владделец крымского *ода* был, прежде всего, главой патрон-клиентской группы. Он «составлял заговоры, учил командиров *отрядов своих* военным хитростям и вспоминал *предания давно минувших дней*. Здесь он восторгался остроумиям шута, сказочника, поэта импровизатора и отсюда любовался скачками лучших *джигитов* округа своей» (Кондараки, 1875, ч. 12, с. 68). Свита владельца оды формировалась из людей разных умений: мастеров рассказывать сказки или произносить речи на пиру, музыкантов, борцов, бойцов, наездников и др. Муратша-мурза щедро одаривал и потчевал посетителей и завсегдатаев своего дома, убеждал их служить ему. Особенно ценил он тех, кто годился в джигиты; таковых размещал в ода, обращался с ними как с гостями и друзьями. Однако джигиты «всегда должны были помнить, что он их господин и не злоупотреблять [его] доверием» (Кондараки Типичность, 1883, с. 101). В этой связи важно не упустить из виду значение слова «джигит»: молодой парень, юноша. Символизация возрастных классов здесь очевидна.

Примечателен акт заключения договора между патроном и его клиентом, мурзою и джигитом. Если простое общение хозяина ода и его посетителя ограничивалось питьем кофе, то договор (обычно устный) о службе на определенный срок скреплялся водкой. Более того, один мурза мог передать другому мурзе своих джигитов, скрепляя договор рукопожатием и водкой (Кондараки Типичность, 1883, с. 100–101). Таким образом, если кофе не было связано с переменами статусов в мужской среде, т.е. инициациями в их самом широком смысле, то *буза* (в статусных играх по типу шерда, жоро бозо и отдаленно их напоминавших молодежных «забавах» в бузне) и, в большей силе, *водка* символизировали статусные изменения. В некоторых случаях питье кофе все же имело значение инициации, важного элемента в церемониях посвящения. Так, в крымском *реване*, обряде посвящения в мастера цехов, большое внимание уделяли *приглашению на чашку кофе*, рассылаемое главам других цехов, представителям власти и мусульманского духовенства, а также влиятельным горожанам (Булатов, 1840, с. 142). Безусловно, ревнители исламских норм не могли при-

существовать там, где находилось место алкоголю и его приверженцам. Но и места простых приверженцев алкоголя, как и простых ревнителей норм, всегда заканчивались там, где начинались сложные игры порядка и хаоса, порождающие власть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашин С.Н. Чай в Средней Азии: история напитка в XVIII–XIX веках // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 204–230.
2. Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб.: Алетейя, 2004. 336 с.
3. Бедова И.А. Традиционные хмельные напитки осетин (XIX–XX вв.). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. 176 с.
4. Бобровников В.О., Дмитриев В.А., Карпов Ю.Ю. Деревянная утварь аваро-андо-цезских народов Дагестана: поставцы, сосуды, мерки // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа / ред. В. А. Прищепова. СПб.: Наука, 2006. С. 5–51.
5. Боплан Г.-Л., де. Описание Украины. М.: Древлехранилище, 2004. 576 с.
6. Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст. Т. 1. К.: Основи, 1995. 543 с.
7. Броневский Мартин. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867. С. 333–367.
8. Булатов Е. Реван, или торжественный обряд татар-ремесленников в Крыму // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. Кн. 2. М.: тип. Н. Степанова, 1840. С. 139–154.
9. В. П. Карасубазарский базар // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. Кн. 2. М.: тип. Н. Степанова, 1840. С. 34–38 (смесь).
10. Гаврилов М.Ф. Остатки ясы и юсуна у узбеков. Ташкент: Главный Средне-Азиатский музей, 1929. 9 с.
11. Гваньїні Олександр. Хроніка європейської Сарматії / упорядкув. та пер. з польськ. о. Юрія Мицика. 2-ге вид., доопрац. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. 1006 с.
12. Грибовський В.В. Землеробство і седентаризація в кочівницькому соціумі: випадок причорноморських ногайців // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Вип. 11. К.: Інститут історії України НАНУ, 2012. С. 67–190.
13. Данилевский Г. Письма из степной деревни // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Т. 104. СПб., 1850. С. 198–266.
14. Дмитриевский М.И. Карта Крыма или краткое описание татар и других народов, в Тавриде живущих // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Мих Q. 393. 50 л.
15. Житецкий И. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Астрахань: тип. «Астраханского Листка», 1892. 214 с.
16. Жиленков А.В. Первые годы нашего господства в Крыму. Записки // Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. М.: тип. Чичагина, 1883. С. 3–135.
17. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
18. Задыхина К.Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XIV. М. Изд-во АН СССР, 1951. С. 157–179.
19. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М.: Российский фонд культуры «Российский архив», 2004. 784 с.
20. Зеленецкий К. Путешествие в Южную Россию и Крым А. Демидова (рецензия) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1844. С. 442–453.
21. Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 года при низложении Ахмеда II и возведении Магомета V. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1738. 38 с.
22. Казанский К.К. Определение составных частей бузы и положения ее в ряду спиртных напитков. Диссертация на степень доктора медицины. СПб.: тип. Э. Арнольда, 1890. 58 с.
23. Краткое описание Херсониса Таврическаго с описание тамошних растений // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 609: Попов В.С. Д. 10. Л. 195–220.
24. Кондараки В.Х. Легенды Крыма // Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. М.: тип. Чичагина, 1883. – С. 3–100.
25. Кондараки В.Х. Типичность крымских татар // Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. М.: тип. Чичагина, 1883. С. 3–145.
26. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 1. Николаев: тип. В.М. Краевского, 1873. 246 с.
27. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 10. СПб.: тип. В. Веллинга, 1875. 79 с.
28. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 12. СПб.: тип. В. Веллинга, 1875. 90 с.

29. Кондараки В.Х. Цыгане // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. С. 486–491.

30. Корнис И. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп, журнал современного просвещения, издаваемый Н. Надеждиным. Т. 33. М.: тип. Н. Степанова, 1836. – С. 3–23, 210–230, 269–297.

31. Косвен М. Половые отношения и брак в первобытном обществе. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. 76 с.

32. Лемерсье-Келькеже Ш. Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованному документу из архива дворца «Топкапы» // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. ст. / ред. И.А. Мустакимов и др. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 47–56.

33. Марзей А.С. Черкесское наездничество – «ЗекӀуе». Нальчик: Эль-Фа, 2004. 312 с.

34. Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях / введ., пер. и комм. С.А. Аннинского. М.; Л. тип. им. Володарского, 1936. 288 с.

35. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / пер. В.И. Мотузовой, ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Изд.-во МГУ, 1994. 151 с.

36. Мемуарна спадщина Попова Олександра Федоровича // Рукописний відділ Запорізького відділення Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського Національної академії наук України. Ф. 2. Джерела з історії Південної України, зібрані археографічною експедицією Запорізького наукового товариства ім. Я.П. Новицького. Оп. 1. Спр. 16. 121 арк. зі зв.

37. Озенбашлы Э. Традиционные поселения и жилища // Озенбашлы Э. Крымцы. Сборник работ по истории, этнографии и языку крымских татар. Акмесджит, 1997. С. 15–23.

38. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с.

39. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского географического общества. Вып. 4. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1883. 1025 с.

40. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / под ред., текстологич. комм. И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

41. Путешествие в Полуденную Россию в письмах, изданных Владимиром Измайловым. Ч. 3. М.: Университетская тип., 1802. 274 с.

42. Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л.: «Наука», 1990. 157 с.

43. Ромм Жильбер. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. и прим. К.И. Раткевича. Л.: Изд-во ЛГУ, 1941. 79 с.

44. Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ея народов. Ч. 1. СПб., 1838. 388 с.

45. Симаков Г.Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX в. Историко-этнографические очерки. Л.: «Наука», 1984. 229 с.

46. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб.: Университетская тип. в Казани, 1887. 774 с.

47. Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднем варианте у народов Средней Азии // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Т. 2. Вып. 7 / ред. С.П. Толстов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 155–205.

48. Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 1. СПб.: Имп. тип., 1803. 276 с.

49. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 352 с.

50. Фындыклылы Мехмед-ага. Книга побед (фрагмент) // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII в. Исследования и материалы / ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: изд-во М. и В. Котляровых, 2008. С. 411.

51. Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или история Крыма / транскрипция, перевод переложения А. Ильми; составление приложений и пояснения К. Усеинова; под ред. Н.С. Сейтягьева. Симферополь: «АЯН», 2008. 192 с.

52. Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар (Статья вторая) // Вестник Европы. 1867. Т. 2. С. 182–236.

53. Цыбикдоржиев Д.В. Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 334–363.

54. Шурц Г. История первобытной культуры. Т. 1. Основы культуры. Общество. Хозяйство / пер. с нем. Э.К. Пименовой и М.П. Негрескул. Изд.-е 2. М.: КРАСАНД, 2010. 424 с.

55. Щепетов В.А. О питании татар Южного берега Крыма // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. С. 713–722.

56. Юрченко А.Г. Кумысная церемония при дворе Бату-хана // Монголика-VII: Сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. С. 62–70.

57. Lattimore O. *Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958*. London: Oxford University Press, 1962. 565 p.

58. Maćszak A. *Klientela. Nieformalne systemy władzy w Polsce i Europie XVI–XVIII w.* Warszawa: Semper, 2000. 358 s.

59. Sabri Koz M., Kuzucu Kemalettin. *Turkish Cofee* / transl. Mary P. Işın. 2nd print. Istanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2014. 271 p.

60. Schurtz H. *Altersklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft*. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1902. 458 s.

61. Webster H. *Primitive secret societies. A Study in Early Politics and Religion*. N. Y.: The Macmillan company, 1908. 227 p.

V.V. Hrybovskiy

BOZA, VODKA AND COFFEE IN MEN'S SPACE OF THE CRIMEAN TATAR CITIES (LATE 18TH – 19TH CENT.)

The arguments are presented that the most ancient practice of alcohol consumption is directly related to archaic models of grouping in Men's Societies. This practice also formed the hierarchies and norms. Late derivatives of Men's Societies, age classes and initiations were traced in those cities of Crimea, where Crimean Tatars numerically prevailed. The significance of alcohol for initiation is shown. The comparative and historical material traces the general and special in drinking boza and vodka in the men's communities of Crimea, the Caucasus and Central Asia. It is presented that the culture of drinking coffee and tea layered on the previous practices of drinking alcohol and transformed them. A model of the evolution of Men's Societies in connection with the practice of drinking alcohol is proposed.

Keywords: Men's Societies, alcohol, initiations, patron-client relationship, Crimean Tatars.

Сведения об авторе:

Грибовский Владислав Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского Национальной академии наук Украины (г.Киев, Украина); nuradyn@ukr.net

Hrybovskiy Vladyslav V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archaeology and Source Studies, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine).

УДК 94(470).04

АЗОВ (АЗАК) В 1570 Г. В ДОНЕСЕНИИ РУССКОГО ПОСЛАННИКА ИВАНА НОВОСИЛЬЦЕВА*

© 2019 г. М.В. Мусеев

Статья посвящена анализу документов миссии Ивана Петрова сына Новосильцева в Стамбул в 1570 г. В центре внимания находится его отписка из Азова (Азака), которая представляется важным источником по истории этого пограничного города. Дана общая характеристика этого документа и его публикация.

Ключевые слова: Азов (Азак), посольские книги, дипломатическая переписка Ивана Грозного, казачество.

24 января 1570 г. из Москвы в Стамбул отправился посланник Иван Петров сын Новосильцев, в сопровождении посольской свиты, которая состояла из служилых татар, подъячего Постника Износкова, сына Новосильцева и кречатника. Посланник вез послание султану Селиму, а также грамоты для кафинского санджак-бея Касыма и азовского дездара Джафера (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 2 об. – 8 об.). Само это посольство было вызвано необходимостью урегулировать русско-турецкие отношения после бесславного похода на Астрахань османских войск в 1569 г. Акдес Нигмет Курат писал, что это посольство было продиктовано желанием царя угодить султану, а само послание «было написано весьма вежливым стилем...» (Курат, 2015, с. 172, 173).

Однако непосредственное обращение к русскому оригиналу позволяет скорректировать наши представления об этом документе. После перечисления своих (но без казанского и астраханского царств, но зато с Сибирью) и селимовых титулов, царь приступает к делу. Он начинает поучать султана этике двусторонних отношений: «В сеи странѣ вѣдомо учинилось, что ты после отца своего Хандыкерея Сюлейман салтана господарем ся учинил на отца своего Сулейман салтановых господарствах на костентинопольском и на талѣиском и на румском и на караманском и иных многих земель господарь еси. А во господарствах то поведение ведетца коли которои учинитца господарь на своих господарствах и он о том обысляетца в ьные господарства со господари послы своими и посланники с которыми господари о дружбе и о любви ссылки бывали свое господарство изьявляет, а к нему тѣ господари своих послов и посланников посылают и здоровают ему на господарствах и в том дружбы и любви прибавливают» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 3 об. – 4). Затем Иван Васильевич приводит примеры из практики предыдущих отношений. Все это ему необходимо для того, чтобы объяснить астраханский поход османов недоразумением, недостаточной информированностью монархов. Об этом российский царь пишет прямо: «к нам приехали с поля наши украинные люди и сказывали нам, что твои брата нашего люди ис Кафы и из Азова пошли к нашему городу к Асторохани и мы тому поудивилис, что деду твоему и отцу славным господаремь с моим отцом с великим господаремь такъ же отцу твоему и с нами ссылки были о дружбе и о любви, а недружбы у нас с ним ни которые небывало кроме того, что ныне въсчинаетца недружба меж нас невѣдомо за что. А коли меж которых господарей недружбы какие учинятца и они меж себя обысляютца послы и посланники обысками всякое ся доброе дело делает» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 5–5 об.). Иван IV призывает Селима ознакомиться с перепиской его предшественников с московскими монархами, дабы убедиться в том, что между странами отношения всегда были дружественными и, соответственно, поход на Астрахань был спровоцирован недоброжелателями. Завершалось это послание перечислением царств, среди которых нашлось место и для Казанского, и для Астраханского ханств. Вопрос законности обладания Поволжьем в грамоте Ивана Грозного даже не ставился, в центре его послания значение и роль дипломатии и обмена посольствами в деле поддержания мира между странами. Однако Курат в своей знаменитой книге пишет о том, что именно эта проблема играла большую роль в этом письме, и даже приводит цитату, где

* В данном исследовании используются материалы, полученные в ходе реализации проекта, поддержанного РНФ (проект № 16-18-10091) 2016–2018 гг. Руководитель проекта – К.Ю. Ерусалимский.

рассказывается о сохранении ислама в «городе Касым» и о том, что «тревоги османского правителя за судьбу мусульманского населения Казани и Астрахани беспочвенны, и нет необходимости освобождать этот регион» (Курат, 2015, с. 173). Учитывая, что слов этих в послании Грозного Селиму от декабря 1569 г. и отложившегося в турецкой посольской книге нет, то возникает вопрос: что именно цитирует турецкий ученый татарского происхождения?

К счастью сохранился перевод этого послания на османо-турецкий язык, отложившийся в Мюншеат-селатин Фаридун Ахмед-бея¹. В этом документе мы сталкиваемся с внешним описанием грамоты. Очевидно, в верхней части были помещены круги, в которые были вписаны богословие и титулы адресата и отправителя. Титул Ивана IV помещен в третьем круге и там мы обнаруживаем упоминание о Казани и Астрахани (Feridun, 1275, s. 555). И в этом письме вновь мы не находим обсуждения вопросов, посвященных обоснованию законности завоевания русскими поволжских ханств или религиозной толерантности. В переводе (что ожидаемо) обсуждались вопросы роли обмена послами в деле мирных отношений и урегулирования возникающих конфликтов (Feridun, 1275, s. 555–556).

Итак, Курат цитирует или делает вид, что цитирует какой-то другой документ, но при этом ниже он приводит перечисление царств с указанием времени их обладания, и это перечисление он мог увидеть только в русском послании, так как в переводе, приведенном Феридун Ахмед-беем, этих данных нет! Впрочем, это цитирование фантомного документа не единственная сложность. Само по себе послание царя Ивана IV содержит в себе информацию, которая, очевидно, может оказаться ложной. Иван Васильевич писал, что с момента вступления Селима на престол в Москве не было турецких посольств и это вроде как фиксируется и посольскими книгами. Так, последнее послание Сулеймана Кануни, отложившееся в русской документации, относится к 1561/62 г. (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 411об. – 412). Это даже дает основание утверждать, что в русско-турецких отношениях наступил перерыв до 1569 г. Но, это совсем не так! Нам известны послания в Москву от Сулеймана I от 30 октября 1564 г., от Сулеймана I от не ранее 6 – не позднее 15 ноября 1564 г., от Сулеймана I от середины апреля 1566 г., от Селима II от 6 сентября 1567 г., от Селима II от 27 июня 1568 г. (BOA. A. DVNS. МНМ, № 6, hukum № 318. S. 148; BOA. A. DVNS. МНМ, № 6, hukum № 339. S. 157; BOA. A. DVNS. МНМ, № 5, hukum № 1312; BOA. A. DVNS. МНМ, № 7, hukum № 169, hukum № 2744). Документы эти введены в научный оборот либо в виде факсимиле, либо в современной турецкой транскрипции (Arşiv, 2015, s. 45, 46; 6 Numaralı, 1995, s. 148; 6 Numaralı, 1995b, s. 175; 7 Numaralı, 1997, s. 62; 7 Numaralı, 1998, s. 87–88; 7 Numaralı, 1997b, s. 997; 7 Numaralı, 1999, s. 390–391)². Таким образом, говорить о перерыве в русско-турецких контактах вряд ли возможно, хотя и мы не видим ответных русских посланий. Интересно, но Селим не стал обращать внимание на столь очевидную фальсификацию, и сразу перешел к волнующим его вопросам (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 56–59; Feridun, 1275, s. 552–553), так что можно признать, что Иван IV и его окружение показали себя как отличные дипломаты и позволили и себе и османам выйти из этой ситуации с наименьшими потерями!

Впрочем, вернемся к самой поездке И. Новосильцева в Стамбул. Само по себе это путешествие было довольно сложным и опасным приключением. Основные его этапы были зафиксированы в рабочих отписках, на основе которых был составлен итоговый статейный список, опубликованный в 1954 г.³ 24 января посольство покинуло Москву и затем прибыло в Рьльск, откуда оно выехало только 10 марта 1570 г. (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 36). Долгую задержку Новосильцев объяснял тем, что дожидался прихода детей боярских новгородцев, путивлецев и севрюков, которые пришли только 9 марта (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 36–36 об.). Далее посольство следовало в сопровождении Мишки Черкашенина и его казаков. Этот Михаил весьма примечательная личность! Еще в 1548 г. он совершал нападения на крымцев и азовцев, в 1565 г. кафинский санджак-бей сообщал в Стамбул, что он обосновался в окрестностях Азова, устроил 7 острог и постоянно грабит азовцев и даже осаждал крепость! (Мустакимов, Сень, 2010, с. 312–313.) Дорога до Азова оказалась сложной: пути разбиты и «снѣги на поле добрѣ велики», поэтому пошли они на «сала-

¹ Эта информация и перевод на русский язык этого послания стали мне доступны благодаря И.А. Мустакимову и были выполнены в рамках указанного проекта РФФ.

² Благодаря И.А. Мустакимову за предоставленные сведения. Работа с этими источниками непосредственно в Османском архиве стала возможной благодаря поддержке РФФ.

³ В этой работе используется репринтное переиздание 2008 г. (Путешествия, 2008, с. 63–99).

сках» и «на ртах» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 36 об. – 37). Преодолевая эти опасности, послы и казаки достигли Северского Донца 1 апреля 1570 г. (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 37 об.), где Новосильцев тут же приказал делать суда для дальнейшего движения к Азову водным путем. Вся работа заняла неделю, так как выяснилось, что у Мишки Черкашенина и его атаманов и казаков они уже были, спрятанные неподалеку, поэтому делали лишь те себе лодки («каюки») у кого их не было. Затем ждали пока сойдет лед и тронулись в путь 14 апреля (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 38–38 об.).

Добравшись до Азова, Иван Петров сын Новосильцев приступил к исполнению своей дипломатической миссии. Его деятельность в Азове нашла отражения в еще одной отписке, которая публикуется ниже. Необходимость этой публикации при наличии публикации статейного списка Ивана Новосильцева, осуществленной в 1948 г., объясняется следующим. Дело в том, что статейный список – это итоговый документ, представляющий собой отчет миссии. Как правило, отписки по слов более информативны и посвящены конкретному сюжету (Куненков, 2019, с. 64–65). Если сравнивать эти документы, то можно заметить, что в ряде случаев в список эти сведения попадали в сокращенном виде. Для наглядности приведем данные в табличном виде.

Азовская отписка Ивана Новосильцева	Статейный список Ивана Новосильцева
А как буду в ближних зимовищах к Азову и мнѣ холопу твоему велено по твоему господареву наказу послати наперед себя к азовскому диздар Зеферю о провожатых, чтоб мнѣ до Азова дойти здорово и яз холоп твой пришел в Азов на семой недели после Велика дни в четверг дал бог здорово, а наперед есмя себя посылали з Дону от зимовищ в Азов о провожатых и о дворех где нам стояти к диздар Зеферю Мишкиных казаков трех человек Якова Быхрова да Девятого Глѣбова да Родиона Перфирьева	И как Иван пришел под Азов в ближние зимовища атаманские, от Азова за три днища, послал наперед себя к азовскому к диздар Сеферю мишкиных казаков трех человек
азовской диздар Сефер прислал ко мнѣ встрѣчу на Оксайское устье под Кобяково городище агу Ази-Кафею, а приказано ему в Азове вѣдати послы и посланники и гости, которые ходят водяным путем в судех, а другово прислал Ча(б)у-Ада-баша, а приказан(о) ему вѣдати город в тиунское мѣсто и судити да толмача Мустофу с одним казаком с Мишкиным, а у себя оставили в Азове дву казаков для того боялис сказывают в Азове твоих господаревых воинских людеи, а про меня, холопа твоего, казаком не повѣрили кое ты господарь послал меня к турецкому царю.	И азовский Сефер прислал к Ивану встречу на Оксайское устье под Кобяково городище дву человек в приставы да толмоча
А за десят верст от города нас встрѣтили конных человек с тритцать, а послал их Зеферя ж и агы и из тѣх из конных людеи приѣхали ко мнѣ в судне два человека лутчих Кифея Балык, а приказано ему вѣдати всяких людеи, которые приходят сухим путем, конные, и тамга да товарищ его Шубаш Ибреим, а прислал их Сеферя для бережения казыевых татар и тумачов астороханских	А за десят верст от Азова встретили человек с тритцать. А поехали берегом конми, а прислал их Сеферя же для бережения казыевых татар и тумачов астраханских

То есть заметно, что при составлении статейного списка происходило сокращение сведений отписок, в первую очередь убирались все возможные подробности, связанные с повседневностью миссии. Сам механизм работы по подготовке не до конца ясен, но вполне можно согласиться с предположением Б.А. Куненкова, что «в посольствах велась ежедневная подробная запись событий, которая была источником при составлении и отписок, и статейных списков» (Куненков, 2019,

с. 73). Таким образом, азовская отписка Ивана Новосильцева и его же статейный список – это два разных документа. В отписке содержится значительный объем информации, как по организации приема русского посольства в Азове, так и по повседневной жизни и посланника со свитой и жителей Азова.

В первую очередь в отписке содержатся данные о чиновном мире пограничного Азова. В отписке упоминаются дездар – комендант крепости, кроме этого фигурируют ага Ази-Кафей, который занимается послами, посланниками и приезжими купцами, Чабу-Адабаш, который ведает в Азове «тиунское место», и судит, толмач Мустофа, Кифей Балык, который взимает тамгу с конных путешественников, и его помощник (заместитель) Шубаш Ибреим и ряд других должностных лиц. Кроме этого, упоминается кади Абдулла, специально присланный в Азов из Стамбула, «вѣдати и беречи над агами и над всякими приказными людми». В этой же отписке сообщается, что часть азовской стены была взорвана в пожар 30 сентября 1569 г. (Курат, 2015, с. 168–169), которые должны были ремонтировать специально присланные мастера – 60 человек (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 43), отряд же янычар, направленный для охраны ремонтных работ, также насчитывал 60 человек (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 42 об.). Ряд сведений отписки позволяют прояснить вопросы коммуникации между русским посланником и крепостной администрацией, купцами и полоняниками, так и те коммуникативные сети, которые сложились в Азове (Азаке).

Весьма любопытно, как Иван Новосильцев описывает ритуал его встречи. В итоговом статейном списке это передано кратко и так будто бы эта практика уже давно устоялась. В отписке же мы сталкиваемся с переговорами об этом ритуале. Дездар Джафер прислал к Новосильцеву янычарских аг, которые сообщили ему, что при его подъезде к городу, они начнут стрелять «из пушек и из рушниц для того, что у них так бывала преж сего от царя приказ и меня б им, холопа твоего, встрѣтити чесно». Интересно, что соблюдение этого церемониала это не только честь для посла, но и для турецкого султана. Уведомив об этом, они попросили русского дипломата, чтобы и он велел своей свите стрелять. После согласования протокола встречи, началось само действие. За две версты до Азова посольскую флотилию встретили турки на 7 сандалах, на которых было более 200 человек. В этот момент со стен началось салютование из пушек и «рушниц», били по набатам и накрам и дудели в зурны, в ответ этому казаки начали пальбу из пищалей (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 40 об. – 41 об.). Встречать посольство на городской пристани вышли дездар Джафер с агами, чиновниками, горожанами и казыевскими татарами, находившимися в то время в Азове (Азаке). Как только суда пристали, и Новосильцев сошел на сушу, его повели в «судебню перед воротаы в чердаки», где и состоялись переговоры о дальнейшем пути посольства. Из отписки не очень понятно, где именно размещалась посольская миссия, но точно не в городе. Скорее всего, располагалась она за городскими стенами, на Аксае. Во всяком случае, только так можно понять следующее сообщение отписки: «А корм и питье ко мнѣ прислал диздар Сефера встрѣчу на Оксаи с Ази-Кефею да с Чабу-Адашем, которых ко мнѣ прислал наперед». Об удаленном размещении миссии говорит и то, что когда возникла необходимость встретиться, то местом встречи была выбрана пристань, на которую Иван Новосильцев должен был приехать со своей свитой на конях, которых ему прислал для этого Джафер (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 44 об. – 45). При этом определенные контакты у Ивана Новосильцева в городе были. Так, о походе султана Селима II на Печ, о ремонте азовских стен, об опасениях азовцев, что на Азов (Азак) царь Иван IV совершит поход. В Азове он встретил служилого татарина Хозяша Козеева, который в составе станицы служилых татар был отправлен к Темрюку Айдарову. На это посольство напали ногаи, многих пленили, самого Хозяша продали за 10 рублей в Азов. Новосильцев убедил Джафера не продавать татарина за море, так как это царский слуга, и дездар с этими доводами согласился. Надо сказать, что между русским посланником и комендантом крепости установились вполне нормальные рабочие контакты, что подтверждается несколько курьезной историей. Иван Новосильцев отправил к Джаферу (как и полагалось) царскую грамоту и дары. Джафер их принял с благодарностью, но вскоре выяснилось, что грамота написана на русском языке, а в Азове не оказалось ни одного специалиста-переводчика с русского языка или хотя бы его знающего, поэтому дездар просил перевести это послание на татарский. Русский посланник проявил необходимую смекалку и «велѣл грамоту перевести толмачю, а писал с неѣ по татарски сеферев дьяк» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 44–44об.).

В целом эта отписка представляет интерес для исследователей не только русско-турецких отношений, но и истории турецкого Азова (Азака) и дополняет публикации турецких документов, выполненных И.А. Мустакимовым, как самостоятельно, так и в соавторстве (Мустакимов, Сень,

2010, с. 307–326; Мустакимов, Сень, 2012, с. 172–189; Мустакимов, 2018, с. 110–115). Будем надеяться, что привлечение русской документации, позволит прояснить многие туманные сюжеты азовской истории. В публикации используется вместо «государь» – «господарь», так как в последнее время было установлено, что для XVI века это наиболее адекватный термин (См.: Бачинский, Ерусалимский, Кочеконская, Моисеев, 2018, с. 111–112; Авдеев, 2018, с. 9–16).

Приложение

1570 г., июля 7. Отписка в Посольский приказ посланника в Османскую империю Ивана Петрова сына Новосильцева об Азове

Помета: Июля в 7 день такову грамоту Иван Новосилцов прислал ко господарю из Азова с Василем Александровым.

(Л. 39) Господарю царю и великому князю Ивану Василевичю всея Руси, холоп твои Иванец Новосил-(Л. 39об.)цов челом бьет. Велѣл еси господарь мнѣ итти во Царьгород для своего господарева дѣла к брату своему к Селим салтану. А как буду в ближних зимовищах к Азову и мнѣ холопу твоему велено по твоему господареву наказу послати наперед себя к азовскому диздар Зеферю о провожатых, чтоб мнѣ до Азова дойти здорово и яз холоп твои пришел в Азов на семой недели после Велика дни в четверг дал бог здорово, а наперед есмь себя посылали з Дону от зимовищ в Азов о провожатых и о дворех где нам стояти к диздар Зеферю Мишкиных казаков (Л. 40) трех человек Якова Быхрова да Девятого Глѣбова да Родиона Перфирьева и азовской диздар Сефер прислал ко мнѣ встрѣчу на Оксаиское устье под Кобяково городище агу Ази-Кафею, а приказано ему в Азове вѣдати послы и посланники и гости, которые ходят водяным путем в судех, а другою прислал Ча(б)у-Ада-баша, а приказан(о) ему вѣдати город в тиунское мѣсто и судити да толмача Мустофу с одним казаком с Мишкиным, а у себя оставили в Азове дву казаков для того боялис сказывают в Азове твоих господаревых воинских лю(Л. 40 об.)деи, а про меня, холопа твоего, казаком не повѣрили кое ты господарь послал меня к турецкому царю. А за десят верст от города нас встрѣтили конных человек с трицать, а послал их Зеферя ж и аги и из тѣх из конных людеи приѣхали ко мнѣ в судне два человека лутчих Кифея Балык, а приказано ему вѣдати всяких людеи, которые приходят сухим путем, конные, и тамга да товарищ его Шубаш Ибреим, а прислал их Сеферя для бережения казыевых татар и тумакон астороханских, а после того прислали ко мнѣ Сефир же да аги е(Л. 41)нычан и говорили мнѣ от них, что им перед нашим приѣздом стреляти з города из пушок и из рушниц для того, что у них так бывала преж сего от царя приказ и меня б им, холопа твоего, встрѣтити чесно и нашему б деи турецкому царю в том ни в чем безчестно не было. А мнѣ бы деи холопу твоему было то в вѣдоме. А яз бы деи, холоп твои, велѣл казаком против к ним из рушниц стреляти ж. А за две версты от города встрѣтили аги анычанские, а с ними янычане на семи сандалех человек болши дву сот, а в тѣ поры з города из пушек (Л. 41 об.) и из рушниц стреляли и по набату и по накрому били и в сурны играли. А яз против их велѣл из рушниц стреляти казаком. А вышед из города на берег судовои пристанища у воды встрѣтили меня азовской диздар Сефер да кады да еныген да сегин ага нычег да немичебѣи⁴ да с ними всякие царевы приказные люди и всѣ городцкие люди и казыевы татарове, а самого Казыя в тѣ поры в Азове не было, а был сказывают канун нашего приходу, а с ним человек с тысячю, а приезжал для турецкого царя, а начаяли приходу (Л. 42) к Азову твоих господаревых воинских людеи. А вышел Сефиря и аги из города ко мнѣ встрѣчу на берег по переж нашего приѣзду и ждал меня со всѣми приказными людами, а взяв господарь меня холопа твоего Сеферя и аги проводили в судебно перед ворота в чердаки со мною пришли в чердак вмѣсте. И яз господарь Сеферю говорил, что б меня велѣл проводить до Царягорода и приставов мнѣ дал и суды. И Сефер и аги всѣ приказные люди сказали, что мнѣ холопу твоему итти на Кафу и приставов прибирают кому меня до Царягорода (Л. 42 об.) допроводити и корабли уж у них нам приготовлены, а говорили мнѣ и хотят добрѣ того чтоб деи меж господарей наших московского и турецкого был мир и любов да и до подворя господарь меня велѣли проводить агѣ да приставом да янычаном, а турецкой деи царь сказывают идет к Печи воевати после своего праздника в мае месяцѣ. А в Азов прислал изо Царягорода Абдулу-кадыя вѣдати и беречи над агами и над всякими приказными людами. А приѣхал в Азов недавно конми да он же прислал в Азов дву

⁴ Так в тексте. Вероятно, надо читать как: янычен да сегбан-ага янычен да немич-бей (благодарю И.В. Зайцева за любезную консультацию).

аг янычанских да с ними анычан шездесят (Л. 43) человек для бережения городовые стены, что у города зелем стѣну розорвало. Да в Азове ж, господарь, ныне городовых мастеров и подкопщиков, и кузнецов, и плотников, которые пришли лѣтось с воинскими людми шездесят человек, а иных прибыльных людеи в Азове нѣт, оприч жилцов. А изо Царягорода воинских людеи сего лѣта не чае в Азов. А турских деи воинских людеи всех емлет турской с собою к Печи, а сказывали, господарь, мнѣ про то гречане, которые сего лѣта пришли изо Царягорода в Азов торговати. Да турской ж посылал х крымскому царю, чтоб он к нему ѣхал (Л. 43 об.) на помоч и с царевичи и людми. И крымской деи царь к нему не пошел и царевичи и людеи к нему не послал же, а приказал к турскому, что деи ты, господарь, посылаеш на него своих господаревых воинских людеи и он деи того приходу боитца. А корм и питье ко мнѣ прислал диздар Сеферя встрѣчу на Оксаи с Ази-Кефеею да с Чабу-Адашем, которых ко мнѣ прислал наперед. А на приѣзде, господарь, ко мнѣ прислал кормы диздар Зефер да кади Абдула да яныченской ага и иные аги Сеин да Белюк Басинаан да Салычеленя да Шубаш-Абреим. Розные кормы на подворье от се-(Л. 44)бя, а царевых прислали ко мнѣ два кормы. Да велѣл еси, господарь, мнѣ послати к Сеферю свою господареву грамоту с толмачем и яз твою грамоту отослал к нему с толмачем с Семеном Янсуповым, а после того к нему послал твое господареву жаловане и Сеферь на твоем господареве жаловане челом бѣет. Да после того прислал ко мнѣ твою господареву грамоту с своим человеком с лутчим, что яз к нему отослал с толмачем и приказал ко мнѣ, что деи та грамота господарева писана руским писмом, а у нас деи русской грамоте не умѣет ни хто и перевести еѣ у них нѣ кому и мнѣ бы ту твою (Л. 44 об.) господареву грамоту велѣти перевести с руского обычая на татарской язык. И яз холоп твои велѣл грамоту перевести толмачю, а писал с неѣ по татарски сеферев дьяк да яз же холоп твои посылал к Сеферю, чтоб он велѣл указати суды в коих нам ѣхати во Царьгород да и приставов бы ко мнѣ прислал кому меня проводить и Сеферь ко мнѣ приказал, что б яз к ним ѣхал в судную избу и говорити бы нам с ним о судѣх и о приставех. И яз к нему приказал, что мнѣ к ним ѣхати не пригоже, а видел бы ся он со мною о том на берегу у судов и Сеферь ко мнѣ прика-(Л. 45)зал: выеди деи Иван на берег к пристанищу гдѣ корабли стоят и яз деи с ним там вижусь и корабли укажу и приставов дам кому меня из Азова проводить, а яз деи под Ивана и с которым с Ываном быти пришлю конѣ на чом ему выехати. Да того ж часу прислал ко мнѣ лошади, и яз, холоп твои, выехал на берег к пристанищу, гдѣ корабли стоят наперед Сеферя. А после того пришел ко мнѣ из города Сеферь пѣш, а с ним аги и всякие турского царя приказные люди и учили мнѣ говорити: которые деи карабли лутчеи тѣ деи сам люби и мы тот тебѣ да-(Л. 45об.)дим да и пристава мнѣ дали кому меня проважати Ази-Кефее с товарищи четырех человек. А как деи ож даст бог будет погоде потянет ветр на море ко Царюгороду и мы деи тебя тот час отпустим из Азова неиздержав да и сам деи тебя провожу чесно с агами и с приказными людми на море до коих мѣ[с]т пригож да и корм деи до Кафы тебѣ дадим, а от Кафы деи тебя велит проводить до Царягорода кафинской санчак и аги потому ж. А того мнѣ, холопу твоему, ныне тебѣ, господарю из-(Л.46)вестити нелзѣ в которой ден меня отпустят из Азова, потому что ждуть погода, а ныне вѣтр тянет с моря. Да Сефир же мнѣ говорил: будет деи от Кафы кораблем итти будет нам не мочно до Царягорода против вѣтра ити Кафы деи тот же час нас отпустят на каторгах и велят грести под нами гребцом для того чтоб мнѣ ѣхати спешнѣе и заѣхати турского царя да яз же, холоп твои, наѣхал в Азове служилого татарина, Хозяшем зовут, Козѣев, а сказал мнѣ послал ты господарь осенесь в Черкасы (Л. 46об.) станицу служилых татар Банбулата⁵ Кадышева с товарищи, а Хозяша с ними ж да Темрюковых дву княжих черкашенинов и тѣх деи, господарь, служилых татар под Астараню на Искибуруне поимал, а иных побил Тинихматов княжой сын Урмамет-мурза, а черкашенин деи один ушел у них в Азтарахан да с ними ж, господарь, поимал тринадцатъ человек азтараханских казаков жилцов, а шли с ними в Азтарахан. А из деи Хозяша продали Урмамет-мирзины татарове приведчи в Азов, а взяли за него десят рублей московскую и яз, холоп (Л. 47) твои, посылал о том к Сеферю, что тот татарин твои господарев и он бы сего за море невелѣл отпущати, и Сеферь ко мнѣ приказал: яз деи того татарина не велю за море отпустить да и деи он за себя десят рублей, что за него дано, а прибыли деи для твоего господарева слова не велю ничего взяти.

⁵ Так в тексте

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев А. «Государь» или «господарь»? Об одном элементе титулатуры правителей Московской Руси // Российская история. 2018. № 5. С. 9–16.
2. Бачинский А., Ерусалимский К., Кочекская Н., Моисеев М. Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования // Российская история. 2018. № 2. С. 111–129.
3. Куненков Б.А. Порядок составления дипломатической отчетности: статейный список и посольские отписки // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М.: Институт российской истории РАН, 2019. С. 59–78.
4. Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 3. Турция и Поволжье (1569 г. – поход на Астрахань, Волго-Донской канал и османско-русские взаимоотношения в XVI–XVII вв.). Казань, 2015. 240 с.
5. Мустакимов И., Сень Д. Три османских документа XVI в. о ранней истории донских казаков // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип.9–10. Київ: ІІУ НАНУ, 2010. С.307–326.
6. Мустакимов И.А., Сень Д.В. Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // Вестник Танаиса. Вып. 3. Х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области, 2012. С. 172–189.
7. Мустакимов И.А. «Не проходит и дня, чтобы не пришли известия об их выходках»: конфликты между жителями османского Азова XVI в. и принимаемые меры // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. № 10. С. 110–115.
8. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008. 490 с.
9. 6 Numaralı Mühimme Defteri (972/1564–1565): Tıpkıbasım. Ankara, 1995. S. 148 (факсим.);
10. 6 Numaralı Mühimme Defteri (972/1564–1565): Özet – Transkripsiyon ve İndeks. [C.] I. Ankara, 1995. S. 175 (транскр.).
11. Arşiv Belgeleriyle Moskova – İstanbul İlişkileri Tarihi (XV. – XVIII. Yüzyıl Başlangıcı) / Москва – Стамбул: история отношений в архивных документах (XV – начало XVIII века). İstanbul, [2015]. S. 45 (факсим.).
12. Feridun Ahmed Bey. Münşeâtü's-selâtin. Cild 2. İstanbul, 1275.
13. 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Tıpkıbasım. [C.] I. Ankara, 1997. S. 62 (факсим.).
14. 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Tıpkıbasım. [C.] II. Ankara, 1997. S. 997 (факсим.).
15. 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Özet – Transkripsiyon – İndeks. [C.] I. Ankara, 1998. S. 87–88 (транскр.).
16. 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Özet – Transkripsiyon – İndeks. [C.] III. Ankara, 1999. S. 390–391 (транскр.).

M.V. Moiseev

AZOV (AZAQ) IN 1570 IN THE REPORT OF THE RUSSIAN AMBASSADOR IVAN NOVOSILTSEV

The article is devoted to the analysis of the documents of the mission of Ivan Petrov, the son of Novosiltsev, to Istanbul in 1570. The focus is in his correspondence from Azov (Azak), which is an important source for the history of this border city. The General characteristics of this document and its publication are given.

Keywords: Azov (Azaq), Embassy books, diplomatic correspondence of Ivan the Terrible, Cossacks.

Сведения об авторе:

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий сектором отдела «Музей Археологии Москвы» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы» (г.Москва); старший научный сотрудник НОЦ «Наследие» ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (г.Новосибирск)

Moiseev Maksim V. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Sector of the Department “Museum of Moscow’s Archeology”, Museum Association “Museum of Moscow” (Moscow); Senior Researcher of the Scientific and Educational Center “Legacy”, Novosibirsk State University (Novosibirsk)

УДК 94(57)+ 94(47).031

ТЕРРИТОРИИ ТЮМЕНСКОГО ХАНСТВА В ОПИСАНИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ XVI в.

© 2019 г. А.В. Парунин

Исследование посвящено анализу сообщений западноевропейских авторов XVI в., содержащих краткие описания земель, граничащих на востоке с Московским великим княжеством, а впоследствии – царством. Известно, что комментарии иностранных дипломатов XVI в., способны (пускай и во многом несущественно) дополнить наше представление как об истории Тюменского ханства в целом, так и о ряде событий в частности. Отдельно встает вопрос и об источнике таких известий. Общеизвестно, что сообщение Павла Иовия основано на комментариях московского посла Дмитрия Герасимова, сообщенных итальянцу в 1525-м году. Обширное историко-географическое описание Сигизмунда Герберштейна, составленных им по итогам двух посольств 1517 и 1526 гг., во многом базируется на «Югорский дорожник» – хорографическое описание земель Московского княжества, не дошедшее до нас в подлиннике, но сохранившееся в пересказе австрийского дипломата. Иные свидетельства (Марко Фоскарино, Франческо Тьеполо, Франческо де Коло, а также Александр Гваньини) во многом ориентировались на сообщения Герберштейна, но имеют и оригинальные свидетельства, способные дополнить рассматриваемую проблематику.

Ключевые слова: Тюмень, Сибирь, царство, Герберштейн, Иовий, Фоскарино, Гваньини, Ших-Мамай.

Основным корпусом письменных источников по политической истории Тюменского ханства после 1508 г. стали свидетельства иностранных путешественников и послов, которые с конца XV в. стали регулярно посещать Московское княжество. Ряд свидетельств был обобщен современными исследователями; одним из первых обратил внимание на описание сибирских земель А.И. Плигузов (Плигузов, 1987, с.38–50, Плигузов, 1993), причем изыскания исследователя были сосредоточены вокруг «Югорского дорожника», материалы которого включил в свой труд Сигизмунд Герберштейн. В первую очередь, А.И. Плигузов обратил внимание на проблемы датировки и происхождения его известий.

К данным Герберштейна, преимущественно касаясь истории ногаев, обратился В.В. Третьяков (Третьяков, 2002, с. 160, 194–195). Наиболее пристальное внимание истории Тюменского ханства через призму западных источников принадлежит Д.Н. Маслюженко (Маслюженко, 2008, с.114–116; Маслюженко, 2018, с.68; Маслюженко, Рябинина, 2009, с.170–171). Исследователем отмечалось наличие наиболее подробной информации касательно истории Тюменского ханства в сочинении Герберштейна, также уделялось внимание роли ногайского мирзы Шейх-Мамая в управлении сибирскими территориями.

В целом, отметим, что роль западных источников в описании территорий Тюменского ханства в современной литературе затрагивалась эпизодически, что связано и с разрозненностью источников информации, их географической удаленностью, а также отсутствием конкретных привязок для проведения реконструкции политической истории.

Первым из плеяды западных авторов можно считать итальянского посла Франческо де Коло, прибывшего в Москву в июне 1518 г. Согласно М.П. Алексееву, де Коло за время своего пребывания в Москве собирал географические данные о наиболее удаленных территориях, чтобы разрешить с Матвеем Меховским спор, берет ли Танаис «начало в Рифейских горах, потому что, якобы, этого или подобного ему горного кряжа в России вовсе не существует» (Алексеев, 1941, с.84–85). В составленном итальянцем описании фигурирует «Княжество Югорское, Область Сибирь» (Франческо да Колло, 1996, с.63) как зависимые от московского князя территории. Посол часто в своем донесении перечисляет «Крымских, Перекопских, Ногайских, Полевых и Чагатайских и Казанских» (Франческо да Колло, 1996, с.68) татар, однако, в отличие от более поздних авторов ни разу не упоминает о «Шибанских». Возможно, объяснение здесь кроется в иных источниках информации, либо же в слабой заинтересованности далекими от Москвы территориями.

Более подробен итальянский дипломат Павел Иовий (ок. 1483–1552 гг.), хотя сам он никогда не бывал на русских землях: его информатором был посол Василия III Дмитрий Герасимов. По

итогах их встречи, Павел Иовий в 1525 году составил небольшую книгу, куда, помимо информации о переговорах, вошли и описание восточных земель, включая Север (Алексеев, 1941, с.91–92): «За Волгой Казанские Татары свято чтут дружбу с Московитами и заявляют себя их послушниками. Выше Казанских Татар, к Северу живут Шибанские (Sciabani), могущественные множеством стад и людей. За ними живут Ногайские Татары, которые имеют ныне наивысшее значение по своему богатству и воинской славе. Орда их, несмотря на всю свою обширность, не имеет никакого Императора, но, наподобие Венецианской Республики, управляется значительным благоразумием старцев и доблестью] храбрецов» (Барон, 1908, с.258–259). Трудно говорить о наименовании «шибанских татар» – получено ли оно от наличия у них династа из рода Шибана, или же они кочуют в том регионе, где был домен Сибирских Шибанидов.

Информацию качественно иного рода приводит дважды побывавший в Москве в 1517 г. в качестве посла императора Максимилиана и в 1526 г. посла австрийского эрцгерцога Фердинанда Сигизмунд Герберштейн (Герберштейн, 1989, с.21). Его сочинение насыщено подробными историко-географическими описаниями России и сопредельных территорий. Не избежало внимания и «царство Тюмень», вследствие чего имеющиеся отрывки о нем необходимо изложить полностью:

«Живущие по этой реке зовутся вогуличами. Оставив Сосьву справа, доберешься до реки Оби, которая берет начало из Китайского озера. Через эту реку, они едва переправились за целый день, да и то при быстрой езде: она столь широка, что тянется почти на восемьдесят верст. По ней также живут народы вогуличи и югричи. Если подниматься от Обской крепости по реке Оби к устью реки Иртыша, в который впадает Сосьва, то это займет три месяца пути. В этих местах находятся две крепости: Ером и Тюмень, которыми владеют господа князья югорские, платящие, как говорят, дань великому князю (московскому). Там водится великое множество зверей и (добывается) огромное количество мехов.

Лукоморье – приморская лесистая местность: тамошние обитатели живут, не имея никаких домов. Хотя составитель дорожника говорил, что весьма многие народы Лукоморья подвластны государю московскому, однако раз поблизости находится царство Тюмень, государь которого татарин и на их родном языке называется *Tumenski czaq*, т.е. «тюменским царем» и он не так давно причинил большой ущерб московиту, то весьма вероятно, что эти племена, будучи ему соседями, скорее ему и подчиняются.

Великая и обширная область Пермия отстоит от Москвы прямо к северо-востоку на двести пятьдесят или, как утверждают иные, триста миль... Говорят, эта область с востока примыкает к области татар, называемой Тюменью.

Область Сибирь граничит с Пермией и Вяткой; не знаю достоверно, есть ли там какие-либо крепости и города. В ней начинается река Яик, которая впадает в Каспийское море. Говорят, эта страна пустынна вследствие близости татар, а если где и обитаема, то там правит татарин Ших-мамай.

Царство Казанское, город и крепость, того же имени расположены на Волге, на дальнем берегу реки, почти в семидесяти немецких милях ниже Нижнего Новгорода; с востока и юга по Волге это царство ограничено пустынными степями; с северо-востока с ними граничат татары, зовущиеся шейбанскими и кайсацкими.

За казанскими татарами прежде всего встречаем татар, зовущихся ногаями. Они живут за Волгой, около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающему из области Сибирской. У них нет царей, только князья. В наше время этими княжествами владели трое (братьев), разделивши области поровну между собой. Первый из них, Шидак, владел городом, Сарайчиком, что за рекой Ра на восток, и страной, прилегающей к реке Яику; другой, Коссум, – всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра; третий (из братьев), Ших-Мамай обладал частью Сибирской земли и всей окрест лежащей страной. «Ших-Мамай» значит «святой» или «могущественный». И эти страны почти целиком покрыты лесом, за исключением той, которая простирается вокруг Сарайчика: она степная.

За Вяткой и Казанью, в соседстве с Пермией, живут татары, зовущиеся тюменскими, шейбанскими и кайсацкими. Из них тюменские живут в лесах, и число их не превышает десяти тысяч» (Герберштейн, 1989, с.157, 161, 162, 163, 164, 170, 179, 181).

Столь подробное описание приведено Герберштейном в большом разделе его труда, носящем название «Хорографии государства и владычества великого князя московского...». А.И. Плигузов, рассматривавший сведения немецкого дипломата, отметил, что их источником мог быть т.н.

«Югорский дорожник», происхождение которого в исследовательской литературе оценивалось неоднозначно: это могли быть разведчики приполярных областей, участники похода 1499 г. на Югру, а также купцы (Плигузов, 1987, с.38). Сам исследователь предположил, что дорожник – это своего рода итог новгородских и псковских торговых экспедиций в Югру в XIV-XV вв., при этом датировав источник концом XV – началом XVI вв. Оригинал дорожника не сохранился, его основной текст приведен в труде Герберштейна (Плигузов, 1987, с.38–39, 49). Вне сомнения, эта глава в сочинении австрийского дипломата – результат описания людей, непосредственно побывавших на указанных территориях. В исследовательской литературе также положительно оценивается сбор и накопление информации о татарских ханствах (Трепавлов, 2002, с.43–44; Герберштейн, 2008, т.2, с.171–173).

Перейдем непосредственно к анализу интересующих нас отрывков сочинения.

«В этих местах находятся две крепости: Ером и Тюмень, которыми владеют господа князя югорские, платящие, как говорят, дань великому князю (московскому)». Вероятнее всего, под «югорскими князьями» здесь понимаются лидеры вогульских и угорских княжеств, которые в результате походов 1483–1484 и 1499–1500 гг. стали данниками московского князя (ПСРЛ, 1982, Т.37, с.95, 98; Вычегодско-Вымская, 1958, с.262, 264). Примечательно упоминание в устюжском летописании фразы, посвященной походу 1483 г., где «воеводы...пошли вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю». Информатор составителя летописи разделяет два географических понятия. Для Герберштейна, использовавшего уже более свежую информацию, характерна та же тенденция (Маслюженко, 2008, с.115; Маслюженко, 2015, с.189). Вышесказанное наводит на мысль о существовании границы на р. Тавде между Тюменским ханством и остяцко-вогульскими княжествами Сибири. Вполне вероятно, что на период вакуума легитимной власти в Чимги-Туре либо на сопредельных территориях во времена составления дорожника усилились угорские политические образования. В отношении города это не первый случай, поскольку в конце 20-х гг. XV в. им владел нечингизидский клан буркут.

«...однако раз поблизости находится царство Тюмень, государь которого татарин и на их родном языке называется Tumenski czar, т.е. «тюменским царем» и он не так давно причинил большой ущерб московиту...». Интересно, что именно это сообщение получено Герберштейном со слов составителя дорожника, который, вероятно, бывал с торговыми целями (если принимать за основу версию А.И. Плигузова – прим) на северных землях, включая и Тюменское ханство, а также мог знать некоторые подробности его социально-политической структуры. По мнению Д.Н. Маслюженко, в «царе» можно видеть Кулук-салтана, атаковавшего в 1505 г. пермские территории (Маслюженко, 2008, с.115–116; Вычегодско-Вымская, 1958, с.266). Впрочем, под определение «большой ущерб» этот относительно небольшой набег вряд ли подходит; куда логичнее видеть в нем успешный поход Мамук-хана на Казань в 1496-м году, однако об этом можно будет говорить куда предметнее, если установить приблизительное время составления дорожника, которым воспользовался Герберштейн. Также очевидно, нахождение в Тюмени «царя» относится не ко времени получения дипломатом информации, т.е. либо 1517 г., либо 1526 г., а к периоду составления дорожника. Допустимо также, что для Герберштейна, крепость и царство Тюмень – разные понятия. Это бы объяснило, почему «крепостью» владеют остяки, но тогда встает вопрос – где же находилось «царство» и связано ли оно с единственным крупным городом начала XVI в. в Западной Сибири – Чимги-Турой (Тюменью русских летописей – прим). О «царстве Тюмень» в дальнейшем пишет Гваньини, о чем будет сказано ниже.

«Говорят, эта область с востока примыкает к области татар, называемой Тюменью. Область Сибирь граничит с Пермией и Вяткой; не знаю достоверно, есть ли там какие-либо крепости и города». Сообщение исключительно географического характера. Здесь также идет речь о разделении Тюмени и Сибири на два региона, причем о последнем ему известно гораздо меньше.

«Ших-Мамай обладал частью Сибирской земли и всей окрест лежащей страной. «Ших-Мамай» значит «святой» или «могущественный». В исследовательской литературе отмечено, что Шейх-Мамай является вторым сыном от первой жены известного в конце XV в. лидера ногаев Мусы, сторонника Шибанида Ибак-хана (Трепавлов, 2002, с.145). Рассматривая очередную ногайскую междоусобицу в середины 1530-х гг. В.В. Трепавлов отмечает территориальное деление кочевой элиты, причем восточная часть подчинялась Шейх-Мамаю, а именно – Западный и Центральный Казахстан, Башкирия и Юго-Западная Сибирь (Трепавлов, 2002, с.188). При последующем применении ногайских мирз, по мысли исследователя, вышеуказанные территории были официально за-

креплены за Шейх-Мамаем (Трепавлов, 2002, с.194–195). Учитывая, что Герберштейн писал свой труд в 1520-е гг., то следует согласиться с В.В. Трепавловым, что вышеупомянутое деление Ногайской Орды на три части произошло негласно (Трепавлов, 2002, с.195, прим. 8).

Д.Н. Маслюженко предположил, что под покровительством Шейх-Мамаю, помимо присоединения сибирских территорий, могли быть и некоторые царевичи из числа Сибирских Шибанидов (Маслюженко, 2015, с.189), что вполне уместно учитывая характер дипломатических переговоров ногаев с Москвой в 1507–1508 гг. при участии выходцев из Тюменского ханства. Не совсем ясно, какой именно частью Сибири правил мирза, особенно в свете еще одного упоминания у Герберштейна о подчиненных ему территориях: «Область Сибирь граничит с Пермией и Вяткой¹... Говорят, эта страна пустынна вследствие близости татар, а если где и обитаема, то там правит татарин Ших-мамай». Впрочем, допустимо видеть в этих отрывках и территории, принадлежавшие некогда Тюменскому ханству.

Упоминание Герберштейном о «тюменских, шейбанских и кайсацких» татарах, которые граничат с «Пермией» и «пустынными степями» «Царства Казанского» представляет, в основном, этногеографический интерес. О местопребывании «тюменских» татар можно говорить определеннее: текст «Хорографии» сообщает, что они «живут в лесах, и число их не превышает десяти тысяч». Вероятно, их количество – это отсылка к наиболее крупной единице монгольского войска, составляющего десять тысяч, т.е. тумен. Под «кайсацкими» татарами имеются в виду кочевые племена, руководимые казахскими султанами. Таким образом, перечисление этих групп татар выстроено автором дорожника в географическом порядке: с севера на юг. Вполне вероятно, «шейбанские» татары входили в сферу влияния Ногайской Орды и «размещены» на степных пространствах левобережья р. Яик. Герберштейн выделяет в отдельную группу «шейбанских» татар, не отождествляя их с «царством» Тюмень. Так же и «тюменские», что «живут в лесах». При этом «царству» Тюмень могут подчиняться жители Лукоморья. Лукоморье – плод географических представлений древнерусских книжников, разделявшей легендарные сибирские народы (например, грустинцы и серпоновцы – прим.) от достоверно известных географических привязок (Плигузов, 1993, с.22–24). Иными словами, рассуждая о пограничных северных областях, составитель дорожника дополнил известные ему факты легендарными описаниями для создания цельной картины повествования.

Отметим, что аналогичное перечисление представлено в книге Павла Йовия. Небезынтересно, какими именно источниками мог пользоваться его информатор Дмитрий Герасимов. Впрочем, А.И. Плигузов приводит различные свидетельства создания географических описаний периферийных земель Московского княжества – т.н. «Пермского дорожника» (Плигузов, 1993, с.35–36, прим. 28). Безусловно, новая информация поступала и от русских воевод, совершавших походы в Сибирь в 1483 и 1499 гг.

Последующие иностранные свидетельства не были столь подробными и по существу повторяли в общих чертах уже написанное Герберштейном. Марко Фоскарино², побывавший в Москве в 1537 г. и также знакомый с сочинением Павла Йовия (Огородников, 1913, с.4–5), ограничился кратким перечислением: «К северу встречаются самые отдаленные обитатели мира, сначала Шибаны (Sciabrati; Sciabani), народ весьма многочисленный, потом знаменитые Стогны (? Stogni), Сагаи (Stogai; Hogni), немного далее к югу и Гирканскому морю живут Джагатаи (Ragatai; Zagatei), самые знаменитые из Татар» (Там же, с.4). Примечательно, что его способ описания народностей можно назвать «меридиональным», и он характерен для большинства западных авторов. Поскольку текст описывает состояние Московского царства на 1557-й год, тем не менее, сложно на основании этого короткого сообщения говорить о реальном правлении династии Шибанидов; здесь не совсем ясно, что имелось в виду под «Шибанами» – либо это конкретное государственное образование во главе с ханом, либо же подражание более ранней работе Павла Йовия, но еще более лаконичное по сути.

¹ Аналогичные границы приводит Александр Гваньини: «Эта провинция (т.е. Сибирь – прим.) расположена на реке Каме между областями Пермией и Вяткой» (Гваньини, 1997, с.47). Либо автор взял описание у Герберштейна, либо же оно может считаться стереотипным, переходящим из одного сочинения в другое.

² Авторство Марко Фоскарино подвергнуто сомнению, поскольку он бывал в Москве в 1537-м году, а в тексте имеется сообщение о «Князе и великом Императоре, по имени Иван Васильевич», который «имеет от роду 27 лет, красив собою, очень умен и великодушен» (Огородников, 1913, с. 4–6, 11).

Более поздний автор, посол от Венецианской республики Франческо Тьеполо, побывавший в Московском царстве в 1560 г. и составивший труд «Рассуждения о делах Московии», явно находился под влиянием книги Герберштейна: «С востока, между морем Каспио и Северным Океаном, юно ограничено четырьмя ордами татар, называемых ногаи, щибаны, козацки, тумены, и другими народами, разделяющимися на много частей...».

«Она («царство касан», т.е. Казанское ханство – прим.) с запада граничит с Волгой, отделяющей ее от Булгарии и Кумании, с юга – ногаями, с востока – с щибанами и козацками, независимыми татарскими ордами».

[Область эта] (Вятка – прим.) имеет по Волге много крепостей и деревянных селений... С запада от нее – Касан, с юга – область Сибиер, населенная ногаями; с востока – щибаны и козацки; с севера – тумены и Пермия» (Аннинский, 1940, с.327, 334). Автор практически дословно повторяет тезис Герберштейна о четырех татарских ордах, причем под «туменами» вполне можно увидеть «тюменских» татар, граничащих с Пермией. Сообщая о ногайском заселении Сибири, Тьеполо явно повторяет уже упомянутый выше тезис о территориях Шейх-Мамае, но в данном случае без указания конкретных фактов. Примечательно, что «щибаны» и «козацки» фигурирует как независимые народности. Здесь легко угадывается население Казахского ханства, и территория, возможно, подвластная династу из рода Шибана. О последнем уместно говорить, поскольку в 1557-м году от сибирского посла Боянды стало известно, что сибирского князя Едигера из династии Тайбугидов атакует «Шибанский царевич» (ПСРЛ. Т.13. 1-я половина, 1904, с.276), под которым нужно понимать одного из сыновей Муртазы (Маслюженко, 2015, с.190; Маслюженко, 2018, с.69). Не исключено размещение возле казахов улуса Ахмеда-Гирея или Кучума, с территории которого осуществлялись военные акции в Сибирь. Вызывают интерес и источники венецианца: будучи при дворе московского царя, являясь послом, он мог пользоваться информацией, полученной из Посольского приказа.

Отделяет Тюмень и Сибирь в своем сочинении, выпущенном в 1578 г., Александр Гваньини. В его труде с областью «Пермия» «граничит царство Тюмень, подвластное татарскому князю». В отдельном параграфе польский историк сообщает о Сибири, в которой, помимо всего прочего, жители выдвывают на продажу беличьей шкурки «и ими же выплачивают подать великому князю Московии» (Гваньини, 1997, с.47). Примечательно упоминание Тюмени как «царства» под управлением князя. Вполне возможно, в этом свидетельстве также отразились уже современные сведения о тюрко-татарских государствах Западной Сибири. В корпусе русских летописей есть свидетельства неоднократной переписки Едигера с московским царем Иваном Васильевичем, где обсуждались вопросы даннической зависимости: «И добили челом послы о дани и правду за князя и за всю свою землю дали на том, что им давати государю со всякого черного человека по соболу, да дороге государеву царя и великого князя по белке с человека по Сибирской; а черных у себя людей сказывали 30 тысяч семьсот человек» (ПСРЛ. Т.13. 1-я половина, 1904, с.248, 276, 295; ПСРЛ. Т.13. 2-я половина, 1906, с.313, 370). Источники дают полное подтверждение словам Гваньини: не исключено, что и «царством» Тюмень на тот период времени также владели Тайбугиды. Титул Едигера как «сибирского князя» и упоминание о «щибанском царевиче», что «воевал в земле Сибирской» указывает на зависимое положение первого, вынужденного в итоге обратиться за помощью к московскому царю.

В целом, если рассуждать о данных иностранных послов и путешественников, наиболее подробно к описанию подошел Сигизмунд Герберштейн. Судя по тщательности изложения материала дипломат активно пользовался русскими источниками, особенно т.н. «Югорским дорожником», благодаря чему смог подробно продемонстрировать некоторые политические процессы в Урало-Сибирском регионе, связанные, прежде всего, с историей Ногайской Орды. Неоднократное упоминание о «Тюмени» и «щибанских татарах» наводит на мысль, что источники конца XV – начала XVI вв. по-прежнему приписывали ряд северных территорий Шибанидам, но не вдаваясь при этом в детальный разбор этнонимов и соотнесения их с конкретными географическими областями. Упоминание о владеющих Тюменью «югорских князьях» и о ногайском мирзе Шейх-Мамае, правившем частью Сибири, может свидетельствовать об отсутствии представителей из династии Шибанидов в данном регионе. Приводимый сюжет о «тюменском царе» и ущербе, вероятно, следует относить к младшему брату Ибак-хана Мамуку и его действиям относительно Казани в 1496-м году, но ситуацию в данном случае прояснило бы уточнение времени составления основного источника информации – «Югорского дорожника».

Из текстов современников не совсем ясен вопрос о соотношении Тюмени и Сибири – выступают ли они в качестве сугубо географических областей, или же речь можно вести о наличии неких государственных образований? Несколько проще с «царством Тюмень». Здесь, как во времена Герберштейна, так и Гваньини, управление осуществляется от имени татарского «царя». При этом у последнего «область Сибирь» уже платит московскому царю дань. Очевидно, уместно, используя и иные имеющиеся источники (в частности, дипломатическую переписку), говорить как минимум о двух государствах – условном «Тюменском ханстве» и Сибирском княжестве, причем последняя не носила статус независимого государства (Гваньини, 1997, с.47; Трепавлов, 2007, с.101–102; Исхаков, 2018, с.75). Своего рода уникальным выступает сообщение Герберштейна о «крепости Тюмень», которым владеют «князья югорские». Судя по контексту сообщений, австрийский дипломат отделяет «крепость» от «царства», где идут разные политические процессы. Неизбежно встает вопрос – когда именно возникло это разделение, и какие именно источники сообщают об этих фактах? Если брать за основу «Югорский дорожник», то переход Чимги-Туры в подчинение угорским племенным княжествам не мог состояться ранее 1505 года – времени набега Кулук-салтана в Приуралье. Если же рассуждать об иных источниках информации, то хронологическую границу стоит сдвинуть на 1510-е гг.

Вопрос источниковедения здесь не менее злободневный и актуальный. Даже упоминаемый Герберштейном дорожник вовсе не обязательно ведет к ограничению источниковой базы, применяемой австрийским дипломатом. На примере Павла Иовия можно реконструировать, что именно знала московская дипломатическая служба о северо-восточных территориях (или на чем именно она хотела акцентировать внимание. – прим.). Обычно все сводилось к краткому перечислению местных народов из числа татар, но без характера государственной жизни в регионе. По какой-то причине отечественная дипломатия не хотела заострять на этом внимание, либо же не знала деталей. Та же тенденция прослеживается и в работах более поздних авторов – Франческо Тьеполо и Александра Гваньини. Безусловно, оба они, находясь под влиянием Герберштейна, воспроизвели этнополитическую карту региона, ограничившись стереотипным описанием, но также использовали и актуальную информацию, сообщавшую о значимых изменениях на северо-восточной периферии. В политическую реальность возвращается «царство Тюмень», а его соседи – «провинция Сибирь» – попадают в вассальную зависимость от московского царя. Таким образом, Тьеполо и Гваньини отражают новые реалии второй половины XVI в. и вполне могут использоваться при реконструкции политической истории Сибирского ханства эпохи Кучума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск. ОГИЗ. Иркутское областное издательство, 1941. 614 с.
2. Аннинский С.А. Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический Архив, Том III. М.-Л. 1940. С.328–344.
3. Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1908. 383 с.
4. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып.4. Сыктывкар, 1958. С.257–271.
5. Гваньини А. Описание Московии. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 176 с.
6. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1989. 430 с.
7. Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. Т.2. Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 656 с.
8. Исхаков Д.М. Клановая структура // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С.75–82.
9. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, Издательство Курганского государственного университета. 2008. 168 с.
10. Маслюженко Д.Н. Тюменское и Сибирское ханства // История и культура татар Западной Сибири. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С.177–195.
11. Маслюженко Д.Н. Этапы становления и внутренняя политика // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С.55–75.
12. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Ситуация в Сибири и Тюмени в конце XV – начале XVI века по данным иностранных путешественников // IV Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 24–25 апреля 2009 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. С.170–171.

13. Огородников В. Донесение о Московии второй половины XVI века. М.: Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1913. XX, 44 с.
14. Плигузов А.И. Первые русские описания Сибирской земли // Вопросы истории. 1987. № 5. С. 38–49.
15. Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.: Ньютонвилль: Археографический Центр, 1993. 160 с.
16. ПСРЛ. Т.13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб. Типография И.Н.Скороходова, 1904. 308 с
17. ПСРЛ. Т.13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб. Типография И.Н.Скороходова, 1906. 238 с.
18. ПСРЛ. Т.37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. 235 с.
19. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
20. Трепавлов В.В. Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 18–19 мая 2007 г.) Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007. С.101–102.
21. Франческо да Колло. Доношение о Московии. Итальянец в России XVI века. М. Наследие. 1996. 86 с.

A.V. Parunin

THE TERRITORY OF THE TYUMEN KHANATE IN THE DESCRIPTION OF WESTERN EUROPEAN AUTHORS OF THE XVI CENTURY

The study is devoted to the analysis of reports of Western European authors of the XVI century, containing brief descriptions of the lands bordering on the East with the Moscow Grand Duchy, and later-the Kingdom. It is known that the comments of foreign diplomats of the XVI century are able (albeit largely insignificantly) to complement our understanding of the history of the Tyumen khanate in general, and a number of events in particular. Separately, there is a question about the origin of such news. It is well known that the message of Paul Iovius is based on the comments of the Moscow Ambassador Dmitry Gerasimov, reported to the Italian in 1525. Extensive historical and geographical description of Sigismund Herberstein, compiled the results of the two embassies in 1517 and 1526, largely based on the inclusion in his work of the so-called “private road” – chorographical descriptions of the lands of the Moscow Principality, inaccessible in the original, but preserved in the retelling of an Austrian diplomat. Other evidence (Marco Foscarino, Francesco Tiepolo, Francesco de Colo, and Alexander Guagnini) largely focused on the reports of Herberstein, but have original evidence that can complement the problems under consideration.

Keywords: Tyumen, Siberia, Kingdom, Herberstein, Job, Foscarino, Guagnini, Shih-Mamay.

Сведения об авторе:

Парунин Алексей Владимирович – научный сотрудник ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал» (г. Челябинск); therion12399@gmail.com

Parunin Aleksey V. – Researcher of the Public Fund “South Ural” (Chelyabinsk)

УДК 94(470.311)"14"

ТАТАРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ПОДМОСКОВЬЕ В XV ВЕКЕ

© 2019 г. В.В. Черновская

За сорок лет правления Ивана Васильевича (1462–1505) – время жизни одного поколения, число подмосковных слобод (городков), населенных татарами, увеличилось до 9. Общая численность татарского населения составляла около 1000 человек (включая жен и детей). В источниках (посольских книгах) татары, проживавшие в подмосковных слободах, именовались «великокняжескими татарами» или «татарами великого князя». В распоряжениях Ивана III относительно их службы фигурировали всего два – три человека с титулами мурза или улан, указующими на знатность их происхождения. Остальные именовались просто татарами. В контексте русско-крымских отношений последней трети XV века рассмотрены социальная организация, роль и формы участия великокняжеских татар в посольской службе.

Ключевые слова: татарские поселения (слободы) в Подмоскowie, Иван III, посольские книги, великокняжеские татары, русско-крымские отношения.

В число слобод (городков), населенных татарами в XV, входили: Берендеев, Ижва, Левичин (источники иногда называют его татарской деревней), Лубна (в волости Перемышль), Ростунов на реке Северке, Сураж (слобода, вокруг которой позже образовался город Сурожи́к), Слобода (получившая потом название Александровской), Щитов и Хотунь на реке Лопасне. За исключением Слободы, все были расположены поблизости от Москвы. Кроме того, крупное татарское поселение образовалось в городе Коломна (тогда центр одноименной волости) и ближнем к нему сельце Васильевском (РИО, т. 41, № 19, с. 70).

По названию этого сельца татар, проживавших в нем, называли Васильевскими. А тех, кто жил в Коломне, – Чигиревыми товарищами, вероятно, по имени старшего над ними Чигиря Ямгурчеева. Сам он проживал в Берендееве. По родству или близким отношениям между собой, татары, поселенные в Щитове, именовались Машейковыми товарищами, а татары, проживавшие в Сураже, – Кабайрачевскими и «княжи Михайловскими» татарами (Там же). «Княжи Михайловские» татары – это, вероятно, оставшиеся без сюзерена татары последнего великого тверского князя Михаила Борисовича. В 1485 году он бежал и нашел убежище в Литве. Его племянники и бояре подались на службу к московскому государю. Логично предположить, что так же поступили его татары. Вероятно, в подмосковных слободах были устроены на жительство и татары из малых уделов родичей великого князя. Переход на службу к сильной и богатой Москве им был выгоднее, нежели верность слабому сюзерену, казна которого в сравнении с доходами великого князя была невелика. Так это или иначе, но количество татар, проживавших в подмосковных городках, оказалось весьма значительным.

В отличие от городецких татар, которых ведали касимовские султаны (царевичи), слободские татары знали только одного господина, великого князя Ивана Васильевича. Службами великокняжеских татар были сопровождение и охрана русских послов в Крым, курьерская служба и выполнение особых, не всегда безопасных, поручений московского государя. В посольских книгах «служильными» их еще не называли. Так они именуется в официальных документах начиная с 1530-х гг. Например, в разрядной книге под 1531 годом читаем: «...приехали ис Крыма служивые татарове Кидырек с товарищи» (РК. 1475–1598, с. 79). Ограничившись этим предварительным замечанием, перейдем к главному сюжету статьи.

Со времени заключения союзного договора между Иваном III и Менгли Гиреем (1474 г.) Москва направляла в Крым одного посла за другим с приказанием не уезжать из него до приезда следующего. Послами в Крым посылали знатных людей, бояр. Перед отъездом каждому вручалась инструкция (память) о том, как править посольство, о чем говорить хану в присутствии его вельмож, а о чем « молвить ему наодин», если дело касалось его братьев Нур Даулета, Айдара (Хайдара) или его пасынка Абдул Латифа, устроенных великим князем в русской земле по просьбе Менгли Гирея.

Формы грамот, дипломатический протокол и русско-крымские отношения в целом, включая сюжеты, связанные с судьбами перечисленных выше царевичей, хорошо изучены в отечественной литературе (см.: Хорошкевич, 2001). Чтобы не повторяться, обратимся к источнику, в котором расписаны обязанности великокняжеских татар, отправленных в Крым в составе русской дипломатической миссии осенью 1487 года.

Боярину князю Дмитрию Васильевичу Шеину, назначенному послом, Иван III дал следующий наказ. Если спросит Менгли Гирей, почему великий князь не отпустил в Крым, как он настаивал, его старшего брата Нур Даулета, отвечать так: «Перехвачен-де человек большеордынского царевича Муртозы с ярлыком, в котором он зовет брата твоего к себе на твое лихо. Брат твой Нур Даулет под тобою царство захочет». А учнет Менгли Гирей царь говорить, почему не послал великий князь Нур Даулета на Большую Орду, Дмитрию говорить: «Государь мой, великий князь, как узнал, что недруги твои, дети Ахматовы Муртаза и Седи Ахмет идут на тебя, тогда же часа послал брата твоего и своих людей на Орду. И они все лето улусы детей Ахматовых имали и дело делали, сколько им мочно было». Об Айдаре боярину было велено сказать, что великий князь держит его в крепости. Прежде-де ты сам извещал великого князя, «что король Казимир хочет послать своих людей, чтобы выкрасть Айдара из русской земли. Поэтому великий князь бережет его накрепко для дела твоего» (РИО, т. 41, № 19, с. 63–65). Добавим, что в Вологде, куда Айдара отправили на поселение, он умер в том же 1487 году.

Сопровождали Д.В. Шеина в Крым 40 татар. Из Берендеева и Ижвы с ним поехали 12 человек: Кадыш Абашев (толмач), Темеш (Темеришка), его сын, Мерег Хозя и его брат Пронос, Карачюра Осанов, Чигирь Ямгурчиев, Кудаш Шемякин сын, Афыз, Мансыр, Неболса Кидайдагов, Усеим и Оруска Орозов. Из Левичина и Слободы в сопровождение Шеину были назначены пятеро: Бурундук, Кудаш, Кожух Карачев, Токмас и татарин Давыд (новокрещен). Из Суража в росписи посольского сопровождения значились трое Кабайрачевских татар: Исенек, Ораз Хозя (Орозьяк), Козелак и четверо княж Михайловских татар: Асман, Меглешеик, Баклаш и Тонкач мурза. Из Коломны с Д.В. Шеиным в Крым поехали Давыдов брат Кутай и сын Кутая Икиш, а Васильевских татар и Чигиревых товарищей с ними было пятеро: Резяк Азербаетов, его брат Курман, Булгак, Довлетек, Шикчи и Неболса Кобяковы дети. Из Ростунова сопровождать Шеина в Крым были назначены Шемердин Умачев, Тулуш, Мерег Хозя, Асман Исаков сын Ислыев, Неболса, и Сююндюк Азбердеев. Из Щитова от Машейковых товарищей Шеина провожали в Крым трое татар: Мамыш, Карачюра и Киинчий (Там же, с. 70).

По прибытии в Крым, Шеин должен был оставить в Перекопе «на лежанье для вестей» десятых татар, трех-четыре держать при себе на посылках, остальным дать волю, т.е. отпустить на Русь. Из тех десяти татар, что будут оставлены «на лежанье» в Перекопе, Шеин, по приказу Ивана III, должен был отправлять курьеров, по два-три татарина, с вестями «каковы будут обо всем тамошнем деле» в Москву. Ни в зиму, ни весной, ни летом уезжать из Крыма Шеину было не велено. «А соберется Менгли Гирей царь отправить своего посла в Москву, ему, Дмитрию молвить бы ему, чтобы он лишних людей с тем послом не посылал» (Там же, с. 65, 70).

Д.В. Шеин отъехал в Крым налегке, без тяжелых поминков (подарков) хану, его родственникам и ближним вельможам. Поминки были отправлены ранее, в июне и августе того же года (РИО, т. 41, № 18, с. 61). Этим объясняется относительно небольшое количество татар, назначенных ему в сопровождение. Когда боярин вез в Крым большие или, как тогда говорили, «тяжелые» поминки, численность татар, сопровождавших его, увеличивалась в разы. Например, боярину Ивану Семеновичу Кубенскому, отправленному послом к Менгли Гирею весной 1500 года, в провозатые были даны 163 татарина и 11 человек Руси (РИО, т. 41, № 64, с. 310).

По данной ему перед отъездом инструкции боярин должен был по прибытии в Крым оставить там «на лежанье» татар из Перемышля, Лубны и Ростунова в числе 13 человек. Остальным, по распоряжению Ивана III, было велено воротиться к Москве. Головами над пятьюдесятью татарами были назначены Шемердин Умачев и Мокшуй Усенов из Ростунова. А головами над сотней татар поставлены Кадыш Абашев из Берендеева, Карачюра Мурадинов и Кудаш Шемякин из Щитова.

Когда выедут из Крыма и обнаружат в поле следы большеордынских послов, возвращавшихся из Литвы, или послов литовских, которые пошли в Орду, то тем ста пятидесяти татарами, по приказу Ивана III, предстояло разделиться. Сотне под началом Кадыша Абашева, Карачюры Мурадинова и Кудаша Шемякина было велено идти по следу тех послов и захватить их. А пятидесяти татарами во главе с Шемердином Умачевым и Мокшуйем Усеновым продолжать свой путь к Москве. Если же

не обнаружат они в степи следа тех послов, ни вести про них не будет, всем татарам было предписано возвратиться на Русь (Там же, с. 311).

По инструкции, на официальном приеме у хана боярину Кубенскому было велено бить ему челом от великого князя, спросить об его здоровье, передать ему «здоровальный» подарок и говорить речь. Сказать: «А пойдут на тебя Ахматовы дети, мой государь, великий князь готов братанича твоего Саталгана (сына Нур Даулета) и Мухаммеда Амина (бывшего казанского хана) со всеми уланы и с князьями, и со всеми их казаками, и русскую рать, и людей Абдул Латифа (тогда казанского царя) послать на Орду». А захочет Менгли Гирей царь воевать литовскую землю, боярину от того его не унимать. Держаться ему, Ивану, накрепко, чтобы царь с великим князем литовским не мирился и не канчивал (не заключал договора). Кого из татар Иван пошлет к Москве, с теми отписывать обо всем: «об ордынских делах, о литовском и о турском, и о волошском» (Там же, с. 302, 308–309).

На случай, если назревают перемены во власти в Крыму, Кубенскому была дана особая инструкция. Будет слух, что Менгли Гирей царь болен, Ивану идти к нему и посольство править по тому, как ему в памяти написано. А будет весть, что его не стало, боярину ехать из Крыма наскоро, в Перекопе не стоять. Случится, застанет его весть о том, что царя не стало в Перекопе и нельзя будет ему ехать из Крыма, тогда поминки ему схоронить, где будет пригож. Кто сядет на Менгли Гиреевом месте, брат или который сын его, тому, кроме девятных подарков (набор из девяти разных предметов), ничего не давать. Поминков, что были посланы Менгли Гирею царю, ему не давать (Там же, с. 311).

Благополучно достигнуть Крыма посольству Кубенского не удалось. В степи подстерегли и ограбили его большеордынские и азовские разбойники. Взяли «сороков собольих и горностаев, и горл лисьих, и шуб беличьих, и зубов рыбьих, и судов серебряных, и платья, и коней, и доспеху, и всякой рухляди на три тысячи рублей». Сообщая об этом в своей отписке великому князю, отправленной с Мокшумом Усеновым и Исмаилом Шемердиновым, Кубенский прибавил: «А списки государь, по чему посольство править, я потопил, как на нас татарове напали. Речи хану от тебя говорил, что вспомнил по твоему наказу. Татар, которые с бою со мной ушли в Крым, у меня осталось 53. Остальных, в кошу (в отряде) их будет 70 человек, я отпустил к Москве» (РХО, т. 41, № 66, с. 321; № 81, с. 405). Выходит, потери в отряде боярина составили 49 человек или почти треть всех людей, сопровождавших его в Крым.

Посольство Кубенского было не первым и не последним, ограбленным на пути в Крым. Весной следующего года степные разбойники ограбили боярина Федора Ромодановского, его самого и многих, сопровождавших его татар, пленили и отвели в Азов в неволю. Казны, что отправил с ним Иван III Менгли Гирею, было: «три сороки соболей, пять сот горностаев, десять рысей, платье кунье и беличье и многие другие ценные вещи» (Там же, № 70, с. 340; № 71, с. 351–352). «Неоднова подстерегали и грабили моих послов ордынцы, и убытка в том мне много учинилось», – сокрушался Иван III в письме к своему крымскому адресату (РХО, т. 41, № 16, с. 57).

По вестям, что полем ехать в Крым опасно, а через Литву проезда нет, Москва медлила с отправкой посольств. Посылала туда гонцов из числа татар, которые «гораздо знают степь». Курьеры отвозили памяти (инструкции) послам, сидевшим в Крыму в ожидании замены, доставляли грамоты и поминки хану от великого князя, а от хана привозил ярлыки (грамоты) московскому государю. Порой им приходилось выполнять его особые поручения. Некоторые татары наделялись честью править посольство вместе с боярином, задержавшемся в Крыму, или, при отсутствии такового, самим делать это по памяти, врученной им перед отъездом.

В разные годы ходили гонцами в Крым Тонкач мурза из Суража, Кудайбердей Афызов, Урус Хозя, Чура Кудашев из Ижвы; Васильевские татары из Коломны: Резяк Азербаетов, Усеин Кобяков, и Мереча Апчеев; из Берендеева и Ростунова: Тулуш и Тювекель Бакшеевы, Яксуб Айкишев, Кутук Кутлидатов, Осман Косяинов, Кара Бахты Бердеев, Исмаил Шемердинов и другие (Там же, № 31, с. 31; № 41, с. 189; № 73, с. 463).

Чаще всего на посылках великого князя в Крым упоминаются Кадыш Абашеев и Кожух Карачев из Слободы и Шемердин Умачев из Ростунова.

Кадыш и Кожух были впервые отправлены гонцами в Крым весной 1495 года по случаю несостоявшегося в тот год русского посольства к Менгли Гирею. Ехать им предстояло через Литву, о чем у Ивана III была договоренность с зятем, великим князем литовским Александром. Без записи, словом Иван III дал им такой наказ: «Как приедут в Киев, выпытать вежливо, как бы незнакомисто,

где находятся Девлеш, племянник Менгли Гирея, и царевич Уздемир, его брат (оба бежали в Литву в 1478 году). Выпытав, где они находятся, идти к ним тайно, чтобы не ведал никто. Да молвить им ехать к государю, и сказать, что государь хочет их жаловать. Посылал-де он им опасные грамоты, чтобы они к нему поехали, да те грамоты, видать, до них не дошли (Там же, № 47, с. 216).

На письме они получили другую инструкцию: когда приедут в Перекоп, наперед им встретиться с боярином Константином Малечкиным, ожидавшем замены в Крыму с осени 1493 года. Кадышу вместе с ним идти к Менгли Гирею, челобитье ему править от великого князя, потом грамоту и поминок, что Кадыш привез, ему подать» (Там же, с. 214).

В своей отписке Ивану III Менгли Гирей сообщил, что речь Кадыша, сказавшего на официальном приеме полное здоровье великого князя, понравилась кафинскому паше, «сыну турецкого, приехал к нам», и тот пожаловал Кадыша, «дал ему на харч шубу да пять сот денег. Здесь так твоих слуг потчуют, так и ведай» (Там же, № 48, с. 221–222). Иван III не замедлил с ответом, написал хану: «Гонца твоего, верного слугу Кутуша есми пожаловал, дал двести алтын денег, шубу беличью, сукно английское, два сукна новогонских (голландских) на платье и двух коней» (Там же, № 73, с. 363).

Шемердин Умачев в первый раз был отправлен гонцом в Крым летом 1485 года. На приеме у хана ему было велено говорить так: «Не послал великий князь видеть твое здоровье знатного человека затем, что ходят в поле наши недруги, проехать нельзя». Потом Шемердин должен был известить Менгли Гирея о том, что, прослышав о враждебных действиях против него детей Ахматовых, Муртозы и Седи Ахмета, великий князь, часа того не мешкав, послал на Орду уланов и князей и казаков всех, что есть в его земле. Они воевали и многих крымцев из неволи освободили, и тех крымцев государь великий князь отослал в Крым (РИО, т. 41, № 12, с. 44).

Другое поручение Ивана III Шемердину состояло в том, чтобы передать грамоту Асану Хозе, гостю, живущему в Крыму. В той грамоте великий князь наказывал ему «добыть лалов, яхонтов дорогих и жемчугу доброго и с тем самому приехать в Москву» (Там же, с. 45).

В следующем, 1486 году Шемердин опять в Крыму. На этот раз, по распоряжению Ивана III, он должен был лично править посольство: бить челом хану от великого князя, спросить его о здоровье, подать поминок и речь молвить по тому, как у него в памяти написано. А говорить Шемердину было велено следующее: «ограбили ордынцы в степи казаков великого князя Курчбулата и Кыскача улана по возвращении их из Крыма, куда они провожали ханских послов из Москвы. Приказал бы Менгли Гирей царь разогнать лихих людей в поле, чтобы послам путь не затворился» (Там же, № 14, с. 52).

Иван III велел Шемердину оставаться в Крыму, доколь хан не отпустит его. И все это время, пока будет там, он должен был отписывать в Москву обо всем, что происходит в Крыму. Для этого половину татар, которые сопровождали его в Крым, ему было разрешено оставить у себя, другую половину – отправить к Москве. Поминки, доставленные в Крым, Шемердин должен был раздать по росписи: хану – соболю черный, двум его женам – по корабелнику (золотая монета с изображением корабля на аверсе), брату цареву, калге Ямгурчею – соболю черный, царевым детям Ахмед Гирею, Мухаммеду Гирею и ближним вельможам – по золотому (венгерская, «угорская» золотая монета). Всего два соболя, два корабелника и девять золотых (Там же, с. 53, 54).

С 1486 по 1500 гг. Шемердина шесть раз отправляли гонцом в Крым с грамотами и разными дипломатическими поручениями. Хан называл его «добрым слугой» великого князя, писал ему: «...а станет Шемердин из уст о наших делах говорить, верь, то слово наше» (РИО, т. 41, № 32, с. 125).

Участие великокняжеских татар в боевых действиях источники освещают скудно. Тонкач мурза упоминается участником похода Саталгана царевича на Большую Орду в 1492 году. Тогда царевич отправил Тонкача с отрядом татар и русских в разведку. Все они попали в засаду. Наехал на них улусный мурза Мусика, сын Азики мангыта, разогнал, иных перебил и попленил. Узнав об этом, царевич отступил, «ушел с поля». На ордынцев послал своих уланов и Русь. Сколько могли, они воевали, «и людей ордынских имали и кони отганивали» (Там же, № 34, с. 141).

Тонкач мурза не погиб. В 1493 году его имя упоминается в дипломатической переписке Менгли Гирея с Иваном III по поводу ханского племянника, «от многих один у меня остался, Кобяков сын, Алеем зовут». Менгли Гирей просил отпустить племянника в Крым, «он в Мещере у Кыскача да у Тонкача живет» (Там же, № 39, с. 174). Кыскач улан действительно проживал в Мещере, Тонкач мурза жил, по крайней мере до 1487 года, в Сураже. Выходит, либо Алей Кобяков проживал у

того или другого попеременно. Либо Тонкач мурза перебрался в Мещеру. Будучи Ширином, он мог, равно как и татары из трех других княжеских родов: Барынова, Аргынова и Кипчакова, переходить на службу от одного сюзерена к другому (Исхаков, 1998, с. 211).

В 1499 г. татары великого князя ходили в составе русской рати в Югорскую землю на вогуличей. В разряде за этот год написано, что были они в отряде Василия Иванова сына Гаврилова вместе с вологжанами и вятичами, которые в русской земле живут. Всего в этом отряде было 200 человек Руси и 100 татар, остяков и арян (удмуртов) (РК. 1475–1598, с. 29). С 1510-х в разрядных книгах уже регулярно помещаются сведения об участии великокняжеских татар в боевых действиях (Там же, с. 72, 83, 87).

Во второй половине XVI века слободы Берендеев, Ижва и Щитов становятся станами Дмитровского и Боровского уездов. Перемышль и Сураж известны как московские волости. Ростунова слободка превратилась в село Московского уезда, а г. Коломна – в центр крупного одноименного уезда. Левичин упоминается как стан Коломенского уезда. Из 10 станов и 7 волостей этого уезда к Коломне по службе были приписаны 105 татар и три толмача (МАМЮ. 1891, с. 57). Кроме г. Коломны, сведений о проживании татар в других центрах административных образований, бывших ранее слободами, нет.

В описании Коломны, проведенного в 1557/58 году, в городе от Косых ворот к Москве реке показан двор татарина Абдарахмана Тенишева, на Ильинской улице значился татарский двор Васьки Уразова. В тупике от Пятницких ворот направо находились еще восемь татарских дворов. И одно пустое дворовое место, на котором прежде бывал двор Афанасия Шемердина, вероятно, крестившегося сына Шемердина Умачева из Ростунова. Или его племянника. Племянники часто получали фамильные прозвания по именам дядей. За исключением четырех татарских дворов, в остальных проживали дворники (охранники). Вероятно, их владельцы-татары были, на службах, или проживали в поместьях. А в город они приезжали на время сборов или по необходимости.

В списке церковного имущества Успенского храма Брусенского монастыря в Коломне дозорщики указали между других вещей икону Николы Чудотворца, «обложена медью» и псалтырь со святыми и деяниями «в полдесть на бумаге» – вклад крестившегося татарина, толмача Чюры (Города России, 2002, № 1, с. 21, 22, 26, 27, 29). Этот Чюра Аблезов (Албазеев) впервые упоминается на службе у великого князя Ивана III в 1491 году. Служил он и его сын. В одной из своих грамот ногайскому мурзе Алчагиру, сыну бия Мусы (1508) Василий III назвал его «своим ближним человеком». В последний раз Чюра упоминается по возвращении из Крыма в 1516 году (РИО, т. 41, № 32, с. 12; т. 95, № 16, с. 269).

Выше говорилось, что великокняжеские татары не принадлежали к знатым родам. Их имена, высветившись на краткий по историческим меркам миг в дипломатических документах XV века, потом исчезают для истории. Конечно, татар по-прежнему снаряжали на посылки в Крым в качестве гонцов, толмачей (переводчиков) и вожей (сопровождение дипломатических миссий) в XVI столетии. Относительно их обязанностей и статуса в посольских книгах сообщаются следующие сведения. Во-первых, после 1563 года гонцами в Крымское ханство назначались исключительно русские служилые люди (дети боярские) (Виноградов, 2016, с. 86–87). Во-вторых, татары, перешедшие в ведение Посольского приказа (обр. в 1549 году), равно как и татары в подразделениях русской армии, именуется служилыми татарами. Иначе говоря, в документах эпохи Грозного происходит унификация терминов для обозначения отношений господства и подчинения. Перед назначением московского государя и самодержца (царя) всех, за исключением податного населения, стали называть служилыми людьми, в том числе и татар.

ЛИТЕРАТУРА

1. Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М.: Древлехранилище, 2002. 469 с.
2. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 8. М.: Типолитография т-ва И.Н. Кушнеров и К., 1891. 459 с.
3. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 611 с.
4. Сборник Русского Императорского исторического общества. Т. 41. СПб.: Типография Ф. Елеонский и К., 1884. 558 с.
5. Сборник Русского Императорского исторического общества. Т. 95. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. 705 с.

6. Виноградов А.В. Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей Русского государства и Крымского ханства 60–90-х годов XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 84–91.
7. Исхаков Д. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань: Изд-во «Мастер лайн», 1998. 276 с.
8. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.

Список сокращений:

МAMЮ – Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции
РК – Разрядная книга
РИО – Сборник Русского Императорского исторического общества

V.V. Chernovskaya

TATAR'S SETTLEMENTS NEAR MOSCOW IN THE XV CENTURY

During the rule of Ivan III (1462–1505) the number of settlements (small cities) populated by Tatars increased in numbers up to 9. In total Tatar's population in these settlements constituted nearly 1000 people including wives and children. In the sources (Embassy books) they are named «the Grand Prince's Tatars». In orders of Ivan III concerning their duties, only two or three persons were entitled as *murza* or *ulan*; the others were mentioned as simply «Tatars» without titles. The issues of social organization, duties and functions of the Grand Prince's Tatars have been reviewed in the context of the Russian–Crimean diplomatic relations of the last quarter of the XV century.

Keywords: Tatar's settlements near Moscow, Ivan III, Embassy books, Grand Prince's Tatars, Russian–Crimean relations.

Сведения об авторе:

Черновская Валентина Вениаминовна – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г.Казань); ecolog2003@yandex.ru

Chernovskaya Valentina V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher of the Department of New History of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

УДК 94(470.316)"15/16"

ТАТАРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА РОМАНОВЕ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVI–XVII вв.)

© 2019 г. В.В. Черновская

Предлагаемый вниманию читателей очерк является продолжением темы служилых татар в Московском государстве. В центре внимания автора находится город Романов на Верхней Волге, где в последней трети XVI века и в продолжение следующего столетия существовало крупное поселение служилых татар. Главный сюжет статьи о том, как устроилась и менялась их жизнь, и складывались отношения с местным русским населением.

Ключевые слова: Романов, ногайские мурзы, татарская слобода, образ и уклад жизни, отношения с русским населением.

В 1563 году Иван Грозный пожаловал город Романов с уездом знатным мангытам (ногайцам), перешедшим к нему на службу. Всего их оказалось пятнадцать человек. С ними прибыли в Романов их служилые татары «в числе 700 луков». Эту цифру озвучил главный над ними мурза Иль Юсупов в короткой беседе со Станиславом Немоевским во время его недолгого пребывания в Романове в июне 1608 года. «Теперь их только 300 луков, – добавил старый мурза, – многие были перебиты в Ливонской войне» (Немоевский, 1907, с.156).

Заселение ногайцами уезда (уезд тогда называли по его центру городом) состоялось не позднее лета 1564 года и продолжалось в последующие годы. В конце XVI века в канцелярском обороте бумаг, касавшихся местного управления, Романов назывался уже татарским поселением. Логично предположить, что к этому времени численность татар с учетом женщин и детей составляла, как минимум, полторы тысячи человек.

Надо полагать, что появление кочевников на Романове привело местных жителей в смятение, если не в панику. Пугало их обличье: все низкорослые, коренастые, лица смуглые, нос приплюснут, глаза пронзительные, уши большие, речь чужая, гортанная. Одеты странно: бараньи тулупы шерстью наружу, остроконечные шапки из меха, штаны полосатого сукна или бумажной материи, настеганной сверху. Все это возбуждало страх у простого люда, которому предстояло устраивать свою жизнь под властью новых господ. Но на это была царская воля. И, как это было принято в те времена, бирючи (глашатаи) кликали государев указ об их прибытии и поселении по улицам и по торговым рядам, и на площади города. За непослушание или какое насилие и обиды по отношению к ногайцам со стороны посадских и уездных людей, грозило наказанием. В царских грамотах оно прописывалось краткой предупредительной строкой: «а кто учнет сего указу ослушаться, быть тем людем от государя в опале и казни, смотря по вине» (АИ, т. III. № 124, с. 194; № 126, с. 196; № 134, с. 211).

Внутренняя жизнь и быт кочевников устроились по их вере и обычаям. Они разводили овец, завезенных из степей, что было в диковину романовцам, держали бойни лошадей, что приводило их в ужас. Летом и по осени все, кто был не на службах, разбивали палатки на землях мурз по несколько недель стояли табором, устраивали стрельбища, охотились. Так появилось название деревни Становое, находившейся в 30–ти верстах на север от Романова. Или уходили в кочевки. Отсюда название пустоши Кочеватка, излюбленный ими маршрут кочевки. Туда от Романова на северо-восток будет почти 60 верст (ЯЕВ, 1887, с. 76).

Обряды жизненного цикла: рождение, браки и погребение, проводились по шариату. Ногайцы были суннитами, приверженцами ханафитского мазхаба. Стеснения в вере им не было. Они построили мечеть и держали кишень (мусульманское кладбище).

Во время длительных кочевок молитвенные собрания могли проходить под открытым небом. По шариату территория под открытым небом, на которой совершаются молитвы, приравнивается к мечети. Однако из-за непредсказуемости погоды они, скорее всего, ставили шатры, предназначенные для коллективных намазов.

Мечеть на Романове, о которой сохранилось упоминание, находилась в селе Богородском, в полуверсте от города. В 1609 году она сгорела, как и старинная православная церковь, которую спалили поляки, разорившие село (Конюшев, 2007, с. 51). Выходит, мечеть была действующей без малого полвека. При ней должны были находиться ученые люди, умевшие читать азан над новорожденным, проводить обряд имянаречения, заключать браки, проводить похоронно-поминальные обряды, лечить травмы и болезни. В традиционном ногайском обществе все эти функции выполняли муллы. По степени осведомленности в основах веры их называли сеитами, шаехи (шейхами) и абызами. Сыновья духовных лиц несли воинскую службу наряду с казаками мурз. Когда, по какой-то причине в Романове не оказывалось муллы, мусульмане обращались в Разрядный приказ с просьбой отпустить из полков сведущего в вопросах веры татарина для исполнения обязанностей абыза. Так, в 1676 году они подали в разряд челобитную, в которой «ради вдовишек, женишек, детишек наших и помина усопших» просили отпустить в Романов из отряда мурз, находившегося тогда в Невле, абыза Белека Маметева. В 1620 году за ним значился двор в татарской слободе. Получается, ему было около 70 лет, когда он находился в Невле. Царь удовлетворил просьбу романовских мусульман (РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Д. 268. Л. 75, 76; Ф. 137. Кн. 1-а. Л. 9 об.).

К религии подвластного населения татары относились с пренебрежением, исходящим отчасти из ее неприятия, отчасти из непонимания обрядности христианства. Если прислушаться к жалобам романовцев, то случалось, что татарчата во время службы на папертях играли, из луков в кресты стреляли, попов «лаяли и позорили». В посты татары заставляли своих православных слуг есть кобылятину, а тех, кто жаловался, нещадно били (Гурлянд, 1906, с. 7). В ответ на жалобы православных из Москвы слали предупреждения не допускать подобного своеволия. Мурзам было велено смотреть за своими татарами, чтобы они никакого поругания христианской вере не делали и храмов не сквернили, православных слуг у себя в домах не держали. Что же до их веры, то татары магометане, пусть правят свою веру, никто им мешать не станет (Там же, с.9). Пока Иль мурза Юсупов Княжево управлял Романовым, увещеваниями все и ограничивалось. Отношение татар к религии подвластного им православного населения списывали на бесцеремонность кочевников.

В дозорной книге 1592/93–1593/94 годов местом проживания ногайских мурз и их казаков названа татарская слобода. В ней сказано, что в 1587 году межевал землю, на которой она встала, «по государеве цареве и великого князя Федора Ивановича указной грамоте» дьяк Дмитрий Тургенев. Выходит, при Иване Грозном слободы еще не было. Мурзы и их татары жили в городе. Романов из-за опоясывающих его земляных валов с крепостными сооружениями назывался тогда земляным городом (Теляковский, 1913, с. 24).

В упомянутой выше дозорной книге в татарской слободе показаны 3 двора мурз и 98 дворов их казаков (142 чел., мужчин). Все казаки написаны в дозоре татарами мурз. С учетом жен и детей, которых дозорщики не переписывали, население татарской слободы с избытком покрывало русское население посада (Смирнов, 1917, с. 88; Города России, 2002, с. 122–124).

Через 26 лет, ко времени составления второй дозорной книги (1620 г.) в слободе было 92 двора. Да 4 двора татары поставили на посадской земле, отведенной под осадные дворы еще в 1614 году. Владельцами большинства дворов были татары, к которым эти дворы перешли по наследству от отцов и дядей. В их числе дворы Алевка и Маметкула Янгильдеевых, отец которых сгинул в Смуту; двор Мамыша Турсенева с пометой писаря: «а ныне живут дети ево»; двор Калмакана Кулабердеева с пометой: «а ныне живет сын ево Бажтарам»; двор Шемяка, отца которого Бакая Тоготаева не стало; дворы Курмаша и Сюлдекея Семеновых и другие (РГАДА. Ф. 137. Кн. 1-а. Л. 7 об., 8 об., 9–9 об., 10 об.).

Рождение ребенка, особенно мальчика, в татарской семье было радостным событием. В нем видели наследника и продолжателя рода, его процветание и благополучие. Над новорожденным совершали обряды, некоторые из них существуют у ногайцев и по сей день.

Первое купание младенца проводили в кобыльем молоке или в воде с добавлением душистых трав. Потом его заворачивали в рубашку отца, чтобы он получил от него силу и мужество. Девочку пеленали в платье бабушки, чтобы к ней перешли ее мудрость и долголетие. Первенца посвящали Богу, в знак чего девочке вдевали золотую сережку в правую ноздрю, а мальчику такую же вдевали в мочку левого уха.

У ногайцев сохранялись элементы язычества и связанные с ними ритуалы против сглаза и злых духов. Чтобы защитить от них, девочке на дно кровати клали амулет, мальчику под матрац прятали нож, а над его изголовьем вешали маленький лук со стрелами. На седьмой день жизни ему

делали первую стрижку волос. Срезанные волосы закапывали в укромном месте, подальше от чужих глаз.

Перед обрядом имянаречения головку младенца, покрытую шапочкой, клали на подушку так, чтобы его лицо было обращено в сторону Каабы. Потом мулла читал над ним азан и трижды сообщал ему в оба ушка нареченное имя. Теперь, согласно шариату, ему можно было делать сунет (обрезание) (Азизова, 2009, с. 56, 58, 64. 156–157, 195).

Выбору имени ребенка придавали особое значение. Из перечня имен, приведенных в дозорах 1593/94 – 1620 гг., попытаемся выявить предпочтения романовских татар в выборе имен для своих сыновей.

Основанием для имени могли послужить обстоятельства появления ребенка на свет. Например, Танатор (рожденный на рассвете), Сафар (месяц лунного календаря) или Уразлый (Ураза пост в течение месяца рамадан). Но гораздо чаще в именах находили отражение пожелания родителей будущему продолжателю рода долгих лет жизни, здоровья, счастья, силы и крепости: Арслан (лев), Бақы (Бакай) – вечный, Булат (сталь), Девлет (счастливый) и т.д.

С той же целью к имени мальчика прибавлялось слово «тере», означавшее «живой, здоровый». Например, Теребердей или Иштерек. В других случаях самостоятельной частью имени становилось слово «кабыл» (везучий, удачливый). Например, Ермет Кабыл или Мурат Кабыл.

Хан, имя со значением «хозяин, властелин» и пример но в том же значении слова «бек» или «бай» входили в состав таких имен как Алибек, Бекбулат, Алыбай, Байбердей, Балыбай, Сарыбай, Янбай и т.д.

Имена Мухаммед и стяжное от него – Мамет или Мамеш, нередко сопровождалось словом «кул» (раб), например Маметкул; приставкой – «иш» (друг), например Ишмамет или «кутлу» (счастливый), например Кутлу Мамет. Присутствие в именах приставки «ак» (белый) или «кара» (черный), например, Ақтул, Акборда, Кармыш или Карамыш указывало на цвет кожи малыша и шире – на его племенную принадлежность.

Чтобы обеспечить сыну покровительство и защиту Всевышнего, родители давали ему кораническое имя, например, Ислам или добавляли к тюркскому имени имя Аллаха либо начальный слог имени Всевышнего. Например, Аллабердей, Аллагул, Албулат, Аллатай и т.д.

Но в количественном отношении у татар, родившихся и возмужавших на Романове, преобладали имена, восходившие к тюркскому антропонимическому фонду, что отражало стойкую привязанность их родителей к обычаям и традициям предков (Атай, Атыкшей, Ачакай, Евсобак, Елболда, Елбося, Клеуш, Иль, Иткора, Кудайбердей, Наторляк, Сапай, Серваш, Сююн, Топонай, Тохтар, Шигай, Ярболда и др.).

В течение первых двух лет жизни матери кормили детей грудным молоком. Год рождения по обычаям ногайцев датировался временем зачатия, т.е. на девять месяцев раньше фактического появления ребенка на свет. Соответственно возрастной ценз готовности к воинской службе у сыновей кочевников начинался с 14-ти лет. Доспехи и оружие переходили им по наследству от отцов. Боевого коня каждый воспитывал и обучал сам.

Предшествующий возмужанию возраст был подготовкой к воинской службе. В три–четыре года дети ногайцев садились на коня, через пару лет умели стрелять из детского лука. Скачки, метание стрел, борьба и приемы лучного боя, все это они постигали в юности. В этом отношении жизнь татарского мальчишки ничем не отличалась от жизни его знатного сверстника.

Любимой забавой подростков и юношей была охота на уток, изобиловавших в зарослях реки Колокши, близ села Чирково. По вечерам их нехитрый досуг заполняли рассказы о кочевьях на бескрайних просторах Орды, о храбрости батыров, сказания об Идиге (Едигее). В народном изложении легенды он представал сыном святого Баба Теклеса и сказочной пери. Эта пери, удалившись от Баба, оставила их общего сына на перекрестке девяти дорог, где его подобрали и воспитали кочевники. Уже в юные годы приемыш прославился умом, находчивостью и мудростью. Прослышав о том, хан Тохтамыш призвал его и сделал своим табунщиком. Вскоре он стал вторым лицом в его владениях и получил имя Идиге, что означало «человек, заботящийся обо всех».

Прошло несколько лет и хан Тохтамыш, завидуя его популярности в народе, по другой версии по навету своей злобной жены, решил погубить Идиге. Узнав об этом, тот с несколькими преданными ему друзьями бежали к Са Тимуру (Тамерлану), могущественному правителю Мавераннахра. По дороге они освободили из плена дочь Са Тимура, и он выдал её за Идиге. Потом по приказу Са Тимура он разорил владения Тохтамыша, часть которых – территория между Волгой и Яиком пе-

решла под его власть и управление и стала называться Ногайской Ордой (Тюркская сказка об Идиге, с. 301–304).

Эту чудесную сказку слышали в детстве, если не все, то многие татарские мальчики, родившиеся на Романове. Сыновья Иль мурзы заучивали её и передавали своим потомкам как свое достоверное родословие. Некоторые волшебные моменты из этой легенды были включены в поколенную роспись князей Юсуповых, представленную в Разрядный приказ в 1668 году.

Образ общего предка Едигея, каким он запечатлелся в их памяти, представил Николай Борисович Юсупов в своей книге «О роде князей Юсуповых». Он назвал его «знаменитейшим полководцем Тимура, который помог ему уничтожить опаснейшего врага – Тохтамышша» (О роде князей Юсуповых, 1866, с. 17). А еще он утверждал, что их предок «Идиге взял юрт у Джанибека царя и учинился на его месте государем» (О роде князей Юсуповых, 1867, с. 344). Хотя в реальности, конечно, этого не могло быть. Когда хан Джанибек правил улусом Джучи (Золотой Ордой), Едигей был еще отроком. С Тохтамышем он, действительно, воевал, но, изгнав его с юрта, царем, не будучи по рождению Чингизидом, он быть не мог. При ханах, которых он возводил или низводил с престола по своему усмотрению, Едигей оставался беклербеком.

Жены романовских мурз принадлежали к мангытской знати. Они носили титул ногайских принцесс «Тота», который в семьях потомков Едигея передавался по женской линии. Сыновей мурзы женили на девушках из знатных татарских родов, дочерей выдавали замуж за представителей тюркской знати. Ногайцы практиковали многоженство. Сколько было жен у Алей мурзы или Айдара мурзы Кутумовых, неизвестно. В Орде, откуда они приехали в Россию, у них, наверняка, были гаремы. У Иль мурзы Юсупова известны две жены. Первая то ли умерла, то ли осталась в Орде и не последовала за ним в Романов. Вторую жену, Ахтанай, Иль мурза взял в России. В числе его жен упоминается еще и некая Алтуган ханыш. Но А.В. Беляков считает, что это, скорее всего, ошибка в написании имени (Беляков, 2011, с. 135). Если это так, писарь, вероятно, искажил имя второй жены Иль мурзы – Ахтанай. Она была дочерью астраханского Чингизида Гайбуллы, получившего в удел город Юрьев–Польский. Айдар мурза Кутумов выдал свою дочь (Кутукай Тота) за Сююша, сына Иль мурзы Юсупова. Салтан бике, дочь Алей мурзы Кутумова стала женой касимовского хана на Мустафы Али, сына Гайбуллы.

По смерти Мустафы Али (ок. 1590) Салтан бике вышла замуж за следующего касимовского царя Ураз Мухаммеда из ветви казахских Чингизидов (1600–1610), связав его тем самым родством и свойством с романовскими мурзами. Третьим мужем Салтан бике стал Арслан Али, с которого в Касимове началось правление сибирских Чингизидов (1614–1626).

Салтан бике пережила всех трех мужей. В 1628 году ее сослали на жительство в Ярославль. В том же году в Касимове находился ее брат Барай мурза, который, вероятно, устраивал ее переезд и сопровождал на новое место жительства. Сохранились челобитные Салтан бике, датированные 1628 и 1630 годами, о даче ей поденного корма из ярославских городских доходов «по полугодно». Но в описании татарских дворов в Ярославле (1631 г.) двор касимовской царицы не значился. Остается предположить, что она поселилась в доме своего свекра, последнего сибирского царя Алея Кучумова, проживавшего пленником в Ярославле. Возможно, по этой причине в 1628 году он обращался в Посольский приказ с просьбой о строительстве второго двора. И эта его просьба была удовлетворена.

В 1634/35 году Салтан бике получала поденный корм в Касимове, что, по-видимому, было связано с ее возвращением туда. Ей уже было за шестьдесят лет, возраст, в котором ее не могли не тревожить мысли о вечном доме и переходе в лучшую жизнь. Источники указывают на пребывание в Касимове в 1638 году ее брата Барай мурзы Кутумова, возможно в связи с ее смертью и погребением. Ближе него кровных родичей у Салтан бике не было. Ее единственная дочь от первого брака, так Бильды ханыш, умерла в 1608 году.

Служанка Салтан бике касимовская татарка Акслой Молаева осталась в Ярославле. В 1647 году она перешла в православие (Сборник материалов для VII-го археологического съезда, 1887, с.4).

Татары романовских мурз женились не только на единоверках. Случалось, они брали в жены славянок, захваченных в плен в воинское время. Трудно сказать, насколько были распространены такие браки. Но по закону они разрешались. Предварительно пленниц, вероятно, обращали в ислам. В случае отказа поменять веру, им бы была уготована участь холопок-наложниц.

В дошедших до нас источниках нашли отражение два случая смешанных браков. Оба получили огласку в связи с неблагоприятными семейными обстоятельствами. В 1627 году сбежала от мужа,

татарина Клеуша Байсобина Пирра Андреева дочь. Судя по имени, она была польской пленницей. В съезжей избе, где Пирра укрылась от мужа, она заявила, что хочет креститься в православную веру. Ислам-де она приняла неволею, а ее брак с Клеушем Байсобиним скрепил мулла. Похоже, Пирра надеялась, что крещение избавит ее от нежелательного брака с татаринцом, и она обретет свободу. Но брак был исключительно религиозным установлением и решение о крещении Пирры и ее разводе с мусульманином мог вынести только патриарх. Поэтому воевода поспешил отправить ее в Москву. Дальнейшая ее судьба не известна. Клеуш через год умер. Их единственный сын крестился Степаном, за что Барай мурза Кутумов согнал его с отцовского поместья. Тот подал жалобу в Посольский приказ на самоуправство мурзы. В ответ романовскому воеводе пришла указная грамота с царским повелением вернуть Степану Клеушеву сыну Байсобину поместье его отца (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 62, Л. 5; Д. 79. Л. 62–64).

В 1637 году история повторилась. От романовского татарина Аллабердея к посадскому человеку Сенке Маркову сбежала его жена Лшея. Судя по имени, она тоже была полькой. Татарин выследил любовников и подал жалобу на них воеводе. На этот раз дело разбирали сам воевода. Сенку «за блудное воровство» велел примерно наказать кнутом, а неверную жонку Лшею вернуть Аллабердею (Опись архива Посольского приказа 1673, 1990, с. 470).

Иль мурза Юсупов умер в 1611 году. Спустя два столетия на Старопосадском кладбище города Касимова был найден надгробный камень с арабской вязью, которая сообщала, что «1019 году хиджры (1910/1911) скончался сын Юсуф бика мирза Ваиль 84 лет» (Вельяминов-Зернов, 1864, № 4, с. 496). Дата и возраст усопшего совпадают с годом смерти и продолжительностью жизни Иль мурзы. Что же касается имени, начертанном на надгробном камне, не исключено, что таковым было его полное имя. Например, Чин его сын, в обыденном говоре назывался Ин мурзой (О роде князей Юсуповых, 1866, с. 55).

Невольно связывает с Иль мурзой и фраза, завершающая текст на лицевой стороне надгробного камня: «не знает никто в какой стране умрет» (Вельяминов-Зернов, 1864, № 4, с. 495). В рамках предопределения, но иными словами, выразил свое отношение к превратностям судьбы незадолго до своей смерти и сам Иль мурза. В короткой беседе со Станиславом Немоевским в Романове он сказал: «... я, прибывший сюда добровольно лет 40 назад, Бог весть, увижу ли еще свою отчизну» (Немоевский, 1907, с. 157).

Погребение и связанные с ним обряды самые значимые моменты жизненного цикла мусульман. День смерти считается днем второго рождения в ином мире, где у мусульманина будет вечный дом. Читанием молитв и сур из Корана мулла помогает душе усопшего выйти из тела и перейти в лучший мир. Перед погребением он напоминает покойному ответы на вопросы, которые будут задавать об его вере в могиле ангелы смерти Накир и Мункар, и тем самым обрести спасение. Наградой за правильные ответы ему будет рай. Иначе говоря, для мусульманина уйти в мир иной без духовного отца означало худшее из того, что с ним могло случиться в нем, очутиться в аду. Оказавшись по службе в уездах, в которых не было абызов, татары слезно просились на жительство в соседний с Романовым Ярославль. В 1626 году такое прошение подал в Посольский приказ ногайский мурза Бегей Канбаев сын Смаилов. Приглашенная канцелярским языком писарей, его челобитная пронизана отчаянием, что в случае смерти он будет лишен слова веры и погребения по шариату: «Милосердный государь, царь и великий князь Михаило Федорович всея Руси, пожалуй, меня, меня, холопа твоего за мою службу и за кровь, и за старость, вели, государь, мне, холопу твоему быть в Ярославле, меж своей братьи и родителей своих, чтобы мне, холопу твоему без отца духовна не умереть. По нашей бусурманской вере абызов в Суздальском уезде нет и при смерти взять негде» (РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 40–41; Ф. 141. Оп. 1. Д. 75. ЛЛ. 123–124).

Царь разрешил Бегею мурзе поселиться в Ярославле и велел дать ему деньги на дворовое строение. Бегей мурза прожил еще 11 лет. Он и его сын Акманай значились в сметном списке ярославских служилых мурз за 1637 год. Двое других его сыновей – Бири и Сарый перешли в православие.

В Ярославле мусульманского кладбища не было. Не исключено, что Бегей мурза был погребен на романовском кишене. Не все мурзы, а тем более рядовые татары, могли позволить себе доставку усопших родичей и организацию их похорон в Касимове.

Усопший мусульманин, погребенный не на мусульманском кладбище, считался неверным, а его могила поганой. Это не распространялось на тех, кто погиб на войне. Но на Романове в трех поколениях умирали старики, жены и дети служилых татар. Значит, должно было быть и мусуль-

манское кладбище. Где оно находилось, неизвестно. Правда, одна зацепка, указующая на его местоположение, все же есть. По обычаям ногайцев кладбище устраивали за рекой, на расстоянии четырех–пяти верст от населенного пункта, на открытом месте. Могилы не разравнивали, отчего на старых захоронениях появлялись новые, образующая небольшую возвышенность. Такая возвышенность находится в пяти километрах от села Чирково, за рекой Колокшей. Позже, когда мусульман выслали в Кострому, на том месте появилась деревенька. Её название – Татарский Холм, как бы указывает, что холм «за татары» мог быть мусульманским кладбищем или его частью. В Твери, например, холмистое место, на котором находилось древнее мусульманское кладбище, называлось Татарскими горами.

По местному преданию, на том месте, где встала деревенька Татарский Холм, ногайские мурзы будто бы имели дворец. Но зачем бы он понадобился здесь, если их резиденции находились в селе Чирково? Скорее всего, в этом предании нашла отражение народная память о ногайском дворце в перевернутой форме. Тем дворцом, а в представлении крестьян любое доброе строение казалось хоромами, скорее всего, была мечеть. Сюда собирались родственники усопших, в присутствии которых мулла проводил джаназа намаз, погребальный обряд. Но местным жителям, которым доводилось издалека наблюдать движение татар к мечети, она казалась жилым, а не культовым зданием. Во-первых, по обычаям кочевников мечети строили без минаретов. Во-вторых, у мусульман в проводах усопшего участвовали только мужчины, а плача и причитаний над ним не было слышно, они запрещены по шариату. Так и родилась легенда о ногайском дворце, якобы возведенном на Татарском холме.

Мурзы и их татары легко осваивали разговорный русский язык, но грамоты не разумели. Из-за ее незнания с ними происходили курьезные случаи. Когда ногайский мурза, в крещении Дмитрий Сатыевич Шейдяков, был отправлен воеводой в Галич, против него восстал весь город. Оказалось, что при составлении смотренных списков посадских людей, он не умел поставить свою подпись на документе. Дьяк, приставленный к нему, помочь не мог. Подделка подписи могла стоить ему головы. Дело встало, и галичане, всяких чинов люди, били челом государю Алексею Михайловичу об отставке князя Шейдякова от воеводства, просили на замену ему прислать нового воеводу, который «русскую грамоту и извычье знает», за которым дело бы не стопорилось». Государь исполнил их просьбу (МАМЮ, 1901, с. 124).

Прошения, распоряжения и приказы романовских мурз излагали на бумаге писари, находившиеся при них как в походах, так и на Романове. Писарями им служили пленники из числа тех, кто знал или выучил русскую грамоту. Понятно, чтобы попасть в число доверенных слуг мурз, им приходилось принимать ислам. В дозоре 1620 года дьячком (писарем) Барая мурзы Кутумова назван Данка Максимов. Судя по имени, он был из пленных поляков. В татарской слободе за ним значился свой отдельный двор (РГАДА. Ф. 137. Кн. 1-а, Л. 7 об.).

Со временем мурзы переняли некоторые увлечения русских помещиков. Кочевки поменяли на иные забавы. По примеру соседей завели псарни и пристрастились к псовой охоте. Псарню держал Барай мурза Кутумов. Свора Сююша (Сейша) Юсупова, племянника Иль мурзы была предметом зависти русских помещиков. Охотились мурзы там, где им заблагорассудится, в том числе и за пределами уезда, на правом берегу Волги. В 1663 году думный дворянин Прокофий Елизаров подал жалобу ярославскому воеводе на романовского мурзу Сейша (Сююша) и его сына Аблая в том, что они «в скопе с соседом, князем Борисом Нерыцким его вотчину разорили. «Своим приездом в многолюдстве со псовою охотою» они, по его словам, «поля потоптали и многие обиды и убытки его крестьянишкам учинили» (Сборник материалов для VII-го археологического съезда, 1887, с. 3).

Крещение, добровольное или под принуждением, значительно сократило мусульманское население на Романове к концу XVII века. Окончательно же разрушила татарское поселение дочь Петра императрица Елизавета, повелев в 1760 году выселить всех упорствующих в исламе романовских мурз и их татар в Кострому, где они были устроены в отведенной им слободе. По данным топографического описания Ярославской губернии за 1865 год, в Романове проживали всего 4 татарина мусульманина, в уезде их не было совсем (Топографическое описание Ярославской губернии. Л. 25–27).

Почти два столетия соседства с татарами не прошли для романовцев бесследно. Из тюркских наречий в их говор перешли слова: ясак, улус, чоботы, хомут, колымага, кушак, бревно, буран, полушка, деньга, айда и многие другие, сохранившиеся в обыденной речи и по сей день (Вестник Императорского географического общества, 1852, с. 1–6).

Позаимствовали они и некоторые татарские обычаи, например, празднование пятницы. Православные отмечали её, начиная с праздника Вознесенья до поздней осени, каждую 7-ю, 8-ю, 9-ю, и 10-ю пятницу. Не проходило недели, чтобы этот день в селе или деревне не было гулянья. Загодя в четверг, крестьяне готовились к празднику в пятницу, а с утра или полудня субботы приготавливались к христианскому празднику в воскресенье. Словом, вторая половина недели проходила в приговлении к празднику и в самом празднестве. Отсюда появилась у них поговорка: «Среда прошла и неделя вся» (ЯЕВ, 1889. Кн. 29, с. 487).

Была романовцам от татар и практическая польза. Они научились у них разводить овец, дубить и выделывать овчины, шить из них тулупы и шубы. Изделия из овечьей шерсти: сермяжные сукна, валенки, шапки, рукавицы, чулки и пр. стали зарядными (обычными) товарами на местных ярмарках. Промышлявшие ранее луком и чесноком, романовцы освоили ремесла, приносявшие достаток многим семьям. В 1740 году Романов занял четвертое место после Ярославля, Севска и Верхотурья в поставках овчин и сермяжных сукон на Хлыновский рынок (Вятский край). В селе Чирково по осени, исключительно по четвергам, устраивались большие торги овцами, лошадьми и разным скотом. Сюда, на ежегодные ярмарки пригоняли тысячи голов скота. Добавим, что в рацион питания романовцев вошла баранина. По праздникам или на свадьбах жаркое из неё обязательно подавали на стол.

При Петре I на Романов завезли породистых мериносов из Силезии и скрестили с породой, завезенной ногайцами из степей. Результат превзошел ожидания. Полушубки (дубленки) из высококачественной романовской овчины получались легкими и прочными и пользовались спросом по всей России. О романовской дубленке говорили: «Весу в ней четыре фунта, а жару как от четырех печей» (Конюшев, 2007, с. 36).

Была практическая польза и православным потомкам мурз и их служилых татар от русских жителей. Они научились у них земледелию. По состоянию на 1885 год поля помещиков, предками которых были татары, «давали урожаи хлебов сам четверт, сам пят и даже сам шест». Лучшим не только в уезде, но и во всей губернии, считалось хозяйство дворян Сабанеевых, родоначальником которых был романовский татарин мурза Кутлу Мамет Саб. К этому времени поднялись на торговле мукой и хлебом в купечество 1-ой гильдии Апаховы, кожевенным заводом в Романове владели Алаевы, фабрику по изготовлению волосных материй (шерстяных тканей) открыли Мурзины. Их предками тоже были служилые татары (Труды Ярославского губернского статистического комитета, 1885, с. 9).

Романов тогда назывался уже Романовым–Борисоглебском. Изменился облик города. На посаде каменных приходских церквей было шесть, обывательских домов – 520, в том числе два каменных, лавок (деревянных) – 145, в наемном каменном доме находились два магазина, винный и соляной. В ветхом деревянном строении, которое когда-то было воеводской избой, ютились уездный и земский суды. Неподалеку находились городская богадельня и «дома отставных солдат». Всех жителей в городе было 2099 человек. О том времени, когда Романов был татарским поселением, напоминали только земляные валы и каменный Крестовоздвиженский собор, возведенный на месте старого деревянного храма с одноименным названием, татарские топонимы на карте губернии, соединившей границы Романовского и Ярославского уездов да местные сказания и легенды, украсившие родословные православных потомков ногайских мурз и возведенных в дворянское достоинство потомков их служилых татар.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГАДА. Ф. 131. Татарские дела. Оп. 1. Д. 6.
2. РГАДА. Ф. 137. Боярские и городские книги. Кн. 1-а.
3. РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 62. Д. 75; Д. 77.
4. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 11. Д. 268.
5. Города России. Материалы писцовых описаний. М.: Древлехранилище, 2002. 470 с.
6. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М.: В типографии правительствующего Сената, 1901. Кн. 12. 551 с.
7. Опись архива Посольского приказа. 1673. М.: Археографическая комиссия, 1990. Ч. I. 470 с.
8. Топографическое описание Ярославской губернии вообще // Ярославская областная универсальная библиотека им. Н.А. Некрасова. Рукопись. № 336190.
9. Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль: Типография М.Г. Волчанинова, 1885. Т. IX. 382 с.

10. Азизова Н.Р. Обряды жизненного цикла астраханских (юртовских) татар: социокультурный анализ. М.: Московская финансово-юридическая академия, 2009. 260 с.
11. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. Рязань: «Рязань мiр», 2011. 512 с.
12. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1864. Ч. II. 498 с.
13. Вестник Императорского русского географического общества. СПб., 1852. С. 1–6.
14. Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары. // Труды II Областного Тверского археологического съезда, 1903 г. Тверь. Б.и. 1906. Отд. II. 14 с.
15. Конюшев К. По Волге и Отчому краю. Ярославль: Изд-во «Аверс Плюс», 2007. 88 с.
16. Немоевский С. Записки Станислава Немоевского (1606–1608). М.: Печатня А. Снегиревой, 1907. 297 с.
17. О роде князей Юсуповых. СПб.: Типография Н. Тиблена и К., 1866. Ч. I. 193 с.; СПб., 1867. Ч. II. 421 с.
18. Сборник материалов для VIII-го археологического съезда в Ярославле: Типография Губерн. правления, 1887. 29 с.
19. Ярославские Епархиальные ведомости. 1889. Кн. 29. Неофициальная часть. С. 487.

Список сокращений

- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
АИ – Акты исторические. Собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб.: В типографии экспедиции заготовления государственных бумаг, 1842. Т. III. 501 с.
МАМЮ – Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. М.: В типографии правительствующего сената, 1901. Кн. 12. 551 с.
ЯЕВ – Ярославские Епархиальные ведомости

V.V. Chernovskaya

TATAR SETTLEMENT ON ROMANOV (LAST THIRD OF THE XVI–XVII CENTURIES)

The essay offered to the readers is a part of the theme concerning Service (slujilyi) Tatars in Central Russia in the XVI–XVII centuries. Reviewed issues, relating Nogai – Tatar settlement in Romanov on Upper Volga, their mode and way of life, customs and relations with local Russian population.

Keywords: Romanov, Tatar settlement, Nogai murzas, Tatar's mode and way of life, relations with local Russian population.

Сведения об авторе:

Черновская Валентина Вениаминовна – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г.Казань); ecolog2003@yandex.ru

Chernovskaya Valentina V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher of the Department of New History of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 94:327

ДОКУМЕНТЫ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОДАТНЫХ ТЕРРИТОРИЙ И ПОДАТНОГО НАСЕЛЕНИЯ МЕЖДУ ВЫСОКОЙ ПОРТОЙ И КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ В СЕРЕДИНЕ XVI в.

© 2019 г. И.А. Мустакимов

Целью данной публикации является введение в широкий исследовательский оборот трех указов султана Сулеймана I относительно разграничения податных территорий и категорий населения между Османской империей и Крымским ханством.

Ключевые слова: Османская империя, Крымское ханство, Джан-Керман, «Реестры указов [по финансовым делам]».

Одной из малоизученных тем османско-крымских связей после вступления татарского ханства в вассальную зависимость от Блистательной Порты являются финансовые взаимоотношения между ними. Не последнее место в этих взаимоотношениях занимали вопросы разграничения податных территорий и категорий населения между двумя государствами.

Определенное значение для освещения этого вопроса имеют публикуемые султанские указы. Копии этих указов записаны в одном из реестров серии «Реестры указов [по финансовым делам] императорского Дивана», хранящемся в описи Камиля Кепеджи (реестр № 63) в Османском архиве (Стамбул) (*Osmanlı Arşivi, Kâmil Kepeci tasnifi 63 numaralı Divân-ı Hümâyûn Ahkâm defteri*, далее – ОА, КК 63). Реестр содержит копии указов за 9 месяцев (с мухаррама по рамазан) 960 г. хиджры (вторая половина декабря 1552 г. – начало сентября 1553 г.).

Во всех трех документах старым пограничным пунктом между владениями Крымского ханства и Порты в низовьях Южного Буга и Днепра выступает крепость Джан-Керман (тур. *Özi/Özü*, рус. Очаков). Ее построил хан Менгли-Гирей I, а вскоре (в 1525 г., по мнению других исследователей – не позднее 1538 г.) она перешла Порте (Бруенок, Мысько, 2016, с. 742; Очаков, 1967, с. 704; Öztürk, 2007, s. 133–134). В 1542 г. в османских источниках Очаков упоминается как центр одноименного кадылыка (*kaza*) Силистрийского санджака (Sezen, 2017, s. 601). Второй документ, кроме того, иллюстрирует отмеченный в других источниках и литературе факт двойного (османского и крымского) подданства татарского населения, оказавшегося в османских владениях Северного Причерноморья (Трепавлов, 2001, с. 450–451). В третьем указе выносятся решение в споре эминов мукатаа¹ Джан-Кермана и Ак-Кермана о праве на сбор подати за невольников, направляемых в Стамбул через пристань Джан-Кермана (при этом эмин Ак-Кермана ссылался на порядок, существовавший в период принадлежности Джан-Кермана Крымскому ханству). В связи с тем, что сбор налогов и иных доходов в податных округах отдавался на комиссию или откуп лицам, обязавшимся выплатить в казну определенную сумму – эминам, последние были весьма заинтересованы в пополнении источников доходов с вверенного им округа.

Копии документов в «Реестрах указов [по финансовым делам]» содержат точную дату их издания. Тексты написаны почерком «дивани» с элементами почерка «сиякат», использовавшегося в счетоводстве.

Даты лунной хиджры переведены нами на современное летосчисление. В круглых скобках указаны номера строк. В текстах переводов в квадратные скобки брались слова и фразы, подразумеваемые по контексту. При переводе налоговых терминов был использован терминологический комментарий к изданию (Аграрный, 1963, с. 192–221).

¹ Мукатаа – здесь: налоги и иные доходы казны с определенного округа или населенного пункта. Эмин мукатаа – уполномоченный по сбору налогов и иных доходов казны (Кальди-Надь, 1964, с. 76–77).

Публикация источника

№ 1.

6 раби I 960 г. хиджры = 20 февраля 1553 г.н.э. – Султанский указ кадиям Ак-Кермана и Очакова о необходимости уточнения принадлежности налогов и податей, взимаемых с податного населения левобережья р. Южный Буг

(1) *Афкрман و اوزى قاضيلىرنه² حكم يازله كه حاليا دولت كراى خان *دامت (2) معاليه³ دركاه معلومه مكتوب كوندروب قديم الايامدن (3) اق صونك برى طرفنك اوتلاعى و عادت احتسابى و بيت المالى (4) بو جانبه النوكلمشدر حاليا كما كان اولاً عمر اولور بر كمسنه مانع (5) اولمز اما احتساب ايله بيت الماله دولتكرمان امينلرى دخل ايدوب (6) مانع اولورلر ديو بلدرمشلر امدى بيوردمكه حكم شريفم واردقده (7) كوره سن ذكر اولان احتساب و بيت المال محصولى قديمدن (8) نه وجهله ضبط اولنوكلمش ايسه من بعد داخى كيرو اول وجهله ضبط (9) اندره سن اوليكلمشه مخالف اش اندرميه سن شويله بلا سن ديو (10) تحريرا فى 6 ربيع الاول سنه 960

OA, KK 63, s. 140

Кадиям Ак-Кермана и Очакова пусть будет написан [следующий] указ.

Ныне Девлет-Гирей-хан – да будут вечными его благородные качества! – прислал к моему Высокому Порогу письмо, в [коем] сообщил [следующее]. «Изначально⁴ налог за пользование летними пастбищами (*otlak*)⁵, рыночные сборы (*'adet-i ihtisab*)⁶ и выморочное имущество (*beytü'l-mal*)⁷, собранные на сей⁸ стороне [реки] Южный Буг, взимались в пользу данной стороны⁹. Ныне все остается по-прежнему, [установленный порядок] никто не нарушает, однако рыночные сборы и выморочное имущество забирают себе эмины¹⁰ Девлет-Кермана¹¹». Посему повелеваю:

по получении моего высочайшего указа разберитесь [с этим вопросом]. Как поступали с вышеупомянутыми рыночными сборами и выморочным имуществом ранее, таким же образом следует поступать и впредь. Не допускай действий, противоречащих устоявшемуся порядку. Так ведай.

Писано 6 раби I 960 года.

Handwritten Ottoman Turkish text in Rika script, likely a decree or official communication. The text is written in dark ink on aged paper and includes several lines of text with some corrections or additions. The date '6 Rabi'ul Awwal 960' is clearly visible at the bottom.

*2 Написано над зачеркнутым *كفه قاضيلىسنه و ناظر حاجى حسينه*.

*3 Между словами *معاليه* *دامت* зачеркнуто 3 слова, разобрать которые не удалось.

⁴ Букв. издревле (*kadimü'l-eyyamdan*).

⁵ Об этом налоге см. (Çağatay, 1947, s. 509–510).

⁶ Об этом налоге см. (Кальди-Надь, 1964, с. 79; Kurz, 2003, S. 189).

⁷ Об этом налоге см. (Taşkın, 2013, s. 68).

⁸ Т.е. на восточной, крымской стороне.

⁹ Т.е. в пользу крымского хана.

¹⁰ Эмин – здесь: чиновник, ведавший сбором податей.

¹¹ Девлет-Керман – идентифицировать данный населенный пункт не удалось. Укрепление с таким названием упоминается в «Сокращенной хронике [Мухаммед-Ризы]», выполненной Хурреми-челеби Акай-эфенди во второй половине XVIII в., среди крепостей, построенных ханом Менгли-Гиреем I на берегах Днепра (Негри, 1844, с. 383). В печатном издании сочинения Мухаммед-Ризы Девлет-Керман среди этих укреплений не упоминается (Сейид, 1832, с. 81). Возможно, в документе описка вместо «Джан-Керман» (جانكرمان).

№ 2.

22 джумада I 960 г. хиджры = 6 мая 1553 г.н.э. – Султанский указ кадиям Ак-Кермана и Джан-Кермана о необходимости уточнения правомерности сбора чрезвычайного налога и налога за дым с татарского населения Аккерманского и Джанкерманского кадылыков

(1) афкерман و جانكرمان قاضيلر نه حكم يازله كه حاليا دولت¹² كراى خان دامت (2) معاليه جانيندن درگاه معلامه شويله اعلام اولنديكه افكرمان (3) و جانكرمان قاضيلقلرنده اولان تاتار طايفه سندن قديمدن عوارض (4) و رسم دخان النوكلمامش ايكن حاليا عوارضلى طلب اولنورمش (5) و خاص عامللى داخى رسم دخانلرن المق استرلرمش ديو (6) امدى بيوردمكه حكم شريفم واردقده تفتيش ادوب كوره سن فى الواقع (7) مذكور قاضيلقلرده ساكن اولان تاتار طايفه سندن قديمدن عوارض (8) و رسم دخان النوكلمامش ايسه و عوارضلرن و رسم دخانلرن الاسن (9) ديو درگاه معلامدن حكم شريف و اراممش ايسه و عوارض خانه سنه (10) تابع اولان يرلرى دخى دوتمز لر ايسه اول تقديرجه خلاف امر و قانون (11) و اولى كلمشه مخالف مزبورلردن عوارض و رسم دخان الدرديه سن (12) محتاج عرض اولورسه يازوب بلدره سن شويله بلا سن ديو تحريرا (13) فى ٢٢ جمادى الاول سنه ٩٦٠

OA, KK 63, s. 463

Кадиям Ак-Кермана и Джан-Кермана пусть будет написан [следующий] указ.

Ныне Девлет-Гирей-ханом – да будут вечными его благородные качества! – моему Высокому Порогу сообщено [следующее]: в то время как с татарского населения, проживающего в Аккерманском и Джанкерманском кадылыках¹³, изначально¹⁴ не взимались чрезвычайный налог (*avariz*) и налог за дым (*resm-i duhan*)¹⁵, ныне с них (татар. – И.М.) требуют выплаты чрезвычайного налога, а сборщики налогов для султанской казны (*hass 'amilleri*)¹⁶ намереваются взимать налог за дым. Посему повелеваю: по получении моего высочайшего указа проведи [соответствующее] расследование. Если действительно с татар, проживающих в вышеупомянутых кадылыках, изначально не взимались чрезвычайный налог и налог за дым, и от моего Высокого Порога [тебе] не поступало высочайшего указа о взимании с них чрезвычайного налога и налога за дым, и если они не пользуются зем-

лями¹⁷, закрепленными за населением, выплачивающим чрезвычайный налог, в этом случае не допускай взимания с вышеупомянутых чрезвычайного налога и налога за дым вопреки [моим] распо-

¹² *В ориг.* دوكت.

¹³ Кадылык – административно-судебный округ в Османской империи, находящийся под юрисдикцией кади (мусульманского судьи).

¹⁴ Букв. издревле (*kadimden*).

¹⁵ Об этом налоге см. (Сағатау, 1947, s. 505–506).

¹⁶ Перевод предположительный.

¹⁷ Букв. если не держат земли (*yerleri dahi dutmazlar ise*).

ржениям и кануну¹⁸ и в противность устоявшемуся порядку. В случае необходимости доклада из-ложки [проблему] письменно. Так ведай.

Писано 22 джумада I 960 года.

№ 3.

11 джумада II 960 г. хиджры = 25 мая 1553 г.н.э. – Султанский указ кадиям Ак-Кермана и Джан-Кермана о порядке выплаты пошлины с невольников, направляемых на продажу в Стамбул

(1) Акрман и Джанкрман قاضيلىرنه حكم يازله كه حاليا جانكرمان مقاطعاتى امينى (2) درگاه معلومه عرض حال ادوب روس ولايتندن جانكرمان اسكله سنه (3) كلوب كميله استانبوله كيدن اسرادن اسير تمغاسى خرجن جانكرمان¹⁹ امينى (4) اليكلمشدر حاليا اقرمان²⁰ امينى مذكور جانكرمان قلعه سى تاتار خانك ايكن (5) جانكرمان اسكله سندن استانبوله كميله كيدن اسرانك تمغاسى خرجن اقرمان (6) امينلى اليكلمشدر ديو دخل ايدرلر ديو بلدردى امدى اسرا (7) تمغاسى جانكرمان مقاطعه سنه داخلدر خزانه عامرم دفترنده (8) بو منوال اوزره مقيد اولوب جانكرمان امينك براتنده داخى (9) مقيددر بيوردمكه حكم شريفم وارقدده جانكرمان اسكله سنه كلوب (10) كميله استانبوله كيدن اسرانك تمغاسى خرجن جانكرمان اميننه الدروب (11) اوليكلمشه مخالف مذكور اقرمان امينى استانبوله كيدن اسرانك (12) تمغاسى خرجنه دخل اتدرميه سن شويله بلاسن ديو تحريرا فى 11 ج (13) سنه 960

OA, KK 63, s. 600

Кадиям Ак-Кермана и Джан-Кермана пусть будет написан [следующий] указ.

Ныне эмин мукатаа Джан-Кермана представил к моему Высокому Порогу прошение, в коем сообщил, что тамгу за невольников (*esir tamgasi*)²¹, поступающих из страны русов²² на пристань Джан-Кермана и [оттуда] на судах отправляемых в Стамбул, ранее взимал эмин Джан-Кермана. Ныне эмин Ак-Кермана препятствует [сбору тамги], утверждая, что в бытность вышеупомянутой крепости Джан-Кермана под властью татарского хана тамгу за невольников, поступающих на пристань Джан-Кермана и отправляемых на судах в Стамбул, взимали эмины Ак-Кермана.

В настоящее время тамга за невольников относится к мукатаа Джан-Кермана. Так записано как в книге моей государевой казны, так и в грамоте (*berat*), выданной эмину Джан-Кермана. Повелеваю: по получении моего высочайшего указа тамгу за невольников, поступающих на пристань Джан-Кермана и отправляемых на судах в Стамбул, пусть взимает эмин Джан-Кермана. Не допускай вмешательства вышеупомянутого эмина Ак-Кермана в процесс

Handwritten Ottoman Turkish document (sultan's decree) in Arabic script, dated 960 AH. The text is written in dark ink on aged paper and includes a signature and date at the bottom right.

¹⁸ Канун – в Османской империи: постановление верховной власти по вопросам, не относящимся к сфере действия мусульманского права (шариата).

¹⁹ В ориг. جانكرمان

²⁰ В ориг. اقرمان

²¹ Тамга – вид торговой пошлины.

²² Страна русов – земли Польско-Литовского государства, населенные православным населением и/или Московское государство (An Economic, 2003, p. 278).

сбора тамги за невольников, отправляемых в Стамбул, в противность устоявшемуся порядку. Так ведай.

Писано 11 джумада II 960 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв.: документы и материалы / Сост., перев. и коммент. А.С. Тверитиновой. М., 1963.
2. Кальди-Надь Д. Турецкие реестровые книги мукāта’а как исторические источники // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. [Том I]. М., 1964.
3. Бруенок А.В., Мысько Ю.В. Очаков // Большая российская энциклопедия. Т. 24. М., 2014.
4. Негри А. Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1844.
5. Очаков // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967.
6. Сейид Мухаммед Риза. Ассеб о-ссейяр или Семь планет, содержащий историю Крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Казань, 1832.
7. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.
8. An Economic and Social History of the Ottoman Empire, Vol. I: 1300–1914 / Ed. by H. İnalcık with D. Quataert. Cambridge, 2003.
9. Çağatay N. Osmanlı İmparatorluğunda Reayadan alınan vergi ve resimler // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. Cilt: 5, Sayı: 5. Ankara, 1947.
10. Kurz M. Das *sicill* aus Skopje. Wiesbaden, 2003.
11. Osmanlı Arşivi, *Kâmil Kepeci tasnifi* 63 numaralı Divân-ı Hümâyûn Ahkâm defteri (OA, KK 63)
12. Öztürk T. Özü // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. Cilt: 34. İstanbul, 2007.
13. Sezen T. Osmanlı Yer Adları. Ankara, 2017.
14. Taşkın Ü. Rûsum-ı Örfiye // Tarih Okulu. Sayı XIV. İlkbahar-Yaz, 2013.

I.A. Mustakimov

DOCUMENTS ABOUT THE DIVERSITY OF TAXABLE TERRITORIES AND TAXPAYER PEOPLE BETWEEN THE SUBLIME PORTE AND THE CRIMEAN KHANATE IN THE MIDDLE OF THE 16th CENTURY

The purpose of this publication is to introduce three edicts of Sultan Suleiman the Magnificent on the differentiation of taxable territories and population categories between the Ottoman Empire and the Crimean Khanate.

Keywords: Ottoman Empire, Crimean Khanate, Cankirman, “Registers of decrees [for financial affairs]”.

Сведения об авторе:

Мустакимов Ильяс Альфредович – кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет (г.Казань).

Mustakimov Ilyas A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan).

УДК 94 (47)

ДОКУМЕНТЫ О ПРИЕЗДЕ В РОССИЮ ПЛЕННЫХ В АВГУСТЕ 1598 г. ДЕТЯХ И ЖЕНАХ СИБИРСКОГО ХАНА КУЧУМА

© 2019 г. А.В. Беляков

Целью данной публикации является введение в широкий научный оборот известных ранее по дефектной публикации документов о приезде в Москву плененных в августе 1598 г. детях и женах сибирского хана Кучума. Это ценный источник по истории русско-сибирских взаимоотношений рубежа XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Сибирское ханство, Кучумовичи, Русское государство XVI–XVII вв.

20 августа 1598 г. на берегу р. Оби объединенный отряд тарских, тобольских и тюменских русских служилых людей (литва и казаки), а также юртовских и волостных ясачных татар разбили сибирского хана Кучума. Тогда же была пленена большая группа его родственников (сыновья, внуки, жены и дочери), знатные князья и мирзы из его ближайшего окружения. Вскоре их отправили в Москву. Документы, связанные с этими событиями отложились в РГАДА Ф. 131 (Татарские дела). Там, в частности, сформировалось дело, получившее следующие заглавие: «Приезд в Москву взятых в полон в Сибири царя Кучума жен и детей в провожании воеводы из Тару¹ Воейкова и дача им жалованья и поденного корму» (РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2). В нем на 74 листах отложились документы, связанные с подготовкой въезда знатных пленников в столицу, а также материалы об их финансовом содержании в Москве. Дело было опубликовано еще в первой половине XIX в. (Акты, 1841, с. 4–23)². В целом публикаторы адекватно передали текст. Однако по ряду причин ими были допущены серьезные ошибки. В первую очередь, это связано с тем, что значительная часть документов представляет собой «отпуски» с большим количеством правки. Все зачеркнутые и плохо читаемые места текста были пропущены. По этой же причине отдельные документы не были опубликованы вовсе. К тому же при публикации было решено игнорировать все более поздние приписи. Это привело к тому, что на протяжении почти 200 лет исследователи пользовались дефектными публикациями этого ценного источника. В ряде случаев, не воспроизведенные в первой публикации делопроизводственные пометы («Не по тому», «Ся роспись имяна подлинно всем им, жонкам. А стоять и корм не по тому дан»), полностью меняли смысл документов. Подчас даже хорошо читаемые места были заменены отточиями. Так, например, на месте имени неизвестного по другим источникам сына Кучума Капакчака. В отдельных местах текст творчески дорабатывался и делался более связанным и логичным. В результате этого исследователям было неизвестно такое прочтение имени царевича Шаима бин Кучума как «Шаганка», «Шеймби» и «Шагай». По той же причине был неизвестен тот факт, что четвертая жена Кучума, царица Актолун, приходилась дочерью или же сестрой «чаского» (чатскому) князю. Также были проигнорированы записи о смерти того или иного царевича, сведения об отправке отдельных цариц из Москвы в Касимов, к царю Ураз-Мухаммеду бин Ондану и сибирскому царевичу Мухаммед-Кулу бин Ахмед-Гирею в Бежецкий Верх. Отдельные документы получили ложную датировку. Перечисленные факты поставили вопрос о необходимости переиздания этого ценного источника по истории русско-сибирских взаимоотношений рубежа XVI–XVII веков.

Текст документов публикуется по следующим правилам. Вышедшие из употребления буквы заменяются буквами современного алфавита. Слова под титлами раскрываются. Выносные буквы вставляются в строку. Пропущенная гласная после выносной согласной восстанавливается. Мягкий знак восстанавливается только в положении перед гласной и на конце слова. Твердый знак на конце слова и все надстрочные знаки не воспроизводятся. Краткое «и» ставится по современному произношению. Буквенная цифирь передается арабскими цифрами. Утраченные части текста воспро-

¹ Так в рукописи (далее – ркп).

² Вместе с ним были опубликованы и некоторые иные документы (РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 1; 1598 г. Д. 1). Нами они не переопубликовываются.

изводятся в квадратных скобках. В примечаниях оговариваются описки, ошибки и другие особенности текста. Документы воспроизводятся в том порядке, как они отложились в деле.

Публикация источника

ПРИЕЗД В МОСКВУ ВЗЯТЫХ В ПОЛОН В СИБИРИ ЦАРЯ КУЧУМА ЖЕН И ДЕТЕЙ В ПРОВОЖАНИИ ВОЕВОДЫ ИЗ ТАРУ³ ВОЕЙКОВА И ДАЧА ИМ ЖАЛОВАНЬЯ И ПОДЕННОГО КОРМУ.

№1.

1598 – декабря 1 – Наказная память (из Посольского приказа) толмачу Алексею Нагому, посланному на встречу сибирских царевичей и цариц

лета 7107-го декабря в 1 день по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу память толмачу Алексею Нагаеву.

По Переславской дороге, до Переславля, ехати ему⁴. И где в[стретит] Савина Воейкова с товарищи с сибирскими царевичи, *и с царицами, и с мурзами. А где⁵, ⁶ *Савина Воейкова с товарищи с сибирскими царевичи и с царицами, и с мурзами встретит, /л. 2/ те денги, десять рублей, *государеву грамоту и государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси грамоту⁷ отдати Савину⁸ Воейкову с товарищи, А отдав, говорити *Савину Воейкову⁹ с товарищи, чтоб они сибирским царевичам и царицам, и мурзам корм давали доволен, *перед прежним с прибавкою¹⁰, которым мурзам на корм давали денег по две и по три, давали по 4 денги и по пяти денег¹¹ человеку *на день¹², смотря по¹³, *чтоб им в корму нужи не было [] взяв отпишут Савина Воейкова с товарищи письмо, где он Савина с царевичи и с царицами и с мурзы встретят. Отписал колко им корму прибавят, и в который ден чаят¹⁴. ¹⁵ *приехати на Городок на Радонеж. И ехати ему к государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Руси¹⁶ к Москве наспех, днем и ночью. А приехав к Москве, явитца и та отп¹⁷иска [отдать в Посольском] приказе печатнику [нашем]у Василью Яковлевичу.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 1–2. (Отпуск).

³ так в ркп.

⁴ в ркп. зачеркнуто: до Ярославля.

⁵ в ркп. над строкой.

⁶ в ркп. зачеркнуто: сибирского Кучума царя детей царевича Шеимби, царевича Бадшу, царевича Молу, царевича Кумыша и цариц, Кучумовых жон и дочерей, и детей его жон и мурз, которых поимал в полон Андрей Воейков, как побил Кучума царя и послал ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Руси из Сибири, с Тары. А едут с царевичи и с царицами, и с мурзами головы Савин Воейков, Федор Лопухин, Илья Беклемишев. Да с ^a послано государева ^b царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси сибирским царевичам и царицам, и мурзам грамота. К Максиму^b Воейкову с товарищи на корм десять рублей денег^г в прибавку к [поденно]му корму, что дают им, Максим Воейков с товарищи. И /л. 2/ где встретит сибирских царевичей и с цариц[ы], и с мурзами Максима Воейкова с товарищи.

в ркп.: ^a оставлено место для имени; ^b написано над строкой; ^b написано над строкой; ^г написано над строкой.

⁷ в ркп. над строкой.

⁸ в ркп. написано над зачеркнутым: Максиму.

⁹ в ркп. написано над зачеркнутым: Максиму.

¹⁰ в ркп. над строкой.

¹¹ в ркп. зачеркнуто: и по алтын.

¹² в ркп. над строкой.

¹³ в ркп. не читаемая запись над зачеркнутым: человеку.

¹⁴ в ркп. над зачеркнутым.

¹⁵ в ркп. зачеркнуто над зачеркнутым: послать.

¹⁶ в ркп. над зачеркнутым (объединяет сноски 12–14: И ехати к Москве наперед. А Савину^a Воейкову с товарищи, приехав на Радонеж, про царевичев и про цариц, и про мурз прислати с казаком в приказ к печатнику и посольскому дьяку Василью Яковлевичю Щелкалову.

в ркп.: ^a над зачеркнутым: Максиму.

¹⁷ в ркп. зачеркнуто: смо.

№2.

1598 – декабря 25 – Наказная память (из Посольского приказа) переводчику Посольского приказа Вельямину Степанову, посланному на встречу сибирских царевичей и цариц

Лета 7107-го декабря в 25 день по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу память * переводчику Вельямину Степанову¹⁸.

Ехати ему до Ярославля и за Ярославль, где встретит сибирского Кучюма царя детей, царевича Асманака, царевича Шеимби, царевича Бадшу, царевича Моллу, царевича Кумыша и цариц Кучюмовых жон и дочерей, и детей его жон, и мурз, которых поимал в полон Ондрей Воейков, как побил Кучюма царя и послал ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии из Сибири, с Тары. А где их Вельямин¹⁹ встретит, и Вельямину²⁰ распросити царевичей и цариц подлинно порознь, и переписать их всех по имянном, хто имянем царевичей и чьи дети, и сколко которому царевичю лет, и у которых царевичей тут есть матери, и чья которая царица дочь Кучюмовы жены, и хто имяны иных цариц, оприч Кучюмовых жон, инья которая царица дочь, и хто имяны царевы Кучюмовы дочери, и в колко которая лет, и у которых есть матери, /л. 4/ и царевичев, и хто имянем мурз и тотар. Да распрося про то все подлинно ехать к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии к Москве²¹.²² А царевичем и царицам, и мурзам сказать, что царева Кучюмова перед государем многая неправда, и над ним за его неправду так Бог и ученил. А они б не сумнялися, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец милостив, казнить их не велит по своему царьскому милосердному обычею, и велит их устроить, как им быти без нужи.²³ * Да ехать Вельямину к Москве наспех, днем и ночью, не мешкая нигде, и быти ко государю вскоре²⁴. Распросную и переписную роспись привести с собою ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии, к Москве²⁵. /л. 5/ И отдать ту роспись в Посольском приказе печатнику и посольскому дьяку Василью Яковлевичю Щелкалову.

А Савин бы Воейков с товарищи²⁶ ехали²⁷ к Москве * после его²⁸ вместе с сибирскими царевичи и царицами, и с мурзами. И береженье к ним держали, чтоб им в дороге в кормех нужи не было, и обиды, и безчестья ни от ково не было ж.²⁹ * А для нужи по городом³⁰ Ярославле и в Ростове,

¹⁸ в ркп. вписано позднее.

¹⁹ в ркп. вписано позднее.

²⁰ в ркп. вписано позднее.

²¹ в ркп. зачеркнуто: написать на росписи написати царевичам и царицам, и мурзам, и татаром корм доволен, по колку кому на день корму доведетца давати приставом говорить, чтоб они корму на день кому доведетца давати, чтоб царевичам и царицам, и мурзам в кормех в корму не было. Да тое б роспись отдати Савину Воейкову с товарищи, и велети по той росписи в дороге корм давати.

²² в ркп. зачеркнуто написанное между строк: Ехати к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии []. Говорил чтоб они к царевичам и к царицам береженье держали и в кормех бы у них [] небыло.

²³ в ркп. зачеркнуто: а отдав Савину с товарищи роспись, и изговоря речь царевичам и царицам, да тое ему.

²⁴ в ркп. между строк над зачеркнутым.

²⁵ в ркп. зачеркнуто: тотчас, не мешкая. А ехати к Москве с росписью не мешкая, и днем /л. 5/ и ночью, и быть ко государю вскоре. А приехав к Москве.

²⁶ в ркп. зачеркнуто: велети.

²⁷ в ркп. исправлено из «ехати».

²⁸ в ркп. над строкой.

²⁹ в ркп. зачеркнуто: А корм им в дороге велети давати по росписи, какову написав роспись даст. А на корм к ним послано десять рублев. И те деньги отдать Савину Воейкову с товарищи. И подводы им велети давати по подорожной, какову им подорожную дали в Сибири. А как приедут в Ярославль, и Савину с товарищи велети о том отписать ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси к Москве, в Посольской приказ, к печатнику и посольскому дьяку к Василью Яковлевичю Щелкалову наскоро. А в Ярославле с царевичи и с царица/л. 6/ми по стол дни и дворы им дали добрые. А питье, мед и пиво, и вино про царе.

³⁰ в ркп. над строкой.

и в Переславле *давати им мед³¹, емлючи из кабаков, как будет пригоже, *или в монастырех *ведер по осми и по десяти. А к ним о том от государя писано³² ³³.

А приехав бы на городок на Радонеж³⁴ про царевичев и про цариц, и про мурз прислати сказати в Посольской приказ печатнику и посольскому дьяку Василью Яковлевичю Щелкалову.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 3–6. (Отпуск).

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 9–10.

№3.

1598 декабря 25 – Указная грамота царя Бориса Федоровича Годунова (Посольского приказа) Савину Максимовичу Воейкову с товарищами о посылке к ним переводчика Посольского приказа Вельямина Степанова с деньгами для сибирских царевичей и цариц

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси Савину Максимовичю Воейкову, Федору Лопухину да Илье Беклемишеву. Посла[ли на] встречу сибирских царевичей и цариц татарского переводчика *Вельямина Степанова³⁵. А велели ему по нашему наказу их роспросити о наших делех, и переписать их по имяном порознь. ³⁶ И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Вельямину Степанову³⁷ у царевичей и у цариц поволити быть и их роспросити на один. А как их Вельямин³⁸ роспросит ³⁹ *И вы б с царевичами⁴⁰ и царицами ехали⁴¹ ⁴² по прежнему нашему /л. 8/ указу, и корм ⁴³ денег ⁴⁴ [] и давали, чтоб были без нужи. А [по го]родом в Ярославле и в Росто[ве], и в Переславле дали⁴⁵ б естя ца[ре]вичем и царицам, *и мурзем и царевнам для их нужи⁴⁶ меду⁴⁷ меду емлю с кабаков *ведер по семи или по осми в городе, или как будет пригож.⁴⁸ А в которых городех кабаков нет, и вы б в тех городех имали меды⁴⁹ в монастырех и давали царевичем и царицам.,⁵⁰ /л. 9/ чтоб⁵¹ им в кормех нужи не было и всем хо[]покрили. А для нужи где будет царевичи *и царицы⁵² похотят в мыльню, и вы б их пустили. А как приедете с царевичи в Ярославль, и вы б о том отписали к нам, к Москве, в Посолской приказ печатника нашего и посолского диака Василья Яковлича Щелкалова. А как с царевичи и с царицами приедете на городок на Радонеж, и вы б про них наперед себя прислати сказати в Посольской приказ печатнику нашему и посолскому диаку Василью Яковличю Щелкалову. А сами б естя с царевичи дожидалися нашего указу на городке на Радонеже.

³¹ в ркп. над зачеркнутым: велено им.

³² в ркп. над строкой.

³³ в ркп. зачеркнуто: А где нет кабаков, им велено имать про царевичев и про цариц, и про мурз мед и пиво в монастырех.

³⁴ в ркп. зачеркнуто: велети.

³⁵ в ркп. вписано позднее, частично между строк.

³⁶ в ркп. зачеркнуто: А на корм царевичем и царицам, и мурзам послано к вам с [Вельямином] десеть рублей денег.

³⁷ в ркп. вписано позднее.

³⁸ в ркп. вписано позднее.

³⁹ в ркп. зачеркнуто: и что кому корму давати, тому вам даст роспись. И вы б по той росписи царевичем.

⁴⁰ в ркп. над строкой.

⁴¹ в ркп. над строкой.

⁴² в ркп. над строкой и зачеркнуто: к Москве.

⁴³ в ркп. не читающийся зачеркнутый текст.

⁴⁴ в ркп. зачеркнуто: что к вам послано, а по.

⁴⁵ в ркп. исправлено из: давали.

⁴⁶ в ркп. над строкой.

⁴⁷ в ркп. зачеркнуто: и пива и вина по кольку пригоже, емлючи.

⁴⁸ в ркп. над строкой.

⁴⁹ в ркп. зачеркнуто: и пива ведер по десяти.

⁵⁰ в ркп. зачеркнуто: А однолично.

⁵¹ в ркп.: поб.

⁵² в ркп. над строкой.

Писана на Москве лета 7107-го декабря 25 день.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 7–9. (Отпуск.)

Публикация: *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 7–9.*

№4.

1599 г. января 1 – Указная грамота царя Бориса Годунова (Посольского приказа) Савве Максимовичу Воейкову о посылке к нему с толмачем Алексеем Нагаевым 10 рублей на прибавку корма сибирским царевичам, царицам и мурзам

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси Савину Максимовичю Воейкову. Послала есмя к вам с тотарским толмачом с Алексеем Нагаевым царевичем и царицам, и мурзам на корм десять рублей денег в прибавку к тем денгам, которые у вас, для того, что слух нам дошел, даете де вы мурзам корму по две денги человеку на день, и им де в корме в дороге нужно. И как к вам ся наша грамота придет, и Алексей Нагаев те денги привезет, и вы б у Алексея взяв те денги давали на корм сибирским мурзам, которым ныне даете денги по две, и вы б тем мурзам давали денги по четыре и по пяти, чтоб им в корму нужи не было. А что кому тех денег дадите на корм, и вы б то писали на роспись, да ту роспись⁵³ в Посольской приказ печатника и посольского дьяка Василья Яковлича Щелкалова. А в которой день вам чае быть с царевичи и с царицами на городок на Радонеж, и вы б о том к нам отписали с Алексеем Нагаевым.

Писан на Москве лета 7107-го генваря в 1-й день.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. Л. 10. (Отпуск.)

Публикация: *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 11.*

№5.

1599 – января 11 – Челобитная Саввы Максимовича Воейкова с товарищами о поденном корме и питье сибирским царевичам и царицам

Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси холопи твои, Савинка Воейков, Фетька Лопухин, челом бьют. По твоей, государеве, грамоте велено нам, холопом твоим, с царевичи и с царицами на Городке дожидатись твоего, государева, указу. А пр[о] корм нам, холопом твоим, не указано, где корм имати на царицы и на царевичи. А охотники, государь, на Городке корму царицами царевичем давати не хотят без твоего, государева, указу к сторожем. А торгу, государь, близко нет, купить негде. А чт[о], государь, прислано к нам, холопом твоим, меду с атаманом с Казарином Вольниным, пятнатцать ведер, и тот мед изшел генваря в 11 день. А царицы, государь, и царевичи у нас, у холопей твоих, просят вина и меду, и пива. А нам, холопом твоим, купить негде, кабака близко нет. И ты нам, холопом своим, про корм и про питье как свой царьской указ учинишь.

/л. 11об./ Государю, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси.

107-го генваря в 11 день привез литвин Христофор Зеленовской.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 11–11 об. (Подлинник)

Публикация: *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 11–12.*

№6.

1599 – не ранее января 12 – Отписка Саввы Максимовича Воейкова о поденном корме и питье сибирским царевичам и царицам

Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, холопи твои, Савинка Воейков челом бьет. Прислан к нам, холопом твоим, толмач Микита Тютчев генваря в 12 день. А с ним прислано к нам, холопом⁵⁴ твоим, Кучюмовым царицам и царевичем, и мурзам на корм, на

⁵³ в ркп. не читаемое слово написанное над зачеркнутым: отдали.

⁵⁴ в ркп. слово написано 2 раза.

прибавку, пять рублей денег. Да с ним же, государь, прислано царицам и царевичем, и мурзам десять ведер меду да пива десять ведер, да вина три ведра. И Микита, государь, Тютчев к нам, холопом твоим, деньги на корм, пять рублей, и мед, и пиво, и вино привез сполна. А нам, холопом твоим, на Городке со царицами и со царевичи велено быти до твоего, государева, указа. Писали мы, холопи твои, к тебе, государю, генваря в 9 день, что нам, холопом твоим, на Городке охотники корму и сторожей давати не хотят бес твоего, государева, указа. А торгов блиско нет, кормов покупати негде. А яловицы и бораны, и гуси, и молоко дороги. А в твоём, государеве наказе у меня, холопа твоего, написано цена, давати по городом и по станом за яловицу, за тушу, по полтине, за бранью тушу по десяти денег, за куру по две деньги. И охотники, государь, с нами бранятца великою бранью, по твоей, государеве, указной цене за корм денег имати не хотят потому, что у них дорога, а по деревням, государь, животины дорога, докупитца не мочно. За яловицу просят по два рубля, за борана по пяти алтын и больши. Милостивый царь государь и великий князь Борис Федорович всеа Руси, вели нам, холопом твоим, про корм свой царьской [указ] учинити, где ево купити. А без твоего, царьского, указа [корму] цены [прибавити] не смеем.

Генваря в 9 день послали мы, холопи твои, к тебе, государю, твоего, государева изменника, литвина Якупа, что отъезжал к Кучюму царю. А тот, государь, литвин на царевичи яловицы и бораны, и куры резол и есть про них варил. И царевичи, государь, нам о том с великою доукою говорят, что про них животины резоти несть, варити некому. А нашево резу есть не хотят. И мы, холопи твои, поговоря с таварищи и с атаманы, ве/л. 13/лели на царевичи и на царицы животину резоти и есть варити на царевичи татарину Енгилдею. А тово, государь, тотарина ведет в языках к тебе, государю, конной казак Пятуня Петров. И Пятуня, государь, пришел к царевичем пьян ноци со царевичи бранился и лалял царевичей матерны, и татарина у них отнел. Да пришел к нам, холопом твоим, на подворье ноци сам друг с Обросимом с Евтихеевым, нас, холопей твоих, лаляли. Мурзам, государь, от казаков теснота великая. А нас, холопей твоих, не слушают, ходят всегда пьяни, воруют⁵⁵, к царевичем и царицам ходят безчино, а нас, холопей твоих и атаманов не слушают: мы де вам не приказаны, таковы ж де мы, что и вы. И нам бы, холопом твоим, в наносном слове от тебя, государя, в опале не быти. А охотники, государь, казаком привозят мед и вино неведомо откуды.

Генворя в 12 день Начок мурзы Корилья де не стало. А вел ево к тебе, государь, в языках Проня Мнев. Да с Микитою ж, государь, Тютчевым прислано к нам, холопом твоим и казаком два рубля денег. А те деньги твое, государеве, жалованье, велено дати казаком по гривне человеку. И казаков, государь, с царицами и царевичи всех одинатцать человек, да литвы и немец десять человек. И мы, холопи твои, твое государеве жалованье отдали казаком и немцам, и литве. Недостало твоего, государева, жалованья двум атаманом, Казарину Волнину да Третьяку Жаренному, да литвину Карпу толмачю.

Бил челом, просился, к тебе, государю, тобольской татарин Кизылбай Купландыев бити челом тебе, государю, о своей нуже и о корму. И мы, холопи твои, ево отпустили к тебе, государю, /л. 14/ все.

Генваря в 12 день мурзы Корыледы не стало. И мы, холопи твои, со всем ево платьем велели схоронити тово ж числа. Да на нево ж, государь, купили саван. Дал пять алтын.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 12–14 (Подлинник).

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т. II. С. 12–13.

№7.

1599 – января 13 – Указная грамота царя Бориса Федоровича (Посольского приказа) в Радонеж Савину Максимовичу Воейкову с товарищами об охране татарских царевичей и цариц и покупке для них корма по местным ценам

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси на городок на Радонеж Савину Максимовичю Воейкову с товарищи. Писали есте к нам, что на Городке ямские охотники царевичем и царицам сторожей не дают, а корм вам на царевичев и на цариц велено имать, а деньги *за корм⁵⁶

⁵⁵ в ркп.: воруют.

⁵⁶ в ркп. над строкой.

по нашему наказу велено платить по указной цене. И на Городке яловицы, бораны⁵⁷ и гуси, и куры купят дороже тое цены. *А вы без нашего указа цены прибавить не смее⁵⁸. Да казаки приходят пьяные к царевичем, безчествуют. А привозят казаком питье ямские охотники. И нам бы вам о том велети указ свой учинити. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б у ямских охотников сторожей имали как будет пригоже. А корм бы есте царевичем и царицам велели купить по тамошней цене, почему меж себя купят. А ямским бы есте охотником и казаком говорили чтоб оне не воровали, питья казаком не привозили, и казаки б царевичей не безчестили. А учнут привозити и казаки учнут царевичей безчестить, и те от нас быти казнены смертию.

Да послали есмя к вам с толмачем с Семенкою Судоковым две кружки меда старово, две кружки меду черемохого, четверть⁵⁹ ведра вина доброво. И вы б тот мед и еству подавали царевичем. А которой будет понеможет, и вы б о том отписывали к нам на Москву. /л. 16/ И корм им давали, и гусей, и куров довольно, чтоб им в корму однолично нужи не было.

Писан на Москве лета 7107-го января в 13 день.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 15–16. (Отпуск)

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 13.

№8.

1599 – январь – Указная грамота царя Бориса Федоровича (Посольского приказа) Савину Максимовичу Воейкову и Илье Беклемишеву об охране Кучумовичей и покупке для них корма по местным ценам

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси Савину Максимовичю Воейкову да Илье Беклемишеву. Писали есте к нам, что было у вас питья про царевичев и про цариц. И то у вас питье поизошло. Да просят у вас царевичи и царицы перцу, шафрану, яблок. И⁶⁰ послано к вам с толмачом с Семеном Судоковым пять ведер меду паточново, десять ведер⁶¹ меду княжьево, пятнатцать ведер пива, три фунты перцу, дватцать золотников⁶² шафрану, сто яблок. *И как к вам наша грамота придет⁶³, и вы б то питье и перец, и шафран, и яблоки давали царевичам и царицам, как будет пригоже.⁶⁴ *Чтоб им в корме однолично нужи небыло⁶⁵.⁶⁶ А как приедете с царевичи и с царицами в Братошино, и вы б о том к нам отписали в Посольской приказ печатника нашего...

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 17. (Отпуск)

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 14–15.

№9.

1599 г. – января 14 – Указная память боярину и дворецкому Степану Васильевичю Годунову о посылке к сибирским царевичам перцу, шафрану и иных продуктов.

Лета 7107-го генваря в 14 день по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу память боярину и дворецкому Степану Васильевичю Годунову. Велети ему послати *сей час⁶⁷ к сибирским царевичем и к царицам фунт перцу толченова да⁶⁸ *четверть фунта

⁵⁷ в ркп. над строкой.

⁵⁸ в ркп. над строкой.

⁵⁹ в ркп. зачеркнуто: меду.

⁶⁰ в пкп. зачеркнуто: мы к вам.

⁶¹ в пкп. зачеркнуто: пива.

⁶² в ркп. над строкой.

⁶³ в ркп. над строкой.

⁶⁴ в пкп. зачеркнуто: А которой казак.

⁶⁵ в ркп. над строкой.

⁶⁶ в пкп. зачеркнуто: це.

⁶⁷ в ркп. над строкой.

⁶⁸ в пкп. зачеркнуто: золотников.

шафрану, пол ведра вина в готовом судне⁶⁹, две гривенки ягод винных, две гривенки изюму, 50 яб-лок.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 18. (Отпуск)

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. II. С. 14.

№10.

1599 г. – января 14 – Челобитная Саввы Максимовича Воейкова и Ильи Беклемишева о корме сибирским царевичам и царицам

Государя, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, холопи твои, Савинка Воейков да Илейка Беклемишев челом быют. Прислан к нам, холопом твоим, с Семеном Судоковым, Кучумовым царицам и царевичем меду старово две крушки да черемхового меду две крушки, да вина четверть доброго. И Семен Судаков генваря в 13 день по твоей, государеве, грамоте привез сполна. И мы твоего, государева, жалованья царевичем сказали. А что, государь, прислано твоево, государева, жалованья к царевичем и к царицам меду с толмачем с Микитою Тютчевым, десять ведер, и у царевичей, государь, и у цариц была мольба генваря в 13 день, и твое, государево, жалованье, мед, изшел весь.

А царевич были, государь, Асманак позанемог с кручины, что ево роскручинил конной казак Пятуня Петров. И мы, холопи твои, про то все подлинно писали к тебе, государю, генваря в 12 день с толмачем Микитою Тютчевым.

А нам, холопом твоим, говорят царевичи, чтоб у них быти на подворье в день и в ночь мурзам их, и есть про них варити. И мы, холопи твои, без твоево, государева, указу мурзам у них жити велети не смеем. А казаки, государь, мурз к царевичем и к царицам без твоево, государева, указу отпущати не смеют. И о том нам, холопом твоим, как свой царьской указ учинишь.

Царевичи, государь, и царицы у нас, у холопей твоих, просят яблук и перцу, и шефрану, и све-чей сальных и вошанных. И нам, холопом твоим, их здесь купить негде.

А царицы, государь, и царевичи генваря по 14 день, дал Бог, здорово.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 19. (Подлинник)

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. II. С. 14.

№11.

1599 г. – января 15 – Указная память царя Бориса Федоровича (Посольского приказа) Григорию Чернышеву посланному на встречу сибирским царевичам и царицам об их остановке в селе Росткино

Лета 7107-го генваря в 15 день по государеве, царе и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси, указу память Григорью Чернышову. Ехати ему по Переславской дороге до села до Тонинского, и где встретит с сибирскими царевичи и с царицами Савина Воейкова с товарищи. А где встретит, и Григорью говорити Савину Воейкову с товарищи, чтоб оне ехали с сибирскими царевичи и с царицами в Троецкое село Росткино. А в Росткине б с царевичи ночевали. И были б наготове. А как им во вто[r]ник с царевичи и с царицами быти к Москве, и о том, государев, указ будет. А о какову им пору чаять поспети *сего дня⁷⁰ на стан в село, в Росткино, и о том бы с ним з Григорьем приказали имянно. А как приедут /л. 21/ с сибирскими царевичи и с царицами в село, в Росткино, и Савин бы про то прислал сказати в Посольской приказ печатнику и посольскому диаку Василью Якавлекичу Щелкалову. А изговоря, Григорию⁷¹, по сему, государеву, наказу ехати ему⁷² ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, к Москве, наспех⁷³, и

⁶⁹ в ркп. над строкой.

⁷⁰ в ркп. над строкой.

⁷¹ в ркп. над зачеркнутым: Савичу.

⁷² в ркп. над зачеркнутым: ему, Григорью.

⁷³ в ркп. над строкой.

сказати про то печатнику и посольскому дияку Василью Яковличю Щелкалову, где царевичей и цариц встретит и о какову пору чаять им сегодня быти в село в ⁷⁴ Ростокино.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 20–21. (Отпуск)

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 16.

№12.

1599 г. – января 15 – Указная память (Посольского приказа) Андриану Григорьевичу Ярцеву и переводчику Степану Полуханову посланным к сибирским царям и царевичам в с. Ростокино с государевым жалованием

Лета 7107-го генваря в 15 день по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу память Ондрияну Григорьевичю Ярцову да переводчику Степану Полуханову. Ехати им в село в Ростокино. А приехав, итти им к сибирским царевичам ⁷⁵, к Асманаку з братьею, и к царицам вместе с Савином Воейковым и говорити им: Перед великим государем ⁷⁶, блаженные памяти царем и великим князем /л. 22 а/ Федором Ивановичем всеа Русии самодержцем, и перед великим государем, царем и великим князем Борисом Федоровичем всеа Русии самодержцем, многое неисpravление, и над ⁷⁷ Кучюмом так Бог извелел, а вас взяли великому государю нашему в полон. Да сказати им, царевичам, царево ⁷⁸ и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жалованье по росписи. А роздав им государеву царево и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жалованье. /л. 23/ Руси жалованье, платье, царевичи и царицам *по росписи раз ⁷⁹ дать. И Ондрияну *и Степану ⁸⁰ ехати к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии, к Москве, *вместе с Савином Воейковым ⁸¹. А наперед ехати перед царевичи Илье Беклемишеву ⁸², а с ними атаман[у] Казарину Волнину. А за ними ехати литве и атаманом, и казаком по два человека в ряд. А за казаки, перед царицами, ехать Ондрияну Ярцову да Савину Воейкову, да Федору Лопухину. А в город ехати Стретенскою улицею да площадью налево, в *место Пречистые Грибневские ⁸³ в Ильинские ⁸⁴ ворота, да во Фроловские ворота ⁸⁵ к П[о]льской полате. И с царевичи итти в Посольскую полату. А цариц в каптанах поставити у полаты. А литве и к[озаком] велети стояти у полаты. А как царевичи и царицами ехати ⁸⁶ *Царевичей с полоты отпустят, и им на Посольской двор, что возле Печатново двора. И поставити их всех на том дворе. *Али будет ⁸⁷ ...

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 22–23 (Отпуск).

Примечания: на л. 23 об. помета по левому полю: Сибирских царевичев. Здесь же запись относящаяся к иному событию: ...указу память ⁸⁸ диаком Ондрию Арцыбашеву да Василью Нелюбову. Пожаловал государь, царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии, немецкого переводчика Арнцу Ондреева, с поместья его, что за ним в Переславле в за[] своих, государевых податей ни ямских.

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 16.

⁷⁴ в ркп. зачеркнуто несколько букв.

⁷⁵ в ркп. зачеркнуто: и к ца.

⁷⁶ в ркп. зачеркнуто: царем.

⁷⁷ в ркп.: на.

⁷⁸ в ркп. слово написано дважды.

⁷⁹ в ркп. над зачеркнутым: по росписи.

⁸⁰ в ркп. над строкой.

⁸¹ в ркп. над строкой.

⁸² в ркп. над зачеркнутым: Неелову.

⁸³ в ркп. над строкой.

⁸⁴ в ркп.: Иские.

⁸⁵ в ркп. над строкой.

⁸⁶ в ркп. над зачеркнутым: по подворьям, где им стоять. О том ему государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указ будет.

⁸⁷ в ркп. над строкой.

⁸⁸ так в ркп.

№13.

1598 г. – Список плененных и убитых лиц в сражении с Кучумом 20 августа 1598 г.

Не по тому.

Взято Кучюмовых детей 5 царевичов:

Асманак, тридцати лет;

Шеим, двадцати лет;

Бибатша, двадцати лет;

Молла, пяти лет;

Кумыш, шти лет.

Авлей царевич з бою утек.

Да 8 цариц, Кучюмовых жен.

Да 8 царевых дочерей.

Да Алей царевича царица с сыном да з дочерью.

Да Конай царевича царица, Уруса князя нагайского дочь, з двумя дочерьми.

Да лутчих людей Кучюмовых взято на бои князей и мурз 5 человек: Байтерек мурза с товарищи.

Да убито: 6 князей, князь Монмурата с товарищи; /л. 25/ да 10 мурз [⁸⁹]та мурза с товарищи; да 5 аталыков, Чеген аталык, Кучюмов тесть, с товарищи; да полтора человека служивых людей. Да сто человек потопили на Оби на реке, как они поплыли за Обь реку.

Да с пятьдесят человек служивых людей взяли живых и их побили, а иных перевешали.

Убили Кучюмова брата Илтей⁹⁰ царевича да Кучюмова сына Капакчу царевича.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 24–25.

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 4–5.

№14.

1599 г. январь – Черновой росписной список въезда сибирских царевичей и цариц в Москву

Изготовить 38 человек в шубах собольих и в белых. А достальных в рядовом платье. А будет что у кого шубы, которые едут с црком⁹¹, и тем всем велеть шубы надевать выворачивая, подпоясався. А в себельном изготовить им, детей боярских 60 человек. А ехать им велеть наперед всех по 2 в ряд и пищальми⁹². А наперед ехать велеть⁹³ Илье Беклемишеву да Каз[ари]ну Волнину, а за ними литве и атаманом, и казаком, по 2 в ряд. Да перед царевичи ехать Савину Воейкову, *Ондреяну Ярцову⁹⁴ да Федору Лопухину. А царевичем ехать *в санех⁹⁵. Большим 2 *по двое⁹⁶, да меньшим, 8 лет⁹⁷, *а с ним в санех татарин⁹⁸.⁹⁹ З двумя царевичи, которые по 4 годы, ехати с ними по татарину в двоих санех. И всего надобе 6 саней вырезни, готовы в переславской слободе, а в них и под возницы 10 лошадей. Под царицы надобе 6 каптан, а в них 12 подвод. И всего 82 подводы. А ехать в третьем часу дня Ст[ре]тенские ворота Стретенскую¹⁰⁰ улицу да влево, пречистые Грибневские площадью в Ыльинские ворота, да ильинским кресцом во Фроловские ворота к Посольской полате. Царевичем и тотаром итти в Посольскую полату. А царицам и []/л. 27/ (л. 27) стоять в

⁸⁹ в ркп. угасший текст.

⁹⁰ возможно: Илитек

⁹¹ так в ркп.

⁹² в ркп. над строкой.

⁹³ в ркп. зачеркнуто: наперед.

⁹⁴ в ркп. над строкой.

⁹⁵ в ркп. над строкой.

⁹⁶ в ркп. над строкой. Читается неуверенно.

⁹⁷ в ркп. зачеркнуто: и 5 лет, а с ними в санех тотаром, а 2-м с матерьюми.

⁹⁸ в ркп. над строкой.

⁹⁹ в ркп. над строкой и зачеркнуто: вместе.

¹⁰⁰ в ркп. в слове «Стретенскую» буква «с» исправлена из «м».

каптанех у Посолские полаты. [А как] царевичи побудут у Василья а ка[заки] с ними же [], а отпустят царевичей [и] казаком проводить их по подворьям, где [] все назад в Казанскую избу.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 26–27 (Отпуск).

№15.

1599 г. январь – Росписной список въезда сибирских царевичей и цариц в Москву

Роспись как въехати в Москву царевичам сибирским и царицам, и царевнам.

Изготовлены на Москве 38 человек в шубах в собольих. А которые едут с царицами, и тем всем велеть шубы надевать выварачивая, подпоясався. А всех будет *их в шубах 50 человек¹⁰¹ А з детьми боярскими 60 человек. А им 60 подвод. А ехать велеть всем по 2 в ряд с пищальми. А з государевым царевым и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси жалованьем, с платьем, на встречу ехати Ондрияну Ярцову да переводчику Степану Полуханову. А наперед ехати велеть Илье Беклемишеву да Казарину Волнину. А за ними литве и атаманом, и казаком, по 2 в ряд всем ехати. А перед царицы ехати Савин Воейков да Федор Лопухин. А наперед царевичей ехати Ондрияну Ярцову да переводчику Степану Полуханову. А царевичем ехати в санех. Большим, 2-м, по одному. А которой 8 лет, по тому ж в санех ехати. А с меньшими, з двема царевичи, которые по 4 годы, ехати в санех по татарину. /л. 29/ А которой царевич году, тому ехати с матерью. Князьку ехати в санех же. А с ним по татарину. И всего надобен 6 сани вырезни, готовы в Переславской слободе. А в них и под возницы лошади. А вести из надзводных проводником. Под царицы надобе 6 каптан. А в них 12 подвод. /л. 30/ А въехати б в Москву с царевичи ис царицы во вторник в четвертом или в пятом часу дни. А ехати в Деревенной город и каменной в Стретенские ворота, Стретенскою улицею, да полым местом мимо Пречистые Гребневские и мимо Литовского двора. А в ту пору Литовской двор и Арменской не затворят. А с полого места ехать в Ыльинские ворота, да Ильинским кресцом во Фроловские ворота к Посолской полате. И царевичам и татаром ити в Посольскую полату. А царицам и царевнам стояти в каптанах у Посолские полаты, покаместа царевичи побудут у Василья. А казаком с ними ж всем *стояти у Посольской полаты¹⁰². А отпустя царевичей и цариц казаком проводить их по подворьям, кому где стояти. А быти у царевичей в приставех детем боярским старым, которые с ними ехали. А проводити цариц и царевичей литве и казаком до подворей. Да ехати в Казанской дворец к диаку Офонасью Власьеву. А указ государев об них у диака у Офонасья Власьева.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 28–30 (Отпуск).

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 19–20.

№ 16.

1599 г. – Роспись московским дворам и поденному корму и питью сибирским царевичам и царицам

Ся роспись имяна подлинно всем им, жонкам. А стоять и корм не по тому дан¹⁰³.

На Белобородове дворе стояти сибирсково Кучюма царя сыну Асманаку царевичю. В приставех у него быти Савину Воейкову, а с ним 2 сына боярских молодых да полмачю *Семейке Судякову¹⁰⁴. Корму ему давати с Яму на день 2 колача денежных, утя, куря, да на неделю боран шерстью. На мелкое и на свечи 6 денег на день.

Питья з Дворца:

4 чарки вина доброво.

Да с Яму:

четверть ведра меду паточново;

ведро меду княжьего.

Да на 3 дни воз дров.

¹⁰¹ в ркп. над строкой.

¹⁰² в ркп. над строкой.

¹⁰³ в ркп. более поздняя припись другим почерком.

¹⁰⁴ в ркп. над строкой.

На Олексеевском дворе Хозникова стояти Кучюмову ж сыну Шаиму царевичю. В приставех у него быти *Федору Лопухину¹⁰⁵ да толмачю *Семейке Гарасимову¹⁰⁶. А корму ему давати тож, что и Осману царевичю.

/л. 32/ За Веретенскими вороты.

На Михайлове дворе Зубина стояти Кучюмове царевице большой царице Салтаным с сыном з Бибадшею царевичем, 8 лет, да з дочерью, с Тоун-беком, 3-х лет. Да у нее ж жонка Каракаш.

На том же дворе стояти другой царице, Сюдюжан, у нее царевич Кумыш, году, да 3 дочери: Большая – Дерпадша, 10 лет; другая Мондур, 6 лет; третья – Карачан царица, 3-х лет. Да у нее ж жонка Эндей.

А корму им всем, 9 человеком, давати 3 куров, боран шерстью, 9 колачей да 3 хлеба денежных, пол ведра меду паточного, ведро меду княжого. Да на мелкое и на свечи по 8 денег на день. Да на 2 дни воз дров.¹⁰⁷

/л. 33/ На другом дворе, что с комнатою, стояти Алеи царицeve Кучюмова большова сына Хонзад царице, Тенехматеве княжой дочери, с нею сын, Янсю[ер] царевич, 4-х лет. У нее жонка Шагары.

/л. 33 а/ На том же дворе стояти Кучюмова [сына] Коной царевича жене, Урусовой княжой дочери Данай царице. А у нее дочь Науруз-бек. Да у нее /л. 33 б./ девка Девлетбай.

А корму им давати всем, 6 человеком, на д[ень] с Яму:

2 куров, боран, 6 колачей да 2 хлеба денежных, ведро меду княжого. Да на мелкое по пол алтыну на день. Да на 3 дни воз дров.

В 3-м дворе, что против Зубина двора стояти 3-й царице Яндевлетю, детей у ней нет. С нею стояти Кучюмове дочери Кумыз царице, 12 лет, да мамка у ней, Байкатыс.

/л. 34/ Да на том же дворе стояти Бегей мурзиним детем, Зиял-Маметю да сестре его Лалтотай. Мамка у них Бузав.

А корму им давати по тому ж что и Хан-заде царице.

В 4-м дворе, возле тово двора, стоять Кучюмове четвертой царице, Актулум, с нею дочь Гулсафат царица, 14 лет, да сыну, Молла царевич, 4-х лет, да жонка Девлетбахте.

Да на том же дворе стояти Кучюмовой семьей царице, Кубул, без детей, да жонка Чансык.

А корму им давати тож, что и Хан-заде царице.

В 5-м дворе стояти 5-й царице Ак-сюрюк. С нею дочь, 3-х лет. У нее жонка Кизак.

/л. 35/ С нею ж стояти осмой Кучюмов[ой жене], Чопша царице, Абдел-Хаирове матер[и]. У ней жонка Кулуб с сыно[м] Дев[лет]-Килдеем.

/л. 35 а/ А корму им давати всем 5 куров на день, на 2 дни боран, 5 калач[ей] да 2 хлеба денежных, ведро меду. Да на мелкое по 5 денег на день. Да на 3 [дня] воз дров.

В 6-м дворе стояти шестой царице Шевлей. А у нее дочь Азеп-салтан царица, 11 лет.

Корму им давати кура на 4 д[ни], /л. 36/ 2 калача да хлеб денежных, пол ведра меду, да на мелкое по три деньги на день. Да на 3 дни воз дров.

На 7-м дворе стояти сибирским тотаром:

Байтерек Чеплемишев сын;

Теке Козяков сын;

Исенгилдей Толаков сын.

Корму им всем на 3 дни боран, 3 хлеба денежных *на день¹⁰⁸, пол 2 ведра пива *на всех¹⁰⁹ да на мелкое по 3 деньги на день. На дрова по де[н]ге на день.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 31–36.

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 20–21.

¹⁰⁵ в ркп. вписано позднее.

¹⁰⁶ в ркп. вписано позднее.

¹⁰⁷ в ркп. зачеркнуто: при.

¹⁰⁸ в ркп. над строкой.

¹⁰⁹ в ркп. над строкой.

№17.

1599 г. – января 16 – Указная память царя Бориса Федоровича (Посольского приказа) Савину Максимовичу Воейкову о порядке въезда сибирских цариц и царевичей в Москву

Лета 7107-го генваря в 16 день по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу память Савину Максимовичю Воейкову с товарищи. Как приедут к вам в село в Ростokino з государевым царевым и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жалованьем, с платьем, к сибирским царевичам и царицам ¹¹⁰ Ондреян¹¹¹ Ярцов да переводчик Степан Пулаханов¹¹², и Савину с товарищи вместе с Ондреяном Ярцовым да с переводчиком с Степаном Полухановым итти к сибирским царевичем и царицам. И как по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии ¹¹³ наказу сибирским царевичем и царицам Ондреян Ярцов да переводчик Степан Полуханов речь изговорят и государево цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жалованье, платье, по розписи им роздадут, и Савину с товарищи с сибирскими царевичи и с царицами ехати к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии, к Москве вместе с Ондреяном [Ярцовым из /л. 38/ Росто]кина вам поехать часу в другом дни. [А к Мос]кве б приехать часу в четвертом или в пятом. А как поедут из Ростокина, и им о том прислать с вестью в Посольской приказ, к печатнику¹¹⁴ и посольскому дьяку¹¹⁵ к Василью¹¹⁶ Яковлича Щелкалову¹¹⁷. А ехал бы наперед, перед царевичи, ты, Илья Беклемишев. А с тобою Казарин Волнин. А за вами б ехала литва и атаманы, и казаки по два человека в ряд. А за казаки, перед царевичи, ехати Ондреяну Ярцу¹¹⁸, *Степану Полуханову¹¹⁹. А перед ¹²⁰ царицами б ехал ты, Савин Воейков да Федор Лопухин. А царевичи б ехали большие, три, в санех порознь, по одному. А з двумя меньшими царевичи, которые по четыре годы, да с князьком ехати б в санех по татарину. А в город въехати Стретенскую улицу да площадью на лево, мимо Пречистые Грибневские и мимо Панской двор, в Бльинские ворота, да во Фроловские ворота, к Посольской полате. Да с царевичи и с тотары итти в Посольскую полату. И остатися царевичи Савину да Ондреяну, да Федору Лопухину, да пристову, которому быти у цариц, Кузьме Олфимову. Да Илье ¹²¹ ехати с царицами /л. 39/ назад, во Фроловские ворота да ¹²² площадью на Никольской крестец, и поставет их на Посольском дворе, возле Печатново двора. А казаков отпустить к дьяку к Офонасью Власьеву.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 37–39.

Публикация: *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 19–20.*

№18.

1598 г. сентября 20 – Отписка Тарских воевод об отпуске в Москву пленных сибирских цариц и царевичей

Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Р[усии] холопи твои, Степанко Кузьмин, Ондрюшка Воейков, Петрушка Пивов, челом бьют. Нынешнего, государь, сто седьмого году сентебря в два десятый день отпустили к тебе, государю, мы, холопи твои, с Тары Кучюмовых детей, пяти царевичей, Асманака з братьею, да Кучюмовых жон, восемь цариц, да восемь царевен, Кучюмовых дочерей, да Алея царевича царицу с сыном да з дочерью, да Каная царевича царицу, дочь Уруса князя нагайского, з двумя дочерьми, да Бегея мурзы нагайского, Кучюмова зятя, сына

¹¹⁰ в ркп. зачеркнуто: и Савину с товарищи.

¹¹¹ в ркп. в слове «Ондреян» буква «е» исправлена из ранее написанного.

¹¹² так в ркп.

¹¹³ в ркп. зачеркнуто: указу.

¹¹⁴ в ркп. в слове «дьяку» буква «у» исправлена из ранее написанного «а».

¹¹⁵ в ркп. в слове «печатнику» буква «у» исправлена из ранее написанного «а».

¹¹⁶ в ркп. в слове «Василью» буква «ю» исправлена из ранее написанного «я».

¹¹⁷ в ркп. в слове «Щелкалову» буква «у» исправлена из ранее написанного «а».

¹¹⁸ так в ркп.

¹¹⁹ в ркп. над зачеркнутым: Федору Лопухину.

¹²⁰ в ркп. зачеркнуто: царевичи б.

¹²¹ в ркп. зачеркнуто: Беклеми.

¹²² в ркп. зачеркнуто: Пожаром.

да дочь, да Кучюмова лутчево человека Бай[т]ерека князя жену, да царицыных служащих один[ат]цать женок, да Кучюмовых лутчих людей пяти человек, [Ба]йтерека князя с товарищи, которые взяты [у] Кучюма царя на бою в языках. А имянную роспись [царев]ичам и царицам, и царевнам, и Кучюмовым людям [] послали мы, холопи твои, к тебе, государю. А с царевичи, государь, и с царицами, и с языки, и корм давати, и за их послугами¹²³, и для береженья в приставех послали мы, холопи твои, детей боярских Илью Беклеми[шева], Федора Лопухина, да атаманов Казарина Волн[ово да Треть]яка Жарянова, а с ними послали для бере[женья] людей литвы и немецких со слугами тарских служилых, восемь человек, да пеших казаков, четыре человека, да тобольских служилых людей, литвы и казаков, пяти человек, да тюменских людей, литвина да казака, да тарского юртовского татарина, да тобольских юртовских же дву человек татар, да в толмачех у царевичей и у цариц послали табольских дву человек казаков. И всего, государь, послали к тебе, государю, мы, холопи твои, с Тары, с царевичи и с царицами, и за их послугами детей боярских и атаманов, и литвы, и казаков, и толмачей, и юр[тов]ских татар тридцать четыре человека. А кого, государь, послали в приставех для береженья и языку, [и] послугами мы, холопи твои, имена их [послал]и к тебе, государю, подклея под сею отписку. Государь, мы, холопи твои, царевичам и царицам, и царев[нам, и] их служащим и языком велели да[ти детям] тем боярским на день збирая [] всем им по рублю и по четыре алтыны и по две [деньги на] день. А што кому по имяном давати кор[м, мы], холопи твои, детем боярским и атоманом []омовую память. Да послали мы, холопи твои, /л. 41/ к тебе, государю, с тобольским литвином, с Павлом С Аршинским, литвина Якуба Григорьива. А преже, государь, сего тот литвин, Якуб, збежал ис Тобольского города х Кучюму царю при князе Володимире Мосальском с товарищи. А был у Кучюма десять лет. А ко мне, холопу твоему, к Ондрюшке, тот литвин, Якуб Григорьив, пришел на Оби реке после Кучюмова побою на третей день.

Роспись имена детем боярским и атоманом, и литве, и казаком, и толмачом, и юртовским татаром тарским и тобольским которые посланы к государю, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси с царевичи и с царицами.

дети боярские

Илья Беклемишов
Федор Лопухин

атоманы

Казарин Волнин
Третьяк Жаряной

литва

Христофор Зеленовской
Иван Павлов
Кузьма Родионов
Яков Шелковской
Иван Еремеев
Лукаш Индриков

казаки конные

Степан Иванов
Тимоха Дмитриев
Обросим Ефтихеев
Федька Тюменской
Пятуня Петров
Меншик Григорьев
Проня Мосеев
[]омец

/л. 42/ казаки пешие

Иван Левонтъев Терской
Семейка Богданов
Федька Тимофеев Ноугородец
Васка Семенов Земской

¹²³ в ркп. : послугами.

Юртовской служивой татарин
 Енгилдей есо[ул] Чоткораев а с ним кашовар Бастарга.
 тобольские люди
 литва

Павел Аршинской
 Иван Залеской
 Остап Петров

казаки

Тимофей Мерин
 Олешка Чермной

толмачи

Лука Свяженин
 Илейка Семенов

тобольские юртовские татарове

Бекбавлун абыз Айкучюков
 Кизылбай Купландыев

тюменские

литвин Никита Борзобогатой

казак Иван Онтонов

На обороте:

/л. 40 об./ Государю, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси.

107-го генваря в день с Федором Лопухиным.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 40–42 (Подлинник).

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 5–6.

№19.

1599 г. января 14 (?) – Отписка пристава Савы Максимовича Воейкова о переезде сибирских цариц и царевичей с Радонежа в дворцовое село Браташино

Государю царю и великому князю Борису Фед[оровичю] всеа Руси холоп твой, Савинко Вое[йков челом] бьет. Писано к нам, холопом, с толмачем с Ми[ки]тою Тютчевым генваря в четвертый на [десять] день. А по твоей, государеве, грамоте велено [нам], холопом твоим, с царицами и с царевичи переехати з Горотка в твое, государево, село в Б[ра]ташино. И мы, холопи твои, по твоей, государеве, грамоте с царицами и с царевичи в Браташино генваря в четверный на десять день переехали совсем, дал Бог, здорово. И на дворех их на лутчих поставили. А царицы, государь, и царевичи, и их малыя дети, и мурзы их, и служащия все, дал Бог, здорово, и боль[но]ва у них никакова человека нет.

А татарина, государь, на [Го]ротке, Коргелди, не стало генваря во ве поры третий на десять ден. А был он болен сердцем недели з две. А лежал он [с] генваря шеставо числа. А признаки, государь, на нем н[и] какия не было. И мы, государь, велели его тат[аром] схоронити со всею ево платишком. И саван на нево купи[ли].

Да по твоей, государеве, грамоте больных з Городка возити не велено. И у нас, государь, литвин разнемогся лихораткою, тому пятой день. Да тарскаво, государь, есавула Елгилдеев кошевара, Босторгаем зовут, и тот, государь, кошевара болен черным недугом. И мы, государь, холопи твои, по твоей, государеве, грамот[е] больных литвина, Яску Мартенова, и татарсково кошевара покинули на Горотке. А приказали, государь, их беречи и кормити старосте и охотником. И на корм, государь, им дали твоих, государевых, денег полполтины. До твоево, государева, указу из Городка отпущати не велели.

Писано к нам, холопом твоим, в твоей, государевой, грамоте, что на Горотке охотников больных много. И на Горотке, государь, охотники и жон их, и дет[ей] при нас больных ни един человек не бывал и не умирывал н[ик]то.

А в Браташине, государь, староста земской к царицам и к цревичам, и к мурзам на дворы сторожей дали. А при корм, государь, староста откозал, корму царицам и цареви[чам] давати не хочет

без твоево, государеву, указу и без Дворца грамоты. А торгу, государь, блиско нет. А что твоево, государева, [жало]ванья было прислано к царицам и к царевичем меду и пива, и твоево, государева, жалованья, мед и пиво, изошло генваря на 5 день. А царицы, государь, и царевичи просят гусей и уток живых, и паток. [] добудем. А толмач у цариц и у царевичей худ, мало зна[ет] государева жалованья прокорм и казаком и немцы.

На обороте:

Государю, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 43 (Подлинник).

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 15.

№20.

1599 г. января 13 (?) – Указная память (Посольского приказа) приставу Савину Максиминовичу Воейкову с товарищами о перевозе сибирских цариц и царевичей из Радонежа в дворцовое село Браташино

Память Савину Воейкову с товарищи. Писали есте, что одного татарина сибирского не стало. А того есте не отписали сколко тот татарин лежал и какою немочью. И вы то учинили не гораздо. А которого татарина сибирского прислали есте к Москве, и тот татарин в роспросе сказал, что царевич большой¹²⁴ да и царевны меньшие иные [не]могру. А на Городке голова^{125 126} де не живет¹²⁷ русские люди во¹²⁸ дворех больные *есть же¹²⁹. А вы про то не отписывали ж¹³⁰. И вы то учинили не гораздо.

И как к вам ся наша память придет¹³¹, и вы б с царевичи ис царицами переехали в Браташино и заняли на них дворы добрые. Тут и стояли до государева указу. А которые татарова больны, и вы б тех татар оставили на Городке. А у них оставили сына боярского или^{132 133} казаков, да и на корм денег оставили. А которой татарин умер, и вы б того татарина платья з Городка с собою не имали ж.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 44 (Отпуск).

Публикация: Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 13–14.

№21.

1604 г. (не ранее) – Дело по челобитью сибирских царевичей и цариц о пожаловании их платьем

*дать 4 руб.¹³⁴

Бьет челом государю, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси сибирского Ос[манака] царевича мать Чепшан царица, чтоб государь пожаловал, велел дати:

шубу;

однорядку;

ичедыги да башмаки;

шапку лисью;

полотно;

¹²⁴ в ркп. зачеркнуто: недомогает.

¹²⁵ в ркп. над строкой.

¹²⁶ в ркп. написано над строкой и зачеркнуто: не.

¹²⁷ в ркп. над строкой.

¹²⁸ в ркп. зачеркнуто: многих.

¹²⁹ в ркп. над строкой.

¹³⁰ в ркп. зачеркнуто: какою немочью царевич неможет.

¹³¹ в ркп. зачеркнуто: а на городке будет во дворех русские люди больные есть.

¹³² в ркп. над строкой.

¹³³ в ркп. зачеркнуто: сколько будет.

¹³⁴ в ркп. более поздняя помета над строкой. Читается неуверенно.

да на мелкое денег.

5 руб.¹³⁵

Да бьет, государю, Алея ж царевича ж[ена] Ханзада царица, чтоб ее государь пожаловал, велел дать:

шубу;
однорядку;
шапку лисью;
полотно;
ичедыги да башмаки сафьянные;
да на мелкое денег.

3 руб.¹³⁶

Да бьет, государю, Алея ж царевича дочь []джан царевна, чтоб государь пожаловал:

/л. 46/ шубу;
однорядку;
шапку лисью;
полотно;
ичедыги да башмаки сафьянные;
да на мелкое денег.

4 руб.¹³⁷

Да бьет челом государю Каная царевича жена, Данай царица, чтоб государь пожаловал, велел дати:

шубу;
однорядку;
шапку лисью;
полотно;
ичедыги да башмаки;
да на мелкое денег.

3 руб.¹³⁸

Да бьет челом государю Алея царевича сын Алп-Ар[аслан] царевич, чтоб его государь пожаловал, велел дать:

амагил серебряной;
шубу;
однорядку;
/л. 47/ кафтан;
охабень;
шапку;
сорочку да порты;
сапоги сафьянные жултые;
ожерелье жемчужное;
кушак;
саадак да саблю;
седло с уздою;
тафью;
да на мелкое денег.

2 руб.¹³⁹

Да бьет челом государю Алея ж царевича сын Янсюер царевич, чтоб его государь пожаловал, велел дати:

шубу;
однорядку;

¹³⁵ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹³⁶ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹³⁷ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹³⁸ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹³⁹ в ркп. более поздняя помета над строкой.

омагил серебряной;
 кафтан;
 шапку;
 сорочку да порты;
 сапоги сафьянны, желтые;
 ожерелье жемчужное;
 тафью;
 /л. 48/ да на мелкое денег.

2 руб.¹⁴⁰

Да бьет челом государю Каная царевича дочь Ак-ханым царевна, чтоб государь пожаловал, велел дати:

шубу;
 однорядку;
 шапку;
 сорочку да порты;
 сапоги.

2 руб.¹⁴¹

Да бьет челом государю Заяицково Сеин мырзы сын Айтек мурза, чтоб его государь пожаловал, велел дати:

шубу;
 однорядку;
 кафтан;
 шапку;
 сорочку да порты;
 сапоги.

Да бьет челом государю Алп-Арслана царевича девка Череучи, чтоб ее государь пожаловал, велел дать:

/л. 49/ однорядку;

3 руб.¹⁴²

кафтан;

2 руб.¹⁴³

шапку;

руб.¹⁴⁴

рубашку да портки;
 сапоги.

2 руб.¹⁴⁵

Дать на похороны 5 руб.¹⁴⁶

Да бьет челом государю Янсюер царевичев дядька Безалек абыз, чтоб его государь пожаловал, велел дать:

кафтан;
 однорядку;
 шапку;
 рубашку да портки
 сапоги.

2 руб.¹⁴⁷

Да бьет челом государю Янсюер царевичева нянька Шебарка, чтоб государь пожаловал, велел дать:

¹⁴⁰ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁴¹ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁴² в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁴³ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁴⁴ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁴⁵ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁴⁶ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁴⁷ в ркп. более поздняя помета над строкой.

шубу;
 однорядку;
 шапку;
 полотно на рубашку и портки;
 ичедыги з башмаки;
 /л. 50/ да на мелкое денег.

Тож¹⁴⁸.

Да бьет челом государю Ханым-джан царевны нянька Болтай, чтоб государь ее пожаловал, велел дать:

однорядку;
 шапку;
 полотно;
 сапоги.

пол 2 руб.¹⁴⁹

Да бьет челом государю Канзады царицы служащая Арыслы, чтоб государь ее пожаловал, велел дать:

однорядку;
 шапку;
 полотно;
 сапоги.

Пол 2 руб.¹⁵⁰

Да бьет челом государю Янсюеря царевича нянька, чтоб ее¹⁵¹ государь пожаловал, велел дать:

однорядку;
 кафтан;
 рубашку да порты;
 /л. 51/ сапоги сафьянные;
 кушак.

Пол 2 руб.¹⁵²

Да бьет челом государю Чепшан царицы с[лужа]щие сын Девлет-Килдей, чтоб его г[осударь пожа]ловал, велел дать:

однорядку;
 кафтан;
 рубашку да порты;
 сапоги.

Пол 2 руб.

Да бьет челом государю Янсюеря царевича [] донаук, чтоб государь пожаловал. велел дать:

однорядку;
 кафтан;
 рубашку да портки;
 шапку;
 сапоги.

/л. 52/ Да бьют челом государю Алп-Арслана царевичи люди, Хамай с товарищи, 6 человек, чтоб их государь пожаловал, велел дать:

По 2 руб.¹⁵³

по однорядке;

По пол 2 руб.¹⁵⁴

по кафтану;

¹⁴⁸ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁴⁹ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁵⁰ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁵¹ в ркп.: его.

¹⁵² в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁵³ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁵⁴ в ркп. более поздняя помета над строкой.

По 20 алтын¹⁵⁵

по шапке горлатной;
По рубашке с портки;
по сапогом;

дать¹⁵⁶

по саадаку да по сабле;
по седлу с уздами;
да на мелкое денег.

Да царицы ж и царевичи бьют челом чтоб государь пожаловал велел [] пшеничные...

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 45–52.

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. II. С. 21–22.

№22.

1599 г. январь – Черновая роспись государева жалованья посланного сибирским царевичам и царицам

Роспись сибирским царевичем и царицами царевнам, и что им послати государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси жалованья.

Царевичю Асманаку, Кучюмову сыну, 24-х лет: ферези багрецовые на черевах на лисьих; кафтан; шапка черна; сапоги сафьянны, желты; рубашка да порты.

Царевичю Шаиму, цареву Кучюмову сыну, 16-и лет, Шаганна тож: ферези багрецовые на черевах на лисьих; кафтан камчат на черевах на песцовых; шапка черна; сапоги сафьянны, желты; рубашка да порты.

Царевичю Бибадше, Кучюмову цареву сыну, 8-м лет: ферези; сукно лундыш на черевех на песцовых; кафтан камчат на черевех на песцовых; шапка бархатна; сапоги сафьянны, желты; рубашка да порты.

Царевичю Молле, цареву Кучюмову сыну, 4 годы: ферези, сукно лундыш, на черевех на песцовых; кафтан камчат; /л. 54/ шапка бархатна; сапоги сафьянны желты; рубашка да порты.

Царевичю Кумушу, цареву Кучюмову сыну, году.¹⁵⁷

Царевичю Янсюерю, 4-х лет, царевичев сын Алеев, Кучюмова болшого сына: ферези, сукно лундыш, на черевех на песцовых; кафтан камчат; шапка бархатна; сапоги сафьянны, желты; рубашка да порты.

Зиен-Магмет мурзе, 4-х лет, Бегей мурзин сын Канбай мурзина сына Смайлева: ферези, сукно настрафиль, на черевех на белых; шапка бархатна, сапоги сафьянны.

/л. 55/ Кучюмове большой царице Султаным с царев[ною]: по шубе, по цветной, по татарской. царицам и царевнам:

Другой царице Сюндю-джан.
¹⁵⁸

Третьей царице Яндевлет.
¹⁵⁹

Четвертой царице Янтелун, дочь ее, царевне Гулсыфат царевне, 14 лет.
¹⁶⁰

Пятой царице Аксюрюк.
¹⁶¹

Шестой, Шавлей царице, дочь ее Салтан царевна, 11 лет.

¹⁵⁵ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁵⁶ в ркп. более поздняя помета над строкой.

¹⁵⁷ в ркп. пропуск места для записи.

¹⁵⁸ в ркп. оставлено место.

¹⁵⁹ в ркп. оставлено место.

¹⁶⁰ в ркп. оставлено место.

¹⁶¹ в ркп. оставлено место.

162

Семой, Кубил царице

163

Кучюмовой осмой царице, Чопшан, Абдюл-Хаирове матери.

/л. 56/ Алея царевича жене, Кучюмова болшоа сына, Ханзаде царице.

164

Ханай царевичеве жене, Кучюмова царева сына, Данай царице.

165

14-ти лет Кучюмове царева дочери Камыз царевне.

166

Тулунбек царевне, большие царицы дочери.

167

Другой царицы дочери, царевне Дюрпадше.

Мундур царевне.

Карачай царевне.

Пятые царицы царевне Ак-ханым.

Ханай царевичевы жены, Кучюмова сына. Данай царицы дочке.

Бегей¹⁶⁸ мурзины дочери Лал-тотае.

мурзы:

Байтерек Чеплемишев сыну: ферези настрафильны, на белках; шапка, сукно багрецовое; сапоги сафьянны.

/л. 57/ Теке Козякову сыну: ферези [настрафиль]ны, на белках; шапка багр[ецовая]; сапоги сафьянны.

Исенгелдею Таклакову сыну: фере[зи] настрафильны, на белках; шапка багрецовая; сапоги сафьянны.

Коревде Карамышеву сыну: [ферези] настрафильны, на белках; шапка, [багре]цовая; сапоги сафьянны.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 53–57.

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. II. С. 22–23.

№23.

1599 г. января 15 – Роспись государева жалованья посланного сибирским царевичам и царицам

Лета 7107-го генваря в 15 день дано государево цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси жалованье сибирским царевичам и царицам, и царевнам.

Царевичю Асманаку:

ферези, сукно багрец червчат, на корсаках, завяски шолк зелен з золотом;

кафтан, камка кизылбашская, шолк ал да зелен, на черевех на лисьих;

кафтан кизылбашской, азамской, камчат;

сапоги сафьянны, жолты;

рубашка.

Царевичю Шаиму, цареву Кучюмову сыну, Шагай:

ферези, сукно багрец, на хрептех, на корсачьих, завяски шолк зелен з золотом;

/л. 59/ кафтан, камка адамашка, зелена, на черевех на лисьих;

Шапка лисья, черна;

¹⁶² в ркп. оставлено место.

¹⁶³ в ркп. оставлено место.

¹⁶⁴ в ркп. оставлено место.

¹⁶⁵ в ркп. оставлено место.

¹⁶⁶ в ркп. оставлено место.

¹⁶⁷ в ркп. оставлено место.

¹⁶⁸ в ркп.: Бетей.

Сапоги сафьянные.

Царевичю Бипадше, Кучюмову цареву сыну:

ферези, сукно лундыш, зелено, завяски шолк червчат, на хрептех на белых;
кафтанец, камка адамашка, двоелична, шолк зелен да червчат, на черевех на белых;
шапка, бархат червчат;
сапоги сафьянные, желты;
рубашка.

Царевичю Моле цареву Кучюмову сыну:

ферези, сукно лундыш, зелены, на хрептех на белых, завяски шолк червчат;
кафтанец, камка кизылбашская, желта, на черевех на белых;
шапка, бархат червчат;
сапоги сафьянны, желты;
рубашка.

/л. 60/ Царевичю Кумышу, цареву Кучюмову сыну:

ферезцы, камка кизылбашская, шолк ал да зелен, на черевех на белых.

Царевичю Янсюерю, Али царевичев сын, Кучюмова большого сына:

ферези, сукно лундыш, зелено, на хрептех на белых, зяваски шолк червчат;
кафтаней, камка адамашка, двоелична, шолк зелен да рудожолт, на черевех на белых;
шапка, бархат червчат;
сапоги сафьянные, жолты.

Зиен-Магмет мурзе, Беги мурзин сын Ханмай мурзину сыну Смайлеву:

ферези, сукно настрафиль, зелено, на хрептех на белых, завяски шолк червчат;
шапка, сукно багрец;
сапоги сафьянные, жолты.

/л. 61/ Царицам:

Кучюмове большой царице Салтаным:

шуба, камка адамашка, рудожелта, на куницах, опушена отласом серебром, круг ее и по швом круживо шолк черн с серебром, петли шолк черн, пуговицы корольковые.

Другой царице, Сюидю-ждан:

шуба, камка адамашка, бела, на пупках на собольих, пушена отлосом золотным, круг ее круживо и по швом шолк червчат да чорн з золотом, пуговицы серебряны.

Третьей царице, Яндевлет:

шуба, камка адамашка, ценинная, на черев[ех] на белых, кругом опушена отласом золотным, по швом плетенки шолк червчат з золотом, пуговицы серебряны.

Четвертой царице, Актолун, чаского:

шуба, камка кизылбашская, желта, на хрептех на белых, опушена хрепты ж.

Дочери ее, царевне Гулсыфат:

/л. 62/ шуба, камка кизылбашская, шолк ал да зелен, на хрептех на белых, опушена хрепты ж.

Пятой царице, Ак-сюйрюку:

шуба, камка адамашка, на хрептех на белых, опушена хрепты ж.

Шестой, Шевлели царице:

шуба, камка кизылбашская, желта, на хрептех на белых, опушена хрепты ж.

Дочери ее, Азеп-салтан царевне:

шуба, отлас полосат, шолк зелен да червчат, на хрептех на белых, опушена хрепты ж.

Семой, Кубол царице:

шуба, камка бухарская, цветная, на хрептех на белых, опушена хрепты ж.

Кучюмове осмой царице, Чапшан, Аблюл-Хайрове матери:

/л. 63/ шуба, отлас полосат, шолк зелен да червчат, на хрептех на белых, опошена хрепты ж.

Алей царевичеве жене, Кучюмова большова сына, Хангизайде царице:

шуба, бархат бурской, на червце, шолк зелен, голуб, черн з золотом, на хрептех на белых, опушена горностаи.

Ханай царевичеве жене, Кучюм[о]ва царева сына, Данай царице:

шуба, отлас, полоски мелкие, шолк червчат, жолт, таусинен, на хрепту на белых, опушена хрепты ж.

Кучюмове цареве дочери Кумыз царевне:

шуба, камка бурская, цветная, на /л. 64/ черевех на белых, пушена черевы ж.

Тулунбек, царице большой царевы дочери:

шуба, дороги двоелички, шолк червчат да бел, на черевех на белых, пушена черевы ж.

Другой царицы царевне, Дюрпадше:

шуба, дороги полосаты, шолк бел да червчат, да чорн, на черевех на белых, пушена черевы ж.

Мундур царевне, Кучюмовы другие дочери:

шуба, дороги полосаты, шолк зелен да бел, да вишнев, на черевех на белых, пушена черевы ж.

Карачай царевне:

шуба, дороги полосаты, шолк бел, багров, червчат, на черевех на белых, пушена черевы ж.

/л. 65/ Четвертые царицы царевне Гулсыфат:

шуба, дороги двоеличны, шолк червчат да зелен, на черевех на белых, пушена черевы ж.

Пятые царицы царевне Ак-ханым:

шуба, дороги полосаты, на черевех на белых, опушена черевы ж.

Ханай царевичевы¹⁶⁹ жены, Кучюмова сына, Донай царицы дочке Навруз-беку, году:

шуба, дороги, полоски мелкие, шелк бел да червчат, на черевех на белых, пушена черевы ж.

Бек мурзине дочери Лал-татае:

шуба, тафта веницейка, двоелична, шолк зелен да червчат, на черевех на белых, пушена черевы ж.

3-м человеком мурзам, Байтереку Чеплемышеву сыну, Токе Козяеву сыну, Исенгил/л. 66/дею Тойлакову сыну:

по фerezям, сукно настрафиль, лазорево, на хрептех на белых, да по шабке, по богрецовой, да по сапогам, одному сафьянные, а другому борановые, третьему телятинные, зелены.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 58–66.

Публикация: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. II. С. 17–18.

№24.

1604 г. – Роспись государева жалованья посланного сибирским царевичам и царицам 15 января 1599 г.

Такова роспись дана с Казенного Двора.

Лета 7107-го генваря в 15 день дати государево цареву и великого кн[язя] Бориса Федоровича всеа Руси [жало]ванья сибирским царе[вичам] царицам, и царевнам.

Умре¹⁷⁰.

Царевичю Асманаку:

фerezи, сукно багрец червчат, на корсакех, завяски шолк зел[ен] з золотом;

кафтан кизылбашской;

кафтан, камка кизылбашская, ал да зелен, на черевех на лись[их];

кафтан кизылбашской, азамской, камчат;

шапка лисья, чорнра;

сапога сафьянные желты;

рубашка.

Умре¹⁷¹.

Царевичю Шаиму, цареву Кучюмову сыну, Шагай:

фerezи, сукно багрец, на хрептех на корсачных, завяски шолк [зелен з золотом];

/л. 68/ кафтан, камка адамашка, [зелена], на черевех на лисьих;

Шапка лисья, черна;

Сапоги сафьянные.

Умре¹⁷².

¹⁶⁹ в ркп.: царевы.

¹⁷⁰ в ркп. более поздняя припись другим почерком.

¹⁷¹ в ркп. более поздняя припись другим почерком.

¹⁷² в ркп. более поздняя припись другим почерком.

Царевичю Бипадше, Кучюмову цареву сыну:
 ферези, сукно лундыш, зелено, завяски шолк червчат, на хрептех на белых;
 кафтанец, камка адамашка двоелична, шолк зелен да червчат, [на черевех] на белых;
 шапка, бархат червчат;
 сапоги сафьянные, желты;
 рубашка.

*Отдан Матери к Маметкулу в 109-м году¹⁷³.

Царевичю Моле цареву Кучюмову сыну:
 ферези, сукно лундыш, зелены, [на хрептех] на белых, завяски шолк [червчат];
 кафтанец, камка кизыл[башская], желта, на черевех на белых;
 шапка, бархат червчат;
 сапоги сафьянны, желты;
 рубашка.

/л. 69/ Умре¹⁷⁴.

Царевичю Кумышу, цареву Кучю[мову сыну]:
 ферезцы, камка кизы[лбашская, шол]к ал да зелен, на чере[вех на белых].
 Царевичю Янсюерю, Али царевичев сын, Ку[чюмова] большого сына:
 ферези, сукно лундыш, зелено, на хре[птех] на белых, зяваски шолк червчат;
 кафтаней, камка адамашка двоелична, шолк зелен да рудожолт, на [черевех] на белых;
 шапка, бархат червчат;
 сапоги сафьянные, желты.

Зиен-Магмет мурзе, Беги мурзи сын [Хан]май мурзину сыну Смайлеву:
 ферези, сукно настрафиль, зелено, на хрептех на белых, завяски шолк червчат;
 шапка, сукно багрец;
 сапоги сафьянные.

/л. 70/ Царицам:

У Мамекула¹⁷⁵.

Кучюмове большой царице Салтаным:

шуба, камка адамашка, рудоже[лта], на куницах, опушена отласом серебром, круг ее и по швом круживо шолк черн с серебром, петли шолк черн, пуго[ви]цы корольковые.

У Розмаметя¹⁷⁶.

Другой царице, Сюидю-ждан:

шуба, камка адамашка, бела, на [пупках] на собольих, пушена отлосом [золотным], круг ее круживо и по швом шолк червчат да чорн з золотом, пуговицы серебряны.

У Маметкула¹⁷⁷.

Третьей царице, Яндевлет¹⁷⁸:

шуба, камка адамашка, ценин[ная], на черевех на белых, кругом опу[шена отла]сом золотным, по швом плетенки [шолк червчат] з золотом, пуговицы серебряны.

/л. 71/ У Розмаметя¹⁷⁹.

Четвертой царице, Актолун, чаского:

шуба, камка кизылбашская, желта, на хрептех на белых, опушена хрепты ж.

Дочери ее, царевне Гулсыфат:

шуба, камка кизылбашская, шолк ал да зелен, на хрептех на белых, опушена хрепты ж.

У Розмаметя¹⁸⁰.

Пятой царице, Ак-суйрюку:

шуба, камка адамашка, на хрептех на белых, опушена хрепты ж.

Шестой, Шевлели царице:

¹⁷³ в ркп. более поздняя припись другим почерком.

¹⁷⁴ в ркп. более поздняя припись другим почерком.

¹⁷⁵ в ркп. более поздняя припись другим почерком на левом поле документа.

¹⁷⁶ в ркп. более поздняя припись другим почерком на левом поле документа.

¹⁷⁷ в ркп. более поздняя припись другим почерком на левом поле документа.

¹⁷⁸ в ркп. читается неуверенно, возможно «Зендевет».

¹⁷⁹ в ркп. более поздняя припись другим почерком на левом поле документа.

¹⁸⁰ в ркп. более поздняя припись другим почерком на левом поле документа.

шуба, камка кизылбашская, желта, на хрептех на белых, опушена хрепты ж.

Дочери ее, Азеп-салтан царевне:

шуба, отлас полосат, шолк зелен [да червчат], на хр[еп]тех на белых, опушена хрепты ж.

Семой, Кубол царице:

шуба, камка бухарская, цветная, на хрептех на белых, опушена хрепты ж.

¹⁸¹ Кучюмове осмой царице, Чапшан, Аблюл-Хайрове матери:

/л. 72/ шуба, отлас полосат, шолк зелен да червчат, на хрептех на белых, опушена хрепты ж.

Алей царевичеве жене, Кучюмова большова сына, Хангизайде царице:

шуба, бархат бурской, на червце, шолк зеле[н], голуб, черн з золотом, на хрептех на белых, опушена горностаи¹⁸².

/л. 72 а/ Ханай царевичеве жене, Кучюмов[а] царева сына, Данай царице:

шуба, отлас, полоски мелкие, шолк[к] червчат, жолт, таусинен, на хрепту на белых, опушена хрепты ж.

/л. 73/ У Розмаметя¹⁸³.

Кучюмове цареве дочери Кум[ыз царевне]:

шуба, камка бурская, цветная, [на че]ревех на белых, пушена черевы ж.

¹⁸⁴

Тулунбек, царице большой, царевы дочери:

шуба, дораги двоеличны, шолк ч[ер]вчат да бел, на черевех на белых, п[у]шена черевы ж.

Другой царицы царевне, Дюрпадш[е]:

шуба, дораги полоса[ты, шолк] бел да червчат, да ч[орн, на] черевех на белых, пушена черевы ж.

Мундур царевне, Кучюмовы¹⁸⁵ другие царицы дочери:

шуба, дораги полосаты, шолк зелен да бел, да вишнев, на черевех на белых, пушена черевы ж.

Карачай царевне:

шуба, дороги полосаты, [шолк бел], багров, червчат, на черевех на белых, пушена черевы ж.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 67–73.

№25.

Бд. Дело по челобитью сибирских цариц о поденном питье

(л. 74) Сибирские царицы:

Шопшан царица;

Кандаза царица;

Татай царица;

Царевич Янсюер;

Каным-джан царица.

А велено им давать з Дворца государева ж[алованья на день] з Дворца по крушке вина горячева. А послана память в [Ва]сильевою приписью и до с[] долгое время отказывали и [] и без вина []. А в матре де 14 числа послана память во Дворец, а велено сибирским царицам [давать] вино горячее по-прежнему, по кружке на день. И им давали вино и[с]. А толмач Семейка Гарасимов сказал []ной Васильев по той памяти вина давать [не велел], а велел принести з Дворца [] нову память. И по Офонасьеву приказу послана память [] апреля в 29 день, а велено давать [по прежнему] по крушке вина горячего на день царев[ичю и царицам]

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 74.

¹⁸¹ в ркп. напротив имени по левому полю стоит помета: +.

¹⁸² в ркп.: горстаи.

¹⁸³ в ркп. более поздняя припись другим почерком на левом поле документа. Читается неуверенно.

¹⁸⁴ в ркп. не читается одно смазанное слово написанное одновременно с остальным текстом документа.

¹⁸⁵ в ркп.: Кучюмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II.

A.V. Belyakov

**DOCUMENTS ON THE ARRIVAL TO RUSSIA OF CHILDREN AND WIVES
OF THE SIBERIAN KHAN KUCHUM CAPTURED IN AUGUST 1598**

The purpose of this publication is to introduce into widespread scientific circulation documents previously known for defective publication of the arrival in Moscow of the wives and children of the Siberian Khan Kuchum captured in August 1598. This is a valuable source on the history of Russian-Siberian relations at the turn of the XVI–XVII centuries.

Keywords: Siberian Khanate, Kuchumovichi, Russian state of the XVI–XVII centuries.

Сведения об авторе:

Беляков Андрей Васильевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (г.Москва); belafeb@gmail.com

Belyakov Andrey V. – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of the Center for the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

УДК 94(470.4)"1780"

**МУРЗИНСКИЕ РОДЫ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ:
СВИДЕТЕЛЬСТВА ИХ ИМЕНИТОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
СОГЛАСНО СВЕДЕНИЯМ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ
И ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КАНЦЕЛЯРИЙ ЗА 1780 ГОД**

© 2019 г. *И.З. Файзрахманов*

Публикация посвящена расширению источниковой базы исследования вопроса интеграции бывших татарских князей и мурз Казанской губернии в состав российского дворянства в конце XVIII века. Несмотря на тщетность попыток официального признания, собранные документальные доказательства их именитого происхождения проливают свет на многие подробности истории мурзинских родов Казанской губернии в XVII–XVIII веках.

Ключевые слова: татарские мурзы и князья, служилые татары, Казанская губерния, Казанский уезд, Свияжский уезд, Симбирский уезд, Алаторский уезд, XVII–XVIII века, жалованная грамота, земельные пожалования.

После завоевания Казанского ханства для московского правительства первостепенными стали проблемы достижения стабильной общественной обстановки и ускоренной колонизации покоренного края. Важным элементом интеграции новой территории явилось признание высокого статуса лояльных к новой власти местных элит. Именно принявшие новое подданство представители знатных аристократических слоев – мурзы, а также казаки, записавшиеся в служилые татары и верстанные в эту корпорацию особенно активно в последней трети XVI в. представители ясачного населения стали социальной опорой правительства. За военную службу они наделялись земельными пожалованиями и крестьянами. Власть видела возможность через них воздействовать на местные народы.

Другой особенностью внутривосточного курса Московского государства явилась политика крещения мурз и служилых татар. Указ от 16 мая 1681 г. сыграл ключевую роль в изъятии поместий и вотчин у татарских помещиков, которые решили остаться верными религиозным традициям предков. Согласно сведениям Сената, к 1710 г. в Казанском, Свияжском, Симбирском, Пензенском и Саранском уездах оставалось еще 88 мурз и 23 служилых татар, которые владели 260 дворами крепостных крестьян православного вероисповедания, расселенных в 35 деревнях (Загидуллин, 2016, с. 146–166; Загидуллин, 2016 а, с.80–81).

При Петре I произошла трансформация социального статуса некрещеных мурз и служилых татар: изъятие дворовых крестьян православного вероисповедания и, соответственно, части земельного фонда (указы 1713 и 1715 гг.), исполнение нарядов на строительные работы в Санкт-Петербург (1708–1717 гг.), Баку (1724–1725 гг.) и Астрахань (1726–1728 гг.), к «корабельной» работе (с 1718 г.) и другие мероприятия (Файзрахманов, 2014, с. 108–125; Лашманы, 2018, с. 6, 17–24, 195–197, 394). С введением подушного обложения (1724 г.) татарские князья и мурзы по социально-экономическому положению были низведены до положения ясачных крестьян – превратились в представителей податного сословия Российской империи. Только крещеная часть мурз осталась в привилегированном статусе, равном с другими православными дворянами.

В последующие десятилетия XVIII в. татарские мурзы и князья вместе с остальным служилым населением добивались от правительства преференций, ссылаясь на предоставление прежними царями их предкам земельных пожалований и крестьян за верную службу. Например, в наказах служилых татар Ногайской, Зюрейской, Арской, Алатской и Галицкой дорог Казанского уезда в екатерининскую Уложенную комиссию 1767 г. имелись пункты с пожеланием облегчить или же полностью освободить их от корабельной работы, постоянной повинности, дать им свободу торговли и вероисповедания и др. (Сборник РИО, т. 115, с. 315–328).

Возможность получения потомственных дворянских прав татарскими мурзами и князьями, оставаясь при этом мусульманами, было новой ситуацией, возникшей после пугачевских событий. Восстание под предводительством Е.Пугачева 1773–1775 гг. заставило екатерининский административно-управленческий аппарат начать серьезные преобразования во многих сферах жизнедеятельности, в том числе в административном управлении. Апогеем законодательных мер, направленных на расширение прав дворянского сословия стала жалованная «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» от 21 апреля 1785 г. (ПСЗ-1, т. 22, №16187).

Еще одним новшеством, предшествовавшим Жалованной грамоте дворянству 1785 г., стал именной указ от 22 февраля 1784 г. «О дозволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства», дававший отпрыскам бывших татарских князей и мурз возможность признания их потомственными дворянами на общероссийском уровне (ПСЗ-1, т. 22, №15936). Законодательный акт означал возврат правительства к сотрудничеству с элитами мусульманского вероисповедания, которое было прекращено Петром I.

Как становится понятно из представленного ниже архивного источника, указу 1784 г. предшествовала довольно кропотливая работа потомков татарских князей, мурз и части служилых татар по сбору письменных доказательств о своем благородном происхождении и последующий сбор сведений о них губернскими и уездными канцеляриями (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 725. Часть 1. Л. 199–234 об.).

Список лиц из князей, мурз и служилых татар, претендующих на дворянское звание, оформлен в «ведомость» за 1780 год, которая была подана генерал-губернатору Казанской губернии князю Платону Мещерскому. В ней по родовому признаку и месту жительству сначала представлены татарские князья и мурзы Казанского, Свияжского, Симбирского и Алатурского уездов Казанской губернии. В начале списка идут наиболее известные фамилии (Яушевы, Ямбулатовы, Ишеевы, Богдановы, Енгальчевы, Акчурины и т.д.), которые имели значительную доказательную базу своего благородного происхождения. В конце списка записаны представители мурзинских родов, не имевших никаких документов, кроме как ссылок на тексты 1-й, 2-й и 3-й ревизий. В конце отдельным дополнительным списком идут служилые татары Казанского уезда, которые также считали себя выходцами из благородных родов, однако по ревизским сказкам 2-й и 3-й ревизий, в отличие от лиц предыдущего списка, были записаны служилыми татарами, а не мурзами и князьями.

Несмотря на то, что сбор сведений проводился в 1780 г., информация собиралась из ревизских сказок 3-й ревизии за 1762 год. Возраст также указывался по 3-й ревизии. Всего, согласно собранным данным, в 4-х уездах Казанской губернии проживало 911 мурз мужского пола, из них 426 в Казанском (28 родов), 193 в Свияжском (12 родов), 257 в Симбирском (19 родов), 35 в Алатурском (1 род Мангушевых) уездах. Следует оговориться, что учтенное количество родов в документе имеет условный характер, так как в списках нет четкого разделения по родам: представители одного рода могли проживать в разных деревнях, соответственно, записаны как разные роды, в то же время, если в одной деревне проживали представители двух или более родов, то, соответственно, могли быть записаны под одним номером. Примечательно, что из числа представленных 60 мурзинских родов 25 не имели никаких доказательств своего благородного происхождения, кроме записей в ревизских сказках. Некоторые представители хотя и приписывали себя к определенным мурзинским родам, имевшим весомые доказательства, но в поколенных росписях этого рода не значились.

В качестве доказательства приводились: грамоты на княжение за службу, на нахождение в действительной военной службе в разных чинах (ротмистра, поручика, хорунжего), на владение крестьянами, на позволение содержать кабаки, перевозки, мельницы, бортные уголья. Если не было подлинников, представлялись выписи из них на поместные земли, сенные покосы и на крестьян. Были даже грамоты о «взятке с непоспевших в службу по рублю с человека», т.е. любые упоминания о службе предков. Так, в качестве доказательства мурзы Байкеевы принесли платежную квитанцию от провиантмейстера об оплаченных суммах за двор, мурзы Ильмяковы – купчую на продажу одного стога сена, мурзы Казины – указ о высылке их предка в службу, Богдановы – подорожную 1737 года, данную их деду Асану мурзе Муралееву сыну князь Богданову для перевозки писем из Адмиралтейской коллегии в Москву, Новгород и в Казань, а также указ Сафару мурзе Муралееву сыну Богданову о сыске беглых мурз и татар. Князья Енгальчевы также не смогли привести никаких жалованных грамот, ограничились представлением паспорта деда, уволенного из

армии. Точно также мурзы Утяшевы и мурзы Бибарсовы из д.Шмалак Симбирского уезда были вынуждены ограничиться приведением грамот об отставке их родственников со службы. Мурзы Дулатовы сумели представить паспорт, данный их отцу Нагаю Бигееву сыну Дулатову об отпуске его с дворовыми людьми для проживания в деревню Мурзины. Как одно из доказательств своего благородного происхождения некоторые представители мурзинских родов (Ямбулатовых, Маметевых, Еникеевых, Хозесеитовых) указывали на наличие записей об их предках в послужных списках, представленных Яушевыми (в том числе в этих списках числились и сами Яушевы).

Многие мурзинские роды, не имевшие никаких жалованных грамот, именовали себя так на основании 1-й и 2-й ревизий, где они были записаны мурзами. В ряде случаев документы были утрачены пожаром (Бускеевы), во время разграбления дома помещичьими крестьянами (Мангушевы). В большинстве случаев представлялись оригиналы документов, однако в связи с утратой оригиналов в ряде случаев были принесены только их копии. Кроме самих документов губернатору были представлены поколенные росписи мурзинских родов. В некоторых случаях в них не было ясности, кто кому и каким образом приходится родственником.

В документе так же учитывалось количество дворовых людей, числящихся за мурзами. В нескольких случаях было указано, что дворовые выполняют полевые и другие работы за мурз, а последние оплачивают за них подушные деньги (Яушевы, Байкеевы, Еникеевы, Хозесеитовы, Урекеевы, Алишевы, Дулатовы, Сяндюковы). Таким образом, основываясь на этих данных, можно сказать, что в экономическом плане между мурзами и их дворовыми людьми существовали классические отношения помещика и крепостного. При этом стоит учесть, что русский помещик платил только подушную подать за крепостного (первоначально 70 коп.), а татарский мурза, кроме подушной подати (те же 70 коп.), платил за своего крестьянина еще и оброчную часть (40 коп.)

Примечательно, что представляемый вниманию читателей документ учел сведения о переездах и переселениях мурз из родовой деревни в другие и т.д.

Составленный еще один дополнительный список по Казанскому уезду, о чем было отмечено выше, включал в себя 352 служилого татарина. Часть их также имела документы: грамоты и выписи на владение пашенными землями, лесами, сенокосами, рыбными ловлями и крестьянами, о пожаловании за службу князем, память о сыске беглого человека (Сяндюковы), отказные грамоты и выписи из них на земельные владения (Мустафины, Теникаевы), указ о написании в тарханскую книгу (Мамяшевы), купчая на дворовых людей (Урусовы), список с писцовых книг 1652 года (Енесеитовы). 8 родов служилых татар из этих учтенных 25 родов кроме ревизских сказок, на которые они ссылались, никаких других документов не имели.

Как видим, критерии доказательств для признания претендентов в дворянском звании к началу 1780-х гг. еще не были выработаны. Поэтому в «ведомости» значатся не только лица, называвшие себя мурзами и князьями, но и некоторые служилые татары, имевшие жалованные грамоты или иные документы о службе прямых предков или родственников, а также просто считавшими себя выходцами из знатных родов, несмотря на отсутствие документальных доказательств. Однако, как известно, указ от 22 февраля 1784 г. установил жесткие требования к документам, подаваемым на утверждение в благородном звании – необходимо было иметь жалованные грамоты на земли и другие документы, утверждающие благородство «с явным доказательством» (Хайрутдинов, 2014, с.423).

Важно отметить, что предлагаемый вниманию читателей список не претендует на полноту сведений как в плане учета всех мурзинских родов Казанской губернии, так и в плане представленных доказательств происхождения родов из благородного сословия. Например, в ведомости отсутствуют Колчурины (Зюрейская дорога), Асановы (Ногайская дорога), Тархановы (Ногайская дорога) и некоторые другие мурзинские роды Казанского уезда.

Указ от 22 февраля 1784 г., главным образом, был ориентирован на некрещеных мурз и служилых татар, но касался и некоторых представителей татарских знатных родов из новокрещеных, которые могли находиться в числе податных слоев. Несколько таких примеров из числа недавно крестившихся татар мы можем обнаружить в представленном ниже списке.

Составленная в 1780 г. ведомость о мурзинских родах Казанской губернии свидетельствует о том, что правительство, в первую очередь, сделал ставку на дворянское сословие, как на опору действующей власти на местах, в том числе на «высшие» сословия нерусских народов. В свою очередь, потомки мурз и служилых татар с энтузиазмом восприняли инициативу властей. Они видели в этом возможность восстановления некогда несправедливо поправленных прав. Однако, как по-

казала история, едва ли кто из них сумел доказать свое потомственное дворянское происхождение – документы годами ходили в различных инстанциях и частично были утрачены. Позже лишь некоторые из мурз и служилых татар Казанской губернии были удостоены дворянского звания за достижение определенного чина в военной или гражданской службе, или же в результате награждения российским орденом.

Публикация источника

ВЕДОМОСТЬ О МУРЗИНСКИХ РОДАХ КАЗАНСКОГО, СВЯЖСКОГО, СИМБИРСКОГО И АЛАТОРСКОГО УЕЗДОВ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И ДОКАЗЫВАЮЩИХ СВОЕ БЛАГОРОДНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛУЖИЛЫХ ТАТАРАХ КАЗАНСКОГО УЕЗДА. 1780 г.

// [л.199]

Ведомость из выписок канцеляриев Казанской губернской и провинциальных свияжской, алатурской и симбирской в нынешнем 1780-м году, присланных к правящему должность генерала губернатора Симбирского и Казанского, генералу порутчику князю Мещерскому о жителях в Казанской губернии ис татар мурзах, коих предки по ревизиям прежним к платежам податей писаны и кто именно по последней третьей ревизии состоящая в платежах же с себя из детей их окладной подушной семигривенной в год подати и оброку равнова с крестьянами государственными в казну по два рубли 3 души.

	По Казанскому уезду в жительствовах	В третью ревизию кто каких лет написан	
1	Якуповой сотни Мурзина в деревне Кашар ¹ , именуемые по скаскам второй и третьей ревизии мурзами и князьями Яушевыми		
	Мухаметь-амин } Муртазины	22	Из сих мурз Усман Семенов да Исак Ибраев представили в канцелярию губернскую подлинные три грамоты: 1-ю. 7136-го году июня 7-го дня, данную в Москву от великаго государя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа России самодержца, о пожаловани казанского
	Усман }	5	
	Якуп Абдулов	52	
	Его дети Каныш	6	
	Губей	полугоду	
	Бикмаметь Бакиев	39	
	Ево сын Бакир	8	
	Гайса } Ибраевы	42	
	Исак }	39	
	Муса }	35	
	У Гайсы сын Абдрашит	9	
	// [л.199об.]		
	Манасып Мусин	4	служилаго татарина Семеня мурзу князь Багишева сына Яушева, за службы деда ево князь Яушева, дяди князь Кадышеву, брата ево князь Иванаеву, отца князь Багишеву, и за ево семейству службу княженьем, как пожалован отец ево князь Багиш 2-ю. 7196-го году сентября 6-го дня, данную по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алек-
	Козей } Кутлумаметевы	54	
	Смаил }	49	
	Муса }	47	
	Араслан } Искендеровы	22	
	Гали }	12	
	Абдул Асанов	59	
	Ево сын Юсуп	18	
	Бикбов Муртазин	5	

¹ Ныне с. Кошар Атнинского р-на РТ.

Мухаметъ Усман Давыд	} Атабаевы	53	сеевича, Петра Алексеевича и великой государыни, благоверныя царевны и великия княжны Софьи Алексеевны, от боярина и воеводы князя Михаила Рамадановскаго, о бытии в ротмистрах казанскому Осману мурзе Ишалееву сыну князь Яушеву; в порутчиках
Рафек		31	
Токтамыш		21	
Даут	} Ибраевы	5	
Усман		46	
У Даута сын Япи	} Семеновы	35	
У Усмана сын Мукмень		10	
Муртаза	} Мамеделеевы	10	
Муслюм		42	
Узбьяк		40	
У Муртазы сын Баязит		35	
У Муслюма сын Манасып		5	
Шафей Яушев		6	
Даут Аитов		19	
Сего сын Бикбов		66	
Ишмурза	} Араслановы	3	
Иштерьяк		40	
У Ишмурзы сын Халил		37	
У Иштерьяка сын Муса		году	
// [л.200]		2	
Смаил Мустафин		54	Нефеду Шигаеву, в хорунжих Сеиту мурзе Иштерьякову сыну Берневу, и устроении ратных людей в роты, а тому у них в ротах казанским мурзам и татарам быть приложен именной список 3-ю, данную в 7197-м году февраля 27 дня по указу великих государей о боярина и воеводы князя Данилы Борятинскаго с товарищи, Канышу мурзе Икееву сыну да Кадырмаметю мурзе Доскееву сыну князь Яушевым з братьями, на поместных и вотчинных их крестьян в Казанском уезде по Алатской дороге
Ево дети Муса		29	
Айса		27	
Юсуп		25	
И того жительствующих в деревне Кошарах 45			
Того ж роду князей Яушевых жительствующие в Казанском уезде в починке Мокше ² и там в ревизию написанные мурзами и князьями Яушевыми			
Мухамметь Сюлтеев		39	
Бектемир Абдулов		20	
И того в починке Мокше 2			
Того ж роду в казанской Новой Татарской слободе в скасках ко второй и к третьей ревизи написанные обще с именуемыми служилыми татарами			
Халил	} Айсовы	50	
Ибрай		37	
У Халила дети Муртаза		20	
Исхак		13	
У Ибрая сын Муса		10	
Асан Ермаков		27	
Сего сын Юсуп		12	
Итого в Новой Татарской слободе 7			
Всего роду князей Яушевы 54 И все оные в предъявленной от них в канцелярию губернскую поколенной росписи зна-			

² Ныне д. Мокша Атнинского р-на РТ.

	чутца		
	// [л.200об.]		
	За оными князьями Яушевыми по третичной ревизии написано из татар же дворовых людей		В деревне Кашарах, по Зюрейской дороге в волости Терсе з деревнями ³ , по Нагайской дороге в деревне Шигачь Масловка тож ⁴ и в деревне Томгачи ⁵ и представили же о бытности предков их в службе списки 195 году
	В деревне Кошарах		
	За Муртазою Салеевым 10		
	За Бакиром Смаиловым 14		
	За Искаком Ибраевым 3		
	За Мусою Ибраевым 3		
	За Айсою Ибраевым 3		
	За Мухамметем Ибраевым 4		
	За Яушем Тойгилдиным 1		
	За Исаем Семеновым 6		
	За Смаилом Мустаевым 22		
	За Абдулом Асановым 2		
	За Кутлумаметем Усеевым		
	За Искендером Усеевым 1		
	За Ибраем Семеновым 4		
	За Муртазою Мамеделеевым 1		
	За Давыдом Семеновым 4		
	За Гумером Семеновым 3		
	За Смаилом Мустаевым 29		
	За Усманом Утеевым 3		
	Итого 117		
	В деревне Ерыкле ⁶		
	За Умером Семеновым 4		
	За Усманом Семеновым 5		
	За Ибраем Семеновым 3		
	За Смаилом Мустаевым 10		
	Итого 22		
	В деревне Менгерах ⁷		
	За Усманом Атабаевым 2		
	За Мухаметем Атабаевым 2		
	За Муртазою Муратовым 2		
	Итого 6		
	А всех 145		
	За тех дворовых людей платят подушные деньги оные князья Яушевы, а они на них производят хлебопашество и протчие изделия		
	// [л.201]		
2	Алатской дороги Якуповой сотни Мурзина в деревне Старой Менгер , именуемые по скаскам второй и третьей ревизи мурзами Утеевыми		Сей деревни Старой Менгер Абакай мурза Юсупов сын Утеев представил грамоту, данную 7124-го году в июне месяце, по государеву, цареву и великого князя Михаила Феодоровича всея России указу, от боярина и воевод князь Владимира Долгорукова и князь Семена Гагарина казанскому служилыму татарину Исею мурзе Утееву на позволение
	Биктемир Махмутов	30	
	Ево сын Рахметулла	3	
	Мансур Рысаев	36	
	Ево дети Масыгут	20	
	Сагит	7	

³ Ныне с. Терси Агрызского р-на РТ.

⁴ Ныне с. Масловка Рыбно-Слободского р-на РТ.

⁵ Ныне д. Тангачи Лаишевского р-на РТ.

⁶ Ныне д. Малые Ерыклы Нижнекамского р-на РТ.

⁷ Ныне д. Старый Менгер Атнинского р-на РТ.

	Абакай Юсупов	37	ему поставить кабак по Арской дороге на Уржумской поворотке ⁸ и о держании в нем меда и браги, а вине не держать
	Рафек Калилов	9	
	Кумакаш Ермаков	77	
	Бикбов Муртазин	29	
	Биктемир Канин	43	
	Ево сын Бикбов	3	
	Шарип Кутлин	50	
	Муса Даминев	30	
	Яхъя Шарыпов	8	
	Дюзей	43	
	Апсалям	25	
	Баязит	8	
	Габитулла	6	
	Фаткулла	4	
	Гумер Биганов	41	
	Ево дети Абдрешит	3	
	Абдулгази	3	
	Мухамметь	33	
	Усман	31	
	Давыд	29	
	Оного ж роду в деревне Средней Атне ⁹ Туктамыш Курманашев	57	
	Итого 26		
	За оными Утеевыми дворовых людей в написанных не имеется		
3	Арской дороги Абзелиловой сотни Ибраева в деревне Малой Кибек Кози ¹⁰ именованные по скаскам второй и третьей ревизи мурзами и князьями Янбулатовыми		Сей деревни Малой Кибек Кози Салимзян Мансуров сын Енбулатов представил в губернскую канцелярию,
	Зайт Мендяшев	1	1-ю выпись 7124-го июня 25 дня,
	Исхак Зайтов	8	
	// [л. 201об.]		
	Муса	5	данную по государеву, цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всея России указу и по приказу боярина и воевод князь Володимера Долгорукова и князя Семена Гагарина служилым татарам деревни Кибек Кози Исенгулу Байгулову, Досаю Кадрагулову, Енгличу Енбулатову на поместную их землю в той деревне Кибек Кози на сто пять четвертей, сенных покосов по сту копен на человека и на крестьян, которые у них живут и впредь учнут жить
	Яхъя	2	
	Якуп	1	
	Махмут Масыгутов	3	
	Селиман	37	
	Сагит	30	
	Исмаил	21	
	Ахмер Сулейманов	12	
	Гали Муртазин	11	
	Мусалим	51	
	Мансур	37	
	Биккения	16	
	Баязит	4	
	Вагап Мансуров	5	
	Абдулкарим	10	
	Курмангали	4	
	Абдрашит	1	
	Салек Сафаров	25	
	Абдрахман Крымсараев	46	
	Абдулзи Абдикеев	26	

⁸ Поворотка – поворот дороги.

⁹ Ныне д. Новая Атня Атинского р-на РТ.

¹⁰ Ныне д. Малые Кибя-Кози Сабинского р-на РТ.

	Мурат	Рысаевы	44	3-ю выпись 7153-го году сентября 20 дня, данную от стольника и воевод князь Михаила Пронскаго и Ивана Пушкина служилым татарам деревни Кибек Кози Бибариску Байгулову, Досайку Кадрагулову да Янклычку Янбулатову на пашенную землю и сенные покосы в той деревне Кибек Кози При объявлении тех выписей татарин Мансуров показал, что прописанные в них предки их мурзы значутся в представленных от князей Яушевых списках послужных, что и по справке в канцелярии с списками оными то не оказалось
	Араслан		42	
	Исхак	Муратовы	6	
	Смаиль		4	
	Салек	Араслановы	12	
	Салим		7	
	Сагит		1	
	Максют Абсалямов		8	
	Хаким	Кусадикины	46	
	Ахмер		39	
	Сагит		36	
	Карим Хакимов		14	
	Манасып Хакимов		11	
	Юсуп Ахмеров		2	
	Заит Сеитов		35	
	Гафер Абдулов		2	
	Манасып Якупов		21	
	Мазит Усманов		23	
	Абрешит	Мазитовы	6	
	Халит		2	
	Тебекей Мустафин		23	
		Итого 43		
	За ними людей в написании не имеетца			
	// [л.202]			
4	В деревне Уре ¹¹ именованные мурзами и князьями Маметевыми			По показанию сей деревни Уры Юсупа мурзы Рахманкулова князь Маметева, что дед ево Бегаш Кильмаметев был мурза и князь и по справке с предъявленными от князей Яушевых списками оказалось сходственно, а данные де деду ево жалованная грамоты объявлены от родственника их деревни Енбулатовой служилаго татарина Тоймамета Муслюмова, но от кого в поколенной росписи ево мурзы Юсупа Рахманкулова князь Маметева с семейством не показано
	Абдулкарим	Сабаевы	49	
	Абдрыхим		11	
	Айса Абдулкаримов		32	
	Сулейман Айсин		3	
	Юсуп	Рахманкуловы	57	
	Аббяс		48	
	Абдулгаяр	Назыровы	23	
	Абьяфаил		17	
	Назыр Кулушев		51	
	Давыд	Назыровы	23	
	Исхак		21	
	Муса		11	
	Мухаметьшарып Давыдов		полугоду	
	Байдияр Темметев		55	
		Итого 20		
	За оными Маметевыми дворовых людей в написании не имеется			
	// [л.202об.]			
5	Зорейской дороги Салтанмуратовой сотни Аитова в деревне Ошмы ¹² , именуемые мурзами и князьями Байкеевыми			Сей деревни Ошмы Рахманкул мурза Мратов сын Байкеев представил в канцелярию две грамоты: 1-ю. 7196 сентября 6 числа, данную по указу великих государей, царей и вели-
	Рахманкул Мратов		37	
	Дети ево Муртаза		3	

¹¹ Ныне с. Нижняя Ура Арского р-на РТ.

¹² Ныне с. Нижняя Ошма Мамадышского р-на РТ.

	Мухамметь-хнофия	5	ких князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великия государыни, благоверныя царевны и великия княжны Софьи Алексеевны, от боярина и воевод князь Михаила Рамадановскаго с товарищи, ротмистру казанскому Ермаку мурзе Доскееву сыну Байкееву; поручику Ибрашу мурзе Ермакову сыну Байкееву, хорунжему Уразаю Утееву, о устроении ратных людей в роты	
	Мухамьметьбаки	4		
	Якуп Бакеев	16		
	Гали Смаилов	40		
	Дети ево Мустафа	6		
	Манасып	4		
	Абдулкалип	5		
	Зайнитдин	3 месяцев		
	Итого 10			
	Из оных мурз за Смаилом Байкеевым по третичной ревизии в написании состоит ис татар же дворовых людей 3			2-ю 7207 в апреле месяце по указам великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича, от стольника и воеводы Никиты Кудрявцова Ермаку мурзе Доскееву сыну Байкееву да подьячему Ивану Дмитриеву о взятъе с непоспевших в службу по рублю с человека
	За тех дворовых людей подушные деньги платит оной мурза			
	Тоеж деревни Ошмы Семен Усеев	59		
	Дети ево Салех	26		
	Салемьян	16		
	Сагит	10		
	Мансур	4		
	Махмут	полугоду		
	Из них Салех по скаскам показан мурзою, а протчие служилыми татары За ними дворовых людей в написании не имеется			Тоеж деревни Салимьян мурза Семенов князь Байкеев квитанцию, данную 1704 году апреля 9 числа от правиянтмейстера Семена Бредихина Аиту мурзе Дюмееву сыну князь Байкееву на платежные им за двор ево денги за подписом оного правиянтмейстера Бредихина; а Ибрагим Масягутов мурза Байкеев
	В той же деревне Ошме			
	Мустай Султанов	51		
	Ево сын Муртаза	37		
	У сего сын Зябир	16		
	Из оных Муртаза по скаскам показан мурзою, а протчие служилыми татары			
	Итого 9			
	// [л.203]			
	Того ж роду и в той же деревне Ошме		жалованных грамот не имеют, а показан только, што дед ево в первую перепись и во вторую ревизию именован мурзою	
	Маметь Абкин	46		
	Халил	43		
	Хамит	27		
	Аминь	16		
	Тойгилда	16		
	Губай	6		
	Рафек	4		
	Биккения	23		
	Мусалим	16		
	Итого 9			
	Из оных Биккения по скаскам показан мурзою, а протчие служилыми татары			
6	Нагайской дороги в деревне Измер ¹³		Сей деревни Измер Муртаза мурза Асанов князь Уразгозин предъявил в канцелярию губернскую три грамоты, данные от великаго государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича: 1-ю 7083-го году апреля 9-го казанскому татарину Уразлью Уразгозину о пожаловании ево	
	Калей Ишмурзин	33		
	Муртаза Асанов	40		
	Сын ево Муса	1		
	Салтамрат	15		
	Бакей	10		
	Сейфулла	5		

¹³ Ныне с. Измери Спасского р-на РТ.

	Итого 6		за службы князем. 2-ю 7084-го марта 29
	Из оных Муртаза показан мурзою, а прочие служилыми татары		оному ж Уразлыю, именованному уже князем Уразгозиным о постановлении
	Из оных за мурзою по третичной ревизи дворовых людей в написании состоит две души		ему в Казанском уезде по Нагайской дороге кабака и о продаже в нем питьев безоброчно. 3-ю 7124-го февраля 19 дня, данную по государеву, цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всея России указу, от боярина и воевод князь Володимера Долгорукова и князь Семена Гагарина Тойгилде мурзе князь Уразлееву о содержании в Казанском уезде на Каме реке на Шалбенском устье против Боловского устья ¹⁴ перевозу
	// [л.203об.]		
7	Арской дороги Абзялиловой сотни Ибраева в деревне Котюрмесь ¹⁵ , именуемые по скаскам мурзами		Сей деревни Котюрмесь Смагил Килкин мурза Баишев предъявил две грамоты:
	Мустов	24	1-ю. 7120 марта 6-го, данную по указу бояр, от дияков Никанора Шулгина и от Степана Винкова служилому татарину Иштугану Баишеву на выморочное отца ево поместье в деревне Котюрмесь пашенную землю дватцет шесть четвертей, сена двести копен и на крестьян, которые в том поместье живут и впредь учнут жить
	Мустафа	13	
	У Мустова дети Масагут	7	2-ю. 7179 мая 25-го, данную по государеву, цареву и великаго князя Алексея Михайловича указу от боярина и воевод князя Григорья Куракина да Михаила Вольнского Иштугану мурзе Бегееву на порозжую в Казанском уезде в деревне Кутюрме землю четыре четверти, сенных покосов на трицетть копен
	Масалим	2	
	Зафер Девлетев	27	
	Сын ево Салев	5	
	Абдрахман Нуркин	44	
	Дети ево Абдыкаш	14	
	Шафей	10	
	Рафик	6	
	Абрешит	2	
	Ибрай	13	
	Абдрахим	6	
	Мухамметь-рахим	2	
	Смагил Килкин	47	
	Утей	35	
	Аминь	27	
	Фейзулла Утеев	5	
	Назар Аминев	2	
	Муртаза	34	
	Реим	22	
	Селимьян	3	
	Рахметулла Смаилов	10	
	Милынбай Кутлин	46	
	Мусин Бихтин	32	
	Дети ево Абдулгази	12	
	Абдукарим	8	
	У Милынбая дети Сапкул	21	
	Абдель	15	
	Итого 29		
	За ними дворовых людей по третичной ревизии в написании не имеется		
	// [л.204]		
8	Нагайской дороги Зайтовой сотни Аитова в деревне Елтане ¹⁶ , именуемые мурзами		Сей деревни Елтань Бакей мурза Осипов сын князь Тенишев предъявил выпись,

¹⁴ Нет сведений.¹⁵ Ныне с. Купербаш Арского р-на РТ.¹⁶ Ныне с. Татарский Елтан Чистопольского р-на РТ.

	Бакей	Осиповы	39	данную 1703 году в сентябре месяце по указу великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича, от стольника и воеводы князя Горчакова Синбирскаго уезду деревни Горенок ¹⁷ Исаю мурзе князю Тенишеву на поместную в Синбирском уезде в деревне Горенок землю дватцеть четвертей и на сенные покосы
	Умер мурза		30	
	В деревне Гремесах ¹⁸			
	Ишпай	Мусякаевы	35	
	Аднагул		20	
	Итого 4			
	За ними дворовых людей в написании не имеетца			
9	Нагайской же дороги Резяповой сотни Маметево в деревне Кулбаевой ¹⁹ , именуемые мурзами и князьями Бакшеевыми			Сей деревни Кулбаевой Мухамет мурза Ибраев сын Бакшеев представил две грамоты, данные: 1-ю 7147 июля 29-го от царя и великаго князя Михаила Феодоровича, свияжскому Янбулату мурзе Бакшееву на свияжское ево в деревне Уразлин ²⁰ и пустошь Малахов Бору ²¹ в серных горах поместье пашенную землю шездесять четвертей, сенных покосов на двести копен 2-ю. 7121-го году июня 11-го дня от стольника и воеводы князя Василья Щербатова, оному ж Бакшееву о владении ему в Свияжском уезде после отца ево половиною кабака, а другую племяннику ево Тимбаю мурзе князю Бекбулатову и о продаже в нем пива и меду
	Мухамет Ибраев		27	
	Мурат	Максютовы	10	
	Назыр		6	
	Именуемые служилыми татарами			
	Ишмурза Юсупов		18	
	Бикбов Ишкеев		37	
	Итого 5			
	Дворовых людей по третичной ревизи в написании за ними не состоит			
	// [л.204об.]			
10	Нагайской дороги Кульметевои сотни Бакметева в деревне Елтане , именуемые мурзами Тюняевыми			Сей деревни Елтань Кудайберда мурза Юсупов сын Тюняев предъявил выпись, данную 7191-го году сентября 11 дня по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича ис Казанского приказу от стольника и воевод Алексея Блохина, кадомским Кулбаю мурзе Делебаеву сыну Тюняеву з братом ево и с племянники на темниковскую их поместную в деревне Избякову ²² землю, сенные покосы и крестьян, которые живут и впредь жить будут
	Кудайберда Юсупов		25	
	Ахметь Богданов по крещении Павел Федоров		47	
	Сапук	Сеитовы	25	
	Мурат		10	
	Итого 4			
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит			
11	Зюрейской дороги Султанмуратовой сотни Сеинова в деревне Верхней Ошме ²³ , именуемые мурзами Ильмяковыми			Сей деревни Верхней Ошмы Аблей Сулейманов мурза Ильмяков объявил купчую 7199-го году июля в 7 день, данную Зюрейской дороги деревни Верхней Кирмень ²⁴ от ясашого татарина Рыся Тюкеева Юнусу мурзе Кильмякову на продажное ему сено один стог
	Исхак Давыдов		52	
	Аблей Сулейманов		23	
	Даминь Давыдов		15	
	Гафер Аблеев		2	

¹⁷ Ныне с. Татарские Горенки Карсунского р-на Ульяновской обл.

¹⁸ Нет сведений.

¹⁹ Ныне с. Кулбаево-Мараса Нурлатского р-на РТ.

²⁰ Ныне или д. Чатбаш Апастовского р-на РТ, или же с. Уразлино Камско-Устьинского р-на РТ.

²¹ Нет сведений.

²² Нет сведений.

²³ Ныне с. Верхняя Ошма Мамадышского р-на РТ.

²⁴ Ныне с. Малые Кирмени Мамадышского р-на РТ.

	Акмер	Искаковы	32	
	Абдулмень		16	
	У Ахмера дети Абдулбашир		14	
	Абдрехим		9	
	Абзелиль Абдрешитов		7	
	Баязит Амиров		2	
	Итого 10			
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит			
	// [л.205]			
12	Нагайской дороги Гумеровой сотни Сулейманова в деревне Аккузиной ²⁵ , именуемые мурзами Казиными			Сей деревни Аккузиной Шарып мурза Смаилов сын Хазин объявил указ 1705 году июня 30 дня в Синбирске стольнику и воеводе Федору Есипову о высылке Бибая мурзы Токтарова сына Хозина сына ж ево в службу
	Шарып	Смаиловы	32	
	Карим		21	
	Итого 2			
	За ними дворовых людей по третичной ревизии в написании не состоит			
	Того ж роду			
	Нагайской дороги в деревне Какырме ²⁶ , именуемые служилыми татарами			А деревни Какырмы Зукарней мурза Хазин и деревни Чапкас Надыр мурза Адылев сын Хазин жалованных грамот и никаких крепостей не имеют
	Зукартей Мурсалимов		23	
	Сын ево Сафеддик		3	
	Итого 2			
	За ними дворовых людей по третичной ревизии в написании не состоит			
	Тоеж дороги в деревне Чепкас ²⁷ , именуемые служилыми татарами			
	Надыр Адылеев		37	
	Брат ево Мухамметь		65	
	У Надыра сын Назир		7	
	Итого 3			
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит			
13	В казанской Новой Татарской слободе , именуемые мурзами и князьями Богдановыми			Находящейся при Казанской губернской канцелярии толмачем Юсуп мурза Мустафин князь Богданов предъявил грамоту 1713 году августа 8 дня по указу великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича, данную Измаилу да Садралею мурзам Ибраимовым детям князьям Богдановым
	Мустафа Резепов		52	
	Сын ево Юсуп		12	
	Итого 2			
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит			
	// [л.205об.]			
				на помянутую в Казанском уезде по Зюрейской дороге за Камою рекою порозжую землю. Да выпись 1716-го в марте месяце по приказу ближнего боярина и губернатора казанскова Петра Салтыкова с товарищи, данную синбирянину Смаиле мурзе князь Богданову на мель-

²⁵ Ныне с. Средние Тиганы Алексеевского р-на РТ.

²⁶ Ныне с. Старые Какерли Дрожжановского р-на РТ.

²⁷ Надыр Адылеев и его сын Назир числятся в ревизских сказках 3-й ревизии д. Малые Какерли (ныне с. Новые Какерли Дрожжановского р-на РТ).

			ницу в Синбирском уезде в деревне Вырыстаевой ²⁸ и запись 7202 году марта 2 дня, данную Синбирскаго уезду деревни Елаур ²⁹ от служилаго чувашенина Алшея Бикгишева синбирскому Измаилу мурзе Ибраимову сыну князь Богданову на променную в Синбирском уезде в деревне Елаур землю сорок четвертей, и на сенные покосы	
14	Нагайской дороги Ибраевой сотни Толкишева в деревне Сарсас ³⁰ , именуемые мурзами Енбарысовыми		Сии на мурзинское название и на земли их жалованных грамот и никаких видов не имеют	
	Максют Юнусов			
	Шафей	Усмановы		21
	Шарып			20
	Абдулкарим	Рахманкуловы		41
	Муса			24
	Букарей			21
	Шабай	10		
	У Абдулкарима сын Сейфулла			19
	Сын ево Шарып			3-х дней
	Итого 9			
	В деревне Толкише ³¹ , именуемые служилыми, татары			
	Махмут Газеев			37
	Дети ево Абдрешит			8
	Али			6
	Итого 3			
	За ними по третичной ревизи дворовых людей в написании не состоит			
	// [л.206]			
15	Нагайской дороги Сулеймановой сотни Кудюкова в деревне Адылшиной ³² , именуемые мурзами Кильдышевыми		Сии на мурзинское название и на земли их жалованных грамот и никаких видов не имеют	
	Смаил Осипов			57
	Навлют	Сеитовы		44
	Салей			21
	Масягут			20
	Зюлкарай	17		
	У Навлюта дети Шафейко			20
	Батырша			7
	Бакир			5
	У Смаила дети Курамша			33
	Салтан			28
	Субахар			19
	У Курамши сын Аминь			5
	У Салтана сын Раим			10
	Итого 13			
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит			

²⁸ Ныне с. Вырыстайкино Сенгилеевского р-на Ульяновской обл.

²⁹ Ныне с. Елаур Сенгилеевского р-на Ульяновской обл.

³⁰ Ныне д. Татарский Сарсас Чистопольского р-на РТ.

³¹ Ныне с. Татарский Толкиш Чистопольского р-на РТ.

³² Ныне с. Татарское Адельшино Чистопольского р-на РТ.

16	Тоеж дороги в деревне Устье Дангузе ³³ , именуемые мурзами Сюндюковыми		
	Рахманкул	} Сунчалеевы	54
	Юнус		47
	У Рахманкула дети Хайсан		20
	Сагит		14
	// [л.206об.]		
	У Хасана сын Мавлют		2
	У Юнуса дети Махмут		20
	Кудайметь		17 1/2
	Сулейман		9
	Мусалим		2
	У Махмута сын Тази		2
	Итого 10		
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит		
17	Нагайской дороги Горной стороны Карымовой сотни Уразметева в деревне Дувановой Дрожжаной куст ³⁴ тож, именуемые мурзами Утешевыми		
	Мухамметь	} Якуповы	29
	Ишук		26
	Засюк		19
	Селим		15
Итого 4			
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит		
	// [л.207]		
18	Нагайской дороги в деревне Малой Чилне ³⁵ , именуемые мурзами Козековыми		
	Мухамьметь Асанов		47
	Дети ево Мандян		8
	Егудай		6
	Сакай Ишкин		58
	Дети ево Фазей		44
	Абдулвагап		5
	Итого 6		
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит		
19	Нагайской дороги в деревне Муслюмкиной ³⁶ , именуемые мурзами и князьями Чюрюковыми		
	Бакир Уразмаметев		37
	Дети ево Умер		18
	Амир		3
	Рафик		2
	Итого 4		
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит		
	// [л.207об.]		

Сии на мурзинское название и на земли их жалованных грамот и никаких видов не имеют

Сии на мурзинское название и на земли их жалованных грамот и никаких видов не имеют

³³ Ныне не существует, располагалась на правом берегу р. Донгуз при впадении ее в р. Мараса на территории Алексеевского р-на РТ (ранее слобода Ильинская (Донгус) Чистопольского уезда).

³⁴ Ныне д. Старое Дуваново Дрожжановского р-на РТ.

³⁵ Ныне с. Малая Цильна Дрожжановского р-на РТ.

³⁶ Ныне с. Муслюмкино Чистопольского р-на РТ.

20	Зюрейской дороги в деревне Кильмяксе ³⁷ , именуемые мурзами Мансуровыми			Сии на мурзинское название и на земли их жалованных грамот и никаких видов не имеют	
	Калметь Айдаров		47		
	Дети ево Абдрахим		20		
	Аит		15		
	Сагит		9		
	Рахимкул		2		
	Итого 5				
Того ж роду					
21	В деревне Каргал ³⁸				
	Биккул	Сулеймановы	12		
	Марадали		8		
	Измаил	Айдаровы	47		
	Якуп		43		
	Ишмухаммет	Измайловы	12		
	Зейнюдин		5		
	Фейзулла Якупов		9		
	Мустафа Мардашев		44		
	Дети ево Рахманкул		10		
	Мурсалим		7		
Итого 10					
За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит					
22	Зюрейской дороги в деревне Кадряковой ³⁹ , именуемые мурзами Смеленовыми				
	Исхак Смаилов		14		
	Габидулла Максюттов		12		
// [л.208]					
	Балтай Силтикеев		23	Сии на мурзинское название и на земли их жалованных грамот и никаких видов не имеют	
	Сагит	Муллины	12		
	Абзялил		5		
	Якей Акмеров		12		
	Итого 6				
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит				
23	В казанской Новой Татарской слободе , именуемые мурзами Бикбулатовыми				
	Зайт	Аитовы	37		
	Якуп		33		
	У Якупа дети Муса		5		
	Мустафа		3		
	Менглыбай Сеитов		6 месяцев		
	Шафей	Зайтовы	19		
	Мухаммет		1		
	Именуемой служилым татаринном Бикбов Ермаков			37	
	Итого 8				
За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит					

³⁷ Ныне с. Кулмакса Нижнекамского р-на РТ.

³⁸ Ныне с. Каргали Чистопольского р-на РТ.

³⁹ Ныне д. Большое Кадряково Рыбно-Слободского р-на РТ.

	// [л.208об.]		
24	Нагайской дороги в деревне Аккузиной , именуемые мурзами Чокиными		
	Сали	} Абдуловы	14
	Шафей		10
	Хамит		8
	Амин	} Абдулвалимовы	17
	Абдей		1 месяца
		Итого 5	
	За ними дворовых людей в написании не состоит		
25	Тоеж дороги в деревне Муслюмовой , именуемые мурзами Чиревыми		
	Абрешит	} Муслюмовы	37
	Сагит		25
	Абдувагап	} Ишмухаметевы	29
	Абдулкарим		27
	Абдумень		24
	Абдулмязит		12
	У Абдувагапа сын Мухамметъ		9
	У Абрешита сын Апсалям		14
	Занудин Сагитов		4
	Сулейман Мусин		44
	У Сулеймана дети Ибраим		29
	Измаил		22
	Рахманкул		18
	Муртаза		11
	Рафик		6
	Итого 15		
	// [л.209]		
26	Нагайской дороги в деревне Большой Елге ⁴⁰ , именуемые мурзами		
	Абрешит Саферов		37
	Дети ево Абдрахман		15
	Гумер		11
	Якуп		3
	Абубакир	} Бакеевы	22
	Халил		20
	Даут Сулейманов		77
	Дети ево Искендер		48
	Смаиль		38
	Араслан	} Искендеровы	21
	Мамаслам		14
	Искак Арасланов		2
	Назыр Смаилов		6 месяцев
	Саиткул Зайтов		28
	Абдулла Саиткулов		1
	Ибрагим Саперов		46
	Дети ево Исхак		20
	Смаил		18
Якуп		15	
У Исхака сын Рахметулла		6 месяцев	

Сии на мурзинское название и на земли их жалованных грамот и никаких видов не имеют

Сей деревни Большой Елги Саиткул мурза Зайтов сын **Еникеев** предъявил грамоту, данную 7185-го года в июне месяце, по государеву, цареву и великаго князя Феодора Алексеевича указу, от боярина и воеводы Ивана Милославского, за думного дьяка Григорья Караулова, Кильмаметю, Кадряку, Араслану да Алею мурзам Шигаевым детям Еникеевым, на казанское в деревне Елгах поместье, и на сенные покосы, за Камою рекою, и на вотчину, и на полянку что на речке Шуранке, и на мельницы, и на крестьян, которые живут и впредь жить будут. Да список,

⁴⁰ Ныне с. Большая Елга Рыбно-Слободского р-на РТ.

	// [л.209об.]		
	Абдулгап Юсуп	Амины	33 15
	Муса Галей		13 9
	У Абдулгапа дети Башир		9
	Амир		4
	Мустафа Резепов		44
	У него сын Фейзулла		4
	Итого 28		
	В деревне Муслюмкине		
	Биккул	Усманы	37
	Мансур		27
	У Мансура дети Муртаза		10
	Рахманкул		8
	Курамша		2 месяцев
	Итого 5		
	За ними в деревне Болших Елгах по третичной ревизи в написании состоит четыре души		
	За тех дворовых людей платят подушные денги оные мурзы		
27	Алатской дороги Якуповой сотни Мурзина в деревне Уре , именуемые мурзами и князьями Хожесейтовыми		Сей деревни Уры Халил мурза Аминов князь Хожесейтов
	Назыр Кулушев		51
	Давыд	Назыровы	23
	Исхак		21
	Муса		11
	Мухаметшарып Давыдов		6 месяцев
	// [л.210]		
	Бактияр Терметев		55
	Абдулгази Апзяликин		18
	Сагит Апсалямов		33
	Дети ево Абдрешит		7
	Абдулкарим		3
	Мустафа Мусин		2
	Абдрахман Аиткулов		45
	Дети ево Тимиргалей		20
	Абдулгази		10
	Назыр		1
	Салтан Юсупов		37
	Баязит	Апсалямовы	21
	Маннап		9
	Абдрешит		7
	Бекчентей		6 месяцев
	У Салтана дети Рафек		14
	Реим		10
	Курмангали		7 месяцев
	Мусалим Мустаев		37
	Сын ево Манасып		17 1/2
	Давыд Рахманкулов		49
	Дети ево Бакей		17
	Сулейман		10
	Алкасы		7
	Ибрай		7 месяцев
			жалованных грамот не представил, а что предки ево были мурзы и князья, о том явствует в представленном от князей Яушевых о устройении рот списке

	Халил Аминев	49	
	// [л.210об.]		
	Халиловы дети Рахметулла	23	
	Салех	22	
	Айса	20	
	Муртаза	10	
	Мустафа	5	
	Апсалям	Дикеевы	40
	Абдулкарим		37
	Абзялиль		30
	У Апсаляма дети Абдулвагап	17	
	Абдулмукмень	5	
	Абдулкарима дети Манасып	4	
	Буязит	2	
	Абдул Резяпов	70	
	Сын ево Аптык	30	
	Ахья	Якуповы	18 ½
	Манасып		11
	Назир Токтамышев	29	
	Дети ево Тагир	9	
	Сулейман	½	
	Итого 50		
	Из них за Абдулкаримом дворовой человек один по третичной ревизи написан, и за нево подушные денги платит мурза оной		
	// [л.211]		
28	В деревне Наратлах , именуемые мурзами		
	Мухаметь аминь	Бакировы	25
	Абушахман		18
	Абузяр		15
	У Мухаметь Аминя сын Умер		1
	Татлы	Абдуловы	20
	Курманали		4
	У Татлы сын Амир		6 месяцев
	Итого 7		
	Всего по уезду Казанскому 426 человек		
	// [л.211об]		
	По Свияжскому уезду имянованные по скаскам служилыми мурзами		
1	В деревне Старой Барышеве ⁴¹		
	Мурадалей Уразаев сын князь Темеев		59
	Рафек	Недеровы	41
	Адылша		27
	Кадер	Кадырметевы	21
	Садырь		11
	Сабухан	Мурсалимовы	24
	Усман		21
	От них дети Азамат Мурадалеин		22

Сии на мурзинское звание и на земли их никаких видов не имеют

Сии мурзы предъявили в Свияжскую провинциальную канцелярию подлинную грамоту 7090 году царя и великаго князя Василья Ивановича всея России, что пожаловал он в своей отчине в казанской земле Горной стороны Барышевы волости Темеева отца княж Кочаковым княженьем, которой было со князем Ишеем с Кудабердеевым пополам, и в той волости в отца своего княженьем, тех людей, которые тут живут в своей половине, во всем судить и управа меж ими чинит и пошлины с суда имать на вино-

⁴¹ Ныне с. Старое Барышево Камско-Устьинского р-на РТ.

	Мукмень	} Рафековы	11	ватом на себя, и в царскую службу людей и збирать з земли своей половины, и ясак платить пожалованной по устной прежней грамот; и объявили ж они владеную выпись на дачи их земляные в той деревне и в протчих роду князь Ишеева местах, 1704 году от столника и воеводы Ивана Щепотева: людей дворовых и крестьян одноверцов не имеют
	Мукасан		8	
	Адыль	} Усмановы	4	
	Рахман		2	
	// [л.212]			
	Даут	} Смаилов князь Ишеев	40	Сии роду Бабирса князь Ишеева о данном ему княжестве явствует в вышепрописанной же грамоте князь Темея Кочакова, брата ему князь Ишеем двоюродно-ва, а к тому еще предъявили на княжество свое подлинную грамоту 7145 году царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руси за печатью черного воску государственнаго герба, данную Бибарису, Богдану мурзам князь Ишеевым и с коих Бибарисов внук Бикчура служил ротмистром в полку столника и воеводы Дмитрия Бахметева в 1701-м году, и в засвидетелствование того представили ж данной ему Бикчуре о бытии в том полку наказе; по грамоте велено им владеть землями в селе Барышеве и в протчих местах, да по двум владеным выписям: по первой 7193 году от столника и воеводы Ивана Нащокина, данной Борису мурзе Елбарисову, Мамешу мурзе Тогашеву сыну, Алею мурзе Богданову сыну князь Ишеевым, по второй 1702-го от столника и воеводы Дмитрия Бестужева Рюмина, мурзам Бикчуре Борисову, Умряку да Алею Надыровым детям князь Ишеевым же: людей дворовых и крестьян одноверцов не имеют же
	Адылша		22	
	Даутовы дети Абдул	12		
	Мухамьмет	10		
	Племянник их Юсуп Аитов	19		
	Якуп Бикчурин	49		
	Дети ево Мухаметь	27		
	Араслан	17		
	У Мухаметья сын Ахметь	2		
	Мурат бакы Маметь сеинов	61		
	Алька	} Недеровы	66	
	Амяки		63	
	Муртаза Умеркин	48		
	Исхак	} Мряскины	37	
	Каныш		34	
	Ахмер	} Алкины	26	
	Баязит		12	
	Мухамметь	} Амяниев	23	
	Усман		20	
	Абдрешит	} Мургазины	22	
	Абубакир		12	
	Аля		9	
	// [л.212об.]			
	Кильметет Досаев		68	Сии три семейства роду татарина Благодара, от которого внуку татарину Маметю, а Кильметеву деду Моксимову двоюродному пращуру, а Мухамметеву пращуру, за службу их даны поместные земли, и на те предъявили выпись 7191 году, данную от думнаго дворянина и воеводы Посника Агарева, а дворовых людей и крестьян одноверцов не имеют
	Моксим Абдулов		63	
	Мухамметь Романов		32	
	Салтан Килмететев		46	
	Дети ево Сагит		24	
	Хамит		20	
	Сулейман		1 ¹ / ₂	
	Салих	} Сагитовы	2	
	Ибрай		2 месяцев	
	Мурадалей	} Моксимовы	32	
	Надыр		27	
	Мамети		24	
	Карим		20	
	Роман		17	
	У Маметия сын Хасан		2	

	Валит Халит Хабит	Мухамьметевы	7 4 1 1/2	
	Салтан Мухаметъ	Адылкины дети	37 29	Семейство сие от роду татарина Москва Алеева, коева деду Апбаю Тереулову да братьям ево Яушу, Енбаю, Янбулату и их внуку Москову, а Адылкину отцу, за службы на поместные земли выписи, данные от воевод, первую
	Абдулхалел Аминь		25 12	
	У них племянник брата их умершева Усмана сын Мурат		30	
	// [л.213]			
	У них же дети Мурат баки Муса	Мухаметевы	4 полугоду	7129-го от Ивана Батурлина вторую 7101-го от Ивана Головина, третью 1702 годов от воеводы ж столника Дмитрия Бестужева Рюмина, предъявил и по тем поместными землями оные наличные их родственники владеют; людей и крестьян однодворцев не имеют
	Мустафа Абдулхалелов	1 1/2		
	Маметь Калметев	24		
	Итого в деревне Старой Барышев 61			
2	В селе Макулове ⁴²			Сии представили при поколенной росписи на владемые ими пашенные земли, сенные покосы и из однодворцов на крестьян и дворовых людей грамоты, данные предку их князю Тугушу от царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа России в 7081-м, в 7088-м, в 7091-м и в 7015-м годех; из сих последняя с надписью на обороте царя и великаго князя Феодора Ивановича, что дана она Аклыче мурзе да Курмышу мурзе: князь Чугушевым детям Девлетъ бакеевым; да ввозную грамоту 7188-го году с надписью ж
	Ибраима мурзы Алеева сына князь Ишеева дети			
	Усман	21		
	Яков	19		
	Оного ж Ибраима брат Алей Тоишев	65		
	Итого в селе Макулове 3			
3	В селе Ишееве ⁴³			на обороте царя и великаго князя Алексея Михайловича, данную помещикам свияжским мурзам Уразмаметю да Алейке Богдановым детям князь Ишеевым; во владении ж за ними ныне состоит однодворцов дворовых людей и крестьян написанных по третичной ревизии с ними Усманом, и Яковом, и дядею их Алеем наряду в подушной оклад за выключкою восприявших святое крещение трех; двадцать пять душ, которые исправляют как их мурз, так и свои работы, а подати за них платят они мурзы; и ишеевские мурзы роду их князь Ишея Кудабердеева, и Бикметю мурзы Неверова сына князь Ишеева; данную Неверу за службы на земляные дачи выпись 7195 году при росписи поколенной представили ж
	Баки мурза Бикметев сын князь Ишеев	41		
	Сын ево Тимербулат	1 1/2		
	Брат Апашь	26		
	У него дети Аит	7		
	Рахметулла	3 месяцев		
	Ермачко Тимофеев	61		
	// [л.213об.]			
	Дети ево Шарып	37	на обороте царя и великаго князя Алексея Михайловича, данную помещикам свияжским мурзам Уразмаметю да Алейке Богдановым детям князь Ишеевым; во владении ж за ними ныне состоит однодворцов дворовых людей и крестьян написанных по третичной ревизии с ними Усманом, и Яковом, и дядею их Алеем наряду в подушной оклад за выключкою восприявших святое крещение трех; двадцать пять душ, которые исправляют как их мурз, так и свои работы, а подати за них платят они мурзы; и ишеевские мурзы роду их князь Ишея Кудабердеева, и Бикметю мурзы Неверова сына князь Ишеева; данную Неверу за службы на земляные дачи выпись 7195 году при росписи поколенной представили ж	
	Смолян	34		
	Абдул	25		
	Айса	25		
	Абляз	10		
	Абдрий	4		
	У Смоляна сын Сагит	10		
	Мурадалейко Богданов	45		
	Дети ево Васка	12		
	Мансур	3		
	Адылша	полугоду		
	Амер	19		
	Ермей	17		
	Ерсалим	12		
	Ромашко Бикметев	45		
	Дети ево Абдрешит	6		
	Зайня	году		
	Итого в селе Ишееве 23			
4	В починке Урекееве ⁴⁴ мурзы			И сии предъявили в канцелярию провинциальную Свияжскую на название предков их мурзами и на поместные
	Мамеделейко Давыдов	51		
	У него сын Бухмень	20		

⁴² Ныне д. Татарское Макулово Верхнеуслонского р-на РТ.

⁴³ Ныне с. Ишеево Апастовского р-на РТ.

⁴⁴ Ныне с. Мурзино Апастовского р-на РТ.

	У Бухменя сын Велишь	месяцу	земли, и на дворовых людей выпиши, данные первую 7202-го мурзам Богдашке, Ураске Кулбарисовым детям Урекеева , вторую 7203, Давыду мурзе Юрьеву; да данной же в 7196-м годах от боярина и воеводы князь Михайлы Ромодановскаго из оных мурз Богдану мурзе Кулбарисову сыну Урекееву наказ о службе ево ротмистром	
	У него ж Мамеделейки племянник Мухаметъ Мустячкин	22		
	Бекей Тимралеин	14		
	// [л.214]			
	Мамеделей	Аблязейкины	26	И сии на мурзинское название и на поместную землю в разных местах имеют, данную деду их Нуркаю Кадерякову в 7188-м году выпись
	Муртаза		27	
	У них дядя Кадралей Абделеев		63	
	От них ж дети			
	Баки	Мухамеделеевы	8	
	Заиня		3	
	Хамит		полугоду	
	Ильяс	Муртазины	3	
	Минка		году	
	Кадырметь	Кадралейкины	20	
	Саиметь		12	
	Исай	Саинины	55	
	Бекей		51	
	Мурадалей		40	
	У сего сын Башир		11	
	Велиша Уразов		49	
	У него сын Сагит		8	
	Адылша	Араслановы	53	Сии мурзы имеют же во владении своем дворовых людей, Мамеделейко две, и Юсуп две, всего четыре души, произошедши ко отроду значущихся вышепомянутых 7188-го и 7203 годов выписях и в отказных книгах подворно, а в подушном окладе состоящих с ними наряду, которые за них платят они мурзы
	Юсуп		48	
	Абдрахман		40	
	Умер Салтанов		51	
	Усман	Адыльшины	22	
	Бакир		20	
	Хурамша		18	
	Байдямша		12	
	Фазы		7	
	Якуп		5	
	Усмана сын Заиня		полугоду	
	Абдря	Абдрахмановы	6	
	Шариф		4	
	Абьбяс		году	
	Абдрафек Умеров		17	
	Итого в починке Урекееве		36	
	// [л.214об.]			
5	В деревне Кугеев ⁴⁵			Сии объявили в канцелярию о произшествии их от Семекея мурзы князь Кугеева поколенную роспись и три ввозные грамоты от царя и великаго князя Михайлы Феодоровича в 7145-м и 7146-м годех, данные оному Семекею мурзе князь Темееву на разные земляные дела в поместье и представили ж Ишмаметева отца Ибраима мурзы князь Кугеева о службе
	Сабханкул мурза Калметев сын Кугеев		57	
	Заини мурзы Кирилова сына князь Кугеева дети Мряз		17	
	Халиль		6	
	Ишмаметь мурзы Ибраимова сына князь Кугеева, по крещении Семена Феодорова сын некрещеной Даут		16	

⁴⁵ Ныне с. Кугеево Зеленодольского р-на РТ.

	Сеита мурзы Сулейманова сына князь Кугеева сын Усман	29	в 7196-м году ротмистром, данной ему наказ, людей и крестьян одноверцов не имеют
	Дети ево Якуп	8	
	Хамит	2	
	Итого в деревне Кугееве 7		
6	В деревне Старой Бурнашеве ⁴⁶		Сеи Муртаза объявил поколенную роспись, што они от роду Кабика мурзы Сунчалеева, а данные предкам их за службы, на земляные дачи и на протчие угод[ь]я грамоты и выписи в случившейся в той деревне Бурнашев пожар згорели; толко имеют у себя копию, списанную в Вотчинной коллегии со списку переписных книг думнаго дворянина Ивана Анячкова 155, 156, 157, 158 и 159 годов, по которой в Каменском стану на 125-м листу значат деревни Бурнашевой Кобяк мурза Сунчалеев да Кибек мурза да Уразбахта Сунчалеевы дети Бускеевы, после коих пашенною землею и всякими угодьи они владеют, а дворовых людей и крестьян не имеют
	Муртаза Митрейкин сын князь Бускеев	37	
	Дети ево Солты	16	
	Усман	году	
	Ево ж братья Мухамедели	22	
	Мукмень	7	
	Шарып	5	
	У Мухамеделя сын Халит	3-х месяцев	
	Умершаго мурзы Мамедели Тюмекева, а Муртазина троюродного брата сын Василей	7	
	Итого в деревне Бурнашеве 8		
	// [л.215]		
7	В деревне Степных Еналях ⁴⁷ , именуемые по скаскам ревижским служилыми татарами		Сии в покаленной росписи изъяснив, что род их от Алексея мурзы Елбарсова сына князя Ишеева , предъявили и данную оному предку их за службы ево на земляные дачи выпись 7192 году от думнаго дворянина и воеводы Посника Агарева и что оное Алексея мурза в 7196-м году был на службе ротмистром, данной от боярина и воевод князя Михаила Рамадановскаго наказ
	Сулейко Сулейманов	50	
	Дети ево Халил	16	
	Мурат	11	
	Якуп	4	
	Его же брат Аитка	63	
	Итого в деревне Степных Еналях 5		
8	В деревне Верхних Балтаях ⁴⁸ , именуемые по скаскам ревижским служилыми татарами		От сего в поданной поколенной росписи показано што он роду служилаго татарина Василья Богданова сына Альшева , прадеда ему, и за службы ево с меньшими братьями недорослями Семенейком и Суражметком, на данные им в поместье земли и на дворовых людей представили подлинные выписи, первую 7153-го от воеводы князя Вашликовическова, вторую 1703-го годов с переписных книг, по которым оной Мукменкин имеет во владени дворовых людей одноверцов двенадцет душ, написанных с ним в подушной оклад наряду, а подати за них в казну вносит он Мухаммет Шарыпов и по второй ревизии за отцом ево Мекменем дворовых людей в написани состояло 6 душ
	Мухаметь Шарып Мукменкин	37	
	Дети ево Мухамметрахим	15	
	Рахметулла	10	
	Мухамедияр	8	
	Алики	5	
	Аблязь	4	
	Юсуп	3	
	Назыр	1 1/2	
	Итого в деревне Верхних Балтаях 8		
	// [л.215об.]		
9	В деревне Багишеве ⁴⁹ и Степных Еналях , именуемые по скаскам ревижским служилыми татарами		И от сих предъявлены данные предкам их Янгилде Енадарову и сыну ево Митке, за службы на поместные земли и на

⁴⁶ Ныне с. Старое Бурнашево Апастовского р-на РТ.

⁴⁷ Ныне д. Степные Енали Буинского р-на РТ.

⁴⁸ Ныне д. Верхнее Балтаево Апастовского р-на РТ.

⁴⁹ Ныне с. Багишево Апастовского р-на РТ.

	Умерших Дмитрия Сюкеева Енайдарова сына Салтаналея сын Мухаметелей	30	крестьян одноверцов так же и на название их служилыми татарами выпиши, первая 7138-го от воеводы Никиты Мезецкова, вторая 7159-го от воеводы Семена Измаилова, третья 7200-го от столника и воеводы Дмитрия Арсеньева, четвертая 7207-го с переписных книг и Ахметеву отцу Шафею, данная в 749-м году из следственной в Уфе комиссии, на башкирят купленных им Шафеем, и данных ему за верную службу, выпишь за рукою генерала лейтенанта Соymanова; по тем выписям пашенною землею и всякими угодьями владеют они все вообще людьми, крестьянами, написанными в подушной оклад с ними наряду, Ахметь, Усман и брат их двоюродной Абдрешит; а башкирцами
	Дети ево Абделькарим	23	
	Абдрешит	21	
	Абдулсалим	20	
	Абдулмаметь	17	
	Мухаметьрахим	17	
	Баязит	15	
	Мухамедеям	4	
	Братья двоюродные } Исхкак } Якуповы, Юсуп } а Сюкеевы правнуки	7 5	
	Умершаго Мухамметьшафея, сына означеннаго Дмитрия Сюкеева, бывшего переводчиком афицерскова чина дети, положенной во вторую и третью ревизи в подушной оклад, Абдрешит	18	
	Прижитой после второй ревизии в бытность уже отца ево афицером, и потому в подушной оклад неположен, Ахметь		
	Помянутого ж Сюкеева сына умершаго Митки внучата, Махмут } Масягут } Дмитриевы	22 21	
	У Махмута сын Хамит	5	
	// [л.216]		
	Сюкеева ж брата Якова сына умершаго Сабайки сын Абдульбакей	34	один Шафеев сын Ахметь, всего тех дворовых людей крестьян и башкирцов по скаске к третей ревизи к платежам податей показано за ними 96 душ, а по 2-й ревизии состояло их Усмана Дмитриева сына Енайдарова за женою вдовою 4 За Солтаном Дмитриевым сыном Енадаровым 6 За переводчиком Шафеем Дмитриевым сыном Енадаровым 82 Всего 125 душ
	Племянник Абдулбакеев Мукмень Ермачков	13	
	Сюкеев же брат Ибрай Алкин	45	
	Дети ево Альметь	37	
	Сапар	10	
	Абдрешит	6	
	Ашир	3	
	Башир	2	
	Дамухаметь	2	
	Сулейман	недели	
	У Алметя сын Амир	20	
	Итого во оных обеих деревнях Багишеве и Еналеях 25		
10	В деревне Болших Ширданех ⁵⁰		Сии происходящие от роду служилаго татарина Досайки Аишева сына Баишева , предъявили на данное оному Досаю земли и дворовых людей одноверцов, ввозную грамоту 7180-го году от царя и великаго князя Алексея Михайловича, да выпиши от разных воевод
	Абубакир } Умер } Рахманкуловы Махмут }	40 35 25	
	Абдулвахапка } Абдрешит }	56 49	
	Сын ево Мухаметьфазил	21	
	Алямша Адлышайкин	Году	
	Бикбов Кадырметов	37	
	Сын ево Халиль	году	
	Итого 9		
	// [л.216об.]		
11	В деревне Азелеях ⁵¹		

⁵⁰ Ныне с. Большие Ширданы Зеленодольского р-на РТ.⁵¹ Ныне с. Татарское Азеево Зеленодольского р-на РТ.

	Аитко Муратов	64	землями все оные в трех селениях служилые татара владеют, а дворовых людей имеют толко биябашевские Муртазачко да Рахметь, по последней третьей ревизи 14 душ, и по написанию их с ними наряду подати за них платят	
	Сын ево Ибраим	25		
	Безим Заитов	18		
	Итого 3			
12	В деревне Баябашах ⁵²		А по второй ревизии дворовых людей состояло в Ширданах и Азелеях за муртазачкиным отцом служилым татаринном Алеем Ибраимовым 18 душ	
	Муртазачко Алеев	47		
	Дети ево Махмут	16		
	Максют	11		
	Башир	9		
	Рахметь Османкин	23		
	Итого 5			
	Всего по Свияжской провинции 193 человека			
	// [л.217]			
	По Синбирскому уезду , именуемые в ревижских скасках служилыми мурзами и татарами			
1	В деревне Алезляевке Алексеевка тож ⁵³		Сего мурзы Асана Муралеева сын Якуп Асанов да племянник Надырша Курманаев, в канцелярии Синбирской провинциальной в нынешнем 780-м году показание зделали предки их прежде сего жителство имели Синбирскава ж уезда в деревне Старой Тимошкиной ⁵⁴ на купленной земле, и там в первую и во вторую ревизи написаны, а после второй ревизи перешли оттуда во оную деревню Алезляевку на купленную ж ими у служилых татар землю, и на ней в третью ревизию в подушной оклад они Асан с семейством написаны; о названи их мурзами никаких жалованных грамот не имеют, а представили толко подорожную деду их ротмистру Асану мурзе Муралееву сыну князь Богданову, данную в 737-м году апреля 29 дня в Санкт-Петербурге за подписом Ивана Чебышева, об отвозе из Адмиралтейской коллегии писменных дел в Москву, в Новгород, и в Казань; да указ, данной в 1708-м году ноября 22 дня за подписом генерала поручика Баура, полковнику Сафару мурзе Муралееву сыну князь Богданову о сыске беглых мурз и татар, а в том же указе показан у онога Сафара в команде родственник их Резеп мурза Муралеев сын князь Богданов. Людей дворовых и крестьян за ними по ревизи в написани никого нет	
	Асан мурза Муралеев сын князь Богданов	69		
	Дети ево Муртаза	32		
	Тимирбулат	22		
	Якуп	20		
	У Муртазы сын Ахмер	3		
	Ево же Асана племянники от брата рожденные Батей Курманаев	32		
	Надырша Курманаев	29		
	У Батея сын Курамша	месяца		
	У Надырши сын Шафей	полугоду		
	Валша Курманаев	25		
	Арман Резепов	20		
	Дети ево Нагай	7		
	Аит	4		
	Сеит	2		
	Внуки Абдул	20		
	Абрешит			14
				Абделшины
	Усман мурза князь Енгальчев	39		Сей в канцелярии Синбирской объявил, что предки ево сходцы ис Кадомскаго уезду до прежней еще переписи на купленную во оной деревне земле, на которой те предки ево в первую перепись, а он Усман во вторую и в третью ревизии

⁵² Ныне с. Средний Биябаш Апастовского р-на РТ.

⁵³ Ныне с. Алексеевка Кузоватовского р-на Ульяновской обл.

⁵⁴ Ныне пгт. Старотимошкино Барышского р-на Ульяновской обл.

			вообще с служилыми ж татарами написаны, на название предков ево мурзами никаких жалованных грамот не имеет, а представил толко данной в 1710-м году июля 22-го дня в Ярославле за подписом генерал маиора Инуса фон Иберсетета, о увольнении из арми деда ево мурзы Смоляновы князь Янгальчева за старостию в дом пашпорт, людей дворовых и крестьян никово в написани за ним нет
	Итого в деревне Алезляевке 19		
	// [л.217об.]		
2	В новопоселенной деревне Верхней Ахметюлей Мосеевка тож ⁵⁵		Из сих Ибрай мурза Мустаев в канцелярии Синбирской показал, предки их откуда сходцы не помнит, а жителство имели во оной деревне на купленной у татар же служилых земле, на которой те предки в первую перепись, а они во вторую и третью ревизи написаны вообще с служилыми ж татары; о названи их мурзами жалованных грамот не имеют, а представил толко указ, данной в 708-м году ноября 22-го дня за подписом генерал поруччика Баура полковнику Сафару мурзе Муралееву сыну князь Богданову о сыске беглых мурз и татар, и в том же указе написан у анаго полковника в команде родственник их Резеп мурза Муралеев князь Богданов, людей дворовых и крестьян никово о написани за ним нет
	Мусай Мурзаханов сын Богданов	51	
	Мустафа Мурзаханов сын Богданов	50	
	Сын ево Ибрай	13	
	Адюкай Мурзаканов сын князь Богданов	39	
	Дети ево Аюп	11	
	Шафей	3	
	Ибрай Исеинов сын Богданов	37	
	Бушай Сеинов сын князь Богданов	12	
	Брат ево Абляс	5	
	// [л.218]		
	Вялша мурза Сулейманов	24	Сии о предках своих отколе они сходцы не помнят, а жителство в той деревне имеют до второй еще ревизии на покупной земле, на мурзинское звание жалованных грамот и никаких видов не имеют
	Братья ево Якуп	20	
	Абдрахман	15	
	Юнус мурза Темралеев сын князь Мямин	53	
	Дети ево Байбек	10	
	Нагай	8	
	Абдулла	6	
	Шафей	3	
	Итого в деревне Ахметлеях 17		
3	В деревне Новой Чертаклее Аменяшево тож ⁵⁶		Из сих Юмай Мансуркин да Исай Курметев показали, что предки их сходцы ис Кадомскаго уезда до прежней еще переписи на жалованную землю, и представили копию с отказных книг, данную в 7191-м году в Керенску ис приказных избы, предкам их Искаю, Мамаделею да Кадралею мурзам Ишеевым детям князь Мяминым, на поместье их тридцать семь четвертей в поле, а в дву по тому ж, с лесы и санными покосы, и на дикия угоды, и на крестьян; но оных за ними ни по второй, ни по третьей ревизи в напи-
	Мансурка мурза Минашев сын князь Мямин	49	
	Сын ево Юмай	25	
	Сего сын Курманай	году	
	Того ж Мансурки племянник Асай Курметев сын князь Мямин	25	

⁵⁵ Ныне с. Ахметлей Николаевского р-на Ульяновской обл.

⁵⁶ Ныне в составе с. Неверкино Неверкинского р-на Пензенской обл.

	Внучета Байбек Бахтей Шабай Мусяй Муракай	дети Халеевы	12 8 6 4 3	сани не было, и других никаких на мурзинское и княжеское звание видов не имеют
	// [л.218об.]			
	Таир Наигов сын князь Акчурин		47	Сии сходцы ис Кадомскаго уезду на жалованную им землю до второй еще ревизи, и как во оную, так и в третью ревизи писаны с прочими служилыми татарами вообще, а на жалованную землю и на мурзинское звание жалованной грамоты и никаких видов не представили
	Брат ево родной Касим Чапкунов		18	
	Племянники их Маметь Калюков		6	
	Ибраим мурза Резепов сын Шахмамтев		47	
	Дети ево Ахмер		15	
	Амир		10	
	Магдей		году	
	Итого в деревне Чертанлей 16			
4	В деревне Старой Тимошкиной			Сей выходец ис Крыму до первой переписи, с семейством оным ево жителство имел в Алаторском и Арзамаском уездах на жалованной земле, а после первой переписи вышли они во оную деревню Тимошкину
	Умершаго Кадырметя мурзы Курманалеева князь Камаева дети			
	Надырша		47	
	Айса		45	
	Мусай		44	
	Вялша		39	
	Муртаза		37	
	Явяз		35	
	Аббяс		26	
	Баязит		22	
	Селим		20	
	У Надырши дети			
	Ефес		11	
	Ягутя		9	
	У Айса дети Касим		21	
	Абушай		15	
	Шарип		14	
	Рамазан		году	
	// [л.219]			
	У Касима сын Камзафар		полугоду	на купленную ими землю; но крепостей, и на мурзинское звание жалованных грамот и никаких видов не представили ж
	У Мусея сын Толмаметь		13	
	У Вялша дети Бикул		14	
	Аюш		12	
	Юрей		6	
	Сулейман		недели	
	У Муртазы сын Демина		4	
	У Баязита сын Балтей		недели	
	Якуп Сулейманов		37	
	Юнус	Акмаиловы дети	14	
	Зайт		11	
	Кутлямет		7	
	Итого в деревне Старой Тимошкиной 27			
5	В деревне Метелеях ⁵⁷			Сии сошли Керенскаго уезда из деревни Чугуш ⁵⁸ на жалованную и покупную землю до первой еще переписи, а жалованных грамот и никаких видов не имеют
	Абдрахман мурза Мустаев сын Билюков		61	
	Дети ево Ибрай		39	
	Исмаил		38	
	У Ибрая дети Абляс			
	Сафар			

⁵⁷ Ныне с. Ахметлей Николаевского р-на Ульяновской обл.

⁵⁸ Нет сведений.

	У Исмаила дети Нагайбек	14		
	Исаин	13		
	Итого в деревне Метлеях 7			
	// [л.219об.]			
6	В деревне Шлалак Ключищи тож ⁵⁹		Из сих Сулейман мурза Батыршин в канцелярии Синбирской показал, что предки их сходцы Кадомского уезду из деревни Очкеевой ⁶⁰ Пензенского уезда в деревню Челбаеву ⁶¹ , на жалованную землю до прежней еще переписи, и там в подушной оклад в первую и во вторую ревизии написаны, а они после второй ревизи сошли во оную деревню Шмалак на купленную землю, и написались там в подушной же оклад, на звание мурзинское и на земли жалованных грамот не имеют, а представил толко грамоту, данную из Москвы в 7202-м году столнику и воеводе Дмитрею Загоскину, об отставке от службы родственника их Аслана мурзы Уразова сына князь Утяшева, какова ж он чину был, в той грамоте не явствует	
	Курмаш мурза Батыршин сын Утяшев	64		
	Дети ево Надырша	36		
	Шарбердей	30		
	Ескуп	27		
	Байбек	20		
	У Надырши дети Салех	4		
	Шафей	полугоду		
	У Шарбердея сын Амир	2		
	У Юскупа дети Касим	3		
	Надер	2		
	Курамшины братья родныя, Салейман Батыршин сын Утяшев	48		
	Якуп Батыршин Утяшев же	38		
	Сего дети Аюп	14		
	Абдул	10		
	В той же деревне Усей Бикметев сын Бибарсов	46		И от сих представлена одна только грамота, данная в 7211-м году и с приказа Казанского дворца
	Сын ево Сулейман	23		
Его ж братья Тимирбулат	36			
Курамша	25			
У Тимирбулата дети Ромазад	9			
Бахтей	2			
// [л.220]				
У Курамши сын Абдул	2 недели	стольнику Дмитрию Бахметеву об отставке от службы родственника их мурзу Салтакаева сына князь Бибарсова, а жалованных грамот никаких у них нет		
Юнус Маменкулов Бибарсов	45			
Дети ево Курмаш	19			
Ягудя	13			
Бахтей	6			
Мусей Надыршин сын Бибарсов	27			
Ибрай Аделшин	36			
Сын ево Резеп	полугоду			
Ево ж брат Якуп	21			
Казбулат Кадряков сын Бибарсов	50			
Дети ево Муртаза	23			
Вялша	21			
Бадамша	19			
Санюк Кодряков сын Бибарсов	35			
Дети ево Шафей	4			
Алмакай	году			
Нагай Илюнин сын Бибарсов	37			
Дети ево Байбек	5			
Айбай	году			
У него ж братья Алей	30			
Аюкай	26			
У Алея сын Адикай	2			
У Аюкая сын Ромазан	месяца			
В той же деревне	48			

⁵⁹ Ныне в составе с. Сосновый Овраг Неверкинского р-на Пензенской обл.

⁶⁰ Нет сведений.

⁶¹ Нет сведений.

	Сафир Иванашев			
	Хантеяр	Кантеевы	8	
	Маметзелей		5	
	Валша Асеинов		25	
	Итого в деревне Шмалак 47			
	// [л.220об.]			
7	В деревне Новой Терешке ⁶²		Сии живут на покупных землях, а жалованных грамот и никаких крепостей не имеют	
	Елей мурза Бикбулатов			74
	Дети ево Аблей мурза			37
	Асей			27
	Тимиргазей			21
	Сульман			18
	Абдрезяк			12
	Сулук			14
	У Аблея дети Байбек			3
	Малюк			году
	У него ж племянники Улбек			14
	Албик			12
	Каметь			3
	У Асея сын Айса			4
	У Темергазея сын Салтан			4
	В той же деревне Касим мурза Смоляков сын князь Идербердеев			47
	Дети ево Бахтей мурза		39	
	Якуп		34	
	Усман		24	
	У Бахтея дети Салук		13	
	Салим		году	
	У Якупа сын Мустафа		году	
	// [л.221]			
	Вялша мурза Иванашев князь Идербердеев		67	
	Дети ево Имангул		24	
	Адельша		21	
	Шафей		7	
	Нурмет мурза Усмаков		35	
	Братья ево Юний		25	
	Умер		10	
	Итого в деревне Новой Терешке 28			
8	В деревне Мурзиной Золотой Ключ тож ⁶³		Сии жителство имеют на покупной у служилых татар земле, а на мурзинское звание грамоты и никаких видов у них нет	
	Аит мурза Сулеев			31
	Сын ево Мусякай			2
	Биккиней Биккулов			10
	Ромазан Измаилов			29
	Сын ево Сеит			2
	У него брат Ибракай			23
	Сын ево Салим			14
	Субукан Кадырметев			35
	Дети ево Рахман			18
	Ахмер			14
	Минай			5
	Абедул		3	

⁶² Ныне с. Новая Терешка Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.

⁶³ Нет сведений.

	Баязит Кадырметев	33	
	Сын ево Багдал	16	
	// [л.221об.]		
	В той же деревне Шафар Нагаев сын Дулатов	27	Сего предки сходцы ис Темниковскаго уезду, во первых жили Пензенскаго уезду в деревне Нагаевке ⁶⁴ на жалованной земле, а оной Дулатов сошел оттуда в Синбирской уезд после второй ревизи на купленную им у служилых татар земле, на звание мурзинское грамот не имеет, а объявил толко пашпорт, данной в 732-м году от бывшего в Воронежской губернии у збору подушных денег флота лейтенанта Лукина, отцу ево Нагаю Бигееву сыну Дулатову, означающей, что он отпущен з дворовыми людьми в деревню Мурзину на житы, да квитанцию, данную в 1703-м году в Темников и с приказныя избы, в платеже за бывших у предков ево во владени крестьян подушных денег, а ныне за ним Дулатовым людей и крестьян никово нет
	У него дети Якуп	6	
	Измаил	4	
	Курмакай	1	
	Итого в деревне Мурзиной 18		
9	В деревне Старых Метлях ⁶⁵		
	Бадамша мурза Надыршин	20	Сии живут на общей с протчими служилыми татарами земле
	Брат ево Абдусалим Аделшин	18	
	Итого 2		
10	В деревне Озерках Терешка тож ⁶⁶		
	Илюк мурза Иммуков сын Козин	59	Сии показывают, что предки их
	// [л.222]		
	Дети ево Козина Аюк	21	сошли ис Темниковскаго уезду до прежней еще переписи на покупные земли, а крепостей и жалованных грамот не имеют
	Ефер	9	
	Братья ево Адылша мурза Тимуков	45	
	Надырша	40	
	У Адулши дети Сулейман	4	
	Юмер	2	
	У Надырши дети Шафей	7	
	Исмаил	полугоду	
	Итого в деревне Озерках 9		
11	В деревне Средней Терешке ⁶⁷		
	Вялша мурза Усманов сын Тенишев	54	
	Дети ево Измаил	28	
	Нагай	20	
	Араслан	20	
	Мусяй	3	
	Итого 5		
12	В деревне новопоселенной Кулатке ⁶⁸		Из сих Салтан Сулейманов сын князь Богданов в канцеляри Синбирской показал, что предки ево после прежней переписи сошли во оную деревню из Шатского уезду на жалованную землю,
	Аюк мурза Сулейманов сын князь Богданов	23	
	Дети ево Надей	8	
	Ефер	2	
	Ево ж братья Якуп	21	
	Салтан	18	
	У Якупа сын Ягуда	3	
	// [л.222об.]		

⁶⁴ Нет сведений.⁶⁵ Ныне с. Ахметлей Николаевского р-на Ульяновской обл.⁶⁶ Нет сведений.⁶⁷ Ныне с. Средняя Терешка Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.⁶⁸ Возможно ныне в составе пгт. Старая Кулатка Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.

	Онаго ж Аюка племянники родные		
	Курамша	} Аделшины	12
	Абдул		10
	Муртаза мурза Резепов сын князь Богданов		42
	Брат ево Вялша мурза князь Богданов		12
	Итого в деревне новопоселенной Кулатке 10		
13	В деревне Бестиурлево Враге ⁶⁹		
	Батырша мурза Умеров		36
	Сын ево Заит		10
	Итого 2		
14	В деревне Лебежанке Вязовой Гай тож ⁷⁰		
	Якуп мурза Аделишин сын Алишев		43
	Дети ево Махмут		16
	Шафей		13
	Тимирбулат		12
	Курамша		10
	Баязыт		8
	Племянник Мустафа Давыдов		12
	Ево ж Якупа брат Сюлюк		32
	// [л.223]		
	У него сын Нагай		8
	Мансур мурза Ромазанов		21
	Итого в деревне Лебежанке 10		
15	В новопоселенной деревне Сулеймановой Новой Мостяк тож ⁷¹		
	Нурка мурза Уразаев		52
	Дети ево Махмут		39
	Бешер		30
	Асан		19
	Кадерметь мурза Уразмаев сын Ишбулатов		25
	Дети ево Азикан		4
	Салюк		2
	Брат ево Сулейман		20
	В той же деревне		
	Абдюк мурза Терентьев сын Тугушев		50
	Дети ево Резеп		37
	Измаил		14
	Асан		4
	У Резепа дети Салюк		8
	Мустафа		году
	У Абдюки племянники Юнус Осипов		22
	Юмас Осипов		18
	Итого в деревне Сулеймановой 16		
	// [л.223об.]		
16	В деревне Мостяке ⁷²		
	Юсуп мурза Кадралеев сын князь Богданов		46
	Брат ево Мухаметь Кадралеев		43
	У него дети Ахмер		8
	Шафей		4

⁶⁹ Ныне с. Шланга Дрожжановского р-на РТ.

⁷⁰ Ныне с. Вязовый Гай Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.

⁷¹ Ныне с. Новый Мостяк Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.

⁷² Ныне с. Старый Мостяк Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.

	Ибатулла	году	
	Мавлют Сеитов	37	
	Дети ево Юмай	15	
	Бактей	3	
	Ево же брат Мустафа	18	
	Итого в деревне Мастяке 9		
17	В деревне Верхней Терешке ⁷³		
	Шабай мурза Мамеделеев сын князь Богданов	49	
	Дети ево Надырша	29	
	Аделша	23	
	У Надырши сын Якуп	2	
	Батырша мурза Курамшин	19	
	Брат ево Шабай	году	
	Итого в деревне Верхней Терешке 6		
18	В деревне Кармале ⁷⁴		И сии сходцы ис Темниковскаго и с Кадомскаго уезду на владеемые ими
	Сафар мурза Курамшин сын Енгальчев	46	
	У него Аделша	22	
	Якуп	18	
	Сулейман мурза Семенов сын князь Мямин	36	
	// [л.224]		
	Якуп Шабанов сын князь Мямин	30	во оных деревнях земли, а на княжеское и мурзинское названии жалованных грамот, и никаких писменных видов не имеют же
	Братья ево Аюп	16	
	Резеп	8	
	Итого в деревне Кармале 7		
19	В деревне Новой Шмалаке ⁷⁵		
	Газей Тимралеев сын князь Мямин	62	
	Сын ево Аюп	32	
	Итого 2		
	Всего по Синбирскому уезду 257 человек		
	// [л.224об.]		
	По Алаторскому уезду именующихся в сказках ревижских мурзами служилыми		
	В деревне Ломат ⁷⁶		Из сих мурз Кадралей Ханов и Якуп Ибрай Ханов, в канцелярии Алаторской провинциальной доношением объявили, прапрадет их Ямяш мурза князь Мангушев , а Ибраев дед Кудяш Уразов, во 196-м году мурзами именованы и оному Ямяше дано поместной земли двести четвертей, и были за ними крестьяня, но за некрещение отобраны, деды ж Сафар и Ураз Мянгушевы служили ротмистрами; в доказательство того представили с писцовых книг 132-го, 133-го и 134 годов писца Дмитрия Пушечникова, за приписью под[б]ячего Афонася Костяева, и за печатью выпись: да данные во 196-м году сентябрю 6-го дня от воеводы князя Михаила Ромодановскаго, и столника
	Ибрай Ханов	46	
	Дети ево Кадралей	22	
	Мухамметь	18	
	Сулейман	13	
	Иосип	10	
	Сафар Ханов		
	Сын ево Абдрешит		
	Адерша	33	
	Курамша		
	} Байтемировы		
	Абузяр Велишин	3	
	Батерша Хайтемиров	34	
	Дети ево Мустафа	8	
	Бахтей	5	
	Аюп Мусеев		
	Брат ево Муртаза		

⁷³ Ныне с. Верхняя Терешка Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.

⁷⁴ Ныне с. Кармалей Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.

⁷⁵ Ныне с. Татарский Шмалак Павловского р-на Ульяновской обл.

⁷⁶ Ныне с. Ломаты Дубёнского р-на Республикаи Мордовия.

	Надер	Осиповы	24	
	Мурсалим		23	
	Темирбулат Мегдеев		19	
	Усман Ханов		37	
	Сын ево Абдрешит		7	
	// [л.225]			
	Сулейман Ханов		34	Дмитрия Бахметева списки, а о родстве поколенную роспись, по которым явствует: в выписке с писцовых книг за алаторским за Ямашем мурзою князь Мангушевым в поместье жеребеи, деревни Мянгуловы двор помещиков, два двора люцких да крестьянских семь дворов, а бобыльских людей по имяном тринадцат человек, земли ему дано двести четвертей, за государевой подати велено платить з живущаго с трех четвертей: с третником пашни в списках 196 года по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, и великия государыни, благоверной царевны и великия княжны Софии Алексеевны, боярин и воеводы князь Михаила Ромадановской с товарищи приказали быть в ротмистрах алаторскому Кудяш мурзе Уразову сыну князь Мангушеву,
	Сын ево Мансур		9	
	Ибрай Сафаров		63	
	Сын ево Якуп		32	
	У него дети Абдрахман		7	
	Абдулхалим		2	
	Кутламамать Ибраев		22	
	// [л.225об.]			
				в порутчиках Борису Уразову, в хорунжиях Батею Миняшеву сыну Агишеву, для того, что по указу великих государей во всех полках бояр и воевод сотники и головы оставлены, а велено устроить ратных людей в ротах и быть у них ротмистром порутчиком и хорунжим, для повышению честности против и на земских обычаев
	В той же деревне мурзы			сего Ханюка сын Сафар, по крещени Петр Степанов, поданным в канцелярию Алаторскую доношением изъяснил, что пращур ево Ямаш Мансыров был мурза вышедшей из Золотой Орды, и прадеду ево мурзе Бикбаю Мансыреву дана жалованная грамота, а деду мурзе Азамату Бекбаеву на землю и с приказу Казанска дворца выпись; но оные в 749-м году во время разорения и разграбления дому ево Саранского уезда помещика Новосилцова села Медаева крестьянами пропали, о чем в том же году подано в Темниковской канцелярии явочное челобитье
	Ханюк Азаматов		58	
	Сын ево Сафар		37	
	У Сафара дети Абубакир		8	
	Абдрахим		3	
	Ислан Исланов		70	И сего сын Аит, по крещени Гаврила Григорьев, поданным доношением объявил, что он
	// [л.226]			
	Дети ево Аит		22	на название пращура ево Ураза Батюкова сына Мустафина мурзою жалованной грамоты не имеет, и доказать того за
	Хайбек		10	
	Нагайбек		6	

			многопрошедшими годами не может; а представил толко копию с выписи 731-го года августа 1-го дня, данной от воевод Данилы Замятскаго да Григория Бахтеева, об отказе Арзамаского уезду мурзе Батюкову сыну Мустафину в ево окладе во сто семдесят четвертей земли, тритцети дву четвертей; но оная копия никем не засвидетельствована, а в прошлом 777-м году по силе присланного в Алаторскую канцелярию и с канцелярии конфискации, и прописанного в нем и с Правителствующаго Сената указов, отдано оному Григореву в овладение по наследству описное после князь Никиты Михайлова сына Мустафина, недвижимое имение, состоящее в Алаторском уезде в деревне Воротинцах
	Всего по Алаторскому уезду 35 человек		
	А во всех вышепрописанных Казанском, Свияжском, Синбирском и Алаторском уездах 911 человек		
Из вышепрописанных мурз, те кои представили жалованные грамоты и протчия виды, утверждают себя и все их семейства происходящими от написанных в тех грамотах по имяном князей и мурз, поданными поколенными росписми, изъясняя в них имянно кто от ково происходил; а явных на то доказателств и никаких посторонних за свидетельствованиев не представили; и не имеющие жалованных грамот утверждают же себя с семействами их ныне наличными в княжеском и мурзинском названиях толко написанием предков их, и их в том звании по минувшим ревизиям			

Князь Платон Мещерской

	// [л.227]			
Да по Казанской же правинции жители татара, именуемые по скаскам второй и третьей ревизией служилыми, состоящая к платежам податей в казну в равном с мурзами оными окладе				
	По Казанскому уезду			
1	Арской дороги Абзелиловой сотни Ибраева в деревне Куркачей ⁷⁷		Сей деревни Куркачей татарин Шафей Бакаев сын Саркеев представил в губернскую канцелярию две грамоты, 1-ю 7128-го в августе месяце, данную по государеву, цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всеа России указу, от боярина и воевод князь Бориса Лыкова да князя Федора Барятинскаго, служилому татарину Абдулу мурзе Саркееву на поместье ево Казанского уезда по Арской дороге в деревне Куркачей земли на дватцеть две четверти с полутретником в поле, а в дву по тому ж, на сеньные покосы, и на крестьян, которые у него живут и впредь учнут жити, и пашню на них пахать. 2-ю 7158 октября в 14 день, данную по государеву, цареву и великаго князя Алексея Михайловича указу, от боярина и воевод Глеба Моро-	
	Муртаза Мурат Шафей	Бакеевы		40 35 18
	Смаил Искак Абдрыхман	Ибраевы		23 20 13
	Абдрыхит Муратов			4
	Абдулкарим Абдреев			1
	Абдрыхит	Ибраевы		10
	Юзей			8
	Смаил Абдулгазей Аткей	Саиновы		25 14 10

⁷⁷ Ныне с. Куркачи Высокогорского р-на РТ.

	Итого 13		зова да околничьего князя Ивана Килкова служилому татарину деревни Куркачи Килмаметку да неверстанному брату ево Глевлейку, Абдуловым, на оное ж отца их Абдула мурзы Саркеева поместье
	Роду онова за Муртазою Бакеевым з братьями в той деревне Куркачах по третьей ревизии с татар же дворовых людей написано 3 души		
	// [л.227об.]		
2	Зюрейской дороги в деревне Енбулатовой ⁷⁸		Сей деревни Енбулатовой служилой татарин Тоймаметь Муслюмов представил в губернскую канцелярию две грамоты. 1-ю 7161 году июля 19, данную по государеву, цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Руссии указу от боярина и воевод князь Ивана Воротынского и князь Юрья Ушатова, служилому татарину Бигилде мурзе князь Маметеву , на поместье брата ево двоюроднаго Генкувата Еналычева в Казанском уезде в починке Трюк Тямте ⁷⁹ триста пятьдесят четвертей в поле, а в дву по тому ж, и на крестьян, которые за ним живут и впредь жити будут
	Тоймаметь	40	
	Биккул	21	
	Габидулла	10	
	Езуки	2	
	Аминь	44	
	Баки	40	
	Хаким	32	
	Биккенья	29	
	Саин	16	
	Самик Аминев	19	
	Абдрахман	32	
	Карим	22	
	Гюбай Абдрахманов	6 месяцев	
	Мухамметь	18	
	Исхак	10	
	Ишмаметь	5	
	Биккенья	20	
	Гайса	18	
	Яхья	10	
	Абдрахман Емметев	26	
	Дети ево		
	Муса	8	
	Айса	5	
	Халил	35	
	Амир	23	
	Абдул	21	
	Амир	18	
	Того ж роду в деревне Уре ⁸⁰ служилые ж татара		
	Абдрахман	33	
	Абдулгази	27	
	Апсалям	26	
	Итого 29		
	// [л.228]		
3	Зюрейской дороги Султанмратовой сотни Сеинова в деревне Тавали Хозяшева тож ⁸¹		Сей деревни Тавали Хозяшево тож татарин служилой, называющейся мурзою Сюндюковым , Ашир Смаилов представил выпись 7137 октября 30-го, данную от воеводы Бориса Салтыкова Казанскому служилому татарину Емею Козяшеву сыну Сюндюкову на еналейково
	Ибрай	48	
	Смаиль	45	
	Абрешит	24	
	У Ибрая дети Сагит	16	
	Шамыт	12	

⁷⁸ Ныне д. Ямбулат Тюлячинского р-на РТ.

⁷⁹ Ныне с. Трюк-Тямти Тюлячинского р-на РТ.

⁸⁰ Ныне с. Нижняя Ура Арского р-на РТ.

⁸¹ Ныне с. Татарское Хозяшево Пестречинского р-на РТ.

Юзи		8	поместье за Камою рекою бобровые ловли и лисьи гоны и бортное угоже; да память 7144-го марта 21, данную по государеву, цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всеа России указу от боярина и воеводы Ивана Шереметева о сыске Кузекею мурзы
У Смаила дети Баки		17	
Рафик		8	
Мукметь	} Козины	10	
Муса		3	
Биккул Аблаев		11	
Сапар Токтаров		47	
Ево дети Муксин		25	
Баки		21	
Муртаза		19	
Мустафа		17	
Сулейман		9	
Сагит		7	
У Бакейки дети Сулейман		6	
Хамит		3	
Токтамыш Максютов		21	
Сын ево Ихкак		3	
Аптыкей Алкин		26	
Сын ево Абдрешит		3 месяцев	
Ашир Смаилов		46	
Дети ево Салег		17	
Мухамметь		16	
Ахмер		11	
Юсуп		2	
Ильяс Ибрашев		29	
Муртаза Мусин		5	
Зеймекаш	} Аблаевы	25	
Губей		23	
Якуп Резяпов		9	
Башир Зейнекашев		3	
// [л.228об.]			
Сеин	} Асановы	60	Кутыева беглого человека Мякулки Богдашкина з женою и з детми, и в поленной росписи доводит себя и весь род свой в той деревне живущей происходящим от вышепомянутого в выписи Емея Хозяшева сына Сюдюкова
Кутлумамень		54	
Дети у Кутлумаменя, Исхак			
Хапиль			
Сулейман			
Ахмер			
Абдулкарим			
Дети у Исхака, Усман			
Муса			
Утяган	} Усеиновы	18	
Шафей		12	
Биккней		4	
Назыр		2	
Юсуп Биктемиров		54	
Москов Мусекеев		27	
Дети ево Масягут		3	
Махмут		году	
Мухаметь	} Юсуповы	18	
Гумер		9	
Муса		году	

	Ибрай	Калмаметевы	41	
	Муртаза		35	
	Ибрай	Асановы	36	
	Паизя		8	
	Абдулкарим	Ибраевы	10	
	Абдрыхим		году	
	Султамрат	Сеиновы	27	
	Мурсалим		20	
	Абьбяс		12	
	Сафар		9	
	Амир Салтамратов		3	
	Итого 66			
	За ними по третьей ревизии с татар же дворовых людей в написани			
	В той деревне Ходяшев			
	За Ибраем Калмаметевым 1			
	За Мукменем и Мусою Козиными 3			
	За Аширом Смаиловым 4			
	За Тактамышем Максютковым 1			
	В деревне Урмате			
	За Бакеем Саперовым 8			
	За Токтамышем Максютковым 3			
	За Салеем Ашировым 9			
	За Юсупом Бикметевым 8			
	Итого 37			
	За них подушные денги платят оные служилые татары			
	// [л.229]			
4	Зюрейской дороги Тюкеевой сотни Аднагулова в деревне Искубаш ⁸²			Сей деревни Искубаш Рахметулла Юзеев мурза Буреев предъявил грамоту, данную 7194-го году октября 21 дня по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, от боярина и воеводы князь Ивана Голицына с товарищи, Сеит мурзе Иштерякову сыну Бурееву на поместье ево в Казанском уезде по Зюрейской дороге в деревне Ускубаш земли на десеть четвертей, с лесы и с санными покосы
	Башир	Неязовы	22	
	Таир		15	
	У Башира сын Негаметулла		5	
	Рахметулла Юзеев		12	
	Биктемир Смаилов		41	
	Дети ево Мухамметьяминь		16	
	Нисьяндер		10	
	Итого 7			
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написани не состоит			
5	Нагайской дороги в деревне Аделшиной ⁸³			Сей деревни Адылшиной Батырша Адылшин, имянующейся князем Мемешевым предъявил грамоту, данную 7115 году в марте месяце от боярина и воеводы князя Григорья Куракина служилому татарину Нагайской дороги деревни Сингилей ⁸⁴ Уске Сарбашеву князю Мемешеву на рыбные за Камою рекою в Болшом Черемшане ловли
	Абдулхалим Абдюков		44	
	Батырша	Адылшины	33	
	Алей		15	
	Якуп	Адылшины ж	9	
	Юмагул		8	
	Исай		6	
	У Абдулхалима дети Амир		18	
	Баязит		9	

⁸² Ныне с. Верхний Искубаш Кукморского р-на РТ.

⁸³ Ныне с. Татарское Аделшино Чистопольского р-на РТ.

⁸⁴ Ныне с. Сингели Лаишевского р-на РТ.

	Махмут Максютов	8	
	Шарып Мытыев	18	
	Исай	24	
	Кустей	8	
	Мустей	4	
	Сагит	1	
	Итого 14		
	В деревне Тигине ⁸⁵		А сии никаких видов не имеют
	Кадралей Смаилов	44	
	Юсуп	14	
	Биктемир	6	
	У Кадралея сын Едигар	12	
	В деревне Яккузине ⁸⁶		
	Мансур	48	
	Абдулвагап	37	
	У Мансура дети Усман	17	
	Ахмер	11	
	У Абдулвагапа дети Рахметулла	4	
	Реим	2	
	Итого 10		
	За ними дворовых людей не имеетца		
	// [л.229об.]		
6	Нагайской дороги в деревне Большой Елге ⁸⁷		Сии на мурзинское название и на земли их никаких видов не имеют
	Ягафер	22	
	Садир	15	
	Муртаза	17 ½	
	Мурсалим	9	
	Юнус	6	
	Шафей Муртазин	3-х месяцев	
	Итого 6		
7	Арской дороги в деревне Красной ⁸⁸		Сеи деревни Красной Муртаза мурза Аитов князь Нурушев предъявил грамоту, данную 7093 года генваря 25 дня от царя и великаго князя Феодора Ивановича служивому татарину Бакшайду Нурушеву о пожаловани ево за службу князем
	Муртаза Аитов	35	
	Ремкул	38	
	Сапткул	30	
	Араслан	35	
	Абдулгази	27	
	Муксин	25	
	У Араслана сын Ишкенеи	8	
	Баязит Субаев	20	
	Аит Сабханкулов	21	
	Сафар Черюев	31	
	Итого 10		
	В деревне Урсяке ⁸⁹ того ж роду		
	Назыр Юнусов	40	
	Максют	35	
	Абдулка	21	

⁸⁵ Ныне с. Большие Тиганы или с. Нижние Тиганы Алексеевского р-на РТ.

⁸⁶ Ныне с. Средние Тиганы Алексеевского р-на РТ.

⁸⁷ Ныне с. Большая Елга Рыбно-Слободского р-на РТ.

⁸⁸ Ныне д. Красна Высокогорского р-на РТ.

⁸⁹ Ныне д. Татарское Кадряково Арского р-на РТ.

	Муртаза Аминев	23	
	Мухаметъ Сулейманов	20	
	Итого 5		
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит		
8	Нагайской дороги в деревне Старой Камкиной ⁹⁰		Сей деревни Старой Камкиной Абдрешит мурза Мамеделеев сын Мустафин предъявил грамоту, данную 7200 году августа 28 дня от великих
	Абьбесалям	41	
	Абдешит	34	
	Якуп	29	
	Абдулвагап	27	
	У Абдусальяма сын Реим	3-х месяцев	
	// [л.230]		
	У Абдрешита дети Рахметулла	7	государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, в Чебоксар столнику и воеводе Федору Румянцову об отказе за Смоляка мурзу Мустафина в Арзамаском уезде в деревнях Чекаеве и Камкине пустолежащего поместья
	Рахманкул	1	
	Сейфулла	10	
	Шафей	1	
	Бухарметъ	14	
	Демухамметъ	11	
	Фейзулла Мансуров	10	
	Итого 12		
	В деревне Старой Челне ⁹¹		
	Алмухамметъ Мамеделеев	17 1/2	
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит		
9	Нагайской дороги Абдрахмановой сотни Тараева в деревне Янбухтиной ⁹²		Сей деревни Янбухтиной Мустафа Садыков мурза Томашев предъявил грамоту, данную 7173 году февраля 28-го по государеву, цареву и великаго князя Алексея Михайловича указу, от боярина Михаила Салтыкова, и столника Ивана Котловскаго, служилым татарам Сарбашке да Бишшке Томашевым да Бигишке Караеву, на поместье и на рыбные ловли в деревне Сенгилах ⁹³
	Мустафа Садыков	32	
	Сын ево Исай	5	
	Утяган Хаббаев	27	
	Ишенба	43	
	Ишмаметь	29	
	Ишмухамметъ	17	
	Сагит Ишембаев	10	
	Салик	10	
	Мулласалим	8	
	Итого 9		
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит		
	// [л.230об.]		
10	Нагайской дороги в деревне Малой Какерле ⁹⁴		Сей деревни Малой Какерли Мендян мурза Девлетев предъявил две выписи, данные, 1-ю 7186 ноября 3 от столника и воеводы Ивана Зюзина Келдешу мурзе Теребердееву сыну Девлетеву, на отцовское ево в Алаторском уезде в Верховсунском стану поместье пашенной земли
	Мяндян Богданов		
	Аминь	18	
	Зюлкарнай	3	

⁹⁰ Ныне с. Старое Камкино Алькеевского р-на РТ.

⁹¹ Ныне с. Старые Челны Алькеевского р-на РТ.

⁹² Ныне с. Ямбухтино Спасского р-на РТ.

⁹³ Ныне с. Сингели Лаишевского р-на РТ.

⁹⁴ Ныне с. Новые Какерли Дрожжановского р-на РТ.

	Имай Шафей Ахмер Амир Хамет	Мендяновы	19 17 12 5 3	на восемьдесят восемь четвертей с третьником, а на крестьян 2-ю 7186 в ноябре месяце ему ж Келдюш мурзе Уразбахтееву с товарищи, на дедовское и отцовское их в том же уезде поместье девлевскую пустошь за речкою Лашею девяноста четвертей	
	Итого 8				
	За ними по третичной ревизи дворовых людей в написании не состоит				
11	Нагайской дороги в деревне Салтане ⁹⁵			Сей деревни Салтан Ахметь Бикеев мурза Текеев предъявил грамоту 7135 в декабре месяце, по государеву, цареву и великаго князя Михаила Феодоровича, данную от боярина и воеводы	
	Ермак Ишкеев		52		
	Дети ево Юзей		13		
	Рахметь		9		
	Биккенья		8		
	Саит Заитов		12		
	Саит Юнусов		45		
	Сагит Саитфулла Рахметулла	Саитовы	19 7 5		
	Сапханкул Рахманкул Юзей	Аднагуловы	22 20 16		
	Ишметь Ижбулатов		29		
	Сын ево Сагит		9		
	// [л.231]				
	Ахметь Тохтар	Бикеевы	25 23	Василья Морозова казанскому служилому татарину Тойбахте Тенкееву, на казанское ево поместье пашенную землю семдесят пять десятин, да за Камою рекою сенных покосов на две тысячи сто дватцет пять копен	
	У Тохтара дети, Муса		5		
	Галит		2		
	Салей Гумер Усман	Биккуловы	21 20 18		
	Мустафа Канышев		26		
	Апкай Абдрыхим Абдрязяк	Сапкины	11 8 3		
	Ибрай Ермак Масалям	Сеимовы	40 26 19		
	Искак Ишемьяров		5		
	Смаил Заитов		37		
	Халиль Смаилов		10		
	Максют Муслюмов		27		
	Сын ево Абдулла		3		
	Итого 33				
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит				
12	Нагайской дороги Баязитовой сотни Мустафина в деревне Шамурзиной ⁹⁶				Сей деревни Шамурзиной Мансур Курманалеев сын Теникаев предъявил выпись 7200 году июля 3 дня, данную за подписом дьяка Григорья Богданова, об отказе служилым татарам Асеину мурзе Уразову сыну Тенекаеву с товарищи в Синбирском уезде в деревне Шаймурзиной земли и сенных покосов
	Мансур Курманалеев		44		
	Дети ево Дямуш		16		
	Ягуда		9		
	Итого 3				
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не оказалось				

⁹⁵ Ныне не существует, на территории нынешнего Черемшанского р-на РТ.

⁹⁶ Ныне с. Старое Шаймурзино Дрожжановского р-на РТ.

	// [л.231об.]		
13	Нагайской дороги Султанмратовой сотни в деревне Новом Адаме ⁹⁷		Сей деревни Нового Адаму Калметь тархан Мамяшев объявил указ 1735 марта 15 дня, данной ис канцелярии Оренбургской экспедиции Уфимскаго уезда Казанской дороги Кипчацкой волости башкирцам тарханом Мелентею Емякову и братьям ево о написани их в тарханскую книгу
	Калметь	37	
	Алмаметь	32	
	У Калметя дети Алмухаммет	14	
	Сагит	10	
	Димухамет	8	
	У Алмета сын Ишмухаммет	18	
	В деревне Калеев Новая Бахта тож ⁹⁸		
	Разгилда Баймекеев	32	
	Итого 7		
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит		
14	В казанской Новой Татарской слободе Мустафа Кильмамметев	46	Сей казанской Новой Татарской слободы Мустафа мурза Кильмамметев объявил выпись 7202-го году сентября 4 дня, данную Синбирскаго уезду деревни Убеевы ⁹⁹ служилому татарину Сюндючке Булаеву сыну Самаеву на поместье ево в Синбирском уезде пашенную землю двести четвертей и на сенные покосы тысячу копен
	За ним дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит		
15	Нагайской дороги в деревне Сенгилее ¹⁰⁰ Ишмет Аймамметев по крещени Игнатей Николаев	4	Сей деревни Сенгилей новокрещен Игнатей Николаев показал жалованных грамот и крепостей он не имеет, а представлена де жалованная грамота, данная предку ево Багишу Караеву деревни Енбухтиной ¹⁰¹ от Мустафы Садыкова мурзы Томашева , но от того в поколенной росписи предков ево николаевых не показано
	За ним дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит		
	// [л.232]		
16	Нагайской дороге Закамской стороны Махмутовой сотни Сунчалина в деревне Муллиной ¹⁰²		Сей деревни Муллиной Халил мурза Смаилов сын Урусов объявил купчую 1715 году июля 17 дня, данную Алатской дороги деревни Старой Менгер от вдовы мурзинской кулушевской жены Кадырмаметева сына князя Яушева Фатмы Резеповой деревни Муллины Смаилу мурзе Темаеву сыну Урусову на дворовых людей
	Халил Смаилов	43	
	Сын ево Калметь	18	
		Итого 2	
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит		
17	Зюрейской дороги Биккуловой сотни Крымсараева, которую ныне правит Салтамрат Сеитов, в деревне Дюмдюм ¹⁰³		Сей деревни Дюмдюм Абыяс мурза Аитов сын князь Енсеитов представил с писцовых 7160 году июля 19-го книг список никем не засвидетельствованной предков ево служилых татар Толготора мурзы князь Енсеитова с товарищи на пашни и дубровы, а жалованной грамоты не имеют
	Максим Курмашев	33	
	Абяс Аитов	25	
	Бакей	37	
	Давыд	33	

⁹⁷ Ныне с. Новый Татарский Адам Аксубаевского р-на РТ.

⁹⁸ Ныне с. Кутлушкино Чистопольского р-на РТ.

⁹⁹ Ныне с. Старый Убей Дрожжановского р-на РТ.

¹⁰⁰ Ныне с. Сингели Лаишевского р-на РТ.

¹⁰¹ Ныне с. Ямбухтино Спасского р-на РТ.

¹⁰² Ныне с. Старое Муллино Алексеевского р-на РТ.

¹⁰³ Ныне с. Татарский Дюм-Дюм Елабужского р-на РТ.

	У Давыда сын Аит			
	Имендер	Максимовы	8	
	Муслик		8	
			3	
	Итого 7			
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит			
	В той же деревне Дюмдюм			Той же деревни Яфар мурза Уразметев князь Енсеитов показал жалованных грамот и крепостей он не имеет, а объявлено де о выписе, данной предкам ево Чепайку Исекееву да Саику Издыргееву, Янгурку Бигилдину, на их поместья от вышепомянутого родственника ево мурзы Аббеса Аитова князь Енсеитова, но от того в поколенной росписи ево Яфара и родственников не значитца
	Яфар Уразметев		20	
	Ишмурза Ижбулатов		59	
	Дети ево Амир		31	
	Гумер		25	
	У Гумера сын Кармангали		6	
	Итого 5			
	За ними дворовых людей в написании не состоит			
	// [л.232об.]			
18	Алатской дороги Якуповой сотни Мурзина в деревне Уре ¹⁰⁴			Сии никаких видов не имеют
	Усман Саперов		21	
	Араслан Ермяков		45	
	Сын ево Мухаметърахим		4	
	Гайса Мухамметев		37	
	Сын ево Хамит		7	
	Усман	Бакировы	3	
	Гумер		1	
	Итого 3			
	За ними по третичной ревизи дворовых людей в написании не состоит			
19	Нагайской дороги Адамовой сотни Калметъ Токаевой в деревне Новой Кереметь ¹⁰⁵			Сей деревни Новых Кереметь и ниже прописанных уезду Казанского жительства все, именуемые по скаскам ревизским служилые татары, жалованных грамот и никаких на земли их видов не имеют, а утверждают себя в том звании толко написанием предков их в ревизии
	Усеин Ибраев		67	
	Дети ево Рахманкул		39	
	Юсуп		31	
	Юнус		26	
	Мусалим		23	
	Самакай		4	
	У Рахманкула дети Мандян		18	
	Сюлтей		11	
	Абдулсалам		7	
	Масягут		4	
	Еремей Юсупов		11	
	Дети ево Сагит		7	
	Ахтям		5	
	Динис		2	
	Демухамметъ		6 месяцев	
	Абзей	Мамеделеевы	28	
	Абыд		18	
	Каныш		14	
	// [л.233]			
	Искан	Газеевы	8	
	Султан		5	

¹⁰⁴ Ныне с. Нижняя Ура Арского р-на РТ.¹⁰⁵ Ныне с. Новая Кереметь Аксубаевского р-на РТ.

	Адиль Абзеев	8	
	Тимиралей	37	Кулметевы
	Бати	32	
	Абдей	23	
	Ями	20	
	Тимиргазей	19	
	Абдулгази	18	
	У Тимиралея сын Сапер	7	
	Итого 28		
	Того ж роду в деревне Каргале ¹⁰⁶		
	Калметь Алметев	34	
	Дети ево Абдрешит	10	
	Абдилмянь	5	
	В деревне Ибрайкиной ¹⁰⁷		
	Маметь	28	Мамишевы
	Кутла		
	У Маметья дети Сафеймулюк	8	
	Сейфулла	2	
	В деревне Амзе ¹⁰⁸		
	Батырша	50	
	Курамша	3	
	Итого 9		
	За ними дворовых людей по третичной ревизи в написании не состоит		
20	Тоеж дороги в деревне Елтан ¹⁰⁹		
	Аблясь	35	Усмановы
	Мухамьметь		
	Ермухамьметь		
	У Абляза сын Абдрезак	8	
	Итого 4		
	За ними дворовых людей не имеется		
	// [л.233об.]		
21	Нагайской дороги в деревне Уразгилдине ¹¹⁰		
	Амер	16	Якуповы
	Мемяк	9	
	Маметьулла	4	
	Агдам	2	
	Абдрехим	35	Мурсалимовы
	Хусеин	31	
	У Абдрахима сын Абдрешит	14	
	У Кусяина сын Сагит	9	
	Итого 8		
	За ними дворовых людей не состоит		
22	Тоеж дороги в деревне Чертушкиной ¹¹¹		
	Резяп	29	Рахманкуловы
	Абдрешит	23	
	Аит Резяпов	12	

¹⁰⁶ Ныне с. Каргали Чистопольского р-на РТ.

¹⁰⁷ Ныне с. Старое Ибрайкино Аксубаевского р-на РТ.

¹⁰⁸ Ныне с. Новая Амзя Нурлатского р-на РТ.

¹⁰⁹ Ныне с. Татарский Елтан Чистопольского р-на РТ.

¹¹⁰ Ныне с. Уразгильдино Чердаклинского р-на Ульяновской обл.

¹¹¹ Ныне д. Чертушкино Новошешминского р-на РТ.

	Ахмер Мухамьметев	21	
	Бакей	37	Абидовы
	Зюбаир	32	
	Зягира	30	
	Абдулкарим	27	
	У Бакея сын Ахтям	4	
	Яхья Махмутов	25	
	Сын ево Адгем	4	
	Усман Махмуткин	27	
	Итого 12		
	// [л.234]		
	В деревне Сенных покосах		
	Мухамметь Ярмаков	24	
	Сын ево Месалим	5	
	Того ж роду в деревне Шахмайкине ¹¹²		
	Ягудей Якупов	32	
	В деревне Нижней Тигин ¹¹³		
	Зефер Маметев	32	
	В деревне Ургагаре Мамечелей тож ¹¹⁴		
	Ахмер Мухтаров	10	
	В деревне Шарыповой		
	Муртаза Мансуров	27	
	Идряк Муртазин	2	
	Итого 7		
	За ними дворовых людей не состоит		
24	В деревне Шентале ¹¹⁵		
	Бикмаметь	45	Аблязевы
	Сеит	29	
	Сеин	22	
	Абдулгази	2	
	Тимрали	16	Бикмаметевы
	Умрали	10	
	Мамедели	7	
	Апсалям Сеинов	2	
	Новокрещен Алексей Григорьев	37	
	Итого 9		
	// [л.234об.]		
25	В деревне Калеевой ¹¹⁶		
	Абдрязяк Муратов	66	
	Дети ево Таир	46	
	Токтаралей	27	
	Кадралей	25	
	Альмухамет	25	
	Кульмаметь	23	
	Тлявли	21	
	Бахтеяр	15	
	Фейзулла	14	
	Абдулмязит	10	
	У Таира дети Ишмаметь	15	
	Ирмаметь	5	

¹¹² Ныне с. Шахмайкино Новошешминского р-на РТ.

¹¹³ Ныне с. Нижние Тиганы Алексеевского р-на РТ.

¹¹⁴ Ныне с. Старые Ургагары Алькеевского р-на РТ.

¹¹⁵ Ныне с. Служилая Шентала Чистопольского р-на РТ.

¹¹⁶ Ныне с. Кутлушкино Чистопольского р-на РТ.

У Токтаралея дети Султаналей	10	
Салюк	5	
У Кадралея сын Алембик	4	
У Альмухамметя дети Габидулла	3	
Хамит	2 месяцев	
У Кульмаметя дети Алмаметь	7	
Сагит	2	
Итого 19		
А всего татар оных служилых 352 человека		

Князь Платон Мещерской

Источник: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 725. Часть 1. Л. 199–234 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загидуллин И.К. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в Казанском крае во второй половине XVI – начале XVII в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 146-166.
2. Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «Об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляютя» от 16 мая 1681 года // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. № 6. С. 62–93.
4. Лашманы в строительстве российского флота: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., прим., науч.-справ. апп. И.З. Файзрахманов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 584 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗ-1). Т. 22. №15936.
6. ПСЗ-1. Т. 22. №16187.
7. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 725. Часть 1. Л. 199-234об.
8. Сборник РИО. Т. 115. СПб., 1903.
9. Файзрахманов И.З. История Казанского адмиралтейства (1718–1830 гг.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 264 с.
10. Хайрутдинов Р.Р. Формирование татарского дворянского сословия // История татар с древнейших времен. Т. 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. С. 422–429.

I.Z. Faizrahmanov

MURZA CLANS OF THE KAZAN PROVINCE: EVIDENCE OF THEIR EMINENT ORIGIN ACCORDING TO INFORMATION OF THE KAZAN PROVINCIAL CHANCELLERY OF 1780

The publication is devoted to expanding the source base of the study of the integration of the former Tatar princes and the *murzas* of the Kazan province into the Russian nobility at the end of the 18th century. Despite the futility of attempts at official recognition, the collected documentary evidence of their eminent origin could shed light on different details of the history of the Murza clans of the Kazan province in the XVII–XVIII centuries.

Keywords: Tatar murzas and princes, service Tatars, Kazan province, Kazan district, Sviyazhsky district, Simbirsky district, Alator district, XVII–XVIII centuries, letter of award, land awards.

Сведения об авторе:

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); istorkazan@mail.ru

Faizrahmanov Ihsat Z. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of New History of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

ПАМЯТЬ

УДК 929:94(470)

ПАМЯТИ МИРКАСЫМА АБДУЛАХАТОВИЧА УСМАНОВА (31 мая 1934 – 11 октября 2010)

© 2019 г. А.А. Арсланова

Статья написана в связи с 85-летним юбилеем выдающегося татарского ученого-историка, востоковеда, археографа, источниковеда, текстолога, организатора науки, доктора исторических наук, действительного члена Академии наук Республики Татарстан, заслуженного профессора Казанского (Приволжского) федерального университета, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан – Миркасима Абдулахатовича Усманова. За 50 лет своей творческой деятельности он стал одним из ключевых исследователей в разработке разнообразных проблем истории татарского народа. Основным направлением научно-исследовательской деятельности М.А.Усманова было выявление, ввод в научный оборот и изучение арабографических письменных источников по истории и литературе тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья XIII – начала XX веков. Он всегда находился в авангарде науки и фактически был создателем и бессменным руководителем своей славной научной школы. Изданные им более 500 научных трудов, в том числе двенадцать монографий и сборников, среди которых ряд фундаментальных, существенно обогатили наши знания уникальной базой ценнейших источников и оказали огромное влияние на всю татарскую историческую науку, внесли огромный вклад в разработку источниковедения, историографии, конкретно-исторических проблем истории татарского и других тюркоязычных народов. М.А.Усманов заслуженно был удостоен звания почетного гражданина города Казани, отмечен государственными наградами СССР, Российской Федерации и Республики Татарстан, престижными научными наградами и премиями.

Ключевые слова: М.А.Усманов, 85-летний юбилей, выдающийся татарский ученый-историк, востоковед, археограф, организатор науки, научная школа, арабографические письменные источники.

31 мая 2019 года исполнилось 85 лет со дня рождения выдающегося татарского ученого-историка, незаурядного востоковеда, археографа, источниковеда, текстолога, одаренного педагога и организатора науки, писателя, доктора исторических наук, действительного члена Академии наук Республики Татарстан, заслуженного профессора Казанского (Приволжского) федерального университета, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан – Миркасима Абдулахатовича Усманова (31 мая 1934 г. – 11 октября 2010 г.). Хотя прошло уже довольно много времени с момента его ухода, все еще очень трудно и тяжело осознавать, что Миркасима Абдулахатовича физически нет рядом с нами. Тем не менее, он постоянно незримо присутствует в нашей жизни. Время от времени подспудно возникает мысль – а как бы он воспринимал и реагировал на те или иные современные реалии и события, был ли бы удовлетворен теми неизбежными изменениями, которые мы пережили за прошедшее без него время? Очень не хватает его порой мудрых и хлестких, часто ироничных суждений сквозь сигаретный дым и характерный прищур монгольских сверкающих глаз.

Его имя осталось не только в славной истории татарстанской и российской науки и культуры, но в целом имеет масштаб поистине мирового уровня. И это – не фигура речи. Как на Востоке, так и на Западе он был признан как главный специалист по татарской истории. Я очень ярко и реально ощутила этот факт на одних из Бартольдских чтений, которые регулярно проводились коллегами Института востоковедения РАН с 1974 по 1993 годы в подмосковном Звенигороде¹. Помню открытие конференции в большом концертном зале с участием ученых из разных стран мира. Миркасым Абдулахатович не успевал с вокзала прибыть к самому началу, и нашей татарстанской группе, которую он сам и скомпоновал, оставалось только ждать. Через определенное время ведущая открытия конференции Е.А. Давидович остановила читаемый на тот момент доклад и торжественно объ-

¹ Основным научным направлением «Бартольдских чтений» было всестороннее исследование в области восточного источниковедения и текстологии.

явила, что вот, наконец-то, прибыл долгожданный и всеми уважаемый Миркасым Абдулахатович Усманов. Я была просто потрясена реакцией зала – все участники встали и аплодисментами приветствовали его. Под бурные овации Миркасым Абдулахатович с достоинством поздоровался, оглядел собравшихся и, не спеша, занял свое место. Не скрою, я была преисполнена огромной гордостью за нашего учителя. До сих пор помню тот потрясающий момент и ощущаю это чувство...

Поражают разносторонность его глубоких познаний и независимость суждений, непреклонность в достижении истины. Мне представляется, что место Миркасыма Абдулахатовича в науке надолго останется незаполненной нишей, потому что такие мощные личности и преданные науке объективные исследователи-интеллектуалы, мыслители потрясающе широкого диапазона с большой буквы, обладающие огромным багажом знаний, особым чутьем и прозорливым талантом, к сожалению, появляются на свет далеко не часто. Для него на самом деле беззаветное служение науке было смыслом всей жизни.

Трудно переоценить роль Миркасыма Абдулахатовича в разработке разнообразных проблем истории татарского народа. Основным направлением научно-исследовательской деятельности М.А. Усманова было выявление, изучение и ввод в научный оборот арабографических письменных источников по истории и литературе тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья XIII – начала XX веков. Он фактически был создателем и бессменным руководителем своей славной научной школы. Его многочисленные труды были чрезвычайно востребованы научной общественностью и публиковались в разных странах мира – в Венгрии, Германии, США, Тайване, Турции, Франции, Южной Корее и многих других. Он принимал участие в работе множества региональных, всесоюзных и международных научных конференций и симпозиумов (Польша, Венгрия, Турция, США, ФРГ, Финляндия и т.д.).

Всего при жизни за 50 лет творческой деятельности было издано более 500 научных трудов, в том числе двенадцать монографий и сборников, среди которых ряд ключевых и определенно фундаментальных, существенно обогативших наши знания уникальной базой ценнейших источников, оказавших огромное влияние на всю татарскую историческую науку и не только, внесших огромный вклад в разработку источниковедения, историографии, конкретно-исторических проблем истории татарского и других тюркоязычных народов. Он всегда находился в авангарде науки, старался поднимать и решать наиболее значимые и сложные темы. Поэтому М.А. Усманова можно по праву считать одним из самых авторитетных, первостепенных и влиятельных ученых-гуманитариев, к которому прислушивались не только коллеги по цеху, но и первые лица республики.

Во многом благодаря особенностям своей биографии в детстве и юности, которые проходили в многоязычном регионе Западного Китая – Кульдже провинции Синьцзян КНР, Миркасым Абдулахатович имел прекрасную возможность великолепно овладеть многими языками: татарским, казахским, уйгурским, киргизским, узбекским, арабским, персидским, китайским, а также русским. Безусловно, впоследствии эти знания оченьгодились ему как археографу и источниковеду, а также в плодотворной переводческой деятельности.

В свое время М.А. Усманов сделал осознанный выбор и приехал учиться в Казань. Вся его жизнь затем была посвящена служению своему народу.

В 1958–1963 гг. он учился в Казанском государственном университете на отделении татарской филологии. После окончания III курса был переведен на историческое отделение историко-филологического факультета, где на кафедре истории СССР специализировался по источниковедению. Уже в то время он проявил свой недюжинный талант, активно включился в исследовательскую деятельность. После окончания учебы был оставлен при кафедре истории СССР и получил специальность – архивовед, потому что занимался по соответствующему индивидуальному плану.

М.А. Усманова по праву можно назвать одним из основоположников современной татарской археографии. Почти сразу началась его деятельность в этой области – он поехал в первую археографическую экспедицию, организованную по его же инициативе в 1963 г. по деревням в поисках старинных рукописей. Фактически, таким образом, были восстановлены былые славные традиции Казанской ориенталистики, знаменитого Восточного разряда, в области собирания и изучения памятников письменности на восточных языках.

Как писал сам М.А. Усманов в одном из интервью: «Самая первая наша поездка была организована по моей инициативе в село Каргалы под Оренбургом в 1963 году. Дело в том, что моя дипломная работа была посвящена изучению путевых записок купца Исмаила Бикмухаметова, который в 1751–1752 годах проделал большой путь в Индию, а на обратном пути посетил Мекку, Да-

маск, Стамбул и через 24 года вернулся в родные Каргалы. Он написал записки “Путешествие Исмаила”, и я надеялся, что, может быть, обнаружатся новые списки этого произведения. Мы обнаружили там несколько ценных эпитафических памятников – надгробных надписей, а с письменными источниками нам не повезло: народ тогда ещё был опасливым, растопить недоверие людей было трудно. Впоследствии в Каргалах работали мои ученики, а тогда, в 1963 году в университете было много разговоров: ну что можно оттуда привезти! Один острослов даже съязвил: мол, как всегда, привезут отчёт. А когда мы вернулись с интересными результатами, все были поражены. И Михаил Тихонович Нужин, ректор университета, выслушав нас, сказал: “Продолжайте поиски дальше”. С тех пор наши экспедиции стали постоянными».

В дальнейшем, за 25 лет (с 1964 по 1989 г.) он организовал более сорока регулярно действующих археографических полевых экспедиций в поисках рукописного наследия татарского народа. Поражает воображение их география – от Костромы и Касимова в Подмосковье до Иркутской области на востоке, от Перми-Вятки на севере до Оренбурга и Астрахани на юге. В результате обследования более 850 татарских населенных пунктов в пяти бывших автономных республиках и пятнадцати областях Российской Федерации было выявлено и собрано более девяти тысяч рукописей и около полутора тысяч редких старопечатных изданий на различных восточных языках. Таким образом, в результате его титанической и скрупулезной работы восточный фонд Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета обогатился почти вдвое. Огромен хронологический диапазон собранных рукописных памятников – здесь представлены списки сочинений с VII до середины XX столетий по мусульманской юриспруденции, восточной филологии, истории, агиографии, астрономии, математике, географии и т.д. Описанию самого сложного процесса сбора рукописей и раскрытию их содержания посвящена книга Миркасима Абдулахатовича «По следам рукописей. Записки археографа» (Казань, 1984 и 1994 г.), получившая высокую оценку в печати. Надо отметить, что дело М.А. Усманова живет, и ежегодные археографические экспедиции успешно продолжают в настоящее время.

Таким образом, вся творческая судьба М.А. Усманова была связана именно с Казанским университетом. Здесь он прошел свой славный путь от ассистента до заведующего кафедрой и проректора университета по учебной работе (1985–1991 г.). В 1964–1967 г. учился в аспирантуре. Эти годы он считал наиболее плодотворными. Он писал: «Я с удовольствием вспоминаю это время. Именно тогда я определился с тем, чем именно буду заниматься в науке, и создал солидный задел. Часто слышишь жалобы аспирантов: времени ни на что не хватает. Категорически не согласен. При разумной организации можно запастись материалами на всю жизнь, что я и сделал. Аспирантом объездил многие города, повсюду работал в архивах и библиотеках, и вот результат: материалы, собранные в годы аспирантуры, использую до сих пор, более того, делюсь ими с учениками».

Кандидатскую диссертацию он защитил в 1968 г. на тему «Татарские нарративные источники XVII–XVIII вв. и их особенности». В 1979 году была издана его монография «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI веков» – замечательное фундаментальное научное исследование о тюркоязычных источниках социально-политического строя Золотой Орды, которая стала основой докторской диссертации, которую он защитил в 1981 г. С 1989 г. заведовал кафедрой истории татарского народа, созданной им самим на вновь открытом факультете татарской филологии, истории и восточных языков. Безусловно, источниковедение здесь всегда было в приоритете.

М.А. Усманову удавалось успешно сочетать работу кабинетного исследователя с энергичной деятельностью в качестве организатора науки и учебного процесса. Отдельно надо отметить его неоспоримую заслугу в возрождении в 1989 г. школы востоковедения в Казанском университете.

Его организаторский талант, международный авторитет и умение стратегически мыслить оказались востребованы при формировании исторической науки не только в Казанском государственном университете, но и в Академии наук Республики Татарстан, при организации и проведении научных изысканий с целью определения времени основания города Казани, инициированных городской Думой.

В 1991 году М.А. Усманов был избран академиком Академии наук Татарстана и внес существенный вклад в ее становление и развитие. Он был вице-президентом, а затем советником президиума Академии наук Республики Татарстан, принимал самое активное участие в создании ее структурных подразделений. Он был также президентом Общества востоковедов Российской академии наук, членом Археографической комиссии РАН. Безусловно, заслуженно он был удостоен

звания почетного гражданина города Казани, отмечен государственными наградами СССР, Российской Федерации и Республики Татарстан, престижными научными наградами и премиями.

Под руководством М.А. Усманова был защищен ряд кандидатских и докторских диссертаций на материале арабографических письменных источников. Мне посчастливилось быть в когорте его многочисленных учеников. С каждым годом все острее ощущаю благодарность судьбе, которая послала мне эту удачу и честь. Надо сказать, Миркасым Абдулахатович иногда производил довольно грозное первое впечатление на студентов и аспирантов, что, собственно было весьма оправданно, так как он был строг и требователен не только к себе. Так было и со мной. Поначалу я весьма робела перед его недосыгаемой грандиозной личностью и, как мне тогда казалось, несколько суровым видом. Однако со временем, в течение непосредственной работы над темой научного исследования, становилось очевидно, что на самом деле это лишь определенный внешний стиль поведения. Постоянное общение, при безусловно необходимой дистанции с его стороны, доставляло огромное удовольствие, так как он обладал неоспоримым личным обаянием, чувством юмора и иронии, что, конечно, не могло не импонировать и не привлекать к себе его собеседников. Мне, кроме того, очень нравилась его поразительное умение быстро и глубоко вникать в самую суть проблемы, четко формулировать мысли и дисциплина системной научной работы за письменным столом. М.А. Усманов во всех сферах деятельности был открытой, честной, глубоко порядочной, демократичной и высоко интеллектуальной личностью, уделявшей большое внимание воспитанию нового поколения ученых.

После кончины выдающегося историка-востоковеда Анатолия Петровича Новосельцева, я осталась без научного руководителя в Институте истории СССР (г. Москва) с почти готовой диссертацией, посвящённой историографии истории изучения персидских нарративных источников монгольского периода по истории народов Поволжья. Встретившись случайно в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова с Миркасымом Абдулахатовичем, я набралась смелости и обратилась к нему с просьбой о консультации. Он пригласил меня к себе в университетский кабинет. Я, конечно, трепеща, показала ему текст своей работы, страдая еще и от того, что он был отпечатан на скверной печатной машинке. Надо сказать, на тот момент меня очень мучил поиск адекватной формулировки работы, так как долгое время, имея множество вариантов, я никак не могла остановиться на каком-то одном из них. Через пару дней, несмотря на его, безусловно, невероятную занятость, он уже успел посмотреть работу и опять пригласил меня и тут же, как волшебник, сходу выдал абсолютно четкую, точную и емкую формулировку и сделал ряд очень ценных замечаний и предложений. Меня до сих не оставляет чувство восхищения и благодарности моему учителю. Работа понравилась Миркасыму Абдулахатовичу, и он сразу отдал ее на обсуждение на кафедре. Таким образом, он стал фактически моим наставником и руководителем не только в науке, но и в жизни.

Благодаря его императивному пожеланию я приступила в 1998 г. к работе по совместительству в научно-исследовательской Археографической лаборатории при кафедре истории татарского народа факультета татарской филологии, истории и восточных языков КГУ, созданной им в 1988 г. Эта лаборатория была его дорогим детищем, нацеленным на собирание, изучение и описание восточных рукописей. Мне вменялось заниматься изучением и описанием фонда персидских рукописных книг Восточного сектора Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского с целью подготовки полноценного научного каталога. Надо признаться, я пришла туда без необходимого опыта подобной археографической работы и поначалу имела довольно слабое представление о предстоящей работе и ее масштабах. Мне кажется, и сам Миркасым Абдулахатович не особенно-то и верил в какие-то быстрые результаты, поскольку основное мое время и внимание было занято в Институте истории АН РТ. Однако изучение персидских рукописей оказалось занятием достаточно увлекательным и поглощающим, хотя весьма сложным и трудоемким, но принесшим в дальнейшем определенные положительные плоды. В 2005 г. был издан первый выпуск «Описания рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета», который в 2006 г. по итогам Второго конкурса, проведенного Культурным представительством Исламской Республики Иран и Институтом стран Азии и Африки при МГУ (Москва-Казань, 2005, 576 с.) был отмечен в г. Москве литературной премией им. Фирдоуси за лучшую научную работу в области персидского языка и иранской филологии, а в 2007 г. был удостоен премии «Книга года» Исламской Республики Иран в области иранистики и исламоведения, полученной из рук президента Ирана г-на Махмуда Ахмади Нежджада. Когда М.А. Усманов узнал об этих событи-

ях, радости его не было предела. Помню, что к моему большому изумлению он даже заплясал на месте и тут же вызвался написать об этом событии в газете «Казанский университет». Там он, например, написал следующее: «В чем научная ценность и значение такой книги? Дело в том, что источниковой базой, т.е. информационной основой научной ориенталистики, занимающейся изучением древней и средневековой истории и культуры стран и народов Востока, являются, прежде всего, письменные источники-рукописи. Каталоги и описания таких памятников, в свою очередь, служат путеводителем и ключом для исследователей, имеющих дело со сложным миром этих часто таинственных, загадочных, иногда ребусообразных текстов, созданных в далеком прошлом и в различных по истории и культуре регионах. Одним словом, каталоги и описания восточных рукописей составляют основу основ научных исследований, часто замечательных по значению открытий, ценных находок по ориенталистике. Приведу лишь один пример: в 1996 г. мной из библиотеки Сената Ирана была привезена копия сочинения болгарского автора домонгольского периода под названием «Большой тирьяк». Наличие этого сочинения, являющегося на сегодняшний день единственным известным нам памятником болгарского автора домонгольской эпохи, было установлено благодаря каталогам-описаниям... Следовательно, выход в свет книги Алсу Арслановой является весьма заметным явлением наших ориентальных занятий в целом. Так что Алсу Айратовна весенний праздник 2007 года встречает, бесспорно, выдающимся достижением, с чем искренне ее поздравляем и желаем дальнейшего повышения квалификации!» (Усманов, 2007).

Еще одним его грандиозным детищем явился семитомный труд под названием «История татар с древнейших времен», задача которого заключалась в том, чтобы представить максимально объективную картину исторических событий. Это издание под грифом Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана является совместным трудом ученых Татарстана, российских и зарубежных исследователей. 15-летний труд коллектива Института истории АН РТ объединил исследования более 200 ученых из многих стран мира, которые написали более 400 статей. Коллективный труд опирается на целую серию научных конференций, прошедших в Казани, Москве, Петербурге. Это, по сути, первая академическая работа, начинающая описание истории татар с 3 тыс. до н.э. до наших дней. Для авторов этого масштабного и фундаментального проекта было важно зафиксировать существующий уровень знаний в этой сфере науки, предложить новые методологические подходы, когда история татар предстает в широком контексте мировых процессов, охватывает судьбы многих народов, а не только татар, заострить внимание на ряде проблемных вопросов и, тем самым, стимулировать научную мысль. Каждый том освещает принципиально новый период в истории татар. Кроме авторских текстов к томам дается в качестве приложения иллюстративный материал, карты, а также отрывки из наиболее важных источников.

Как отмечал М.А. Усманов, «очень важно, что изданы фундаментальные атласы, та же “Тар-тарика”, “История татар с древнейших времен”, сборники документов. Все это уже позволяет популяризировать историю. Особо отмечу, что эти капитальные труды, в которых принимал участие и я, отличает новый подход. В них история рассматривается исходя из принципа общности народов, история берется в евразийском масштабе. Последовательно проходят этапы раннего расселения народов, их объединений и разъединений. Против такого подхода возражают историки, которые придерживаются не принципа единения, а, напротив, принципа противопоставления себя другим. Собственно, такой подход характерен и для советской модели федерации, при которой народы делились по сортам. “Старшие братья”, “средние”, “младшие”... Это все – вчерашний день, логика рухнувшей империи, наша задача иная – выявить общность. И еще один принцип современных историков: нельзя привязывать историю народа к административным границам, если мы хотим получить реальную историю, а не формальную, как в советские годы» (Время и деньги).

М.А. Усманов, по сути, занимал авангардное место в истории изучения Улуса Джучи и постзолотоордынских государств. В третьем томе рассматривается история Улуса Джучи – государства, ставшего известным под другим наименованием – Золотая Орда. Улус Джучи сыграл выдающуюся роль в истории мировой цивилизации. События, которые сопровождали возникновение, становление и развитие этого государства, имели общемировые масштабы и последствия. Могущественная средневековая татарская империя, границы которой простирались от Иртыша – на востоке, до Дуная – на западе, от Белого моря – на севере, до Черного и Каспийского – на юге, играла в судьбах тогдашнего мира особую роль. Однако всестороннего полноценного освещения истории этого огромного, сложнейшего по географии, этническому составу и культуре государства до сих пор не существовало. Несмотря на отдельные известные в историографии труды, во многом осве-

щение истории Улуса Джучи было представлено фрагментарно и с различной степенью полноты. В третьем томе «Истории татар с древнейших времен» была сделана первая попытка осветить историю Улуса Джучи объективно и многопланово, по возможности системно. Материалы третьего тома представлены в форме собрания тематически и хронологически последовательных авторских статей (очерков), носящих исследовательский характер и написанных с использованием богатейшего комплекса письменных и археологических источников. Том сопровождается приложениями в виде материала наиболее интересных извлечений из восточных и западноевропейских письменных источников – как уже известных, так и некоторых до сих пор еще недоступных для исследователей и всех читателей, интересующихся историей Улуса Джучи.

С самого начала работы коллектива Института истории им. Ш. Марджани над 7-томной «Историей татар с древнейших времен» М.А. Усманов, который, собственно, и являлся основным вдохновителем этой грандиозной работы, привлек меня на всех этапах работы в качестве члена редколлегии и ответственного секретаря концептуально важного третьего тома «История татар с древнейших времен» – «Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в.» (История татар..., 2009). Таким образом, начиная с 2003 г., я стала непосредственным участником и свидетелем его напряженной работы над тщательной разработкой общей концепции написания тома, того, как многократно в серьезных нескончаемых спорах и дискуссиях обсуждались периодизация, научная концепция, структура, тщательный поиск и отсев авторов. В результате многочисленных консультаций к составлению данного тома были приглашены более 40 самых видных, авторитетных и наиболее компетентных специалистов как из Казани, различных городов Российской Федерации, так и из зарубежных стран (США, Германия, Венгрия, Казахстан), многие из которых были друзьями, учениками и единомышленниками М.А. Усманова. На протяжении нескольких лет, путем активного взаимодействия с авторами разделов тома удалось собрать и представить в издании уникальные авторские материалы, объективно и в целостном виде отражающие историю Улуса Джучи от его формирования, расцвета и до упадка. Том увидел свет в 2009 году. Помню тот момент, когда Миркасым Абдулахатович впервые взял в руки этот очень солидный и во всех смыслах весомый труд. Была видна огромная радость в его глазах. Я спросила, что он чувствует в этот момент? Миркасым Абдулахатович, нежно, как новорожденного ребенка держа в руках книгу и бережно перебирая еще пахнущие типографской краской страницы, ответил, что вот, наконец-то, мы получили этот большой труд – на сегодняшний день исчерпывающий плод большой коллективной работы, который является этапным и основополагающим на несколько десятилетий вперед. Уже потом придут новые поколения ученых, которые дополняют источниковую базу и будут проводить дальнейшие исследования, анализировать или пересматривать те или иные позиции современных ученых.

23 ноября 2010 г. в Малом зале Академии наук Республики Татарстан состоялась презентация III тома, которая была приурочена уже, к сожалению, к дате со дня кончины профессора М.А. Усманова. Директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ академик Рафаэль Хакимов оценил это издание как бесценный труд татарстанских и зарубежных ученых. «Золотая Орда, – сказал он, – была одним из мощнейших государств в мировой истории. Благодаря исследованиям, которые были проведены за последние 20 лет, мы смогли осилить этот фундаментальный труд. Над третьим томом в качестве главного редактора трудился известный казанский ученый-историк Миркасым Усманов, которого, к сожалению, в настоящее время уже нет в живых. Он жил этим трудом, собрал ученых из разных стран, чтобы они могли сделать достойное издание мирового уровня. И мы это дело обязательно продолжим».

Несомненно, Миркасыма Абдулахатовича можно назвать одним из классиков отечественного востоковедения второй половины XX – начала XXI в. Он оставил после себя весомый и неизгладимый след и как ученый, и как человек. Его труды всегда будут путеводной звездой и необходимой базой для многих последующих благодарных поколений российской ориенталистики, которые всегда будут бережно хранить память о нашем выдающемся современнике и коллеге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миркасым Усманов спас более 10 тысяч старинных рукописей // Время и деньги (газета). <https://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-28468.htm>. Дата обращения – 12.07.2019.
2. История татар с древнейших времен. В семи томах. – Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Гл. редакторы Рафаэль Хакимов, Миркасым Усманов; науч. редактор тома Миркасым Усманов; отв. секретарь Алсу Арсланова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2009. 1055 с.
3. Усманов М.А. Казначей! Кошелек! // Казанский университет. 2007. № 3–4. Март

A.A. Arslanova

**TO MEMORY OF MIRKASYM ABDULAKHATOVICH USMANOV
(MAY 31, 1934 – OCTOBER 11, 2010)**

The article is written in regard to the 85th anniversary of the outstanding Tatar scientist-historian, orientalist, archeographer, source researcher, textual expert, organizer of science, doctor of historical sciences, full member of the Tatarstan Academy of Sciences, honored Professor of Kazan (Volga) Federal University, honored scientist of the Republic of Tatarstan – Mirkasym Abdulakhatovich Usmanov. For 50 years of his creative activity, he became one of the key researchers in the development of various problems of the history of the Tatar people. The main direction of the research activity of M. A. Usmanov was the identification, introduction into scientific circulation and study of Arabic script written sources on the history and literature of the Turkic-speaking peoples of the Volga region and the Urals of the XIII–early XX centuries. He was always at the forefront of science and was actually the Creator and permanent leader of his glorious scientific school. His published more than 500 scientific works, including twelve monographs and collections, with a number of fundamental ones, significantly enriched our knowledge with a unique base of valuable sources and had a huge impact on the entire Tatar historical science, made a huge contribution to the development of source studies, historiography, and specific historical problems of the history of the Tatar and other Turkic-speaking peoples. M.A.Usmanov was deservedly awarded the title of honorary citizen of the city of Kazan, awarded state awards of the USSR, the Russian Federation and the Republic of Tatarstan, prestigious scientific awards and prizes.

Keywords: M.A.Usmanov, the 85th anniversary, outstanding Tatar scientist-historian, orientalist, archeographer, organizer of science, scientific school, Arabic script written sources.

Сведения об авторе:

Арсланова Алсу Айратовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; старший библиограф Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета; заведующая Центром иранистики при Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ (г.Казань); alsuarlanova044@mail.ru

Arslanova Alsu A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of New History of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Senior Bibliographer of the Department of rare books and manuscripts of N.I. Lobachevsky Scientific Library, Kazan (Volga) Federal University; Head of the Center of Iranian Studies of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan).

УДК 902/904(092)

АЛЬФРЕД ХАСАНОВИЧ ХАЛИКОВ: ОСНОВОПОЛОЖНИК СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ ТАТАРСТАНА

© 2019 г. Н.А. Халиков

В статье вкратце излагается жизненный путь Альфреда Хасановича Халикова, который создал свою научную школу и заложил основы современной археологии в Республике Татарстан. По изданным книгам А.Х. Халикова особо выделяются его научные достижения как исследователя, так же обращается внимание на его личностные качества как педагога, организатора науки и главы семейства.

Ключевые слова: А.Х. Халиков: современная археология Татарстана, научная школа, древняя и средневековая история Среднего Поволжья.

Альфред Хасанович Халиков (1929–1994) – крупный советский, российский, татарстанский ученый, основатель казанской археологической школы, 90-летний юбилей которого отмечала научная, культурная общественность страны в 2019 году. Выдающийся историк, археолог, краевед А.Х. Халиков оставил заметный след в отечественной науке, навсегда вошел в ее анналы.

А.Х. Халиков родился 30 мая 1929 года в д.Курманаево (ныне это Нурлатский район Татарстана), где родители Альфреда после окончания педагогического техникума работали учителями по программе ликвидации неграмотности. Сегодня в селе при школе образован музей А.Х. Халикова.

Детство подростка Альфреда пришлось на тяжелые и голодные военные годы. В это время он, рано научившийся читать, все свободное время тратил на книги, а не на «улицу», как сверстники. Уже тогда, как он сам вспоминал, работая на огородах в пойме Волги (что было обычным для горожан в то время), Альфред впервые встречается с археологическими предметами, артефактами, вымываемыми рекой.

Поэтому, будучи школьником школы № 2 на Левобулачной улице Казани, Альфред по настояющему увлекся археологией, в старших классах стал самым любимым учеником и последователем Николая Филипповича Калинина (1888–1959), известного казанского историка и краеведа. Н.Ф.Калинин создал в университете археологический кружок, участником которого стал школьник Альфред Халиков. Это и определило весь дальнейший жизненный путь подростка, ставшего позднее крупным ученым.

В 1952 году А. Халиков с отличием окончил Казанский государственный университет. Уже тогда проявился талант молодого ученого: его студенческая работа (1951 г.) получила первую премию на Всесоюзном конкурсе Министерства высшего образования СССР.

Блестящий студент истфилфака Казанского государственного университета, сталинский стипендиат Альфред Хасанович самым активнейшим образом занимался археологией. На старших курсах КГУ он уже лаборант в Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, где проработал до конца своих дней.

Итогами его плодотворной, значимой научной работы стали кандидатская (1955 г.) и докторская (1966 г.) диссертации по эпохе камня, раннего металла в Поволжье и на Урале.

Велик послужной список А.Х. Халикова: доктор исторических наук, профессор Казанского государственного университета, член-корреспондент Академии наук Татарстана, лауреат Государственной премии Республики Татарстан, заслуженный деятель науки Татарстана, Марийской республики, председатель Совета ученых Дома ученых Казани и т.д.

Это был талантливый, энциклопедически образованный человек, блестящий ученый с мировым именем. А.Х. Халиков был широко известен в научном мире как историк и археолог, публицист, автор многочисленных трудов, как постоянный участник конференций, симпозиумов в Болгарии, Финляндии, Венгрии, Турции, Германии, Италии, даже в далекой Японии.

Каким же был творческий путь Альфреда Хасановича Халикова?

После окончания университета первой многолетней и важной научной работой по специальности для А.Х. Халикова стало планомерное исследование территории Татарстана, сопредельных областей и республик региона на предмет выявления, изучения археологических памятников, попадающих в зоны затопления строившихся ГЭС на Волге и Каме. Всего в ходе разведок им и коллегами было найдено свыше 4 тысяч новых памятников. Этот масштабный труд археологов Казани, в совокупности с созданием Археологической карты Татарстана, позднее был отмечен Государственной премией РТ (1994 г.).

А.Х. Халиков, по справедливому мнению современников, стал по существу основоположником современной археологии Поволжья и Приуралья, включающий в себя огромный исторический период от эпохи раннего камня, палеолита до позднего средневековья. Достаточно сказать, что Альфред Хасанович вместе с Н.Ф. Калининым был первооткрывателем палеолитических и мезолитических памятников на территории Поволжья. До него в регионе археологические памятники, особенно относящиеся к ранним историческим периодам, эпохи камня, бронзы изучались, но неравномерно, эпизодически (работы Лихачева А.Ф., Ефименко П.П., Смолина Н.Ф., Бадера О.Н. и др.). Но столь глубоко, взаимосвязано, обосновано, опираясь на результаты, в том числе и прежде всего своих многолетних масштабных археологических полевых исследований, древнюю историю нашего края никто еще не изучал и не осмыслил. Кругозор научных проблем, занимавших А.Х. Халикова все годы, был чрезвычайно широк, но основными были, наряду с историко-археологическим изучением Биляра и Казани вопросы происхождения финно-угорских и тюркоязычных народов региона.

О значимости и глубине исследований А.Х. Халикова может служить его монография 1969 года «Древняя история Среднего Поволжья» (написанная на основе докторской диссертации), раскрывающая, конкретизирующая археологию края и районов далеко за его пределами. Это воистину настольная книга многих поколений исследователей. В ней охвачена история Поволжья и Прикамья от палеолита до эпохи бронзы. Обращает внимание обилие используемого автором материала, археологических параллелей на обширнейшем пространстве Европейской России, Урала и Сибири. В работе, как и в других трудах А.Х. Халиков целеустремленно, доказательно выделяет и определяет Среднее Поволжье и Прикамье как контактную зону, где соприкасались, соединялись этнокультурные традиции древнего населения Европейской России с одной стороны, и Сибири, Алтая, Казахстана – с другой.

Им и его коллегами-учениками в 1960–70 годы обстоятельно исследованы памятники Марийского края, Горьковской, Кировской областей (Ахмылово, Галанкина Гора, Васильсурск и др.). С этой целью по инициативе А.Х. Халикова была организована Марийская археологическая экспедиция, работающая до сих пор. Итогом исследований стало определение роли и места ананьинской, азелинской, пьяноборской, городецкой культур в этногенезе финно-угорских племен, в первую очередь марийского народа.

Определяющим в работах Альфреда Хасановича этого периода стал весомый, неоспоримый вклад в археологию края: открытие и обоснование приказанской культуры, уточнение роли и места волосовской, чирковско-сейминской и других археологических культур в этногенезе автохтонного населения региона. Исследования А.Х. Халикова первоначально зачастую вызывали недопонимание, сопротивление научной общественности (Бадер О.Н., Смирнов А.П. и др.), позднее получившие признание.

Уделял он пристальное внимание и этногенезу, этническим корням именьковского населения Поволжья, ранним этапам угро-тюркизации нашего края, ранневенгерским (Большетиганский, Танкеевский могильники), болгаро-буртасским, раннечувашским (Армиевский, Адриевские, Писеральские могильники и курганы) памятникам.

Исследователя постоянно занимали и болгарские проблемы. Так, еще в далеком 1964 году была опубликована работа, написанная совместно с его другом также учеником Н.Ф. Калинина, В.ф.Генингом «Ранние болгары на Волге: (Больше-Тарханский могильник)», посвященная появлению болгарских (болгаро-угорских) племен в крае. Раскопки А.Х. Халиковым, совместно с Е.А.Халиковой, Е.П.Казаковым этого памятника и одновременного Танкеевского могильника на долгое время, на десятилетия определили его интерес к болгарской тематике.

И поэтому закономерно, что А.Х. Халиков положил начало планомерному и глубокому изучению, многолетним широким раскопочным работам на таком грандиозном памятнике, как домонгольская столица Волжской Булгарии, Биляр. Исследования здесь начались в 1967 году; им созда-

ется Билярская археологическая экспедиция; из года в год на городище проходят археологическую практику студенты Казанского университета (к слову сказать, для нас, студентов истфилфака КГУ участие в раскопках было увлекательным и познавательным делом). В течение десятилетий усилиями многих и многих исследователей под руководством А.Х. Халикова на городище были заложены десятки раскопов, вскрыты остатки соборной мечети, некрополи знати, дом феодала, караван-сарай, ремесленные слободы: металлургические, гончарные, кожевенные. Ювелирные и др.

Впервые для такого большого памятника по его инициативе была проведена детальная аэрофотосъемка городища и его окрестностей, наглядно представившая топографический облик Биляра того далекого времени.

В числе заметных событий, связанных с болгарским периодом в творчестве А.Х. Халикова была и организованная им на рубеже 1980–1990 годов совместно с украинскими коллегами экспедиция по торговому пути из Булгар в Киев.

В последние годы жизни им исследовано «Чертово городище» в Елабуге. Ныне этот памятник привлекает многочисленных туристов.

С начала 1970-х годов его внимание, как прежде и неусыпный интерес его учителя Н.Ф. Калинина, привлекала Казань, которую А.Х. Халиков очень хорошо знал. Достаточно сказать, что Халиковым совместно с В.В. Кузьминым и Ю.И. Смыковым был издан в 1977 году путеводитель по Казани. Им была предложена, опираясь на письменные источники, дата возникновения Казани (1177 год), определены первоначальное место сложения и облик города, объяснено его название, как «пограничного города». К великому сожалению из-за политических противоречий и иных околонучных причин, намечавшееся в 1977 году празднование 800 летнего юбилея Казани, предлагаемое А.Х. Халиковым, тогда не состоялось. Это тяжело, как и преждевременная кончина его супруги Елены Александровны в том же году, тяжело переживалось А.Х. Халиковым. Но позднейшие археологические исследования города показали, что история Казани еще более древняя, берет свое начало с X века и даже ранее, с эпохи раннего железа и бронзы.

Последние годы он плодотворно занимался средневековой историей края и татарского народа. Свидетельство тому служат книги «Происхождение татарского народа» (1974, на татарском языке), «Происхождение татар Поволжья и Приуралья» (1978), «Татарский народ и его предки» (1989). Запомнились читателю такие интереснейшие книжки, как: «500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения» (1992) и «Кто мы – болгары или татары» (1992). Родному городу была посвящена монография «Казань в памятниках истории и культуры» (1982, в соавторстве с С.С. Айдаровым, С.Х. Алишевым). А.Х. Халиков, опираясь на свой богатейший исследовательский опыт, предполагал создание серии трудов по истории татарского народа, первая книга из которых («Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария») увидела свет в 1994 году.

Вопреки ошибочному мнению некоторых его современников Альфред Хасанович отнюдь не был сторонником исключительно болгарской теории происхождения татарского народа (казанских татар), а отмечал и значение, размеры позднейших (кипчакских, ногайских и других) составляющих этногенеза.

О результатах научной деятельности ученого свидетельствуют его научные труды; А.Х. Халиков автор и соавтор свыше 30 монографий и 500 статей, написанных великолепным научным и, вместе с тем, понятным, доступным языком. Поражает широта охвата, рассмотрения автором описываемых тем, явлений при обилии самого разнообразного привлекаемого материала по истории страны, сопредельных территорий.

Следует отметить и обстоятельную редакторскую работу Альфреда Хасановича. Не смотря на загруженность своими трудами, он охотно брался за «правки», дополнения работ коллег по широкому кругу проблем (хотя в основном это были сугубо исторические, археологические тексты). И нужно было видеть, как при чтении работы очень быстро, «по диагонали», от внимания Халикова не ускользала ни малейшая деталь.

Следует отметить еще одну важную сторону деятельности А.Х. Халикова: работу в части охраны памятников истории и культуры. И это понятно: он всю свою научную жизнь в большей или меньшей (безусловно, в большей) степени соприкасался с историческим культурным наследием страны. Достаточно вспомнить его работы по спасению археологических памятников в зонах будущих водохранилищ: создание под его руководством многотомной Археологической карты, исследовательские и охранные работы в Биляре, Казани, Елабуге и др. Поэтому А.Х. Халиков и был

заместителем председателя республиканского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Профессор А.Х. Халиков многие годы читал поколениям студентов Казанского университета содержательные лекции по общей археологии. Особо следует отметить его спецкурс по этногенезу народов Среднего Поволжья и Приуралья. В 1991 году была опубликована первая часть курса под наименованием «Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья». В полной версии, где отражены вопросы этногенеза как финно-угорских, так и тюркоязычных народов, работа вышла в свет уже после его кончины, в 2011 году.

Альфред Хасанович руководил кружком археологии (с участия в нем начинали и многие нынешние ученые, последователи Халикова); воссоздал археологический музей на истфаке КГУ, действующий и поныне.

Многочисленные ученики А.Х. Халикова, доктора и кандидаты наук (его учеником в свое время был и я, Н.А. Халиков) уважительно величали его за глаза, разумеется, «Шефом», причем с заглавной буквы. Поэтому, справедливо, его именем названы улицы Казани, Елабуги, Биляра, Нурлата; имя А.Х.Халикова носит созданный в 2014 году Институт археологии АН Татарстана (прежде там, на улице Бутлерова располагался Дом ученых Казанского филиала АН СССР).

Альфред Хасанович был талантливым, широко образованным, эрудированным Ученым. О его таланте педагога говорит и когорта блестящих ученых и последователей А.Х. Халикова. Нужно было видеть с каким вниманием и уважением выслушивали Халикова (хотя и не всегда соглашались с мнением шефа) его ученики, как много ценных советов получали от него будущие историки, археологи, этнографы.

Несмотря на всепоглощающую преданность науке, он был заботливым отцом, мужем, хорошим товарищем для друзей. Коллеги А.Х. Халикова вспоминают, что: «он был наделен особым талантом общения... умел притягивать и располагать к себе людей». Его отличали колоссальная работоспособность, порой требовательность к себе и к исполнению обязанностей коллегами, внимание к быту коллектива, особенно в полевых экспедиционных условиях... Вместе с тем он был веселым, остроумным человеком, хорошо и с удовольствием пел, был «душой» любой компании, грибником, рыбаком...

Таким навсегда останется в нашей памяти Альфред Хасанович Халиков, талантливый ученый и прекрасный человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альфред Хасанович Халиков: ученый и учитель (к 80-летию со дня рождения) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдинов. Казань: Фэн АН РТ, 2009. 188 с.
2. Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш. Альфред Хасанович Халиков. Очерк жизни и научной деятельности. Казань: Мастер Лайн, 1999. 58 с.
3. Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Альфред Халиков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 67 с.

N.A. Khalikov

ALFRED KHASANOVICH KHALIKOV: THE FOUNDER OF MODERN ARCHEOLOGY OF TATARSTAN

The article briefly describes the life path of Alfred Khasanovich Khalikov, who created his own scientific school and laid the foundations of modern archeology in the Republic of Tatarstan. According to published books of A.Kh. Khalikov, his scientific achievements as a researcher are highlighted, also is paid attention to his personal qualities as a teacher, organizer of science and head of the family.

Keywords: A.Kh. Khalikov: modern archeology of Tatarstan, scientific school, ancient and medieval history of the Middle Volga region.

Сведения об авторе:

Халиков Наиль Альфредович – кандидат исторических наук (г.Казань); halikov51@mail.ru

Khalikov Nail A. – Candidate of Historical Sciences (Kazan).

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 930.2

МОНОГРАФИЯ О ТЮМЕНСКОМ И СИБИРСКОМ ХАНСТВАХ

© 2019 г. С.С. Тихонов

В данной работе рассмотрена монография, посвященная истории Тюменского и Сибирского ханств, вышедшая в свет в издательстве Казанского университета в 2018 году. Это первое в отечественной науке исследование, полностью посвященное тюркским государствам средневековой Сибири. В книге имеется много ценных наблюдений. В анализируемом издании показаны как история изучения этих политических образований, так и источники, изучение которых и позволило большому коллективу авторов выполнить работу. Интересны разделы о политической, экономической истории ханств, связям правителей ханств с окружающими их соседями, а также судьбы тюркского населения после присоединения Сибири в Московскому государству.

Рецензент считает, что рассматриваемое им издание является важным вкладом в понимание политических и иных процессов на территории Сибири, и будет интересна не только узким специалистам, но и всем лицам, интересующимся историей нашего отечества

Ключевые слова: Тюменское ханство, Сибирское ханство, история, археология, этнография.

Благодаря любезности коллег из Омска и Кургана, за что приношу им искреннюю благодарность, я познакомился с новой книгой, посвященной истории средневековых сибирских ханств (Тюменское и Сибирское..., 2018). Она вызвала у меня двойственное впечатление. С одной стороны – это добротное научное издание, с другой – похожа на макет будущей большой, не исключено, что и многотомной, работы, наподобие макета по древней истории Сибири (Материалы по древней истории..., 1964), по структуре которой была подготовлена известная пятитомная «История Сибири» (История Сибири..., 1968–1969). Поэтому, вероятно, текст неровный, с разной степенью полноты освещающий тему исследования.

Итак, 2018 г. вышла в свет в издательстве Казанского федерального университета коллективная монография «Тюменское и Сибирское ханства», редакторами которой стали Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдииков и Р.Р. Хайрутдинов. Авторский состав книги основателен. Это 22 ученых: А.А. Адамов, А.В. Беляков, Л.А. Бобров, И.К. Загидуллин, Д.М. Исхаков, Д.Н. Маслюженко, А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, В.В. Менщиков, А.В. Парунин, Н.В. Перцев, В.В. Пестерев, Е.А. Рябинина, Г.Х. Самигулов, А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева, С.Ф. Татауров, Н.А. Томилов, В.В. Трепавлов, З.А. Тычинских, Р.Р. Фахрутдинов, Ю.С. Худяков из научных центров 10 российских городов: Казани, Кургана, Москвы, Новосибирска, Омска, Рязани, Салехарда, Тобольска, Тюмени, Челябинска. В числе научных тем, которые они разрабатывали, есть и касающиеся сибирских ханств.

Уже это позволяет сделать вывод: специалисты из Казани собрали солидный авторский коллектив, и организовали его работы по предложенному ими плану, поскольку структура монографии выглядит цельной и продуманной. Они сумели свести воедино авторские тексты, касающиеся многих аспектов функционирования ханств, основанные на разных источниках, написанные с разной степенью полноты. По опыту знаю, что это тяжелая работа.

В аннотации указано, что «В книге рассмотрены вопросы источниковедения и истории изучения ханств, основные этапы истории местной государственности и институтов власти. Особое внимание обращено на внешнюю политику ханств в различных направлениях. Проведен анализ этнической истории, экономического уклада, религиозной культуры и особенностей военного дела. Описан процесс падения Сибирского ханства, присоединения его территории к России и судьбы различных групп населения в этих обстоятельствах». Здесь я не увидел противоречия с текстом книги, хотя бывает и так, что аннотация не соответствует тексту.

Жанр монографии – историческое исследование, основанное преимущественно письменных источниках с использованием данных археологии, картографии, этнографии. Находящиеся в конце книги солидные приложения в виде публикации источников, генеалогических таблиц, аль-

бома иллюстраций только украшают книгу, а указатели этнонимов, археологических памятников, географических и политических названий облегчают читателю знакомство с изданием. Эти приложения, да еще изрядный список литературы, позволяют в полной мере оценить колоссальный труд авторов по изучению источников и подготовке приложений и справочного материала.

Но перейдем к собственно тексту. В начале книги в разделе «Хронология, периодизация, названия сибирских государств: основные дискуссионные вопросы» (автор раздела – Д.Н. Маслюженко, с. 7–13, далее после названия разделов будут указаны авторы, и страницы в монографии) показаны проблемные вопросы изучения сибирских ханств, и его автор совершенно справедливо связывает формирование этих образований с деятельностью Шибанидов, указывает на отсутствие источников, отложившихся именно в ханствах, а также на проблемы периодизации, хронологии, терминологии и т.д.

Монографию продолжает раздел по истории изучения ханств, названный «Историография изучения», разбитый на три части – дореволюционную, советскую и современную, и археологическое изучение (В.В. Меньшиков, с. 14–19, Д.Н. Маслюженко, с. 19–24 и С.Ф. Татауров, с. 24–30). В разделе рассмотрены этапы исследования сибирских ханств, показан вклад ряда ученых в дело их изучения, вкратце изложены их концепции. Но авторам пришлось решать трудную задачу: указывать ли всех исследователей, или их только упоминать, рассматривать ли общий историографический фон, на котором видна канва историографии ханств, каковы должны быть периоды их изучения, и как они соотносятся с общей тенденцией развития историографии.

В итоге был выбран простой и традиционный принцип: исследования дореволюционные, советские, современные и археологические. Здесь, на мой взгляд, можно было бы сделать интереснее. В первую очередь отказаться от этой набившей оскомину принятой в научном сообществе схемы периодизации, основанной на особенностях политического устройства: Российская империя, Советское государство, Российская Федерация. Во вторую очередь выделить этапы изучения именно ханств, например, период накопления источников, первые концепции, современное состояние вопроса безотносительно принятых в науке веж, что позволило бы отказаться от противопоставления исторических и археологических работ, а также, по моему мнению, позволило бы избежать ситуации, в которой деятельность ученого нужно рассматривать на двух этапах, избежать упоминания «лишних» исследователей или добавить недостающих. Скажем, при всем уважении к Н.А. Томилову и на фоне его вклада в изучение этногенеза и этнической истории сибирских татар, его интерес к именно к сибирским ханствам выглядит не таким сильным. Хотя, конечно, он изучал население, в них входившее. Не усматриваю также особого вклада в дело изучения ханств И.В. Щегловым, В.В. Каргаловым, Р.Г. Скрынниковым или некоторых других названных авторами ученых, поскольку в их работах (я не критикую их) хоть и есть упоминания ханств, но это не основное содержание их трудов. В то же время было бы любопытно узнать в этом разделе подробнее о работах Никалааса Витсена, Д.Г. Мессершмидта или В.И. Соболева.

Но так сложилось, что у нас собственно история существует отдельно, а археология отдельно, и их объединение под обложкой исторической книги отчасти формально. Кроме того, авторы некоторых разделов сочли нужным вкратце осветить историю изучения темы, которой они касались. Поэтому, кроме собственной историографии есть еще и «микроисториографии». На мой взгляд, это свидетельство того, что цельный текст появился к концу срока, перед самой сдачей книги в печать.

О разделе «Источники», разделенные на русские, восточные и археологические (Д.Н. Маслюженко, с. 31–44, А.В. Парунин, с. 31–44 и 44–47, С.Ф. Татауров, с. 47–54), я только упомяну, поскольку не силен в изучении летописания. Однако, сведения, приведенные авторами, довольно интересны, хотя раздел, касающийся восточных источников, по сравнению с русскими маловат, хотя, по логике, должно быть наоборот.

Археологический раздел мне более понятен, и я согласен, что есть проблемы, над которыми надо работать. Они традиционны: датировка и этническая принадлежность материалов раскопок, а также их сопоставление с письменными материалами. Получается так, что вещественные источники свидетельствуют о материальной основе существования государств, и письменные об их политике, верованиям, религии и т.д. И было бы чудесно, если бы удалось их интегрировать.

К слову сказать, меня несколько смутили критерии деления источников на русские, восточные и археологические, т.е. по разным основаниям: этническому, географическому и вещественному. Конечно, о чем идет речь абсолютно ясно, но классики источниковедения учили, что источники следует делить по кодировке информации. Конечно, не страшно, что редакторы приняли такой ва-

риант. Плохо то, что молодые исследователи, глядя на это, могут и не вспомнить о правилах классификации источников.

Следующий, третий раздел книги – «История государственности» – состоит из частей «Этапы становления и внутренняя политика (Д.Н. Малюженко, с. 55–74), «Клановая структура (Д.М. Исхаков, с. 75–82), «Аппарат управления и социальная организация» (Д.Н. Малюженко, З.А. Тычинских, с. 75–91). Считаю, что это главная часть книги, где впервые цельно и последовательно проанализированы этапы развития, структура и органы управления ханств. Конечно, авторы раздела познакомили коллег со своими научными разработками, но сведены они воедино первый раз. Хорошо показано, что становление и развитие сибирских ханств связано с Шибанидами, их борьбой за сибирские земли с опорой на дружественные кланы и государственные образования степной Евразии. Отмечен вклад отдельных Шибанидов в укрепление власти. Фактически – это канва истории тюркской государственности в Сибири, которая со временем будет дополнена.

В очередной раз, и весьма доказательно, были рассмотрены кланы, входящие в состав ханств, как «привилегированные», так и обычные: буркуты, джалаиры, мангыты, кийаты, найманы, уйшины и т.д. В общем-то, это основание для возможного в дальнейшем определения этнической атрибуции археологических памятников.

Фактически получается, что Шибаниды с подвластными им народами осваивали (присваивали?) Сибирь. Они были организованы, имели устойчивую иерархическую структуру, на вершине которой стояли ханы, выполнявшие функции власти, закона, суда и т.д. Рассмотрены атрибуты власти: шатер, трон, зонтик, корона, флаг и т.п., отметим и использование воинских поясов как атрибутов власти. Это хорошо известно по материалам других тюркских народов. Может быть, здесь археологам в будущем следует рассмотреть пояса не только как символ воина, а и как признак власти (скажем, уровня десятника, сотника и т.д.)?

Ниже ханов стояли духовенство, «придворные», рядовые. Т.е. это нормальная трехчастная структура, хорошо известная по другим материалам. Естественно, прослеживаются и элементы военной организации – крылья, сотни, тысячи и т.п.

Может быть, именно эта часть в дальнейшем послужит основой не для одного исследования. Однако, усматриваю в разделе недосказанность. Скажем, для чего Шибанидам были нужны сибирские земли? Подразумеваемый ответ – контролировать торговлю мехами, и далее логично предположить, что если нужен контроль, то она (торговля) была систематической (уже с XIII века?). Пока есть отдельные свидетельства этой торговли, но массовых находок южных товаров, которые можно связать со знатью (как, скажем, сасанидского серебра у районах обитания угров) нет. Далее, кто заготавливал меха? Вряд ли степные кочевники. Например, предки современных бачатских телеутов, живших когда-то по левым притокам в верховьях Енисея объясняли, что на зверей они охотиться не умеют. А вот тюльберы – жители тайги делали это весьма сноровисто.

Очевидно, надо было писать, что Шибаниды пришли не на пустые земли, а взяли под контроль местных жителей (угров?), которые и могли поставлять пушнину на продажу? А если Шибанидам были отданы земли с населением, которое нужно было покорять, то так ли уж велика ли была ценность улуса? И не поэтому ли ханы не желали расставаться со степными краями?

Высказанное выше – лишь мои пожелания, и это несколько не снижает ценность третьего раздела.

Следующий раздел – «Внешняя политика и этнокультурные связи» – показывает не столько политические связи (постоянные, устойчивые, с посольствами и дипломатическими представителями), сколько военные, торговые, религиозные и прочие взаимодействия сибирских правителей с властителями Поволжья (Д.М. Исхаков, с. 92–98), Средней Азии и Казахстана (Д.Н. Малюженко, С.Ф. Татауров, с. 98–106), Ногайской Оргдой (В.В. Трепавлов, с. 106–115), Московским государством (Д.Н. Малюженко, Е.А. Рябина, с. 116–131), угорскими княжествами (Н.В. Перцев, с. 131–141).

Считаю, что наиболее удачно показаны взаимоотношения Сибири и Средней Азии, сведения о которых сведены в разделы о собственно политике (фактически борьбе Шибанидов за свои земли), торговле (здесь собраны интересные материалы о поступлении в Сибирь доспехов, коней, украшений, тканей и т.д.), и религиозных контактах (Сибирь как северное направление распространения ислама).

В целом же раздел похож на перечень действий сибирских Шибанидов на разных направлениях. Конечно, такие исследования необходимы, но пока я его рассматриваю как заявку на продолжение работ в этом плане.

Раздел «Этническая история» состоит из двух частей, охватывающих время до середины XVI века (Д.М. Исхаков, с. 141–145) и второй половины XVI–XVII веков (С.Ф. Татауров, Н.А. Томилов, с. 145–150). Эта область исследований по праву считается одной из самых сложных, поскольку источники по этой теме немногочисленны и неоднозначны. Тем не менее, рассмотрены точки зрения ученых на начало формирования сибирских татар, начиная с домонгольского времени (фактически – проникновения тюркских групп в Сибирь), приход сюда организованных групп тюрок в золотоордынское время, и консолидация сибирского населения в этнос. В общем, авторам удалось создать внешне непротиворечивую концепцию формирования сибирских татар

Очень сильно написан раздел «Экономическое развитие» (С.Ф. Татауров, с. 151–159, 203–211, А.В. Матвеев, с. 159–172, 185–201, Н.П. Матвеева, с. 172–176, А.А. Адамов, с. 176–185). В отличие от других частей, базирующихся на письменных данных, раздел основан на археологических материалах с привлечением письменных источников. Он логичен по структуре и содержит сведения по хозяйственному укладу, путям сообщения, столичным центрам, городкам и поселениям татар. Отрадно, что авторы собрали воедино многочисленные конкретные сведения, полученные при изучении археологических материалов. Эти данные могут быть неоднократно использованы в дальнейших исследованиях, и, думаю, будут интересны читателям.

Следующий за ним раздел «Военное дело» тоже основан на археологических материалах. О наступательном оружии пишет Ю.С. Худяков (с. 212–223), а об оборонительном – Л.А. Бобров (с. 223–231). Этот раздел не оправдал моих ожиданий. Я надеялся, что, поскольку монография написана в историческом ключе, здесь найду сведения о тактике и военном искусстве войск правителей сибирских ханств, однако, авторы описали типологию оружия, использовавшегося ими. Думаю, что этот раздел в данной монографии выглядит несколько чужеродно, поскольку такой подход характерен для чисто археологических изданий. Я не говорю о том, что он подготовлен плохо, наоборот, трудно представить, что уважаемые доктора наук напишут некачественный текст, но он не о военном деле, а о типологии вооружения.

О религиозной культуре населения ханств написали А.Г. Селезнев и И.А. Селезнева (с. 232–255). Судя по тексту, основной акцент авторы сделали на исламе, этапах его проникновения в Сибирь, культурах мусульманских святых и т.д. Есть сведения и о домусульманских верованиях, но они кратки, хотя язычество просуществовало у сибирских татар как минимум до конца XVII–XVIII. Например, в могильнике Бергамак, датируемым этим временем по нюрнбергским счетным жетонам (Муромевский район Омской области), захоронения сделаны по языческому обряду: с оружием, конской упряжью и т.д.

Мы знаем, что формированию в Сибири ислама посвящены несколько монографий и многочисленные статьи указанных исследователей. Просто здесь их позиция изложена четко и компактно. Однако, если есть стык исторических и этнографических материалов, то археологическими данными они не подкреплены. Так, ни один археолог не раскопал астана. И не факт, что там вообще есть погребения не только святых, но и вообще кого-либо. Известно, что представления людей о прошлом причудливы. И, например, тюльберы среднего течения Томи считали, что на Абатовой горе в Мартайге погребен хан Кучум, которого там никогда не было.

Два последних раздела – «Процесс падения Сибирского ханства» (Е.А. Рябинина, с. 256–271, В.В. Пестерев, с. 271–298) и «Судьбы населения Сибирского ханства в процессе присоединения к русскому государству» (З.А. Тычинских, с. 299–314, Д.Н. Маслюженко, Г.Х. Самигулов, с. 314–226, А.В. Беляков, с. 327–343) завершают монографию, но они касаются не столько ханств, сколько судеб его насельников. Эти сведения не противоречат позициям других авторов, поэтому я не буду на них останавливаться, отметив только, что привлечена масса новых источников.

Однако, один аспект присоединения Сибири мне становится все менее понятным и выглядит крамольно: разгромил ли Ермак Кучума? Как и все историки, я слушал лекции о походе Ермака, читал о нем и источники и исследования, но знакомство с мир-системным подходом Ф. Броделя, И. Валлерстайна позволяет оценить этот процесс системно. Ермак нанес несколько поражений сателлитам хана Кучума до прибытия в Искер, разбил его в битве у этого города, данники Кучума шертвовали Ермаку, он или его атаманы совершили несколько победоносных походов. Это ли не

свидетельства победы? И с точки зрения европейцев это так: враг разбит, столица завоевана, взята дань.

Но такова ли точка зрения правителя ханства? Взята одна из ставок (а авторы книги пишут, что власть у Шибанидов ассоциировалась не с местом, а с властителем), причем далеко на севере. Однако, в конце-концов Ермак был убит, остатки его войско ушли восвояси, посланный на помощь отряд в Сибири не задержался, а Кучум еще долгое время собирал дань с земель, которые воевал Ермак. Но это предмет для размышлений, навеянный книгой.

В целом же, авторы качественно выполнили важную работу по исследованию истории двух сибирских ханств, результаты которой, надеюсь, заинтересуют многих коллег.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Л.: Наука, 1968–1969.
2. Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ: Издательство АН СССР, 1964. 739 с.
3. Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдикова, Р.Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.

S.S. Tikhonov

MONOGRAPH ABOUT THE TYUMEN AND SIBERIAN KHANATES

In this paper, we consider a monograph on the history of the Tyumen and Siberian Khanates, published by the Kazan University in 2018. It is the first study in domestic science devoted to the Turkic states of medieval Siberia. The book has many valuable observations. The analyzed publication shows both the history of the study of these political entities, as well as sources, the study of which allowed a large team of authors to do the work. Interesting sections are on the political, economic history of the khanates, the relations of the rulers of the khanates with their neighbors and the fate of the Turkic population after the annexation of Siberia to the Moscow state.

The reviewer believes that the publication he is considering is an important contribution to understanding political and other processes in Siberia, and will be interesting not only to specialists, but also to all people interested in the history of our country.

Keywords: Tyumen Khanate, Siberian Khanate, history, archeology, ethnography.

Сведения об авторе:

Тихонов Сергей Семенович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатория археологии, этнографии и музееведения, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г.Омск); semchi957@gmail.com

Tikhonov Sergey S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk).

УДК 94 (57)

**КРАТКИЙ КУРС СИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ТЮМЕНСКОЕ И СИБИРСКОЕ ХАНСТВА»***

© 2019 г. С.А. Чернышов

В данной статье рецензируется монография «Тюменское и Сибирское ханства», изданная в Казани в 2018 году. Делается вывод о том, что монография представляет собой важный фундаментальный труд, который отличает использование большого количества источников, в том числе вновь введенных материалов и данных современных археологических исследований. В статье подробно анализируются поднятые в монографии вопросы, связанные с некоторыми аспектами социально-политического развития аборигенного населения: классификация сибирской государственности и сравнительный анализ уровня развития Тюменского и Сибирского ханств в контексте развития соседних государств, анализ факторов присоединения Западной Сибири к Русскому государству и причин крушения Сибирского ханства. По итогам анализа отмечается, что монографии не достает методологической проработки феномена ранней государственности и «modern state», комплексного факторного анализа социально-политического развития аборигенного населения, непротиворечивых версий о причинах и ходе крушения Сибирского ханства, многоаспектного рассмотрения социально-политической динамики местного населения после присоединения к Русскому государству.

Ключевые слова: Сибирское ханство, Тюменское ханство, раннее государство, социально-политическое развитие, Московское царство, государственность.

Выход обзорных трудов, посвященных социально-политической истории Западной Сибири, нельзя не приветствовать. За последние 10–20 лет сибирские исторические исследования вышли на качественно новый уровень, заполнив многие исследовательские лакуны, однако мы по-прежнему испытываем дефицит обобщающих, фундаментальных трудов, чьи авторы сосредоточены не на вводе новых источников и описании отдельных деталей тех или иных исторических эпизодов, но на выявлении социально-политических трендов, объяснении наблюдаемых тенденций, выдвижении оригинальных авторских гипотез и смысловой систематизации имеющегося материала. Монографию «Тюменское и Сибирское ханства», несомненно, следует отнести именно к таким работам.

Основной посыл книги, в некотором смысле, заложенные в ней идеологемы, явно считаются уже на обложке издания. Во-первых, сама формулировка «Тюменское и Сибирское» показывает известную позицию авторов монографии на сложный вопрос генезиса татарской государственности в Западной Сибири, разрешая его в пользу разделения двух указанных государственных образований. Во-вторых, в качестве заглавной иллюстрации выбрано изображение «Восшествие Абулхайр-хана на престол» середины XVI века, что вполне демонстрирует «восточную» направленность повествования, внимание к тюркским (и шире – к азиатским) контекстам в истории татарской государственности Зауралья.

Первый раздел «Историография изучения» отличает полноценная классическая историография вопроса – что характерно, в нее включены краеведческие источники, а также работы «непрофессиональных» историков. Наличие таких работ придает исследованию известный уровень многогранности, дает возможность исследовать известные исторические эпизоды с неожиданных аспектов – в том числе, через призму «народного» восприятия вопроса. Особое внимание следует обратить на использование археологических источников, в том числе данных новых полевых исследований города Искер (Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 180), а также на оригинальные тезисы авторов раздела №6 о значении сухопутных коммуникаций Сибирского ханства в его развитии (впрочем, этот тезис в статьях авторов был выдвинут ранее).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60002\19.

На основании современных археологических данных и расчетов площади мыса, занимаемого Искером, делается вывод о площади столицы ханства ко времени похода Ермака (порядка 2,25 га), а также фортификационных качествах города. «С напольной стороны площадку городища защищал овраг, образованный слиянием двух оврагов, один – со стороны р. Иртыш, другой – р. Сибирки. Его ширина, по подсчетам С.У. Ремезова, составляла не менее 130 м. Наименьшая глубина составляла 15 м. Чтобы проехать на городище с напольной стороны, нужно было сначала по съезду, идущему вдоль западного склона оврага, спуститься на его дно и пересечь дополнительное препятствие – размываемую часть оврага (вероятно, здесь находился мост), а затем вдоль восточного склона» (Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 180), – отмечают авторы. Отметим этот тезис, который представляется важным для дальнейших рассуждений относительно фортификационного значения Искера в борьбе за Сибирское ханство и минимальной борьбе за его сохранение силами Кучума – думается, что он, таким образом, противоречит выводам авторам разделов монографии, посвященной падению ханства.

Кроме названного, следует отметить значительный объем введенных в научный оборот ранее не опубликованных источников, богатый иллюстративный материал, наличие схем и карт, терминологический раздел, указатель имен и географию археологических памятников. Все это позволяет охарактеризовать опубликованную монографию как фундаментальный научный труд, комплексно характеризующий социально-политическое развитие государственных образований Западной Сибири.

Остановимся на некоторых ключевых идеях (дискуссионных областях), которые присутствуют в монографии и рассматриваются с различных сторон. Первой такой областью необходимо признать самую суть определения сибирской государственности. Авторы монографии делают несколько попыток решения этой проблемы, однако именно по этому (по сути, одном из ключевых) вопросу социально-политического развития народов Западной Сибири монография фактически не дает стройного концептуального ответа. В самом начале работы закладывается обширная методическая платформа для решения этой проблемы: высказывается тезис о том, что для сибирской истории важно изучение «исторической географии, институтов государственных образований, городов и ремесленного производства, системы коммуникаций и особенностей торгово-экономических отношений, духовно-религиозной жизни местного населения» (Там же, с. 5). Делается вывод о том, что «татарские государства на юге Западной Сибири были наследниками ранее существовавших здесь улуса Шибана (сына Джучи б. Чингисхана) и дальнейших владений Шибанидов» (Там же, с. 7). Впрочем, здесь явно не достает другого важного допущения – что государственность и Русского государства тоже имела ровно такие же корни, по выражению В.В. Трепавлова: «московское правительство брало на вооружение не идеологию, но технологию власти» (Трепавлов, 2017, с. 94). Наконец, анализируются реформы Кучума, проведенные в Сибирском ханстве, – административная, военная, государственных коммуникаций, налоговая и прочие, делается вывод об их эффективности (Там же, с. 71–72).

Коллизии в системе аргументации и логике рассуждений авторов начинаются с момента определений – как назвать государственные образования Западной Сибири. Попытка терминологического анализа проблему не решает: «понятия «улус» или «земля» будут ничуть не хуже отражать ситуацию, чем иные предлагаемые термины. При этом у всех этих терминов есть один немаловажный минус: «улус», «юрт» или «вилайет» менее удачны, с точки зрения обозначения государственности, поскольку, могли обозначать и административно-территориальное деление территории ханств» (Там же, с. 14). Впрочем, путь семантического анализа тех или иных терминов (в том числе, самоназваний), скорее всего, заранее был обречен на провал в связи с тем, что термины, связанные с социально-политическими явлениями у сибирских татар насыщены лексикой древнетюркского, арабского, персидского, монгольского происхождения (Алишина, 2016, с. 103) – словом, это довольно сложное для анализа поле.

В монографии практически отсутствует попытка классификации западносибирской государственности – что, например, лишает возможности ее сравнения с аналогичными системами в Русском государстве или государствах Мавераннахра. Это, в свою очередь, существенно ограничивает возможности комплексного анализа причин краха самостоятельной татарской государственности в

Зауралье. В этом смысле, в методологической части монографии уместно было бы рассмотреть, например, теорию «раннего государства» Хенри Дж. М. Классена. В рамках этой парадигмы исследователь дает следующее общее определение государства в рассматриваемый период: «Централизованная социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложно стратифицированном обществе, разделенном, по крайней мере, на два основных страта, или социальных класса, – на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освящена единой идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен услугами» (Крадин, 2012, с. 142). В рамках развития этой теории современные исследователи феномена государства указывают, что такой подход позволяет исключить из обязательных составляющих государственности территориальные границы, монополию на силовое принуждение, наличие «правлящего класса» и прочие факторы (Шалютин, 2012, с. 33).

Введение такого рода парадигм в рецензируемую монографию позволило бы нивелировать разного рода вопросы, касающиеся проблематики «исчезновения ханства» в связи с миграцией населения (Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 67), «верном» наименовании угорских княжеств (Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 131) и других, анализ которых авторы делают безотносительно к какой-либо явно выраженной теории возникновения и развития государственности.

Еще больше возможностей для анализа феномена западносибирской государственности (татарской или угорской) дает активно разрабатываемая в последнее время концепция «модернового государства» («modern state»), возникающего в развитие государства «традиционного». Фактически, эта идея появляется еще в работе М. Вебера «Хозяйство и общество», где обосновывается концепция обособленной бюрократии и чиновничества, не являющегося слугами правителя. А сама концепция «modern state» появляется в начале 1970-х годов в работе Джозефа Стрейера «О средневековых истоках государства нового времени», где исследователь выделяет три признака такого государства: «устойчивость в пространстве и времени; формирование безличных, относительно постоянных политических институций; перенос лояльности с семьи, местного сообщества или религиозной организации на государство и обретение государством морального авторитета» (Кром, 2018, с. 16). В этом смысле, Русское государство середины XVI столетия «modern state», скорее всего, не является – такой вывод можно сделать, в частности, из неизменно отмечавшийся всеми путешественниками полной покорности аристократии и дворянства царской воле, что резко отличало Москву от ее соседей на западе (Кром, 2018, с. 237). Более того, бюрократия в понимании ее в рамках концепции «modern state» не появляется в Русском государстве и в XVII веке, а существующая приказная система «внутренне разрушается» в связи с объективной неспособностью царя решать все текущие вопросы приказов (Седов, 2006, с. 31).

Представляется, что при таком подходе в этой части монографии можно было бы добиться терминологического порядка, а также иметь возможность анализа на единой методологической базе государственности Московского царства, Сибирского ханства, и (что не менее важно) – Югры. Вполне вероятно, что анализ государственности народов Югры не был основным предметом для изучения авторов монографии, однако северная периферия татарских ханств не могла не представлять интерес в контексте социально-политического развития Западной Сибири в целом. И здесь мы видим применение относительно угорских народов термина «вождество» (Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 134) – в общем, архаичного, а также введение совершенно иной критериальной базы в отношении классификации местных политических образований – «для таких политических образований уже характерны социальная иерархия, в которой определяется родством, усиление роли вождя, который рассматривается, в первую очередь, как военный лидер, и лишь потом его статус переходит в повседневные отношения, в то же время отсутствует постоянная централизованная власть» (Там же, с. 134). Такой набор критериев позволяет авторам цитируемого раздела характеризовать уровень социально-политического развития как «протогосударственный» или «финальная стадия возникновения государственности» (Там же, с. 135), однако с точки зрения концепции «modern state» речь идет скорее о традиционной государственности – и это, в свою очередь, лишает характеристики политической организации Югры негативных коннотаций. Более то-

го, такой подход ставит локальную государственность угорских народов если не на один уровень, то, по меньшей мере, возвращает их в унифицированную систему координат.

Такой подход дает возможность решения еще одного вопроса – о характере взаимоотношений между Югрой и Сибирским ханством. Сразу оговоримся – то, что авторы монографии вообще поднимают тему государственности угорских народов, само по себе является исследовательским подвигом. В том числе, критическому анализу подвергается наследие С.В. Бахрушина, вокруг которого, по выражению авторов монографии, «была сконцентрирована советская историография» (Там же, с. 131). Однако в связи с недостаточно развитым критериальным аппаратом, в качестве априорных выдвигается тезис, что «территории к северу от Тюменского ханства на тот момент не входили в его состав» (Там же, с. 118), хотя критерии «вхождения в состав» в общем-то так и не были определены. Аманатство, шерть, родственные связи, союзничество, покровительство, связи политических элит татарских и угорских политических образований, схожие административные системы – все это перечисляется в монографии, но при этом не является, по мнению авторов, достаточным основанием для утверждения, что Югра фактически входила в орбиту государственности Сибирского ханства. Авторы ограничиваются следующим утверждением: «мы же можем предположить, что многовековое совместное проживание стало залогом комплиментарных отношений и ассимиляция, вероятно, проходила мирным путем» (Там же, с. 136).

Наконец, в характеристике государственности Югры не учитывается целый ряд смежных обстоятельств. Так, в свидетельствах современников по отношению к югорским правителям не встречается снисходительное наименование «князец». Например, в жалованной грамоте царю Ивану Васильевичу от Никиты Строганова от 6 ноября 1581 г. говорится: «Приходил войною Пелымской князь с вогуличи» (Миллер, 1937, с. 341). Русские дипломаты называют Пелымское и Иргизское княжества «государствами» (Кызласов, 1992, с. 53), а пришедшие на эту территорию русские сборщики ясака документально фиксируют «наличие исправно функционирующей административно-фискальной системы, сходной с существовавшей в Среднем Обь-Иртыше и связанной с податной политикой Кучумова ханства» (Шерстова, 2005, с. 113). Кроме того, не учитывается сложный характер положения Югры, находящейся фактически в орбитах интересов двух усиливающихся региональных держав – Московского царства и Сибирского ханства, что очевидно вызывало необходимость многовекторной и зачастую противоречивой политики. С одной стороны, поход воеводы Василия Скрябы стал прецедентом для «претензий на Северное Зауралье, формально подчиненное ханам Тюмени, так как правители угорских княжеств признали зависимость от Москвы» (Нестеров, 2007, с. 80). С другой стороны – внешнеполитические амбиции татарских правителей Западной Сибири, негативно влияющие на динамику отношений между Чимги-Турой (Искером) и Югрой. Так, в конце XV века активная политика хана Ибрагима в Поволжье приводит к отдалению от государства Шейбанидов югорских княжеств, и в 1483 году Пелым признает свою зависимость уже от Русского государства (Нестеров, 2007, с. 81). Словом, отношения Югры и татарских ханств невозможно рассматривать линейно, без учета множества факторов, влияющих на социально-политическую динамику.

Еще одна важная проблемная область, которой уделяется значительное место в монографии – взаимоотношения Тюменского и Сибирского ханств с Русским государством, процесс крушения ханства в связи с походами русских регулярных и нерегулярных войск и другими факторами, а также факторный анализ присоединения Западной Сибири к Московскому царству в целом. Описание истории взаимодействия Москвы и Сибири выглядит несколько неравномерным. С одной стороны, анализируется процесс повышения авторитета Московского царства на постзолотоордынском пространстве в связи с завоеванием Казани и Астрахани (Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 123), рассматривается вопрос роли тайбугида Едигера во взаимоотношениях Ивана Грозного и Кучума (Там же, с. 124), полноценно раскрыты основные факторы взаимодействия Сибири и Москвы, в том числе идеологическое оформление этого взаимодействия и интересы его субъектов. С другой стороны, этот раздел завершается следующим выводом: «вторжение в Сибирь, как нам представляется, все же не было изначально частью целенаправленной государственной внешней политики. Москва, скорее, воспользовалась удобной ситуацией для расширения своего влияния» (Там же, с. 131). Этот же тезис перекликается с оценкой в другой части монографии плано-

мерности похода Ермака: «маршрутизация [отряда] зависела не только от финансировавших поход Строгановых, но и от казачьего круга, решение которого и определяло конкретные цели и задачи» (Там же, с. 256). Наконец, в монографии содержится также тезис о том, что поход Ермака «был инициативой конкретных людей, которые обладали значительным иммунитетом от государственной политики» (Там же, с. 130).

Таким образом получается, что несмотря на почти полтора века активных интриг и внешнеполитических игр, расширение Русского государства в Зауралье в итоге представляется как случайная акция при удобной ситуации, тактика которого к тому же ситуативно определялась на казачьем круге! Этот обобщенный тезис монографии, строго говоря, противоречит предшествующей ему логике повествования.

Почему скрупулезный анализ причин падения Сибирского ханства и характера, факторов успеха и хода завоевательных походов русских отрядов в Западной Сибири представляется одним из ключевых вопросов истории развития локальной государственности? Прежде всего, во-первых, это, пожалуй, хронологически первый период в социально-политической истории Западной Сибири, в отношении которого мы располагаем существенными сведениями и описательным материалом событий с различных сторон. Во-вторых, установление причин и факторов падения Сибирского ханства – ключ с комплексной социально-политической характеристике аборигенной государственности, ключевые черты которой возможно проанализировать через выявленные в ходе завоевания слабости.

Тезисно причины краха Сибирского ханства в монографии называются. Это расширение власти Москвы в лесостепной и степной зоне Западной Сибири, несоответствие привычной для татар тактики ведения войны с реальностью русских походов, незавершенные реформы Кучума, торгово-экономический фактор (Сибирское ханство как лишнее логистическое звено на существующих и формирующихся торговых путях) (Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 74). При этом отдельная глава «Падение Сибирского ханства» содержит, пожалуй, больше вопросов, чем ответов, а предлагаемые объяснения представляются небесспорными.

Так, в качестве основных причин, по которой Кучум не защищал свою столицу Искер называется отсутствие запасов воды и продовольствия, а также фактор наличия у казаков огнестрельного оружия (Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 257). Эта гипотеза выглядит поверхностной, поскольку выше в монографии приводятся данные археологии Искера, из которых следует, что столица ханства была фактически неприступной крепостью. Находясь к тому же довольно далеко от места первых конфликтов сибирского войска с казаками Ермака, это давало Кучуму время на подготовку к осаде, которым он почему-то не воспользовался. А наличие огнестрельного оружия в Искере отмечал еще Г.Ф. Миллер. В качестве дополнительной причины называется также степной менталитет Кучума (Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 258) – но как этот в общем-то принципиально непроверяемый тезис соотносится с длинным списком городов и городков Сибирского ханства, развитой системы сухопутных коммуникаций и укреплений, которые перечисляются в монографии выше?

Еще один тезис, который приводится в том же разделе, таков: «взятие Искера стало основой для отправления казаками в Москву победных сообщений о взятии Сибири, которые в корне изменили отношение к этому походу собственно московской власти» (Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 258). Относительно казаков с этим тезисом еще можно согласиться, с той лишь оговоркой, что казаки были *заинтересованы* в том, чтобы представить падение Искера как переломный момент их сибирской кампании: заказчикам похода нужно было презентовать свои победы. Однако вряд ли падение столицы Кучума изменило отношение к перспективам присоединения Западной Сибири со стороны Москвы. Действительно, первые сообщения об этом появляются в дипломатической переписке в середине 1580-х годов, однако представляется, что это скорее выдача желаемого за действительное, поскольку Москва также была *заинтересована* в том, чтобы известным образом представить «Сибирское взятие» перед иностранными контрагентами. Например, в памяти для посольства в Османскую империю 1597 года говорится: «а нечто спросят про Сибирь: сколь давно Сибирское царство взяли государевы люди и какова земля?» (Рогожин, 1994, с. 88).

Однако бесспорным аргументом в пользу реального изменения отношения московских царей к своим зауральским владениям имеет смысл считать титулатуру. А она меняется совершенно по иному поводу. Так, по итогам походов 1483 и 1500 гг. пелымские князья признали власть Ивана III и обязались ему «дань давати» (Бахрушин, 1952, с. 114). Уже в 1484 г. в одной из грамот титул московского правителя (по которому можно судить, по крайней мере, о его территориальных претензиях, основанных на формальном подданстве) обозначен как «Володимерьски и Московски и Новгородски и Псковски и Югорски и Вятски и Пермски и иных» (Пчелов, 2010, с. 4). В 1555 московский царь – «всея Сибирские земли и Северные страны повелитель» (посольство Едигера), и только с 1599 г. – «царь Сибирский» (Пчелов, 2010, с. 5). Таким образом, действительно «изменило отношение» к походу в Зауралье не падение Искера, а предполагаемое убийство (или изгнание) Кучума.

Наконец, остановимся на еще в одной сфере, описываемой в монографии: причинах падения Сибирского ханства и дальнейшем социально-политическом развитии местного населения. Как уже было отмечено выше, причины падения ханства, несмотря на ключевое значение этого вопроса для анализа социально-политической динамики западносибирской государственности, называются вскользь, хотя и покрывают весь спектр возможных направлений анализа. Так, среди причин называются «превосходство русского вооружения» (Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 258), изоляция Кучума от помощи Ногайской Орды и Бухар (Там же, с. 259), внутренние противоречия и внутреннее устройство – «Сибирское ханство представляло собой политическое объединение, состоящее из отдельных полунезависимых княжеств и улусов, которые возглавлялись беками и мурзами» (Там же). При этом многие причины даже не поименованы – например, работа Москвы с местными элитами Сибирского ханства, фактор Строгановых, анализ деятельности Кучума в период с 1584 по 1598 и т.д. Последнее тем более удивительно, поскольку у авторов монографии есть отдельная статья, в которой справедливо отмечено: вряд ли такой деятельный правитель как Кучум 14 лет бездействовал и просто кочевал по степям Западной Сибири (Матвеев, Татауров, 2008, с. 4).

Не назван среди причин фактор демографического перехода, свойственный для постзолотоордынских государств рассматриваемого периода (Нефедов, 2010, с. 14–20). Недостаточно проанализирован миграционный фактор – фактически паническое бегство местного населения перед лицом нерегулярных и регулярных русских войск. Так, представители татарских групп населения мигрируют вплоть до Притомья и Чулыма, а чаты из Барабинской степи в самом начале XVII в. – в Приобье и Притомье (Нефедов, 2010, с. 204). Селькупы проникли на Таз и Турухан, некоторые группы остяков оказались на Енисее (Долгих, 1960, с. 82).

Наконец, недостаточно полной представляется одна из завершающих глав монографии – «Судьбы населения Сибирского ханства...». Один из характерных выводов этой части работы: «Московское государство, будучи земледельческим и стремящимся внедрить земледелие на присоединенной территории, сыграло существенную роль в трансформации хозяйственно-культурного облика сибирских народов» (Тюменское и Сибирское ханства, 2018, с. 310). Фактически, это давно устаревший вывод о цивилизаторской роли русских в Сибири, который мало соотносится к современными подходами к этой теме.

Конечно, социально-политическое развитие местного населения после крушения Сибирского ханства и присоединения Западной Сибири к Русскому государству имело более комплексный и противоречивый характер. Важно отметить несколько ключевых трендов, которые отличали эти процессы. Первое – легализация власти аборигенных правителей через власть московского царя и замена местной элиты на обязанную русской администрации. Это проявляется как в риторике обращений, так и в поименовании самих аборигенных правителей – именно в этот период в их отношении впервые употребляется уничижительное слово «князец», но только в отношении тех, кто не поддерживает власть русских. «Бил нам челом Пегие орды князь Тайбохта Воня сказал: посылан он е был с нашими служивыми людьми на наших изменников на Менлея, да на Чулымских и Кетских князьков, и он де тех изменников князьков под нашу царскую руку привел» (Миллер, 1937, с. 432), – говорится, к примеру, в грамоте царя Василия Шуйского в Сургут в мае 1610 г. На этом фоне проявляется тенденция к выхолащиванию власти аборигенных правителей: независимо от лояльности к русской администрации аборигенные правители постепенно лишаются реальной власти.

Отдельный пласт социально-политических процессов относится к идеологическому оформлению новой власти и работе с местными элитами, в частности идеологическое обоснование прав московского царя на формально сохранившийся сибирский престол. Московский царь фактически объявлялся преемником и единственно легальным правителем, имеющим права на власть в Сибирском ханстве. Ситуация не уникальна – ровно такой же стратегии Москва придерживалась в Казанском ханстве – московский государь объявлялся преемником казанских ханов, о чем подданных извещали специальные грамоты (Миллер, 1937, с. 51). Наконец, отдельное большое направление социально-политической динамики – упрощение и архаизация аборигенных хозяйственных и социально-политических отношений. Уже в первые десятилетия включения Западной Сибири в состав Русского государства наблюдается существенное упрощение локальных хозяйственных отношений. Это связано прежде всего с постепенным доминированием пушного промысла в местной экономике.

Таким образом, монография «Тюменское и Сибирское ханства» – несомненно, важный этап в развитии исторического знания о социально-политическом развитии Западной Сибири. Работу отличает большой объем проанализированного материала и вновь введенных источников. Все это позволяет говорить о монографии как о важном фундаментальном труде, который может стать основой для дальнейших исследований. Вместе с тем, некоторые моменты, связанные с отдельными характеристиками социально-политического развития аборигенного населения, нуждаются в более комплексном подходе и дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алишина Х.Ч. Исторический ономастикон Сибирских татар. Тюмень: «Печатник», 2016. 576 с.
2. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // С.В. Бахрушин. Научные труды: в 4 т. М.: Наука, 1952–1959. Т. 3, ч. 2. С. 86–152.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 620 с.
4. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2002. 272 с.
5. Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
6. Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 137 с.
7. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство в 1584–1598 гг. // Исторический ежегодник. 2008. Выпуск 1. Отечественная история / под ред. А.В. Якуба, Ю.А. Соровина. Омск.: Изд-во ОмГУ, 2008. 88 с.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.
9. Нестеров А.Г. Тюменское ханство: Государство Сибирских Шейбанидов в 15 в. // Уральское востоковедение: Международный альманах. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2007. 200 с.
10. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ: в 2 т. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. Т. 1. С древнейших времен до Великой Смуты. 376 с.
11. Пчелов Е.В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // Российская история. 2010. № 1. С. 3–15.
12. Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994. 210 с.
13. Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 612 с.
14. Трепавлов В.В. «Белый царь» Образ монарха и представления о подданстве у народов России 15–18 вв. СПб.: Издательство Олега Обышко, 2017. 320 с.
15. Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдикова, Р.Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.
16. Шалютин Б.С. О понятии государства в юриспруденции. Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 33–38.
17. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 311 с.

S.A. Chernyshov

**GENERAL COURSE OF THE SIBERIAN STATE:
REVIEW TO THE BOOK “TYUMEN AND SIBERIAN KHANATES”**

This article reviews the monograph “Tyumen and Siberian Khanates”, published in Kazan in 2018. It is concluded that the monograph is an important fundamental work that distinguishes the use of a large number of sources, including newly introduced materials and data of modern archaeological research. The article analyzes in detail the issues raised in the monograph related to certain aspects of the socio-political development of the indigenous population: classification of Siberian statehood and a comparative analysis of the development level of the Tyumen and Siberian Khanates in comparison with neighboring states, analysis of the factors of accession of Western Siberia to the Russian state and the causes of the collapse of the Siberian Khanates. According to the results of the analysis, it is noted that the monograph lacks a methodological study of the phenomenon of early statehood and the “modern state”, a comprehensive factor analysis of the socio-political development of the indigenous population, consistent versions of the causes and course of the collapse of the Siberian Khanate, multi-aspect consideration of the socio-political dynamics of the local population after accession to the Russian state.

Keywords: Siberian Khanate, Tyumen Khanate, early state, socio-political development, Moscow kingdom, statehood.

Сведения об авторе:

Чернышов Сергей Андреевич – старший научный сотрудник Национального исследовательского Томского государственного университета (г.Томск), старший преподаватель Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск); 1502911@mail.ru

Chernyshov Sergey A. – Senior Researcher of the National Research Tomsk State University (Tomsk), Senior Lecturer of the Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk).

УДК 94(57)+94(574)"15-16"

КАК СОЗДАВАЛАСЬ КНИГА «ТЮМЕНСКОЕ И СИБИРСКОЕ ХАНСТВА»: ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА

© 2019 г. Д.Н. Маслюженко

В 2018 году вышла в свет коллективная монография «Тюменское и Сибирское ханства». Она стала первым комплексным исследованием по истории государственности Шибанидов на юге Западной Сибири. В ее создании приняли участие 20 специалистов по истории, археологии и этнографии Западной Сибири. Одной из целей этой работы была попытка на основе междисциплинарного исследования и сравнения данных разных наук построить единую концепцию эволюции постордынской государственности Западной Сибири, хотя это и не удалось сделать во всех случаях. Читатель подобных научных изданий редко узнает о том, как именно они создаются и с какими проблемами сталкиваются научные коллективы. Однако, эти знания являются неотъемлемой частью истории исторической науки.

Ключевые слова: Тюменское ханство, Сибирское ханство, Шибаниды.

Вышедшая в 2018 году коллективная монография «Тюменское и Сибирское ханства» стала первым комплексным исследованием по истории государственности Шибанидов на юге Западной Сибири (Тюменское и Сибирское ханства, 2019). Как правило, читатель редко узнает о том, как именно создаются подобные научные проекты и с какими проблемами они сталкиваются, хотя это и является неотъемлемой частью истории исторической науки.

Сама идея книги была задумана и обсуждена Д.Н. Маслюженко и заведующим отделом средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ И.К. Загидуллиным на международной научной конференции «Социально-политический строй средневековых тюрко-татарских государств» (г. Казань, 16–17 марта 2012 г.). Книги, посвященные Тюменскому и особенно Сибирскому ханствам, за последние чуть более 10 лет выходили несколько раз (Исхаков, 2006; Маслюженко, 2008; Матвеев, Татауров, 2012; Трепавлов, 2012). Суть нового издания была не только в том, чтобы сделать еще одно исследование по ранее малоизученным, в сравнении с иными постордынскими, ханствам, в том числе в их преемственности, сколько в том, чтобы собрать авторский коллектив из историков, археологов и этнологов, которые могли бы показать эти политии с разных точек зрения и в результате попробовать их обобщить. Это было тем более важно, что число традиционных для историков письменных источников по Тюменскому и Сибирскому ханствам довольно невелико. В течении следующего года возможная структура книги обсуждалась с коллегами, среди которых важную роль сыграли В.В. Трепавлов (г. Москва), Д.М. Исхаков (г. Казань) и С.Ф. Татауров (г. Омск).

В ноябре 2013 года на V Международном Болгарском форуме «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)», который проходил в Крыму, было проведено обсуждение всех накопившихся на тот момент идей. К нему присоединился А.В. Беляков (г. Рязань, г. Москва), что позволило расширить хронологические рамки работы, ввести раздел по Кучумовичам и подготовить к публикации архивные источники.

Последовавшие затем неоднократные доработки структуры привели к необходимости проведения 18 апреля 2014 года в рамках II Всероссийской научной конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири» в Кургане круглого стола по обсуждению условно итоговой структуры работы. Таким образом, только подготовка предварительного оглавления заняла почти ровно 2 года.

К этому времени все участники обсуждения прекрасно понимали необходимость подготовки книги, но оставался нерешенным вопрос финансирования. 17 марта 2015 года в рамках IV Международного Золотоордынского форума в Казани прошло обсуждение этого вопроса между Д.Н. Маслюженко, И.К. Загидуллиным и директором Института археологии АН РТ А.Г. Ситдиковым. В результате было принято решение о том, что финансирование подготовки и издания

книги будут осуществлено именно при поддержке последней организации. Спустя две недели после принятого решения все потенциальные авторы получили итоговую структуру работы и конкретные технические задания на подготовку разделов.

Причем получившаяся итоговая структура за время уже трехлетнего обсуждения значительно изменилась. Например, исчезли главы «Улус Шибана и участие Шибанидов в политической истории Золотой Орды», «Повседневная и материальная культура» и «Духовная культура», все этапы развития государственности вместо 4 разделов были объединены в единую политическую историю, убраны разделы «Тактика ведения войн» в главе «Военное дело», «Природно-климатические условия» в главе «Экономическое развитие». В большинстве случаев это было обусловлено либо слабостью источниковой базы, либо выходом за пределы хронологических рамок монографии. К сожалению, уже на стадии написания текстов по непредвиденным причинам не был подготовлен раздел, посвященный Кызыл-туру, третьему по величине городу на юге Западной Сибири в позднее средневековье. К тому же только на его территории были проведены полномасштабные раскопки именно в рамках единого проекта, что потенциально давало интересные, но по большей части так и неопубликованные материалы.

Написание, обсуждение и редактирование самих текстов, в том числе по причине выработки единых правил написания имен и трактовки некоторых событий, заняло у авторов почти год. И вот здесь необходимо отметить важную деталь. Как правило, сама идея монографии подразумевает углубленное изучение одной или нескольких близких тем, при этом в трудно достижимом идеале у авторов, вне зависимости от их числа, должно быть более или менее общее представление о предмете исследования. Можно добиться единого написания имен, но оказалось практически невозможным, хотя такая задача и ставилась, достичь единства в трактовке событий.

Такие расхождения особенно заметны между историческими и археологическими описаниями (например, в том, как трактуется роль и положение Искера в разных разделах). Как ни странно, но эта же проблема была зафиксирована нами совместно с С.Ф. Татауровым и при написании рецензии на монографию А.П. Зыкова, П.А. Косинцева и В.В. Трепавлова «Город Сибирь – Городище Искер (историко-археологическое исследование)» и, видимо, отражает некоторые общие проблемы взаимодействия исторического и археологического знания (Маслюженко, Татауров, 2018, с.644–655). Определенные противоречия возникли и в подходах к проблемам этнической истории, демографии местного населения и особенно этапам формирования различных групп сибирских татар, в том числе и в контексте их вхождения в состав Московского государства. Так и не удалось определиться в вопросах способов определения границ Тюменского и Сибирского ханств, особенно с т.н. «угорскими княжествами». Очевидно, что в дальнейшем для этого можно и необходимо использовать механизмы и концепции, выработанные в политической антропологии, хотя здесь, несомненно, существует проблема механистического переноса этих концепций на специфические сибирские реалии. Некоторые проблемы очевидно требовали более подробного развертывания, например, политика хана Кучума после 1582 года. Хотя следует отметить, что заказчик книги, то есть Институт археологии АН РТ, и в результате принял текст почти на 20% превышавший первоначальные договоренности. Представляется, что эти и другие обнаруженные читателями расхождения должны стать поводом для дальнейшего обсуждения в рамках научных исследований.

В итоговом варианте тексты были сданы в марте-апреле 2016 года, после чего в течении двух месяцев шла состыковка единого списка источников и литературы, а также доработка иллюстративного материала глав (кстати, очевидно, что в идеале и для удобства восприятия они должны быть сделаны не в виде приложения в конце книги, а синхронизироваться с соответствующими местами в тексте). Затем в Казани был сделан предварительный макет книги, а весной 2017 г. Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябина подготовили на его основе указатели имен, этнонимов и племен, географических и политических названий, а также археологических памятников. Кстати, здесь тоже оказалось довольно много своеобразных «ловушек» в правилах написании русских имен в конце XVI – начале XVII вв., тем более что позднее технический редактор книги унифицировал написание и тех имен, которые в исторической, особенно востоковедческой традиции, принято было писать по-другому. Например, узбекский и тюменский хан Абу-л-Хайр стал Абулхайром, как принято в русской традиции писать это имя. Нельзя сказать, что это критично влияет на восприятие текста, но представляется, что нужно либо ставить вопрос о выработке некоего единства в написании имен политических деятелей на постордынском пространстве, либо же жестко следовать текстам источников.

Значительные проблемы оказались и в определении правильных названий некоторых археологических памятников, особенно тех, которые исследовались в дореволюционное или раннее советское время, а также наименований сибирских волостей Московского государства. Последние часто на основании сложившейся историографической традиции рассматриваются как наследники предшествовавшего административного деления Сибирского ханства. Однако, на самом деле точная связь между этими явлениями не всегда ясна и требует новых подходов к исследованию, что также не удалось реализовать, в том числе объяснить различия в статусе местных управленцев (князья, мурзы, сотники). Внутренняя структура Тюменского и Сибирского ханств явно была слабым местом этих государств, но на данный момент она очень плохо поддается реконструкции, которая соответствовала бы всем многообразным источникам. Представляется, что без этого мы во многом не понимаем причины краха «шибанидского проекта» на юге Западной Сибири, то есть территории, которая с точки зрения ресурсов весьма слабо подходила для поддержания каких-либо стабильных политий. Видимо, по этой причине тюменские и сибирские лидеры постоянно пытались выйти за эти географические пределы в Центральную Азию или Поволжье, что либо провоцировало крупные миграции, либо заставляло ханов следовать за «шибанцами».

На протяжении второй половины 2017 года были подготовлены и обсуждены различные варианты макета книги, которая должна была быть издана еще в конце этого же года. К сожалению, произошла непредвиденная задержка, которая привела к тому, что реально монография, в которой запечатлен уровень накопленных специалистами исторических знаний о Тюменском и Сибирском ханствах на 2016 год, была издана только в декабре 2018 года.

Насколько эта задержка оказалась критичной для данного проекта? Следует понимать, что к моменту издания он находился в работе уже 7 год. Причем именно на этот период пришелся рост количества различных научных мероприятий в Кургане, Тобольске, Омске и Тюмени, посвященных многим аспектам сибирской государственности. Это привело к значительному увеличению объемов информации как в области археологии, так и в результате открытия новых документов в РГАДА. Некоторые авторские концепции, вышедшие даже в конце 2016 года (например, предложенная А.В. Беляковым и Д.Н. Маслюженко версия бухарско-сибирско-ногайского союза и пересмотра роли ногаев Алтыулов в событиях 1590-х гг.), оказались за пределами монографии (Беляков, Маслюженко, 2016, с.229–243). Некоторые аспекты исследования шибанидских ханств вообще не вошли в монографию, что, например, коснулось вопросов нумизматики. Однако, уже в 2017 году, в том числе благодаря работам Р.Ю.Ревы (Рева, 2017, с.25–36; Рева и др., 2017, с.198–211), в сфере понимания нумизматики этих ханств, которая ранее была представлена единичными находками, произошли столь значительные изменения, что, несомненно, на год ранее стало бы основой для появления соответствующего раздела. Еще более значительные исследования вышли в 2018 году. Среди них на первом месте, несомненно, стоит совместная книга В.В.Трепавлова и А.В.Белякова «Сибирские царевичи в истории России», которая коренным образом изменила представления о составе сибирской элиты при дворе хана Кучума и его наследников (Трепавлов, Беляков, 2018).

Несмотря на все вышеизложенное представляется, что монография «Тюменское и Сибирское ханства» является важным шагом в изучении этих государств позднего средневековья в Западной Сибири и понимании их места постордынском пространстве. Следует выразить благодарность всем авторам этого коллективного труда, а также А.Г. Ситдикову за финансирование издания. Имеющийся опыт и разработанная при написании концепция с учетом накопившихся изменений могут стать основой для последующих проектов, в том числе по подготовке со временем исправленного и дополненного варианта книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 229–243.
2. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
3. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притобалья в средние века. Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2008. 168 с.
4. Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Рецензия на монографию: Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибир – Городище Искер (историко-археологическое исследование) // *Золотоордынское обозрение*. 2018. Т.6. № 3. 2018. С.644–655.
5. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Фэн АН РТ, 2012. 260 с.
6. Рева Р.Ю. Шибанидские ханы и их монеты // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции*. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С.25–36.
7. Рева Р.Ю., Казаров А.А., Зайончковский Ю.В. Монеты хана Ибрахима // *Труды ГИМ. Вып. LXXXI. Материалы и исследования отдела нумизматики. По материалам международной конференции «Два века мусульманской нумизматики в России. Итоги и перспективы»*. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. С.198–211.
8. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост.лит., 2012. 231 с.
9. Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 496 с.
10. Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдикова, Р.Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.

D.N. Maslyuzhenko

**HOW THE BOOK “TYUMEN AND SIBERIAN KHANATES” WAS CREATED:
NOTES OF THE EDITOR**

In 2018, the collective monograph “Tyumen and Siberian khanates” was published. It was the first comprehensive study on the history of Shibanid statehood in southern Western Siberia. Its creation was attended by 20 specialists in the history, archaeology and ethnography of Western Siberia. One of the goals of this work was an attempt to build a unified concept of the evolution of the post-Horde statehood of Western Siberia on the basis of interdisciplinary research and comparison of data from different sciences, although this was not possible in all cases. The reader of such scientific publications rarely learns about how they are created and what problems are faced by research teams. However, this knowledge is an integral part of the history of historical science.

Keywords: Tyumen khanate, Siberian khanate, Shibanids.

Сведения об авторе:

Маслюженко Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, директор гуманитарного института, Курганский государственный университет (г. Курган); denmas13@yandex.ru

Maslyuzhenko Denis N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan).

УДК 655.552

НОВАЯ КНИГА О КАЗАНСКОЙ ЦАРИЦЕ СЮЮН-БИКЕ

© 2019 г. *Б.Р. Рахимзянов*

В Москве в издательстве «Квадрига», хорошо известном российским исследователям средних веков, вышла книга, посвященная легендарной казанской царице Сююн-бике (в Казани более известной как Сююмбике) (Казанская царица Сююн-бике в истории народов России, 2019).

Автором идеи, составителем и ответственным редактором книги является старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Б.Р. Рахимзянов.

Хотя о Сююн-бике слышал почти каждый казанец, до сих пор не было труда, сумевшего аккумулировать в себе всю имеющуюся в источниках информацию о казанской царице. По воле событий Сююн-бике стала самой знаменитой из казанских цариц. Кем она была? Родившись в знатнейшей семье кочевых Ногаев, она была дочерью будущего правителя Ногайской Орды Юсуфа. Ее судьба стала своеобразным связующим фактором между рядом татарских государств, а именно Казанского и Касимовского ханств, родной ей Ногайской Орды, а также Московской Руси. Сююн-бике являлась фактической правительницей Казанского ханства в один из самых напряженных периодов его истории – перед взятием войсками Ивана Грозного в 1552 году. После падения Казани ее судьба была связана с городом Касимовом, где она провела свои последние годы и, видимо, была похоронена.

В книге представлены материалы, охватывающие политическую и личную биографию царицы, историю татарских государств и Московской Руси XVI века, историографию позднезолотоордынского мира. Деконструируются некоторые мифы, связанные с персоналиями татарской средневековой истории; расставляются исторические акценты, имеющие основу в средневековых текстах, а не только в умах нарратологов. Авторы, известные в своей среде профессиональные историки, рассматривают политическую историю на материале аутентичных источников и с широким привлечением исследовательской литературы.

Личная жизнь этой женщины в «свернутом» виде содержит в себе историю всего татарского средневекового мира, которая была далеко не однозначной. В ней были и интриги, и желание удержать власть любой ценой, и разнообразные коалиции как друг с другом, так и с иноверцами, и любовь, и ненависть, и предательство, и плен, и жизнь вдали от родины. Судьба казанской, а позже касимовской царицы явилась ярким отражением всего вышеперечисленного. Подтверждением этого служат как многочисленные легенды о казанской царице, до сих пор витающие в умах татарского народа, так и архитектурная башня в Казани, названная по имени Сююн-бике.

Больше информации о книге (содержание, аннотация, список авторов, предисловие и др.) можно найти на сайте academia.edu: <https://www.academia.edu/38251607>

Книгу можно купить в интернет магазинах, например на Озон.ру: <https://www.ozon.ru/context/detail/id/149024523/>

ЛИТЕРАТУРА

1. Казанская царица Сююн-бике в истории народов России: Сборник статей / Под общ. ред. Б.Р. Рахимзянова. М.: Квадрига, 2019. 160 с.

Сведения об авторе:

Рахимзянов Булат Раимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань); bulatraim@mail.ru

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

Средневековые тюрко-татарские государства
Medieval Turkic-Tatar States
2019. № 11

Научный журнал

Оригинал-макет – *А.Р. Тухватуллина, Л.М. Зигангареева*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 23.12.2019 г. Дата выхода в свет 29.12.2019 г.

Формат 60×84 1/8 Усл. печ. листов 24,0 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

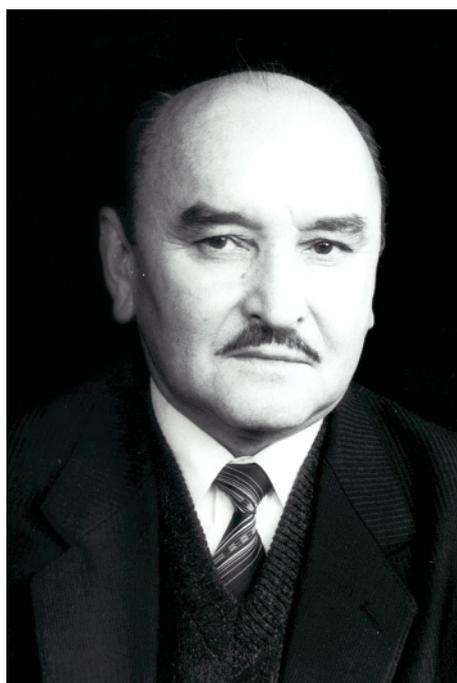
420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

К разделу «ПАМЯТЬ»

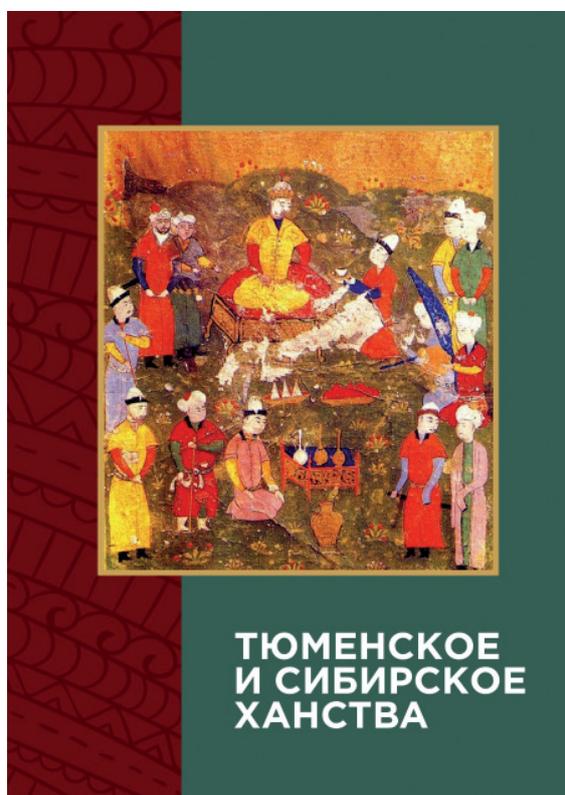

М.А. Усманов. 1993 г.

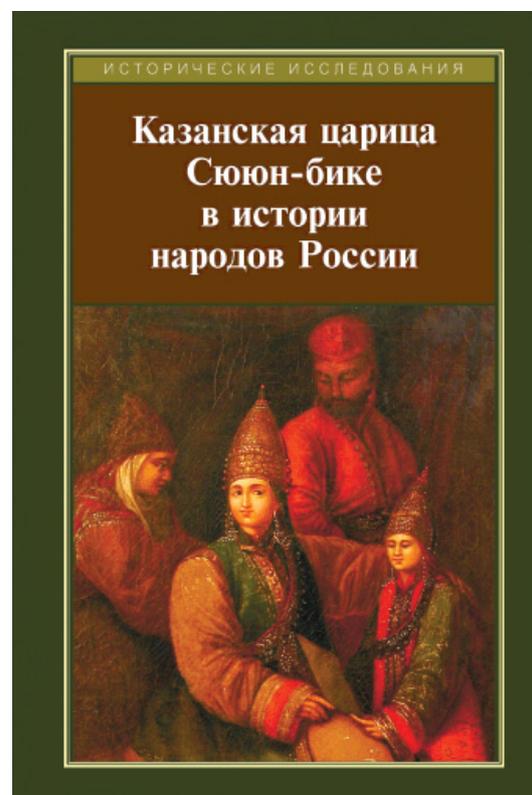

А.Х. Халиков. 1979 г.

К разделу «НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ»

Тюменское и Сибирское ханства
/ Под ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдикова,
Р.Р. Хайрутдинова. Казань:
Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.

Казанская царица Сююн-бике в истории
народов России: Сборник статей
/ Под общ. ред. Б.Р. Рахимзянова.
М.: Квадрига, 2019. 160 с.

К разделу «ПАМЯТЬ»

В Академии наук РТ. Слева направо: Ф.Г. Хамидуллин, Ш.М. Чабдаров, М.А. Усманов, А.А. Арсланова, А.Ш. Зыятдинов. Казань, 8 февраля 2010 г. (Из личного архива А.А. Арслановой)

Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание.
Слева направо: Рамзия Гиниятовна Мухамедова (этнограф, Казань),
Михаил Романович Полесских (археолог, Пенза, обл. краевед. музей),
Клавдия Романовна Козлова (этнограф, Москва, МГУ), Альфред Хасанович Халиков (Казань),
Татьяна Александровна Крюкова (этнограф, Ленинград, Русский этнограф. музей),
Петр Николаевич Старостин (Казань), Геннадий Андреевич Архипов (археолог, Йошкар-Ола,
МарНИИ), Владимир Антонович Оборин (археолог, Пермь, Пермский гос. ун-т),
Шитова Светлана Николаевна (этнограф, Уфа, ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР).
Казань, декабрь 1974 г. (Из Научного фонда Музея археологии РТ
Института археологии им. А.Х.Халикова АН РТ)